

RUSSIAN HISTORY
IN TERMS OF WORLD HISTORY

RUSSIAN
STUDIES
HU

2023/1

EDITED BY GYULA SZVÁK
COEDITOR: ANDREI MEDUSHEVSKY

RussianStudiesHu

Editor-in-chief / Главный редактор / Főszerkesztő: Szvák Gyula, DSc

Deputy Editor-in-chief / Заместитель главново редактора /
Főszerkesztő-helyettes: Sashalmi Endre, DSc

Executive Editor / Ведущий редактор / Vezetőszerkesztő: Bagi Dániel, DSc

Members / Члены редакции / Tagok: Vladimir Boldin, PhD
Farkas Ádám, PhD
György László

Publisher / Издатель / Kiadó
Alapítvány az Orosz Nyelvért és Kultúráért

Published by / Ответственный издатель / Felelős kiadó
Az Alapítvány az Orosz Nyelvért és Kultúráért elnöke
1088 Budapest, Múzeum krt. 6–8.

Contact / Контакты / Kapcsolat
centre@russianstudies.hu
Website: <https://www.russianstudies.hu>

ISSN 2677-1640 RussianStudiesHu (print)
ISSN 2677-0660 <https://www.russianstudies.hu> (online)

© Alapítvány az Orosz Nyelvért és Kultúráért, 2023
All rights reserved

Editorial Board

Member of RAS Veniamin Alekseev (Yekaterinburg) • Professor Evgenii Anisimov (Saint Petersburg)
Professor Dániel Bagi (Budapest) • Professor Emeritus Chester S. L. Dunning (College Station,
Texas A & M University) • Professor Márta Font (Pécs) • Paul Mellon Distinguished Professor
Wendy Z. Goldman (Pittsburgh) • Corresponding Member of RAS Andrei Golovnev (Saint Petersburg)
Professor Hieronim Grala (Warsaw) • Professor Claudio S. Ingerflom (Buenos Aires)
Head of the editorial board, Professor Emeritus Tamás Krausz (Budapest)
Professor Andrei Medushevsky (Moscow) • Professor Emeritus Peter Pastor (New Jersey)
Jay Richard Judson Distinguished Professor Donald J. Raleigh (Chapel Hill) • Professor Dmitrii Redin
(Yekaterinburg) • Corresponding Member of RAS Lorina Repina (Moscow) • Professor Richard Sakwa
(Canterbury) • Professor Endre Sashalmi (Pécs) • Professor Ludwig Steindorff (Kiel)
Professor Emeritus Léna Szilárd (Sassari) • Professor Emeritus Gyula Szvák (Budapest)
Professor Igor Tyumentsev (Volgograd) • Professor Andrei Yurganov (Moscow)

Редакционная коллегия

Академик РАН Вениамин Васильевич Алексеев (Екатеринбург) • Профессор Евгений Викторович
Анисимов (Санкт-Петербург) • Профессор Даниел Баги (Будапешт) • Заслуженный профессор
Венди З. Голдман (Питтсбург) • Член-корреспондент РАН Андрей Владимирович Головнёв
(Санкт-Петербург) • Профессор Иероним Граля (Варшава) • Профессор-эмерит Честер С. Л. Даннинг
(Колледж-Стейшен, Техасский университет А&М) • Профессор Клаудио С. Ингерфлом (Буэнос Айрес)
Председатель редколлегии, профессор-эмерит Тамаш Краус (Будапешт)
Профессор Андрей Николаевич Медушевский (Москва) • Профессор-эмерит Петер Пастор
(Нью-Джерси) • Заслуженный профессор Дональд Дж. Рейли (Чапел Хилл)
Профессор Дмитрий Алексеевич Редин (Екатеринбург) • Член-корреспондент РАН
Лорина Петровна Репина (Москва) • Профессор Ричард Саква (Кентербери)
Профессор-эмерит Дюла Свак (Будапешт) • Профессор-эмерит Лена Силард (Сассари)
Профессор Игорь Олегович Тюменцев (Волгоград) • Профессор Марта Фонт (Печ)
Профессор Эндре Шашалми (Печ) • Профессор Людвиг Штайндорфф (Кил)
Профессор Андрей Львович Юрганов (Москва)

Szerkesztőbizottság

Veniamin Alekszejev akadémikus (Jekatyerinburg) • Jevgenyij Anyiszimov professzor (Szentpétervár)
Bagi Dániel professzor (Budapest) • Chester S. L. Dunning professor emeritus (College Station,
Texas A & M University) • Font Márta professzor (Pécs) • Wendy Z. Goldman “Paul Mellon” Professzor
(Pittsburgh) • Andrej Golovnyov OTA levelező tag (Szentpétervár) • Hieronim Grala professzor (Varsó)
Claudio S. Ingerflom professzor (Buenos Aires) • Andrej Jurganov professzor (Moszkva)
Krausz Tamás professor emeritus, elnök (Budapest) • Andrej Medusevskij professzor (Moszkva)
Peter Pastor professor emeritus (New Jersey) • Donald J. Raleigh “Jay Judson” professzor
(Chapel Hill) • Dmitrij Regyin professzor (Jekatyerinburg) • Lorina Repina OTA levelező tag (Moszkva)
Richard Sakwa professzor (Canterbury) • Sashalmi Endre professzor (Pécs) •
Ludwig Steindorff professzor (Kiel) • Szilárd Léna professor emeritus (Sassari)
Szvák Gyula professor emeritus (Budapest) • Igor Tyumencev professzor (Volgográd)

Contents / Содержание / Tartalom

RUSSIAN HISTORY IN TERMS OF WORLD HISTORY /
ИСТОРИЯ РОССИИ ВО ВСЕМИРНОМ ИЗМЕРЕНИИ /
OROSZORSZÁG TÖRTÉNETE VILÁGTÖRTÉNETI MÉRCÉVEL

- 11 Andrei N. Medushevsky**
Советский проект социального конструирования:
переосмысление опыта в сравнительной перспективе
The Soviet Project of Social Constructivism:
A Rethinking of Historical Experience
- 43 Tamás Krausz**
Основные черты смены общественного строя
как передела собственности
The Basic Features of System Change as the Redistribution
of Ownership
- 69 Valentina B. Zhiromskaya**
Миграционный кризис конца XX — начала XXI века:
демографический аспект
The Migration Crisis of the Late 20th — Early 21st Century:
The Demographic Aspect
- 95 Irina V. Sabennikova**
Диаспоры русской эмиграции: типология и правовое положение
Diasporas of Russian Emigration: Typology and Legal Status
- 113 Igor B. Orlov**
«Песню дружбы запеваает молодежь»: успехи и неудачи советской
международной молодежной политики (1957–1985)
“Youth Sings the Song of Friendship”: The Successes and Failures
of Soviet International Youth Policy (1957–1985)
- 133 Anastasiia S. Tumanova**
Добровольные ассоциации имперской России и формирование
публичной сферы в Западной Европе
Voluntary Associations in Imperial Russia and the Formation
of the Public Sphere in Western Europe

ESSAYS / СТАТЬИ / СІККЕК

- 161 Ricarda Vulpius**
The Russian Empire's Eighteenth Century in Recent Historiography of the German-Speaking Countries (2000–2022)
- 189 Yanhong Jiang, Zonghua Zhang, Ni Wen**
Русские дворяне-эмигранты на Северо-Западе Китая (САР Синьцзян и провинция Ганьсу) после Октябрьской революции)
Russian Noble Emigrants in the North-West of China (Xinjiang SAR and Gansu Province) After the October Revolution

REVIEW ARTICLES / ОБЗОРЫ / SZEMLE

- 217 Katalin Schrek**
A New Approach to Ukrainian History (Review)
- 225 László György**
The Ideas of the Ruling Class (Review)

OPUSCULA PRIMA

- 239 Anna Lúcia Nagy**
Betelepülés vagy betelepítés? Az orosz lakosság kérdése a Szovjetunió balti köztársaságaiban 1945 és 1991 között
Spontaneous Immigration or Government-Directed Settlement?
The Question of the Russian Population in the Baltic Republics of the Soviet Union between 1945 and 1991

GUEST PAGE / ГОСТЕВАЯ СТРАНИЦА / VENDÉGVÁRAT

- 259 Ivan Marino**
«Шахрайская» Конституция 1993 года:
особенности реализации и толкования
The “Shakhrai” Constitution of 1993:
Features of Implementation and Interpretation

Lectori Salutem!

RussianStudiesHu is an open-access online academic periodical covering historical Russian Studies. It uses double-blind peer review and, since 2021, has published two issues a year, with online content being continually expanded throughout the year. Besides being accessible on the periodical's own website, issues are freely accessible at the Eötvös Loránd University of Sciences' repository (<https://edit.elte.hu>), the Electronic Periodicals Archive & Database of the Hungarian Electronic Library (<https://epa.oszk.hu>) as well as in many other major international databases. The periodical materials are also made available in printed format by the Publisher.

Manuscripts are accepted in English and Russian, and in rare, exceptional cases, in Hungarian, on condition that the article has not been published elsewhere in any language. *RussianStudiesHu* welcomes authors who can provide an academic treatment of any issue related to Eastern Slavic, Russian or Soviet history (including their Hungarian and Eastern European aspects), either as a historian or by means of a related discipline, provided they accept the periodical's Rules of Publication.

Our "Guest Column" is a space for scholars of Russian Studies in the widest possible meaning of the term, while our "Opuscula Prima" column offers a publication opportunity to the winners of the Hungarian national "Russian Studies Thesis of the Year" competition.

RussianStudiesHu does not give preferential treatment to any 'genre,' method or trend in historiography. However, the direction of the periodical's endeavors is clearly demonstrated by its "Historiographies of Russia's History (2000–2020)" series launched in 2021, a series that spanned several issues. The material in the themed section of the current issue focuses on Russian history in terms of world history.

The russianstudies.hu webpage, which provides the web platform for *RussianStudiesHu*, was established in the autumn of 2019 by members of the body that succeeded Eötvös Loránd University's Centre for Russian Studies. ELTE's History Institute provides the periodical with a professional-institutional base. Exceptional scholars from the world of international historical Russian studies have collaborated in the work of *RussianStudiesHu*, thereby enabling the journal to move beyond the limits not only of a specific university workshop but also of Russian studies in Hungary, and to serve the cause of universal knowledge. As one author has put it, "this forum serves as a meeting place of various historiographies," and a mediator between Western and Eastern Russian Studies.

RussianStudiesHu is an independent, apolitical journal that aims always to be governed by strictly academic criteria. It must, however, along with the discipline as a whole, react to the brutal changes in the world that started early in 2022. Society expects to be given a valid explanation of the peculiar development of Russian history, and we, as a part of international Russian studies, are attempting to fulfill this 'order from society' to the best of our knowledge and expertise.

The creators of the russianstudies.hu research website, and the online periodical *RussianStudiesHu* extend a warm welcome to their readers!

Lectori Salutem!

Онлайн-издание *RussianStudiesHu* – это проходящая двойное слепое рецензирование (peer reviewed) научная онлайн-периодика по исторической русистике, которая кроме своего веб-сайта, находится в свободном доступе в репозитории Университета им. Лоранда Этвёша (<https://edit.elte.hu>), и в архиве и базе данных электронных периодических изданий Венгерской электронной библиотеки (<https://era.oszk.hu>), а также в ряде крупных международных баз данных. Материалы издания также публикуются Издательством в печатной форме.

Публикации принимаются на английском, русском и, в редких исключениях, на венгерском языках. К публикации в журнале принимаются научные статьи, содержащие новые, ранее не публиковавшиеся результаты научных и практических исследований, соответствующие профилю журнала.

Мы приглашаем к участию всех исследователей, работающих над любыми вопросами восточнославянской, русской и советской истории (включая венгерские и восточноевропейские аспекты) в научно-методологических рамках исторической науки или её вспомогательных дисциплин, принимающих наши правила публикации. В нашем «Гостевом разделе» мы предоставляем место и представителям «*Russian Studies*» в широком понимании этого термина, а раздел «*Opuscula Prima*» для лауреатов Всевенгерского университетского конкурса «Лучшая курсовая работа года».

Издание *RussianStudiesHu* не отдаёт предпочтение ни одному из исторических «жанров», методов или направлений, несмотря на то, что научные интересы его основателей сосредоточены прежде всего на историографии. Однако направление его устремлений наглядно демонстрируют работы из серии «Историографии российской истории (2000–2020)». Тематический отдел настоящего выпуска посвящен истории России с точки зрения всемирного измерения.

Интернет-ресурс russianstudies.hu, обеспечивающий web-площадку и профессиональную базу для *RussianStudiesHu*, был создан осенью 2019 г. членами Центра русистики Университета Этвёша Лоранда. Профессионально-институциональную базу обеспечивает Институт истории при Университете ELTE.

К деятельности издания *RussianStudiesHu* присоединились выдающиеся представители международной исторической русистики, таким образом, оно вышло за рамки не только конкретного университетского научного центра, но и отечественной русистики в целом, и встало на службу мировой науке. Словами одного из авторов, этот «forum is a meeting place of various historiographies», то есть посредник между западной и восточной русистикой.

RussianStudiesHu – независимый от политики журнал со строгими научными правилами. Однако ему – как и самой его дисциплине – неизбежно реагировать на brutальные изменения, начавшиеся в мире в начале 2022 года. Общество требует от нас раскрытия особенностей исторического развития России, и этот «социальный заказ» мы, как часть международной русистики, стремимся выполнять в меру наших лучших знаний и опыта.

Интернет-издание russianstudies.hu и онлайн журнал *RussianStudiesHu* приветствует своих читателей!

Дюла Свак – Главный редактор

LECTORI SALUTEM!

A *RussianStudiesHu* 2021-től kezdődően évi két számmal megjelenő, az év folyamán állandóan bővülő nyílt hozzáférésű double blind peer review történeti ruszisztikai tudományos folyóirat, amely a saját honlapján kívül az Eötvös Loránd Tudományegyetem repozitóriumában (<https://edit.elte.hu>), az Elektronikus Periodika Archivum és Adatbázisban (<https://epa.oszk.hu>) és még számos nagy nemzetközi adatbázisban is szabadon hozzáférhető. A folyóirat anyagait a Kiadó nyomtatott verzióban is publikálja.

Publikációkat angol, orosz vagy, ritka kivételként, magyar nyelven fogadunk, feltétel az első megjelenés. Minden szerzőt szívesen látunk, aki a keleti szláv, az oroszországi és a szovjet történelem bármely problémájának (beleértve a magyar és kelet-európai vonatkozásokat) történettudományos vagy más rokondiszciplína általi feldolgozását adja, és elfogadja a publikálási szabályainkat. „Vendég-rovatunk” teret biztosít a tág értelemben vett „Russian Studies” képviselői számára is, az Opuscula Prima rovat pedig az „Év Oroszdogzata” országos egyetemi verseny nyerteseinek.

A *RussianStudiesHu* nem részesít előnyben semmilyen történetírói „műfajt”, módszert vagy irányzatot. Törekvéseinek irányát mindazonáltal a 2021-ben útjára bocsájtott, több számon átívelő „Az oroszországi történelem historiográfiai (2000–2020)” című sorozat jól demonstrálja. A mostani szám tematikus része Oroszország történetét vizsgálja világtörténeti mércével.

A *RussianStudiesHu*-nak webfelületet biztosító russianstudies.hu oldalt az Eötvös Loránd Tudományegyetem Ruszisztikai Központ utódszervezetének tagjai alapították 2019 őszén, a szakmai-intézményi bázist az ELTE Történeti Intézete biztosítja.

A *RussianStudiesHu* munkájához a nemzetközi történeti ruszisztika kiemelkedő képviselői csatlakoztak, s ezzel kilépett nem csupán egy konkrét egyetemi műhely, de a magyar ruszisztika keretei közül is, és az egyetemes tudomány szolgálatába állt. Ahogy egyik szerzője fogalmazott, ez egy „meeting place of various historiographies”, egy mediátor a nyugati és keleti ruszisztika között.

A *RussianStudiesHu* szigorúan tudományos szempontokat szem előtt tartó, független, politikamentes folyóirat. A világban 2022 elején kezdődő brutális változásokra, azonban – amiképpen egész diszciplínájának – reagálnia kell. A körülöttünk lévő társadalom elvárja, hogy az orosz történelmi fejlődés sajátosságaira érvényes magyarázatokat kapjon, s ezt a „társadalmi megrendelést” mi, a nemzetközi ruszisztika részeiként, legjobb tudásunk és szakértelmünk szerint törekszünk teljesíteni.

A russianstudies.hu ruszisztikai műhelyoldal és a *RussianStudiesHu* online periodika üdvözli Olvasóit!

Szvák Gyula – főszerkesztő

Russian History
in Terms of World History

История России
во всемирном измерении

Oroszország története
világtörténeti mércével

А. Н. МЕДУШЕВСКИЙ

**СОВЕТСКИЙ ПРОЕКТ СОЦИАЛЬНОГО
КОНСТРУИРОВАНИЯ: ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ОПЫТА
В СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ¹**

**THE SOVIET PROJECT OF SOCIAL CONSTRUCTIVISM:
A RETHINKING OF HISTORICAL EXPERIENCE**

This article discusses the meaning, formation and evolution of the Soviet Project – the concept and practice of social reorganization in Russia inspired by Marxist philosophical ideas and fulfilled during the period from the Bolshevik Revolution of 1917 until the collapse of the Soviet regime in 1991. On the basis of the cognitive theory approach in historical studies, the author examines the fundamental factors of cognitive adaptation from a *longue durée* perspective – the role of Communist myth in the formation of the Soviet state, the ideological and legal foundations of one-party dictatorship and the role of institutional continuity in the formation of the current political system. He presents the place of the permanent “building blocks” (ideology, nominal constitutionalism, and stable patterns of functioning) as well as the place of the changing parameters of the Project (Soviet, federative and class-oriented regulation) regarding their formal and informal influence on the political regime’s legitimacy and cumulative impact on the system’s transformation and failure. This enables a general evaluation of the Soviet project of social constructivism in comparative perspective and its influence on post-Soviet ideological priorities, the political system and prospects for its modernization.

Keywords: Soviet Project, cognitive history, constructivism, Communism, the Soviet state, federalism, one-party dictatorship, nominal constitutionalism, Perestroika, Post-Soviet transformation, revolution’s legacy, constitutional authoritarianism, social and political modernization

Andrei N. Medushevsky – DSc in Philosophy, tenured professor at the National Research University Higher School of Economics. E-mail: amedushevsky@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4314-662X>

1 Citation: A. N. MEDUSHEVSKY, “Sovetskii proekt sotsial’nogo konstruirovaniia: pereosmyslenie opyta v sravnitel’noi perspektive” [Soviet Project of Social Constructivism: The Rethinking of Historical Experience], *RussianStudiesHu* 5, no. 1 (2023): 11–42. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2023.5.1

Историческая динамика новой и новейшей истории определяется конкуренцией больших мессианских проектов, предложенных так называемыми «великими революциями» и созданными ими государствами, в основе которых обязательно лежат системообразующие мифы (положения, принимаемые на веру), картина мира которых претендовала на абсолютное, безапелляционное и всемирное значение, а социальная практика соответствующих политических режимов состояла в ее распространении и даже насильственном навязывании всему человечеству. С позиций теории и методологии когнитивной истории² целесообразно специальное научное исследование этих проектов конструирования – выяснение их смысла для современников, отраженного в фиксированных программных документах, правовых актах и проектах социального переустройства, их сравнительный анализ, выяснение их содержательного наполнения, вариативности рецептов решения общих проблем человечества, технологий и мотивации социальной инженерии, а в конечном счете обсуждение критериев позитивного и негативного вклада во всемирной истории.

Советский Проект, реализация которого была начата в ходе большевистской революции 1917 г. и формально завершена с крушением СССР в 1991 г., – вполне соответствует общим критериям определения доминирующего проекта социального конструирования определенной эпохи, которые были выработаны при изучении других великих революций – в историографии американской, французской, китайской, мексиканской и иранской революций к их значимым юбилеям³. Он характеризуется четким системообразующим мифом, включает программу создания общества и человека нового типа, подчинен единой логике реализации, а его политическое значение выходит за хронологические рамки фактического существования. Данный проект стал методом системного изучения к столетнему юбилею русской революции

2 О. М. Медушевская, *Теория и методология когнитивной истории*, в *Собрание сочинений в 4 томах*, Т. 1. *Философия истории и теория исторического познания* (М.: Direct-Media, 2017), 65–418.

3 *The Revolution, the Constitution, and America's Third Century* Vols. 1–2: The Bicentennial Conference on the United States Constitution, April 5–8, 1976. (The American Academy of Political and Social Science, University of Pennsylvania Press, 1976); *Dictionnaire Critique de la Révolution Française*. Sous la direction de François Furet et Mona Ozouf (Paris, Flammarion, 1992); ALAN KNIGHT, *The Mexican Revolution* (Cambridge: Cambridge University Press, 1987).

в 2017 г.⁴, завершившись реконструкцией идеологических, конституционных и институциональных параметров осуществления⁵.

В постсоветской России значение этих исследований определяется, как минимум, тремя обстоятельствами – юридическим признанием правопреемственности России в отношении СССР как в международном, так и национальном праве; сохранением элементов советской легитимности в массовом сознании (доходящим до требований возвращения к ее истокам); расколом современного российского общества в отношении к советскому проекту и его атрибутам (по данным социологов, имеет место деление общества практически пополам – на противников и сторонников советской модели, причем констатируется рост интереса молодежи к ней)⁶, влиянием данного проекта на конструирование постсоветской политической системы.

МЕСТО СОВЕТСКОГО ПРОЕКТА ВО ВСЕМИРНОЙ И РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

В основу мессианских проектов глобального социального конструирования нового и новейшего времени могут быть положены различные и даже диаметрально противоположные ценности – религиозные (пуританская революция XVII в. в Англии или исламская революция в Иране 1979 г.), принципы рационализма эпохи Просвещения (Французская и Американская революции), новая идеологическая трактовка принципов социального равенства (Русская, Мексиканская и Китайская революции), идеи расового господства (фашистские движения в Европе XX в.), националистические идеи (революции в постколониальных странах) или, наконец, неолиберальные ценности (антикоммунистические конституционные революции в Европе конца XX в.), своеобразным отголоском которых стали так называемые «цветные революции»

4 *Революционная мысль в России XIX — начала XX века* (М.: РОССПЭН, 2013); *Культура и власть в СССР 1920-1950-е годы. Материалы международной научной конференции в Спб. 24–26 октября 2016 г.* (М.: РОССПЭН, 2017); *Уроки Октября и практики советской системы 1920–1950-е годы. Материалы X международной научной конференции 5–7 декабря 2017 г.* (М.: РОССПЭН, 2018).

5 А. Н. Медушевский, *Политическая история русской революции: нормы, институты, формы социальной мобилизации в XX веке* (М.-Спб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017).

6 Л. Гудков, «1917 год в структуре легитимности российской власти», *Неприкосновенный запас*, no. 116 (2017): 154–172.

на постсоветском пространстве в Европе, Азии, Африке и Латинской Америке.

В целом, при всем различии идеологических оснований (включая появление идеологических гибридов), все эти революции имеют нечто общее – они выдвигают определенный проект, играющий доминирующую роль в процессе социального конструирования, а его внутренняя логика (более или менее жесткая) определяет рамки конструирования, процессы информационного обмена, систему коммуникаций, параметры идеологического и правового регулирования (нормы и санкции за их нарушение), формулировку конечных целей и задач (а во многом даже параметры их трансформации по ходу реализации проекта)⁷. Именно советский эксперимент социальной инженерии стал отправной точкой формирования специального научного направления XX в. – социологии революций⁸.

Место Советского проекта в социальной и политической истории России XX в. является центральным, связывая имперский и постсоветский периоды истории страны. Схематично, ход и результаты развития российской политической системы XX века укладываются в логику смены трех республик⁹.

Первая республика, существовавшая лишь девять месяцев (с февраля по октябрь 1917 г.), выдвинула формулу республиканского устройства (в виде парламентской или смешанной президентско-парламентской республики), близкую идеалам социал-либерализма ряда стран Европы того же периода (основными ориентирами разработчиков

-
- 7 CRANE BRINTON, *The Anatomy of Revolution* (New York: Vintage, 1965); THEDA SKOCPOOL, *States and Social Revolutions. A Comparative Analysis of France, Russia and China* (Cambridge: Cambridge University Press, 1980); François FURET, *La Révolution Française* (Paris: Hachette, 1988), Vol. 1–2; MICHAEL S. KIMMEL, *Revolution. A sociological Interpretation* (London: Temple University Press, 1990); JAROSLAV KREJCI, *Great Revolutions Compared. The Outline of Theory* (London: Harvester Wheatsheaf, 1994); ENRIQUE KRAUZE, *Biografía del Poder. Caudillos de la Revolución Mexicana (1910–1940)* (Mexico: Tusquets, 2009); Э. Х. КАРП, *Русская революция от Ленина до Сталина 1917–1929* (М.: Интер-Версо, 1990).
- 8 PITIRIM A. SOROKIN, *The Sociology of Revolution* (London, 1924); А. М. ОНУ, *Социологическая природа революций*, в *Сборник статей, посвященных Павлу Николаевичу Милюкову, 1859–1929* (Прага: Орбис, 1929); А. БОГДАНОВ, *Всеобщая организационная наука* (Тектология) (М.-Л.: Книга, 1925); Н. УСТРЯЛОВ, *Под знаком революции* (Харбин, 1927); Л. КРИЦМАН, *Героический период великой русской революции (опыт анализа военного коммунизма)* (М.-Л.: Госиздат, 1926).
- 9 *Res Publica. Русский республиканизм от Средневековья до конца XX века*. Под ред. К. А. Соловьева (М.: НЛО, 2021).

проектов Учредительного собрания стали Третья республика во Франции и проекты Веймарской республики в Германии)¹⁰.

Вторая республика, определившая себя как Республику Советов (1917–1991) – положила в основу своего конструирования коммунистический или радикально-социалистический проект, длительное время обсуждавшийся в левом европейском социал-демократическом движении, – провозгласила торжество новой формы советской демократии, но закончила установлением одного из самых жестких деспотических режимов однопартийной диктатуры в истории и прекратила свое существование в условиях хаоса, вызванного распадом СССР.

Третья республика (начало которой положено Декларацией о государственном суверенитете России 12 июня 1990 г. и принятием Конституции 1993 г.), полностью отвергла советский эксперимент, восстановив тем самым преемственность с традициями первой республики – выдвинула либеральную идеологическую основу республиканского строя, опираясь в его конструировании на идеи международного права и принципы неоллиберализма, закрепив дуалистическую форму правления (образцом которой выступила Пятая Французская республика), но со сверхпредставленными прерогативами главы государства как гаранта необратимости демократических изменений¹¹.

Смена трех моделей республиканского устройства происходила не эволюционным, но революционным путем, исключая идеологическую или юридическую преемственность соответствующих режимов и их легитимирующей формулы. Однако общей основой этих поисков адекватной российской республиканской модели является попытка согласовать три ключевых принципа – верховенства права (что было лейтмотивом Первой республики), социального федеративного государства как преддверия коммунистического строя (что объявлялось главной целью Второй республики) и либеральной демократии (что определило легитимность перехода к Третьей республике). Данная модель республиканского устройства, однако, не создала прочную основу постсоветского социального консенсуса и продолжает оспариваться как левыми, так и правыми оппонентами политического режима, выступающими за ее пересмотр с позиций социально-либерального республиканизма, либо, напротив, возвращения вспять к имперско-

10 *Либералы и революция. Девятые «Муромцевские чтения»*. Под ред. Д. В. Аронова (Орел: Издательский дом «Орлик», 2017), 12–33.

11 *Эпоха Ельцина. Очерки политической истории* (М.: Ельцин-Центр, 2011).

советской традиции. В перспективе это не исключает движения к созданию четвертой республики, контуры которой, возможно, уже обрисованы конституционной реформой 2020 г.

ПРИРОДА СОВЕТСКОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО МИФА

Реконструкция мифа всякой революции позволяет понять систему основополагающих представлений (символов), основанных на вере, но не на знании. Важная специфика советского мифа выражена понятием «светская теократия»¹². Советский миф воплощает противоречивую комбинацию метафизических и реалистических представлений – с одной стороны, целиком основан на вере (утопический идеал коммунизма в марксистско-ленинской версии)¹³, с другой, сам этот идеал отстаивает право на существование в силу своей научности – полного соответствия так называемым «законам истории», действие которых непреложно и неизбежно ведет к провозглашенному результату, представляя собой вариант самореализующегося прогноза¹⁴. Это противоречие советского основополагающего мифа (в отличие от монистических теократических и рационалистических конструкций) – делает его внутренне неустойчивым. Таким образом советский миф – попытка квазирелигиозного обоснования масштабной стратегии социального конструирования, реальный смысл которого состоял в осуществлении модернизации традиционного общества в идеологизированных формах. Содержание мифа определялось постулатами утопической коммунистической идеологии – марксизма-ленинизма, отстаивавшего свой научный характер по сравнению с предшествующими версиями социалистического учения; его структура – вполне логична (во многом соответствует структуре религиозного мифа), а функция – вполне реальна – поддержание легитимности идеократии т.е. однопартийной диктатуры в интересах направленного социального конструирования – насильственной неправовой модернизации, не считающейся с социальными издержками.

12 Понятие «светской теократии» для характеристики политической системы СССР неоднократно использовал лидер Перестройки: М. С. ГОРБАЧЕВ, *Жизнь и реформы* (М.: Новости, 1995), Т.1.

13 Насчитывается до 40 разновидностей марксизма: LESZEK KOLAKOWSKI, *Hauptstammungen des Marxismus. Entstehung. Entwicklung. Zerfall* (München: Piper, 1981), Bd. 1–3.

14 А. Н. МЕДУШЕВСКИЙ, «Миф русской революции: структура, эволюция и вклад в социальную трансформацию XX–XXI века», в *Россия 1917–2017: Европейская модернизация или особый путь?*, Под ред. А. П. Заостровцева (СПб: Леонтьевский центр, 2017), 156–175.

На основе и в когнитивных рамках данного мифа обществу была предложена новая версия общественного договора. Декларативные принципы Советского Проекта преобразований внешне соответствуют тем, которые фиксируются теорией рационального выбора. Данный выбор формально опирался на всю полноту доступной обществу информации («научная» теория); включал неписаный (но подразумеваемый) «договор» между обществом и властью (коммунистической партией); фиксировал права и обязанности сторон на определенный период времени (от установления диктатуры до построения коммунизма); определял этапы движения по этому пути (стадии построения социализма и коммунизма); предоставлял гарантии реализации фундаментальных целей проекта и способы возможной тактической корректировки движения к нему; вводил систему обратных связей между обществом и элитой («всенародные обсуждения»); предполагал определенные ограничения прав во имя достижения цели (включая идеологически мотивированные репрессии); закреплял образцы приемлемого и неприемлемого (преступного) поведения (подвергавшегося остракизму), наконец, делегировал властные полномочия по достижению цели государству, т.е. правящей партии и ее лидеру, способных проявлять феноменальную инструментальную эффективность в достижении поставленных целей¹⁵.

На практике этот выбор оказался совершенно иррационален, поскольку основывался на утопической картине мира, включал ложные когнитивные ориентиры, не содержал механизмов их промежуточной корректировки и вообще не мог в аутентичной форме быть реализован на практике¹⁶. Впрочем, для сторонников Советского проекта он и сегодня выступает как особый тип рациональности – «цивилизационный выбор» страны, основанный на осознанном отказе от западного парламентаризма и возвращении к «самобытным» традициям российской исторической государственности¹⁷. Ключевыми особенностями советского общественного договора (в отличие от его версий в либеральных демократиях) могут быть названы: во-первых, признание окончательности исторического выбора общества в пользу коммунизма (исключавшее саму возможность обсуждения основополагающего мифа или его альтернативных интерпретаций); во-вторых, невозможность пересмотра договора как действующими, так и будущими

15 См. напр.: М. Левин, *Советский век* (М.: Европа, 2008), 243.

16 М. Геллер, А. Некрич, *Утопия у власти* (London: Overseas Publications Interchange, 1982).

17 С. КАРА-МУРЗА, *Советская цивилизация* (М.: Алгоритм, 2001), Т. 1.

поколениями (которым, фактически, навязывался выбор первого революционного поколения); в-третьих, отсутствие демократических механизмов корректировки положений договора в связи с изменением обстоятельств или интересов сторон (эта функция делегировалась от всего общества его передовому классу, а последним – руководству партии, которая выступала единственным легитимным авторитетом толкования идеологических положений договора).

Механизм эрозии большевистского проекта социального конструирования определяется психологическим законом соотношения приближения к «положительной» и «избегания» отрицательной цели: стремление избежать отрицательной цели (восстановление капитализма) усиливается более быстрыми темпами, чем стремление достичь заявленной положительной цели (коммунизма) по мере приближения к ней. Следствием становится включение компенсаторного механизма постепенной подмены целей и средств их осуществления, определяемое понятием «когнитивное смещение». Когнитивная особенность большевизма как светского социального движения (в отличие от религиозного экстремизма) состояла в его неспособности к гибкому разрешению противоречия между утопией и реальностью, идеологической догмой и знанием, научным прогнозом и социальной практикой. Фундаментальным фактором становился невротический комплекс большевизма – выражение вытесненных страхов затухания «мировой революции» в максимизации контроля и репрессий, ведущих к стагнации режима¹⁸. В этом заключается главное противоречие системы – заявляя о построении наивысшего типа демократии в истории, она делала упор на восстановление механизмов управления российского самодержавия XVI — начала XX вв., последовательно исключавших ограничения абсолютизма представительными формами власти.

Причинами утверждения данного мифа (и проекта социального конструирования) в СССР, а также его мощного влияния в мире (где это влияние с разной степенью интенсивности охватывало до половины человечества в XX в.) следует признать концепцию социальной справедливости (фактического равенства), основанную на представлениях доиндустриального общества¹⁹. Коммунистический миф являл-

18 А. Н. Медушевский, «Феномен большевизма: логика революционного экстремизма с позиций когнитивной истории», *Общественные науки и современность*, по. 5 (2013): 114–126.

19 *Gerechtigkeit in Russland. Sprachen, Konzepte, Praktiken*. Hrsg. N. Plotnikov (München: Wilhelm Fink, 2019), 423–460.

ся, поэтому, ретроориентированным – стремился создать в будущем совершенное общество, параметры которого определялись исходя из представлений о «золотом веке» всеобщего равенства, существовавшем будто бы до эпохи капитализма и частной собственности, результатами которых признавались все негативные явления – неравенство, коррупция и эксплуатация. Подобные уравнилельные настроения были свойственны прежде всего крестьянству эпохи промышленной революции, культивировались в крестьянской общине (или родственных ей институтах в других обществах, восходящих едва ли не к родовому быту), а потому рассматривались как справедливое и действенное средство противостоять главному социальному злу – экономическим формам капитализма и частной собственности, ведущим к распаду традиционного жизненного уклада²⁰.

В этом состоит причина широкого распространения Советского Проекта – успешные попытки его реализации (за пределами стран, непосредственно контролируемых СССР) имели место в основном в традиционном аграрном обществе и включали сходный алгоритм действий – принятие коммунистического мифа, осуществление социальной мобилизации традиционалистских слоев – насильственной модернизации под руководством революционной партии, руководство которой оказывалось вне правового контроля (данный феномен подробно рассмотрен в рамках теории т.н. аграрных революций, обобщившей именно эти ключевые параметры)²¹. Эволюция данного социального проекта в СССР (где она включала как минимум пять основных этапов) подчинена известной общей логике – движению от утопии к реальности по мере остывания революционной лавы.

ИДЕОЛОГИЯ И СТРУКТУРНЫЕ ПАРАМЕТРЫ СОВЕТСКОГО ПРОЕКТА

Основные несущие блоки Советского Проекта (как и других столь же масштабных проектов) – идеология (и основанная на ней система этических представлений), право (система кар и наград) и паттерны функционирования политического режима. Их соотношение в целом

20 *Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории*. Под ред. П. П. Марченко, С. Ю. Разина (М.: Изд. Ипполитова, 2014).

21 BARRINGTON MOORE, *Social Origins of Dictatorship and Democracy* (Boston: The Beacon Press, 1966).

оставалось стабильным: основой конструирования всегда выступала идеология (программы партии 1903, 1918, 1961 гг., а также новая редакция третьей программы 1986 г.). Право имело номинальный характер, будучи вторичным по отношению к идеологии: конституционный контроль имел не судебный, но исключительно политический характер, что открывало перспективы толкования правовых норм путем их наполнения различным идеологическим содержанием.

Провозгласив утопический идеал Государства-Коммуны как альтернативу традиционному типу государственности, большевистская революция видела его воплощение в «Трудовой республике», а последняя свелась к «Республике Советов», продемонстрировавшей тенденции к олигархическому правлению уже на начальном этапе существования²². Осуществив Октябрьский государственный переворот и распустив Учредительное собрание во имя коммунизма и особой «пролетарской» демократии, большевики столкнулись с отсутствием сколько-нибудь разработанной программы построения нового общества и государства, правовой легитимации собственных претензий на власть²³. Общими принципами, которые могли быть положены в основу конструирования нового общества стали чрезвычайно неопределенные положения К. Маркса о Коммуне как «предвестнике нового общества» и «новой политической форме»²⁴, политико-правовым выражением которых признавались Манифест Коммунистической партии 1848 г., программа Первого Интернационала, не вступившая в действие яacobинская конституция 1793 г., и, особенно, потерпевшая крушение модель Парижской коммуны 1871 г.²⁵.

22 А. Н. Медушевский, «Миф Коммуны и становление Советского государства (к переосмыслению Конституции РСФСР 1918 года)», *Общественные науки и современность*, по. 4 (2015): 121–140; Он же: «Государство-Коммуна: эксперимент рабочей демократии в России 1918 г. и причины его крушения», *Мир России* 28, по. 2 (2019): 63–83; Он же: «Демократические и олигархические тенденции в большевистской революции: генезис советской рабочей бюрократии», *Вопросы теоретической экономики*, по. 1 (2022): 102–125. https://doi.org/10.52342/2587-7666VTE_2022_1_102_125

23 *Юристы и революция: Pro et Contra*. Под ред. С. М. Шахрая, К. П. Краковского (М.: Кучково поле, 2017).

24 К. Маркс, *Гражданская война во Франции*, Соч. 2 изд. Т. 17. (М., 1960), 317–370.

25 *Парижская коммуна: акты и документы; эпизоды кровавой недели*. Под ред. Г. Зиновьева (Пг.: Издательство Коммунистического Интернационала, 1920); *Протоколы заседаний Парижской коммуны 1871 года*. Под ред. В.П.Волгина (М.: Изд. АН СССР, 1959–1960. Т. 1–2); *Первый интернационал и Парижская коммуна: документы и материалы* (М.: Издательство политической литературы, 1972).

Неопределенность конструкции Республики Советов выражалась в отсутствии единого названия будущего государства: оно определялось с позиций коммунистического конфедерализма как «Коммуно-государство», «Всемирная трудовая республика», «Мировая федеративно-демократическая республика», и «Федеративная социалистическая республика», с позиций классового унитаризма как «Российская социалистическая республика» или «Российская социалистическая советская республика», или с позиций национально-территориального автономизма как «Российская социалистическая федеративная советская республика» и т.д., что отражало нестабильность представлений о месте федеративного принципа в государственном устройстве создаваемой РСФСР.

Динамика соотношения права и политического режима в СССР была более гибкой, но в целом определялась решением мобилизационных задач. Советские конституции (1918, 1924, 1936, 1977 гг.), а также их российские клоны (1925, 1937, 1978 гг.) фиксируют этапы социальной мобилизации и совпадают с пиками репрессий – роспуском Учредительного собрания и Гражданской войной, подавлением национального сепаратизма, организацией Большого террора (1937–1938 гг.), а также преодолением либерализации периода «Оттепели». Соответственно, в периоды ограничения репрессий (как это было в начале 1960-х гг. и в период Перестройки 1980-х гг.) новые конституции принять не удавалось²⁶.

Соотношение трех блоков регулирования – идеологии, номинального права и функционирования режима – цементировалось в легитимирующей формуле и институте вождя – культе личности (по советской терминологии). Институт вождя – закономерность системы, воспроизводящей данный институт на всех этапах существования (а также в других странах, заимствовавших данную модель политической системы)²⁷. Вождь выполнял ряд важнейших функций – верховного жреца и истолкователя идеологического символа веры, медиатора трех параметров советского проекта, координатора институтов власти и групп элиты. Они соединялись в главной когнитивной функции – определении смысла социального конструирования.

26 В. Л. Шейнис, *Власть и закон: Политика и конституции в России в XX–XXI веках* (М.: Мысль, 2014); А. Н. Медушевский, «Конституционные комиссии в СССР: структура, состав, механизмы деятельности», *Гражданское общество в России и за рубежом*, no. 1–2 (2016).

27 Б. Энкер, *Формирование культа Ленина в Советском Союзе* (М.: РОССПЭН, 2011); *Режим личной власти Сталина. К истории формирования* (М.: Издательство МГУ, 1989); *Осмыслить культ Сталина*. Под ред. Х. Кобо (М.: Прогресс, 1989).

Структурные параметры конструирования политической системы представлены тремя ключевыми принципами – советским, федеративным и классовым. В отличие от несущих блоков, эти параметры находились в гибком соотношении и менялись с течением времени. Советский принцип вообще не был изобретен большевиками – он обобщил самопровозглашенные архаичные институты первичной коллективистской демократии, спонтанно возникшие в условиях коллапса государства и ориентированные преимущественно на выполнение функций перераспределения имущества, контроль и подавление (эти функции представлены в типологически сходных институтах ряда других марксистских социальных революций). Большевики, не имея собственной концепции государственного устройства, просто использовали данный институт в мобилизационных целях, доктринально провозгласив его исторической альтернативой парламентаризму и разделению властей. Иначе обстояло дело с принципами федерализма (отсутствовавшего в истории России) и классового суверенитета, ставшего основой конфигурации всей системы однопартийной диктатуры. Поиск соотношения трех принципов составил содержание начального этапа реализации Советского Проекта.

СОВЕТСКАЯ РЕСПУБЛИКА КАК МОДЕЛЬ ВСЕМИРНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА

Интеграционная идея транснационального (наднационального) политического устройства была широко представлена после Первой мировой войны в Европе как способ предотвращения будущих конфликтов (проекты Соединенных Штатов Европы) и, наконец, получила осуществление на исходе XX в. в форме Европейского Союза, дискуссии о правовой природе которого не завершены до настоящего времени²⁸. Данная идея изначально отвергалась большевиками как инструмент консервации империалистических тенденций, но возможность ее реализации допускалась в будущем в контексте ожидания мировой коммунистической революции. Концепция подобной интеграции на новых коммунистических основаниях ставила проблему соотношения прин-

28 *Международное и конституционное право: проблемы взаимодействия. Коллективная монография.* Под ред. А. А. Дорской, С. В. Бочкарева (Спб.: Издательский дом «Алеф-Пресс», 2016).

ципов конфедерации, федерализма и унитаризма при обсуждении формулы Советской Республики²⁹.

Миф Государства-Коммуны был положен в основу разработки первой советской Конституции РСФСР 1918 г., принятой в качестве альтернативы распущенному Учредительному собранию³⁰. Все проекты Конституции отталкивались от этого мифа или, во всяком случае, подразумевали его³¹, отразив в конституционной комиссии три различных концепции построения государственности – территориально-производственную, корпоративистскую и национально-территориальную с жесткой привязкой к классовой диктатуре.

Первая, территориально-производственная, концепция Республики представлена идеей Государства-Коммуны как выражения воли профсоюзных объединений. «Трудовая республика, – в понимании эсеров-максималистов, – есть политически федеративное государство с широкой автономией отдельных областей и народов, ее составляющих»³². Это «сложное государство» – союз пяти профессиональных федераций – земледельцев, промышленных рабочих, служащих торговых предприятий; служащих у государства (чиновники); служащих у частных лиц (прислуга). Общая союзная власть, носящая надпрофессиональный характер, состоит из центральных и местных органов. Центральными организациями являются Верховный союзный конгресс, Союзный Совет, Союзный Трибунал и Союзный Суд (последние два органа, в зависимости от организации суда, могут быть объединены)³³.

Вторая, – корпоративистская (или «коммунальная») трактовка Республики видела основу суверенитета в объединении союзов различного типа – коммун³⁴ или союзов, «составленных на местах федератив-

29 О различных идеях всемирной конституции см: *Общественно-политическая мысль российского либерализма середины XVIII – начала XX вв.* «XII Муромцевские чтения». Материалы международной научной конференции 9–10 октября 2020. Под ред. Д. В. Аронова (Орел: ОГУ им. И.С.Тургенева, 2020), 13–36.

30 Конституция РСФСР (Основной закон). Принята V Всероссийским Съездом Советов (М., 1920).

31 Основные проекты опубликованы в кн.: Г. С. Гурвич, *История советской конституции* (М.: Социалистическая Академия, 1923).

32 Проект основ Конституции трудовой республики, выработанный Исполнительным бюро союза социалистов-революционеров-максималистов // ГА РФ. Ф. 130 (СНК). Оп. 2. Д. 85. Л. 2.

33 Проект, составленный приват-доцентом Н. Ренгартеном // ГА РФ. Ф.130. Оп.2. Д.85. Л.13–15.

34 Доклад члена Комиссии М.А.Рейснера об основных началах Конституции РСФСР// ГА РФ. Ф.6980. Оп.1. Д.12. Лл. Л. 97а–113.

ных общин» с региональными и центральными съездами советов – от съезда коммунальных Советов в провинции к областям и съезду советов РСФСР. Завершением становилось создание «великой федерации будущего: от федерации коммун к федерации вселенной». В рамках данной конструкции институтов власти, предполагалась нейтрализация и примирение отдельных эгоистических интересов, открывающая «путь к необходимой гармонии, на почве подчинения интересам целого, воплощенном в Совете»³⁵. В случае победы мировой революции и образования Федеративного Союза соединенных социалистических федеративных республик Российская республика входит в него на тех же основаниях «в целях всеобщего торжества социализма, преуспевания, мира и братства народов». В целом построение политической системы должно вестись не сверху, а снизу – путем концентрации полномочий в региональных структурах власти и институтах с последующим их делегированием в центр³⁶.

Третья – национально-территориальная концепция построения Республики формально была выдвинута И. Сталиным (выражавшим в Комиссии позицию В. Ленина) в тезисах «О типе Федерации Российской советской республики», которая определялась как переходный политический режим в форме «диктатуры пролетариата и деревенской бедноты», а государственное устройство – как федерация автономий³⁷. В проекте Сталина – «Общие положения Конституции Рос. Соц. Сов. Федерат. Республики»³⁸, оказавшего определяющее влияние на исход споров, национально-областной принцип построения Республики почти полностью вытеснен классовым – формирование всей вертикали институтов советской власти подчинено задачам создания «мощной всероссийской политической власти».

Представленный Ю. Стекловым общий «План Советской Конституции» аккумулировал различные подходы – четко соответствовал концепции Коммуны как «Республики Советов», но подразумевал ее централистско-иерархическую интерпретацию. Вводная часть вклю-

35 Доклад члена Комиссии М.А.Рейснера «Об основных началах Конституции Р.Ф.С.С. Республики» // ГА РФ. Ф.130. Оп.2. Д. 86. Л. 20–35; Ф.130. Оп.2. Д. 66.

36 ГА РФ.Ф.6980. Оп.1. Д. 5. Л.12.

37 О типе федерации Российской Советской власти. Тезисы Сталина // ГА РФ. Ф.6980. Оп.1. Д. 2. Л. 81.

38 См. две редакции проекта Сталина: «Общие положения Конституции Р.Сов.Фед. Республики» и «Общие положения Конституции Рос. Соц. Фед. Сов. респ.» // ГА РФ. Ф. 6980. Оп.1. Д. 12. Лл. Л.80– 82.

чала декларацию прав трудящихся – «социализм как цель; самостоятельность трудовых масс как средство; интернационализм; права и обязанности трудящихся перед социалистическим отечеством и перед Интернационалом». Структурную основу Республики составляет принцип «федерации наций» и подразделение власти на федеративную и центральную. В рамках этой системы была выстроена иерархия советов (волостные, городские, уездные, губернские, областные, федеративные), компетенции их органов во главе с Всероссийским Съездом Советов, ВЦИК и СНК, причем предполагалось конституционно разрешить вопросы соотношения федеративных и региональных советских структур, их формирования, бюджетного права и распределения ответственности³⁹.

Образование СССР в 1922 г. не смогло преодолеть противоречий конкурирующих концепций государственного устройства⁴⁰. В Конституции СССР 1924 г. была принята модель государственного устройства, не имеющая аналогов в истории: формально-юридически являясь конфедерацией (допускавшей право сепарации как дань интернациональным коммунистическим принципам самоуправления), она объявляла себя федерацией (формально организованной по национально-территориальному принципу), но выстроенной как корпоративистское государство в виде иерархической пирамиды советов различного уровня, а на деле являясь унитарным государством имперского типа⁴¹. Структурное противоречие данной модели – ее асимметрия, выраженная феноменом «федерации внутри федерации» (как, напр., РСФСР внутри СССР), что, по мнению современников, делало ее сходной со структурой управления Британской колониальной империей.

Принципиальное значение имело согласование субъектов трех уровней – союзных республик, автономных республик (внутри союзных) и всех прочих образований (области, края, губернии, города). Ре-

39 «План Советской Конституции» Ю. Стеклова// ГА РФ.Ф. 6980. Оп.1. Д.1. Л.7.об.; Д.12. Л. 147; См. также: План Советской Конституции (Стеклова)// ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 94. Л.19, 226–227.

40 В. И. ИГНАТЬЕВ, *Советский строй* (М.-Л.: Госиздат, 1928). Он же: *Конституция Союза ССР в ее возникновении, развитии и изучении* (М.-Л.: Госиздат, 1926). А. М. Турбинер, *Очерки государственного устройства СССР* (М.: Юридическое издательство Наркомюста РСФСР, 1925). Н. С. ТИМАШЕВ, *Политическое и административное устройство СССР* (Париж, 1931).

41 1917 год: *Государство. Власть. Территория. Доклады международной научной конференции 25 октября 2017 г.*, под ред. Л. Д. Шаповалова (М.: Политическая энциклопедия, 2017).

гулирование системы советского федерализма шло преимущественно за счет субъектов второго уровня, прежде всего национальных автономий, статус которых был близок к союзным республикам (за исключением права сепарации) и позволял регулировать всю систему в направлении большей или меньшей централизации. Мы определяем эту конструкцию федерализма как своеобразную «модель для сборки», основное преимущество которой заключалось в контроле над искусственно созданной асимметрией в интересах центральной власти. Понятно, однако, что в случае ослабления этого Центра данная неработоспособная система федерализма тяготела к распаду⁴².

В перспективе крушения СССР и воспроизводства ряда признаков данной модели в постсоветской России сохраняет значение вопрос о ее определении. В литературе встречаем ее определения как советской, имперской и даже унитарной концепции федерализма, а ее функционал раскрывается противоположным образом – от представления ее как колониальной до определения как «инкубатора наций»⁴³. В действительности она соединяла все эти особенности, представляя скорее номинальный федерализм, встроенный в единую вертикаль власти.

СТАТИКА И ДИНАМИКА В РЕАЛИЗАЦИИ СОВЕТСКОГО ПРОЕКТА: МЕНЯЮЩИЙСЯ БАЛАНС НОРМ СОЦИАЛЬНОЙ И КОГНИТИВНОЙ АДАПТАЦИИ

В контексте проблемы стабильности Советского проекта заслуживает обсуждения вопрос о соотношении статики и динамики в его продвижении. Если одни считают, что данный проект (по крайней мере в том модифицированном виде, какой он принял в эпоху сталинизма) не менялся и даже не мог измениться в принципе (в силу логики его системообразующих принципов), толкая общество к неизбежной стагнации в будущем, то другие настаивают на гибкости проекта, связанной как с возможностями различной интерпретации его идеологических терминов, так и изменением соотношения параметров регулирования – в пользу большей или меньшей адаптивности к новым условиям об-

42 А. Н. Медушевский, «Конституция 1924 года: как и где были заложены причины крушения СССР? Ч. 1-2», *Сравнительное конституционное обозрение* 104, no. 1 (2015): 117–129, 105 no. 2 (2015): 118–131.

43 *Государство наций: империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина*. Под ред. Р. Суни, Е. Мартина (М.: НЛО, 2011).

ществленного развития. В исторической ретроспективе сегодняшнего дня разрешение дилеммы усматривается в значении не столько фундаментальных идеологических конструкций (в целом имевших ограниченный ресурс пересмотра), сколько в меняющемся соотношении формальных и неформальных норм и практик системы, вынужденной реагировать на внешние и внутренние вызовы.

Как показывают наши исследования, их баланс вовсе не оставался неизменным и демонстрирует разнонаправленные векторы развития на этапе формирования системы, ее консолидации и упадка. В период формирования системы (1918-1922 гг.) преобладали неформальные принципы («революционное самосознание», вообще отрицавшее традиционное право), в период консолидации системы (1923-1936) вектор развития состоял в переходе от неформальных отношений к более формализованным («революционная законность»), с тем, чтобы обрести в начале 1930-х гг. четкое выражение в официальной доктрине «социалистического права», сведшей воедино такие противоречивые постулаты как революционное сознание, законность, целесообразность и диктатура.

Особенностью сталинской реконструкции советского проекта стало жесткое разделение формальных и неформальных правил функционирования общественной и политической жизни⁴⁴. Первые, формальные (декоративные) нормы, фиксировались в сталинской Конституции 1936 г., с целью придания большей легитимности власти внутри и вовне страны, вторые, неформальные нормы, – нигде не фиксировались, признавались по умолчанию, но на деле обеспечивались системой идеологического, морального и экстраправового воздействия на психику индивида и общества. Взаимодействие двух различных регуляторных систем на когнитивном уровне достигалось путем внедрения «двоемыслия» – такого переключения сознания с одного типа норм на другой, которое не поддавалось формальной фиксации, но целиком зависело от контекста, ситуации и обстоятельств, заставляя индивида проявлять чудеса изобретательности с целью выживания в «стране победившего социализма»⁴⁵.

Преодоление неизбежного когнитивного диссонанса и обеспечение монолитности всей системы регулирования социального по-

44 А. Н. Медушевский, «Сталинизм как модель социального конструирования», *Российская история*, no. 6 (2010): 3–29.

45 Н. ВЕРТ, *Террор и беспорядок. Сталинизм как система* (М.: РОССПЭН, 2010).

ведения достигалось тремя основными способами – полной информационной изоляции общества (уничтожение всех альтернативных коммуникативных систем и источников информации), индоктринации идеологических постулатов (массированная пропаганда и выстраивание дисциплинированного «диалога» между обществом и властью в виде, напр., «всенародного обсуждения» Конституции) и массового террора как формы обеспечения коллективной кровавой поруки (Большой террор и предшествующие ему политические процессы над «врагами народа»). В целом данные практики способствовали внедрению скорректированной трактовки советской легитимности (оставшейся неизменной фактически до конца советского строя); закреплению нового порядка отношений общества и государства (с полным преобладанием последнего); формализации конституционных основ режима в рамках «советской теории государства и права» (вытеснившей все отклоняющиеся юридические теории); установлению тотального контроля над обществом и введения репрессивной машины подавления, действующей не только против реальной, но и потенциально возможной (или подразумеваемой) оппозиции⁴⁶.

Этим достигалось сразу несколько целей – отказ от выполнения принятых обязательств по немедленному осуществлению утопических обещаний (если во время Гражданской войны говорили о победе коммунизма в мировом масштабе в течение нескольких лет, то затем этот идеал был отодвинут в неопределенное будущее, уступив место построению «основ социализма» в одной стране); легитимация сохранения однопартийной диктатуры на весь переходный период (вопреки ранее дававшимся обещаниям об отмирании государства); введение четких новых правил социального поведения и санкций за их неисполнение. В социальных отношениях этот курс выражался в корректировке «общественного договора» – жесткой увязке прав и обязанностей населения в отношении «советского государства», причем с явным перевесом последних (в контексте решения задач коллективизации, индустриализации и плановой экономики); в политической сфере – замена ленинской теории непосредственной советской демократии идеей так называемого «советского парламентаризма» – конструкцией государственной власти, формально основанной на всеобщих выборах и внешне напоминавшей систему разделения властей (замена съездов советов и ЦИК конструкцией всенародно избираемого Верховного со-

⁴⁶ П. Соломон, *Советская юстиция при Сталине* (М.: РОССПЭН, 2008).

вета с двухпалатной структурой во главе с «коллективным президентом» – его Президиумом), однако при тщательном конституционном камуфлировании реальной власти партийного аппарата и неограниченной единоличной власти вождя⁴⁷.

В период деконструкции системы постсталинского периода (1960–1980-е гг.) вектор развития определялся, напротив, стремлением к легализации неформальных норм и практик с целью преодоления разрыва между ними в интересах обеспечения социальной базы и легитимности режима внутри и, особенно, вне страны. Достичь этой цели стремились двумя способами – попыткой конституционализировать идеологию (превращением коммунизма в своеобразную юридическую фикцию в проекте несостоявшейся хрущевской конституции 1964 г.)⁴⁸ или, напротив, последовательным конституционным закреплением основного института, производящего все идеологические и правовые нормы – КПСС (отражением ее руководящей роли в ст.6 Конституции 1977 г.)⁴⁹.

В ходе этих поисков стала возможна новая трактовка «общественного договора», связанная с появлением формулы «общенародного государства», предполагавшей пересмотр соотношения ключевых принципов – советского, федеративного и классового. Но этот пересмотр ставил вопросы, подрывавшие смысл Советского проекта: если государство стало общенародным, то пролетариат перестал быть его авангардом; зачем, тогда, нужна партия, представляющая его интересы; если партия сохраняется (а ее роль закреплена в Основном законе), то каков ее правовой статус – стоит она по-прежнему над Конституцией, действует в соответствии с ней и насколько ограничена ее положениями? В советской реальности эти вопросы, конечно, не получили решения. Конституционализация партии – момент истины для всего советского проекта социального конструирования, наиболее четкое

47 Докладная записка тов. Брежневу Л. И.: некоторые данные о подготовке Конституции СССР 1936 года и рассмотрении этих материалов у Сталина // ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 1 (1962).

48 Проект: Конституция СССР. Основной закон (август–сентябрь 1964 г.) // ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 28. Лл. 109–219. См.: А. Н. Медушевский, «Коммунизм как социальная утопия и юридическая фикция: проект Конституции периода «Оттепели» (1961–1964)», *Сравнительное конституционное обозрение* 94, no. 3, 95 (2013): 132–144, no. 4 (2013): 144–154.

49 *Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик* (М.: Правда, 1977). См.: А. Н. Медушевский, «Конституция «развитого социализма»: откуда взялся принцип руководящей роли партий?», *Общественные науки и современность*, no. 3 (2014): 84–97.

выражение движения советского проекта от утопии к реальности, рутинизации революционной харизмы. Но юридическое определение в Конституции КПСС – этого метафизического и сакрального института советской системы (как ранее самодержавия в Российской империи), – означало вступление на путь, ведущий к распаду легитимирующей формулы власти советской однопартийной диктатуры.

ПОЧЕМУ НЕ СОСТОЯЛСЯ РЕФОРМАЦИОННЫЙ ПУТЬ ТРАНСФОРМАЦИИ СОВЕТСКОГО ПРОЕКТА?

Крушение Советского проекта на исходе XX века позволяет лучше понять его структурные параметры и причины сбоев реализации. Кризис данной модели социального конструирования развивается по тем же параметрам, что и ее создание. Перестройка М. Горбачева изначально задумывалась как корректировка проекта, но не его отмена. Это была Реформация, идеология которой имела ретроспективный характер (возвращение к мифическим «ленинским нормам» федерализма и непосредственной демократии для оздоровления системы), цели которой вытекали из растущего осознания элитой тупика существующей модели и эрозии легитимности советского строя. Задачи сводились к модернизации системы на основе новой интерпретации учредительного идеологического мифа – превращения «светской теократии» в социальное правовое государство (на основе социал-демократических идеологических установок «гуманного социализма»)⁵⁰.

Это предполагало решение следующих задач переходного периода: деидеологизацию и рационализацию общества («новое мышление» как отказ от классовой доктрины); трансформацию идеологии в право (принятие доктрины «прав человека» путем «демократизации» политической системы); введение ограниченной свободы слова («гласность»); допущение индивидуальной предпринимательской деятельности («кооперативное движение»); реализация принципов демократического федерализма (противопоставленных его предшествующей унитаристской интерпретации); сближение права и реальности (переход от номинального советского права к реальному); принятие доктрины ограниченного политического плюрализма (отказ от моно-

⁵⁰ *Ценности Перестройки в контексте современной России* (М.: Горбачев-фонд, 2015).

полии партии на власть и допуск «неформальных общественных движений»; институциональные преобразования (передача власти «от партии к советам»); а в конечном счете замена однопартийной диктатуры политической системой с разделением властей («советский парламентаризм с президентской властью»)⁵¹. Вся терминология эпохи перестройки, включавшая эвфемизмы (напр., «социалистическая демократия» вместо демократии, «гласность» вместо свободы слова и т. д.) говорит о поиске компромисса базовых оснований и ценностей советского проекта с элементами новой реальности эпохи глобализации, открытости и информационной революции, – компромисса, который, однако, не удалось осуществить на практике.

На деле результатом Перестройки стал срыв управляемого характера преобразований и коллапс Советского проекта по его системообразующим параметрам: эрозия идеологии (классового принципа) вела к ослаблению партийной монополии на власть с отменой 6-й статьи Конституции 1977 г. (силы, являвшейся, как выяснилось, основным ресурсом поддержания единства всей конструкции); ослабление этой монополии (внутриэлитный конфликт между сторонниками и противниками преобразований, а также центральными и региональными группами) вел к постановке проблемы федерализма, а неспособность ее решения (в силу отсутствия правовых форм и дееспособных институтов разрешения конфликтов) актуализировала обращение националистов к принципу конфедерализма – конституционному праву сецессии национальных республик, которое ранее было нереализуемо и рассматривалось как чисто символическое; итогом становился отказ от легитимирующей формулы власти и ее институтов в виде советов и партии. Общим следствием этих процессов стала дезинтеграция СССР – возврат к ситуации, типологически сходной с распадом Российской империи в 1917 г.⁵²

Реальными результатами Перестройки стали – крушение коммунистического мифа, Советского проекта и основанного на нем интеграционного объединения, деидеологизация государства, отказ от

51 Итоги этих изменений представлены в новой редакции конституции: *Конституция (Основной закон) СССР с изменениями и дополнениями, внесенными законами СССР от 1 декабря 1988 г.; 23 декабря 1989 г., 14 марта и 26 декабря 1990 г.* (М., 1991).

52 Принципиально различные подходы к объяснению крушения СССР сохраняют значение: С. Коэн, *Вопрос вопросов: почему не стало Советского Союза* (Спб.: АИРО – XXI, 2007); «О причинах крушения СССР и становлении новой России», *Сравнительное конституционное обозрение* (2015): 101–116; А. Н. Медушевский, «Перестройка и причины крушения Советского Союза с позиций аналитической истории», *Российская история*, no. 6 (2011): 3–30.

однопартийной диктатуры, введение смешанной формы правления с постом Президента СССР, унаследовавшего объем полномочий, которым ранее располагал глава государства позднего монархического периода и генеральный секретарь советского периода. Тот факт, что распад страны произошел дважды за одно столетие (в 1917 и 1991 гг.), а ситуация вновь вернулась к исходному положению, существовавшему до начала реализации советского проекта, заставляет усомниться в существовании научного плана реформ Перестройки как главной причины ее крушения.

Это позволяет поставить ряд общих вопросов: был ли Советский проект продолжением предшествующего имперского проекта или означал разрыв с ним; в какой мере он вообще был реформируем и если был, то на какой стадии реализации; объясняется его крушение отсутствием внутренней гомогенности, противоречиями основных параметров конструирования или отсутствием гибкости сознания партийной элиты и тактическими ошибками проведения преобразований? Возможна ли была эволюционная трансформация советской политической системы по китайскому образцу – сохранение идеологических догм путем их наполнения новым прагматическим содержанием? Все эти вопросы, несомненно, актуальны для постсоветского периода становления российской государственности.

РОССИЙСКИЙ РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ЦИКЛ: РАЗРЫВ И ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ЛЕГИТИМИРУЮЩЕЙ ФОРМУЛЫ ВЛАСТИ В XX В.

Оценка места советского проекта в русской исторической традиции – центральная тема всех дискуссии к столетию революции. С этих позиций решается вопрос о разрыве и преемственности имперской (монархической), революционной (советской) и современной республиканской (президентской) формул власти, влиянии советской легитимности на результаты конституционной революции 1993 г. и логику формирования постсоветской политической системы.

Формула власти проделала в XX в. эволюцию, включавшую пять этапов: 1) переход от абсолютизма (самодержавия) к дуалистической монархии с выраженным феноменом мнимого конституционализма (Манифест 17 октября 1905 г. и Основные законы Российской империи в редакции 1906 г.); 2) от этой последней формы к парламентской (или

смешанной) республике (которая была провозглашена Временным правительством и Учредительным собранием, но так и не стала реальностью); 3) установление советской системы при режиме однопартийной диктатуры, стадии развития которой выражались эвфемизмами – «государство-коммуна», «трудовая республика», «республика советов», «советский парламентаризм», «общенародное социалистическое государство»; 4) переходный режим периода Перестройки, определявшийся как «социалистический парламентаризм» и «советская система с президентской властью»; 5) принятие современной Россией дуалистической системы (смешанной формы правления французского образца), в реальности означающей установление сверх-представленной президентской власти.

В отличие от классических европейских революций XVII–XIX вв., русская революция не знала завершающей фазы Реставрации как реализованного компромисса общества и государства во имя выхода из революционного кризиса и достижения стабильности в форме восстановления монархии. Этим объясняется особенность легитимирующей формулы новейшего политического режима, которая представляет собой синтез трех ее исторических форм – конституционно-демократической (всеобщие выборы президента), советской (идеологические функции революционного лидера) и монархической (неограниченный характер власти главы государства, поставленной над системой разделения властей). Конституция 1993 г. последовательно приняла формулу Учредительного собрания – определила Россию как «демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления», однако ввела сверхцентрализованную конструкцию политической власти, одновременно наделив президента огромными конституционными полномочиями – гаранта конституции, главы государства, определяющего приоритеты внутренней и внешней политики, располагающего практически неограниченным правом по изданию указов с силой закона⁵³. Синтез республиканской, революционной и имперской традиций нашел выражение в концепциях «демократического цезаризма», персоналистского режима и символике имперского президентства⁵⁴.

53 *Основы конституционного строя России: двадцать лет развития* (М., ИППП, 2013); *Конституционный Суд России: осмысление опыта* (М.: Центр конституционных исследований, 2022).

54 *Россия 2018 года. Четверть века трансформации: удачные эксперименты и упущенные возможности*. Под ред. В. А. Рыжкова (М.: Школа гражданского просвещения, 2019).

Завершением и формальным выражением этого тренда стала масштабная конституционная реформа в России 2020 г.⁵⁵. В содержательном отношении блок поправок вполне логичен в решении задач завершающей (реставрационной) фазы любого большого конституционного цикла. В рамках постсоветской ситуации принципиальные изменения затрагивают следующие идеологические параметры: глобализации – противопоставлена защита национального суверенитета; приоритету международного права – верховенство конституции и национальных судов; абстрактному рационализму гуманитарного права – историзм, учитывающий конкретные формы его реализации; идеологии либерализма – консерватизм в социальных, семейных и нравственных ценностях; теории естественных прав человека – увязывание прав и обязанностей с учетом национальных приоритетов и специфики; космополитизму – патриотизм; идеям неограниченности свободного рынка – принципы солидаризма, социального партнерства и государственного патернализма. В концепции государства изменения отражают приоритеты власти: разрыву преемственности государственности в начале и конце XX в. – противопоставляется восстановление этой преемственности в культурных и правовых формах; кооперативному федерализму – централизм; разделению уровней и ветвей властей – их соединение в рамках единой системы публичного права; принципу правового государства – государство неоимперского типа с квазимонархической властью главы государства; принципу сменяемости власти – идея ее преемственности, пока – в исключительном случае⁵⁶.

В политическом отношении поправки создают гиперцентрализованную систему, где публичный интерес преобладает над любым частным интересом: все уровни управленческой иерархии и институты власти подчинены поддержанию функционального единства, воплощенного и выраженного в институте главы государства, представшего воплощением «гражданского мира и согласия в стране», гарантом суверенитета и единства системы публичной власти. Данный тип политической системы не является простым воспроизводством известных исторических форм российской власти – монархии, однопартийной

55 Конституция Российской Федерации с последними изменениями на 2022 год (М.: Эксмо, 2022).

56 А. Н. Медушевский, «Возрождение империи? Российская конституционная реформа 2020 на фоне глобальных изменений», *Вестник Европы*. Т. 53/54 (2020): 82–97.

диктатуры или президентской республики. Поправки, скорее, юридически оформляют основы системы конституционного авторитаризма, – системы, формально наделяющей главу государства неограниченной властью, и фиксируют новую легитимирующую формулу – плебисцитарный авторитаризм с персоналистским типом правления, когда любое участие населения в выборах или референдуме начинает восприниматься как плебисцит о доверии действующему лидеру.

Таким образом, начало и конец революционного цикла XX в. – демонстрируют не только разрыв, но и преемственность российской политической традиции. В длительной исторической перспективе советский проект, при всей оригинальности, составляет ее органическую часть. Несмотря на все изменения формы правления, объем власти главы государства – политического лидера – остается практически неизменным в монархической системе, однопартийном режиме и современном президентском режиме. При всех разрывах формально-правового обоснования восстанавливается преемственность имперской, революционной и республиканской формул – российское имперское президентство.

ИТОГИ СОВЕТСКОГО ПРОЕКТА: ВЗГЛЯД ИЗ СОВРЕМЕННОСТИ

Итоги Советского Проекта могут быть подведены в сравнении с другими аналогичными или схожими проектами направленного социального конструирования. Его основным внутренним противоречием стала избранная идеология, поскольку в качестве светской теократии он имел двойную легитимность – квазирелигиозную (вера в неизбежное торжество коммунизма во всем мире) и рациональную (отсылка к законам исторического процесса, которые доказываются научно и могут быть положены в основу планомерной и целенаправленной социальной практики по конструированию нового общества). Противоречие между этими двумя типами легитимности неизбежно подрывало единство системообразующего мифа, заставляя постоянно соотносить и корректировать их интерпретацию, которая не могла оставаться неизменной с течением времени и сменой внешних и внутренних вызовов.

Общая динамика этого соотношения выражается предложенным М.Вебером понятием «расколдовывания мира», т. е. постепенным движением от утопии к реальности. От идеи коммунистического государ-

ства, выдвинутой в начале реализации советского проекта и на короткое время реанимированной в период «Оттепели» (конец 1950-начало 1960-х гг.), политический режим перешел к когнитивной редукции исходных установок – концепции построения социализма в одной стране (1936 г.), а затем «развитого социализма» (в 1977 г.). Сама эта концепция подверглась эрозии с развитием кризиса режима – провозглашением, что страна находится только в начальной стадии этого пути (1983 г.), а совершенствование «развитого социализма» займет целую историческую эпоху. Наконец, с началом демократических реформ (1985 г.) произошел окончательный отказ от концепции «развитого социализма», а период ее господства объявлен «стагнацией». Вместо нее выдвигается концепция новой исторической эпохи – перехода к «гуманному социализму», перестройке и «социалистическому парламентаризму». Но на этом пути советский проект становился чрезвычайно уязвим при выстраивании несущих блоков системы – идеологии, права и политики; параметров устройства государства (советский, федеративный и классовый принципы); определения соотношения формальных и неформальных практик; норм и реальности, деклараций и практических шагов реализации; целей и средств их достижения. В конечном счете советский проект проделал эволюцию многих метафизических идей социального конструирования, прошедших стадии завышенных ожиданий, разочарования, фиксации в прагматических терминах и разрушения, закончив свое существование в виде карикатуры на изначально принятые лозунги.

Социальное содержание советского проекта определяется нами формулой – модернизация в форме ретрадиционализации. Эта формула не является его уникальной особенностью, поскольку все массовые мобилизационные движения в истории, особенно революции, апеллируют к традиции – идеям утраченной исторической справедливости, а на практике часто ведут к разрушению достигнутых более высоких цивилизационных форм во имя подразумеваемого социального прогресса. Когнитивная формула этого процесса – мифологизация и идеализация определенного социального проекта, прагматические достижения которого оказываются несопоставимы с его социальными издержками. Данный процесс может иметь разное завершение – в зависимости от того, каким образом элите удастся выйти из порочного круга заданных утопических представлений, заменив их на рациональные и эффективные принципы социальной и правовой регуляции.

С этих позиций результаты Советского Проекта выглядят амбивалентно. С одной стороны, в его рамках была осуществлена глубокая насильственная социальная трансформация традиционного аграрного общества – пребывание в светском, индустриальном, урбанизированном массовом обществе, основанном на принципах демократии, формального равенства и конституционного строя. С другой стороны, Советский проект (в отличие, напр., от проекта Французской и других европейских революций) не завершил политической трансформации общества решением ее ключевых проблем – создания единой гражданской нации; децентрализации власти и управления (федерализм остается скорее декларацией, чем реальностью), формирования функционирующей демократической системы (полноценной политической конкуренции вместо имитационной многопартийности) и правового государства с разделением властей (которой противостоит существующая система плебисцитарного авторитаризма), профессиональной национальной элиты и понятных процедур смены лидерства (что актуально в контексте проблемы 2024 г.). В целом политическая и правовая система, уйдя от номинального советского права, действует в режиме конституционного авторитаризма, выводя принятие ключевых политических решений из сферы социального контроля.

Таким образом, Советский Проект, формально завершив свое существование в 1991 г., по-прежнему оказывает мощное влияние на российскую политическую реальность, требуя критического анализа и переосмысления. Обществу необходимо решить, от какого наследия оно отказывается; существует ли преемственность между имперским, советским и постсоветским периодами российской истории; является ли советский проект органической частью этой преемственности или, напротив, ее разрывом, наконец, какие элементы данного проекта социального конструирования следует безусловно отвергнуть, а какие, возможно, переосмыслить и сохранить в иной конфигурации. С позиций теории когнитивной истории крушение одного проекта не только не исключает, но предполагает создание другого, поскольку конструирование вообще является естественным способом познания мира и целенаправленной человеческой деятельности. Важно, однако, чтобы новый проект социального конструирования, построенный на иных основаниях и принципах, включал научное переосмысление предшествующих экспериментов, прежде всего – исключительно информативного опыта советского проекта социальной инженерии.

References

D. V. ARONOV (Pod red.), *Liberally i revoliutsiia. Deviatye "Muromtsevskie chteniia"* [Liberals and Revolution: The Ninth "Muromtsev Readings"] (Orel: Izdatel'skii dom Orlik, 2017), 12–33.

D. V. ARONOV (Pod red.), *Obshchestvenno-politicheskaia mysl' rossiiskogo liberalizma serediny XVIII – nachala XX vv. "XII Muromtsevskie chteniia". Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii 9–10 oktiabria 2020* [The Socio-Political Thought of Russian Liberalism in the Middle of the 18th – Early 20th Centuries. "12th Muromtsev Readings". Materials of an international academic conference October 9–10, 2020] (Orel: OGU im. I. S. Turgeneva, 2020), 13–36.

Iu. M. BATURIN et al (pod. red.), *Epokha El'tsina. Ocherki politicheskoi istorii* [The Yeltsin Era: Essays in Political History] (M.: El'tsin-Tsentr, 2011).

A. BOGDANOV, *Vseobshchaia organizatsionnaia nauka* [The Academic Discipline of General Organization] (Tektologiya) (M.-L.: Kniga, 1925).

CRANE BRINTON, *The Anatomy of Revolution* (New York: Vintage, 1965).

B. ENKER, *Formirovanie kul'ta Lenina v Sovetskom Soiuze* [Formation of the Cult of Lenin in the Soviet Union] (M.: ROSSPEN, 2011).

FRANÇOIS FURET, *La Révolution Française*, Vol. 1–2 [The French Revolution, Vol. 1–2] (Paris: Hachette, 1988),

FRANÇOIS FURET et MONA OZOUF (dir), *Dictionnaire Critique de la Révolution Française* [A Critical Dictionary of the French Revolution] (Paris: Flammarion, 1992).

GARF – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archive of the Russian Federation]

– F. 130 (SNK), Op. 2. D. 85. L. 2. Proekt osnov Konstitutsii trudovoi respubliki, vyrabotannyi Ispolnitel'nym biuro soiuza sotsialistov-revoliutsionerov-maksimalistov [Draft Foundations of the Constitution of the Labor Republic, developed by the Executive Bureau of the Union of Socialist-Revolutionary Maximalists]

– F. 130. Op. 2. D. 85. L. 13–15. Proekt, sostavlennyi privat-dotsentom N. Rengartenom [A Project compiled by Privatdozent N. Rengarten]

– F. 130. Op. 2. D. 86. L. 20–35, F. 130. Op. 2. D. 66. Doklad chlena Komissii M. A. Reisnera "Ob osnovnykh nachalakh Konstitutsii RFSS Respubliki [Report of Commission-member M.A. Reisner "On the Main Principles of the Constitution of the R.F.S.S. Republic"]

– F. 1235. Op. 94. L. 19, 226–217. Plan Sovetskoï Konstitutsii (Steklova) [The Plan of the Soviet Constitution by Ju. Steklov]

– F. 6980. Op. 1 D. 1. L. 7, D. 12. L. 147. Plan Sovetskoï Konstitutsii Ju. Steklova [The Plan of the Soviet Constitution by Ju. Steklov]

– F. 6980. Op. 1. D. 2. L. 81. O tipe federatsii Rossiiskoi Sovetskoï vlasti. Tezisy Stalina. [On the Type of Federation of Russian Soviet Power: Stalin's Theses]

– F. 6980. Op. 1. D. 12. L. 80–82. Obshchie polozheniia Konstitutsii R. Sov. Fed. Respubliki, Obshchie polozheniia Konstitutsii Ros. Sots. Fed. Sov. resp. [General Provisions of the Constitution R.Sov.Fed. Republic, General Provisions of the Constitution Ros. Social Fed. Ows. Rep.]

– F. 6980. Op. 1. D. 12. L. 97a–113. Doklad chlena Komissii M. A. Reisnera ob osnovnykh nachalakh Konstitutsii RSFSR [Report of Commission-member M.A. Reisner "On the Main Principles of the Constitution of the RSFSR"]

- F. 7523. Op. 131. D. 1 (1962). Dokladnaia zapiska tov. Brezhnevu L. I.: nekotorye dannye o podgotovke Konstitutsii SSSR 1936 goda i rassmotrenii etikh materialov u Stalina [A Memorandum by Comrade. L. I. Brezhnev: Some Data on the Preparation of the Constitution of the USSR in 1936 and the Consideration of these Materials by Stalin]
- F. 7523. Op. 131. D. 28. Proekt: Konstitutsiia SSSR. Osnovnoi zakon (avgust-sentiabr' 1964 g.) [Project: The Constitution of the USSR. Basic Law (August–September 1964)]
- M. GELLER, A. NEKRICH, *Utopiia u vlasti* [Utopia in Power] (London: Overseas Publications Interchange, 1982).
- M. S. GORBACHEV, *Zhizn' i reformy*, T. 1. [Life and Reforms, Vol. 1] (M.: Novosti, 1995)
- L. GUDKOV, “1917 god v strukture legitimnosti rossiiskoi vlasti” [1917 in the Structure of the Legitimacy of the Russian Government], *Neprikosnovennyi zapas*, no. 116 (2017): 154–172.
- G. S. GURVICH, *Istoriia sovetskoii konstitutsii* [A History of the Soviet Constitution] (M.: Socialisticheskaia Akademia, 1923).
- V. I. IGNAT'EV, *Konstitutsiia Soiuzo SSSR v ee vozniknovenii, razvitii i izuchenii* [The Constitution of the USSR in Its Origin, Development and Study] (M.-L.: Gosudarstvennoe Izdatel'stvo, 1926).
- V. I. IGNAT'EV, *Sovetskii stroi* [The Soviet System] (M.-L.: Gosizdat, 1928).
- S. KARA-MURZA, *Sovetskaia tsvivilizatsiia*, T. 1. [Soviet Civilization, Vol. 1] (M.: Algoritm, 2001).
- E. H. KARR, *Russkaia revoliutsiia ot Lenina do Stalina 1917–1929* [The Russian Revolution from Lenin to Stalin 1917–1929] (M.: Inter-Verso, 1990).
- MICHAEL S. KIMMEL, *Revolution: A Sociological Interpretation* (London: Temple University Press, 1990).
- ALAN KNIGHT, *The Mexican Revolution* (Cambridge: Cambridge University Press, 1987).
- J. KOBO (Pod red.) *Osmyslist' kul't Stalina* [Understanding the Cult of Stalin]. (M.: Progress, 1989).
- S. KOEN, *Vopros voprosov: pochemu ne stalo Sovetskogo Soiuzo* [The Question of Questions: Why Did the Soviet Union Disappear?] (Spb.: AIRO-XXI, 2007).
- LESZEK KOLAKOWSKI, *Hauptstämungen des Marxismus. Entstehung. Entwicklung. Zerfall*. Bd. 1–3. [Main Currents of Marxism: Emergence, Development and Decay. Vols. 1–3.] (München: Piper, 1981).
- Konstitutsiia (Osnovnoi zakon) Soiuzo Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik* [Constitution (Basic Law) of the Union of Soviet Socialist Republics] (M.: Pravda, 1977).
- Konstitutsiia (Osnovnoi zakon) SSSR s izmeneniiami i dopolneniiami, vnesennymi zakonami SSSR ot 1 dekabria 1988 g., 23 dekabria 1989 g., 14 marta i 26 dekabria 1990 g.* [The Constitution (Basic Law) of the USSR, as amended and supplemented by the laws of the USSR of December 1, 1988; December 23, 1989, March 14 and December 26, 1990] (M., 1991).
- Konstitutsiia Rossiiskoi Federatsii s poslednimi izmeneniiami na 2022 god* [The Constitution of the Russian Federation with the latest amendments for 2022] (M.: Eksmo, 2022).
- Konstitutsiia RSFSR (Osnovnoi zakon). Priniata V Vserossiiskim S"ezdom Sovetov* [Constitution of the RSFSR (Basic Law). Adopted by the 5th All-Russian Congress of Soviets] (M., 1920).
- Kul'tura i vlast' v SSSR 1920–1950-e gody. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii v Spb. 24–26 oktiabria 2016 g.* [Culture and Power in the USSR in the

1920s–1950s. Materials of an International Academic Conference held in St. Petersburg. October 24–26, 2016] (M.: ROSSPEN, 2017).

ENRIQUE KRAUZE, *Biografía del Poder. Caudillos de la Revolución Mexicana (1910–1940)* [A Biography of Power: The Leaders of the Mexican Revolution (1910–1940)] (Mexico: Tusquets, 2009).

JAROSLAV KREJCI, *Great Revolutions Compared: The Outline of Theory* (London: Harvester Wheatsheaf, 1994).

L. KRITSMAN, *Geroicheskii period velikoi russkoi revoliutsii (opyt analiza voennogo kommunizma)* [The Heroic Period of the Great Russian Revolution (Analysis of War Communism)] (M., L.: Gosizdat, 1926).

Iu. S. KUKUSHKIN (Pod red.), *Rezhim lichnoi vlasti Stalina. K istorii formirovaniia* [Stalin's Regime of Personal Power: On the History of Formation] (M.: Izdatel'stvo MGU, 1989).

M. LEVIN, *Sovetskii vek* [Soviet Century] (M.: Evropa, 2008), 243.

P. P. MARCHENIA, S. Iu. RAZIN (Pod red.), *Krest'ianskii vopros v otechestvennoi i mirovoi istorii* [The Peasant Question in National and World History]. (M.: Izd. Ippolitova, 2014).

K. MARKS, *Grazhdanskaia voina vo Frantsii* [The Civil War in France], *Sobr. coh.*, izd. 2, T. 17 (M., 1960): 317–370.

O. M. MEDUSHEVSKAIA, “Teoriia i metodologiia kognitivnoi istorii” [The Theory and Methodology of Cognitive History], v *Sobranie sochinenii v 4 tomakh. T. 1. Filosofii istorii i teoriia istoricheskogo poznaniia* (M.: Direct-Media, 2017), 65–418.

A. N. MEDUSHEVSKY, “Demokraticheskie i oligarkhicheskie tendentsii v bol'shevistkoi revoliutsii: genesis sovetskoi rabochei biurokratii” [Democratic and Oligarchic Tendencies in the Bolshevik Revolution: The Genesis of the Soviet Workers' Bureaucracy], *Voprosy teoreticheskoi ekonomiki*, no. 1 (2022): 102–125. https://doi.org/10.52342/2587-7666VTE_2022_1_102_125

A. N. MEDUSHEVSKY, “Fenomen bol'shevizma: logika revoliutsionnogo ekstremizma s pozitsii kognitivnoi istorii” [The Phenomenon of Bolshevism: The Logic of Revolutionary Extremism from the standpoint of Cognitive History], *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 5 (2013): 114–126.

A. N. MEDUSHEVSKY, “Gosudarstvo-Kommuna: eksperiment rabochei demokratii v Rossii 1918 g. i prichiny ego krusheniia” [The State-Commune: The Experiment of Workers' Democracy in Russia in 1918 and the Causes of Its Downfall], *Mir Rossii* 28, no. 2 (2019): 63–83.

A. N. MEDUSHEVSKY, “Kommunizm kak sotsial'naia utopiia i iuridicheskaia fiktsiia: proekt Konstitutsii perioda ‘Ottepel’ (1961–1964)” [Communism as a Social Utopia and a Legal Fiction: A Draft Constitution for the Thaw Period (1961–1964)], *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie* 94, no. 3 (2013): 132–144, 95 no. 4 (2013): 144–154.

A. N. MEDUSHEVSKY, “Konstitutsiia 1924 goda: kak i gde byli zalozheny prichiny krusheniia SSSR? Ch. 1–2” [The Constitution of 1924: How and Where Were the Reasons for the Collapse of the USSR Laid Down? Part 1–2], *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie* 104, no. 1 (2015): 117–129, 105 no. 2 (2015): 118–131.

A. N. MEDUSHEVSKY, “Konstitutsiia “razvitogo sotsializma”: otkuda vziasia printsip rukovodiashchei roli partii?” [The Constitution of “Developed Socialism”: Where Did the Principle of the Leading Role of the Party Come from?], *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 3 (2014): 84–97.

A. N. MEDUSHEVSKY, "Konstitutsionnye komissii v SSSR: struktura, sostav, mekhanizmy deiatel'nosti" [Constitutional Commissions in the USSR: The Structure, Composition, Mechanisms of Their Activity], *Grazhdanskoe obshchestvo v Rossii i za rubezhom*, no. 1–2 (2016).

A. N. MEDUSHEVSKY (Pod red.), *Konstitutsionnyi Sud Rossii: osmyslenie opyta* [The Constitutional Court of Russia: Understanding the Experience]. (M.: Tsentr Konstitutsionnykh issledovaniy, 2022).

A. N. MEDUSHEVSKY, "Mif Kommuny i stanovlenie Sovetskogo gosudarstva (k pereosmysleniiu Konstitutsii RSFSR 1918 goda)" [The Myth of the Commune and the Formation of the Soviet State (On the Rethinking of the Constitution of the RSFSR of 1918)], *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 4 (2015): 121–140.

A. N. MEDUSHEVSKY, *Mif russkoi revoliutsii: struktura, evoliutsiia i vklad v sotsialnuiu transformatsiiu XX–XXI veka* [The Myth of the Russian Revolution: Its Structure, Evolution and Contribution to the Social Transformation of the 20th – 21st Century], v *Rossii 1917–2017: Evropeiskaia modernizatsiia ili osobyi put'*, pod. red. A. P. ZAOSTROVTSOVA (Spb: Leont'evskii tsentr, 2017), 156–175.

A. N. MEDUSHEVSKY (Pod red.), *Osnovy konstitutsionnogo stroia Rossii: dvadtsat' let razvitiia* [Fundamentals of the Constitutional Order of Russia: Twenty Years of Development]. (M., IPPP, 2013).

A. N. MEDUSHEVSKY, "Perestroika i prichiny krusheniia Sovetskogo Soiuz s pozitsii analiticheskoi istorii" [Perestroika and the Causes of the Collapse of the Soviet Union from the Standpoint of Analytical History], *Rossiiskaia istoriia*, no. 6 (2011): 3–30.

A. N. MEDUSHEVSKY, *Politicheskaiia istoriia russkoi revoliutsii: normy, instituty, formy sotsial'noi mobilizatsii v XX veke* [The Political History of the Russian Revolution: Norms, Institutions and Forms of Social Mobilization in the 20th Century] (M., Spb.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2017).

A. N. MEDUSHEVSKY, "Stalinizm kak model' sotsialnogo konstruirovaniia" [Stalinism as a Model of Social Construction], *Rossiiskaia istoriia*, no. 6 (2010): 3–29.

A. N. MEDUSHEVSKY, "Vozrozhdenie imperii? Rossiiskaia konstitutsionnaia reforma 2020 na fone global'nykh izmenenii" [Revival of an Empire? 2020 Russian Constitutional Reform against the Backdrop of Global Changes], *Vestnik Evropy*. T. 53/54 (2020): 82–97. BARRINGTON MOORE, *Social Origins of Dictatorship and Democracy* (Boston: The Beacon Press, 1966).

"O prichinakh krusheniia SSSR i stanovlenii novoi Rossii" [On the Causes of the Collapse of the USSR and the Formation of a New Russia], *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, no. 4 (2015): 101–116.

A. M. ONU, "Sotsiologicheskaiia priroda revoliutsii" [The Sociological Nature of Revolutions], v *Sbornik statei, Posviashennykh Pavlu Nikolaevichu Miliukovu, 1859–1929* (Praga, Orbis, 1929).

Pervyi international i Parizhskaia kommuna: dokumenty i materialy [The First International and the Paris Commune: Documents and Materials] (M., Izdatel'stvo Politicheskoy Literatury, 1971).

NIKOLAJ PLOTNIKOV (Editor), *Gerechtigkeit in Russland. Sprachen, Konzepte, Praktiken* [Justice in Russia: Languages, Concepts, Practices], (München: Wilhelm Fink, 2019), 423–460.

The Revolution, the Constitution, and America's Third Century Vols. 1–2: The Bicentennial Conference on the United States Constitution, April 5–8, 1976. (The American Academy of Political and Social Science, University of Pennsylvania Press, 1976).

V. A. RYZHKOV (Pod red.), *Rossii 2018 goda. Chetvert' veka transformatsii: udachnye eksperimenty i upushennye vozmozhnosti* [Russia in 2018: A Quarter of a Century of Transformation: Successful Experiments and Missed Opportunities] (M.: Shkola grazhdanskogo prosveshcheniia, 2019).

S. M. SHAKHRAI, K. P. KRAKOVSKII (Pod red.), *Juristy i revoliutsiia: Pro et Contra* [Lawyers and Revolution: Pro and Contra]. (M.: Kuchkovo pole, 2017).

L. D. SHAPOVALOV (Pod red.), *1917 god: Gosudarstvo. Vlast'. Territoriia. Doklady mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii 25 oktiabria 2017 g.* [1917: State. Power. Territory. Reports from an International Academic Conference. October 25, 2017] (M.: Politicheskaiia entsiklopediia, 2017).

V. L. SHEINIS, *Vlast' i zakon: Politika i konstitutsii v Rossii v XX-XXI vekakh* [Power and Law: Politics and Constitutions in Russia in the 20th -21st Centuries] (M.: Mysl', 2014).

THEDA SKOCPOL, *States and Social Revolutions: A Comparative Analysis of France, Russia and China* (Cambridge: Cambridge University Press, 1980).

P. SOLOMON, *Sovetskaia iustitsiia pri Staline* [Soviet Justice under Stalin] (M.: ROSSPEN, 2008).

K. A. SOLOV'EV (Pod red.), *Res Publica. Russkii respublikanizm ot Srednevekov'ia do kontsa XX veka* [Res publica: Russian Republicanism from the Middle Ages to the End of the 20th Century] (M.: NLO, 2021).

PITIRIM A. SOROKIN, *The Sociology of Revolution* (London, 1924).

R. SUNI, E. MARTIN (Pod red.), *Gosudarstvo natsii: imperii i natsional'noe stroitel'stvo v epokhu Lenina i Stalina* [The State of Nations: Empire and Nation-Building in the Era of Lenin and Stalin] (M.: NLO, 2011).

N. S. TIMASHEV, *Politicheskoe i administrativnoe ustroistvo SSSR* [The Political and Administrative Structure of the USSR] (Parizh, 1931).

Tsennosti Perestroiki v kontekste sovremennoi Rossii [The Values of Perestroika in the Context of Modern Russia] (M.: Gorbachev-fond, 2015).

A. M. TURUBINER, *Ocherki gosudarstvennogo ustroistva SSSR* [Essays on the State Structure of the USSR] (M.: Juridicheskoe Izdatel'stvo Narkomjusta RSFSR, 1925).

Uroki Oktiabria i praktiki sovetskoii sistemy 1920–1950-e gody. Materialy X mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii 5–7 dekabria 2017 g. [The Lessons of October and the Practice of the Soviet System in the 1920s–1950s: Materials of the 10th international academic conference. December 5–7, 2017] (M.: ROSSPEN, 2018).

N. USTRIALOV, *Pod znakov revoliutsii* [Under the Sign of the Revolution] (Kharbin, 1927).

N. VERT, *Terror i besporiadok. Stalinizm kak sistema* [Terror and Disorder: Stalinism as a System] (M.: ROSSPEN, 2010).

V. P. VOLGIN (Pod red.), *Protokoly zasedanii Parizhskoi kommuni 1871 goda* [Minutes of the Meetings of the Paris Commune of 1871]. (M.: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR, 1959–1960. T. 1–2).

V.V. ZHURAVLEV (Pod red.), *Revoliutsionnaia mysl' v Rossii XIX – nachala XX veka* [Revolutionary Thought in Russia in the 19th – Early 20th Century]. (M.: ROSSPEN, 2013).

G. ZINOV'EV (Pod red.), *Parizhskaia kommuna: akty i dokumenty, epizody krovavoi nedeli* [The Paris Commune: Acts and Documents, Episodes of that Bloody Week]. (Petrograd: Izdatel'stvo Kommunisticheskogo Internatsionala, 1920).

ТАМАШ КРАУС

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ СМЕНЫ ОБЩЕСТВЕННОГО СТРОЯ КАК ПЕРЕДЕЛА СОБСТВЕННОСТИ¹

THE BASIC FEATURES OF SYSTEM CHANGE AS THE REDISTRIBUTION OF OWNERSHIP

The collapse of the Soviet Union and the failure of the state socialist system would not have happened without the decisive role played by domestic economic and political crises and the active co-operation of the Soviet state elite. There can no longer be any doubt that the disintegration of the Soviet Union and state socialism was bound up with the unreserved embrace of the global economy by those in power in order to preserve their own positions, maintain their luxury lifestyle, and ensure their control over state property in perpetuity. Fearful for their social position, the Soviet elite, the nomenclature, were open to any solution which would consolidate their status. The most powerful groups in the Soviet Union joined an obvious and open alliance with international centres of power and money. Later experiences of privatisation showed that where there is a shortage of capital privatisation can only take place through raw expropriation. This fraud was most clearly demonstrated by the 'voucher' scheme or 'popular privatisation,' which accorded with the spirit of Shatalin's programme but was at odds with the more cautious IMF programme. The preferred method for privatisation was 'management privatisation,' which involved an alliance of bankers, managers and state functionaries. According to the programme, enterprises should function as a kind of joint stock company "free from state control, with state holding companies following the model of private sector holding companies". As is now well known, due to the lack of capital in the system, the end result was that the rapid 'emancipation' of state property descended into a frenzy of division and acquisition by the elite (which Russian called 'prihvatizatsya'). In essence perestroika came to an end with the private expropriation of state property. The state remains the strict guarantor of property relations defining both the 'state dependency' of the new Russian oligarchic bourgeoisie and the political-institutional conditions for the emergence of a new, class society..

Keywords: system change in the USSR, history of the privatisation, perestroika

Tamás Krausz – DSc in History, Professor Emeritus, Russian Studies Centre, Department of Eastern and Central European History and Historical Russistics, Faculty of Humanities, Eötvös Loránd University. E-mail: centre@russianstudies.hu

¹ *Citation: TAMÁS KRAUSZ, "Osnovnye cherty smeny obshchestvennogo stroia kak peredela sobstvennosti" [The Basic Features of System Change as The Redistribution of Ownership], *RussianStudiesHu* 5, no. 1 (2023): 43-68. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2023.5.2*

ИСТОРИЗМ ПОНЯТИЯ

В начале 1920-х годов представители поколения революции 1917 года во главе с Лениным чувствовали, что их субъективные стремления, социалистические цели встретились с сопротивлением исторических ограничений, железных законов истории.² Практика «социализма в отдельно взятой стране» была чередой вынужденных шагов, вынужденной траекторией развития, которая после сталинского поворота превратилась из нужды в добродетель. Когда в начале 30-х годов в основном сложилась структура экономического развития, принявшая вид новой системы государственного социализма, страна праздновала победу социализма: «сталинская конституция» 1936 года законодательно закрепила осуществление социализма. В 80-х гг. последнее поколение коммунистической правящей элиты, наиболее известными представителями которой были Михаил Горбачов и Борис Ельцин, еще осознавало, что СССР как союз, федерация республик в смертельной борьбе победил нацистскую Германию и стал мировой державой, но оно знало и то, что основные структуры сталинского режима пережили все реформы. Государство как конечный источник общественной собственности и общественного бытия еще казалось неприкосновенным даже в начальный период перестройки. Как это обычно бывает, широкомасштабная инициатива, направленная на реформирование социализма, завершилась не так, как предполагали «конструкторы перестройки», но ведь и *государственный социализм* сложился в СССР не в соответствии с предварительными планами. Никто не предполагал, что советские правящие элиты и руководящие политики без всякого давления извне, руководствуясь своими властными интересами, просто-напросто уничтожат свою прежнюю родину, СССР. В этом смысле показательно, что около 1989 г. ни один из известных советских экспертов не прогнозировал распада Советского Союза. Поначалу многие не придавали рокового значения даже тому, что первой советской республикой, объявившей в июне 1990 г. о своей независимости от СССР, была именно Россия, Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика.³

2 Эта проблематика рассмотрена мной в книге: Тамаш Краус, *Ленин. Социально-политическая реконструкция* (Москва: ИНИОН, 2011). См. еще: М. И. Воейков, *Предопределенность социально-экономической стратегии: Дилемма Ленина* (Москва: ЛЕНАНД, 2015).

3 Интервью Зигмунда Антоновича Станкевича, кандидата исторических наук, доктора юридических наук, заместителя руководителя Информационно-аналитического

Главный процесс совершенно не изменился и тогда, когда в марте 1991 г. большинство участников знаменитого референдума, проведенного без Грузии и балтийских государств, высказались за сохранение СССР. В условиях обостряющегося экономического и политическо-управленческого кризиса столкновения аппаратных интересов уже вырвались за те рамки, которые объединяли общество и советскую федерацию.

Начало этой воистину исторической перемены («change of regime»), которая в советском восточноевропейском блоке проявилась в полной мере уже в 1989 г., было неотрывно связано с запуском перестройки в 1985 г. А завершением смены общественного строя стал ельцинский путч в октябре 1993 г., в ходе которого вооруженным путем был разгромлен легитимный парламент, и исполнительная власть одержала победу над властью законодательной.⁴ Во всяком случае, перемены 1989 г. в Восточной Европе стали еще одним доказательством того, что в этом регионе в соответствии с особенностями его исторического развития «все всегда происходит одновременно». В 1989 г. СССР окончательно отказался от опеки над Восточной Европой и местные правящие элиты, быть может, лишь за исключением восточногерманской и румынской, немедленно поняли зов времени... Объединение Германии в ноябре этого года было более чем символическим событием, ведь оно ясно указывало на то, что речь в конечном итоге шла о геостратегической перестройке мировой системы, о крахе биполярного мирового порядка, и характер этих процессов в значительной степени зависел от социального содержания и качества перемен в Восточной Европе и СССР.

Их «содержание» в то время также транслировалось рядовым гражданам посредством массовой информации в соответствии с интересами руководителей общества. Представители старшего поколения еще хорошо помнят, что в конце 1980-х гг. сначала в малых странах «социалистического лагеря», а потом и в СССР дикторы телевидения практически всегда произносили приподнятым тоном и с затуманенными

центра (аналитической группы) Аппарата Президента СССР (1990-1991). Максим Шалыгин-глава Аналитического центра Президента СССР: «Распад СССР продолжается»). Обо всем этом ныне уже имеется документационная литература. См., например: <http://regnum.ru/news/polit/2035022.html> 2015. 14. dek. Относительно качества советской правящей элиты стоит принять во внимание и сведения такого свидетеля, как Хасбулатов: <https://vz.ru/politics/2020/6/12/1044318.html>

4 Уже в то время мы оценивали эти события в этом контексте. См.: *Ельцинщина. Jelcincsina* (Будапешт: Венгерский институт русистики, 1993).

гласзами, да даже и не просто произносили, а торжественно выговаривали основные понятия смены общественного строя: *свободный рынок, многопартийная система, свобода*. К тому времени, когда и «простой народ» связал воедино и затвердил эти понятия, критически мыслящие люди уже поняли и то, что выступавшая в качестве *великой цели буржуазная демократия* западного типа является всего лишь химерой, частью телешоу «Большой обман». Плюралистическая, многопартийная система была упрощена до уровня властной техники, с помощью которой удалось убедить население примириться с грандиозным магическим действием *передела собственности*. Было упущено из виду, что в Восточной Европе «буржуазная демократия» в действительности представляет собой лишь своего рода разновидность неподконтрольного обществу элитарного парламентаризма, социальный базис которого был настолько же узким и «таинственным», насколько хрупкой и подверженной сильным манипуляциям была общественная поддержка экономической перестройки.⁵ Поскольку на этой полупериферии мировой системы никогда не существовало «демократической буржуазии», не могла возникнуть и буржуазная демократия.

ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СМЕНЫ ОБЩЕСТВЕННОГО СТРОЯ НА ПОЛУПЕРИФЕРИИ МИРОВОЙ СИСТЕМЫ

Теоретическая концепция *полупериферии*, которая указывает место восточноевропейского региона в мировой системе, не только разоблачает давнюю восточно-европейскую утопию национального и регионального *догоняющего* развития,⁶ но и показывает, что *после краха системы государственного социализма и распада СССР западные страны ядра освободились от политического и экономического конкурента* («мировой социалистической системы»), что оказало вли-

5 С методологической точки зрения пониманию проблемы способствует: JOSNEK HIPPLER, „A demokratizálás mint uralmi forma – A harmadik világ a hidegháború után”, *Eszmélet* 29 (1996. tavasz): 22–50. То, что написано автором о «демократизации» третьего мира в период холодной войны, в основных моментах напоминает все то, что произошло на бывшей социалистической полупериферии в результате экспорта институтов в рамках смены общественного строя.

6 В данном случае я имею в виду не только труды таких разработчиков теории мировой системы, как Валлерстайн и Арриги, но и, например, работы таких историков, как швейцарец Пауль Байрох, или венгры, Пал Жигмонд Пах, Иван Т. Беренд, Дёрдь Ранки и Эмиль Нидерхаузер.

яние на весь процесс глобального накопления капитала и переформирования геополитических зон влияния великих держав, который продолжается и в наши дни.⁷ Собственно, уже в работах Ленина можно обнаружить контуры теоретического осмысления системообразующей роли международного разделения труда, империалистической природы и иерархического угнетательного характера мировой системы капитализма. Централизация и концентрация капитала произошла и в глобальных масштабах, и в период Первой мировой войны выявилась одна из новых черт этих процессов – растущая экономическая роль государства. История XX века может быть большей частью представлена и как история растущей экономической роли государства. Когда с первой половины 70-х гг. началась неолиберальная атака капитала, направленная против стесняющей капитал ограничительной экономической (не полицейской!) роли государства, истинной целью этой атаки была ликвидация социальной роли государства, поскольку капитал больше не желал в неизменной форме финансировать «достижения» в области народного благосостояния даже в странах ядра. В этой связи изменение общественного строя также глубоко коренилось в тенденциях развития мировой экономической системы того времени и полупериферийных структурах мировой системы, точнее говоря, смена общественного строя как смена социально-экономических форм и сама способствовала сохранению «полупериферийного» состояния восточноевропейского региона, поскольку суть дела состояла в подчинении региона глобальной финансовой капиталистической системе, мульти- и супранациональному капиталу, что позже было названо «интеграцией в мировую экономику». В России Александр Зиновьев окрестил эти изменения и их результат «колониальной демократией», указав на иерархический и угнетательный характер новой интеграции. Другими словами, страны ядра по существу беспрепятственно производят и выводят из региона прибыль под «революционным» флагом демократии, свободы и национальной независимости. С 1989 г. политика подчинения несет в себе то же противоречие, на которое в свое время обратил внимание замечательный

7 Все это подтверждается тем, что и «капиталистическая реинтеграция» региона в рамках Евросоюза несет на себе характерные черты существовавших перед Второй мировой войной интеллектуально-политических и социальных структур, старый капитализм смешивается здесь с современными глобальными формами, происходит «смешание» разных исторических эпох в соответствии с логикой «комбинированного развития» (Троцкий).

экономист Петер Рона. Аналитики Международного валютного фонда, стран G20 и крупнейших банков сформулировали два диаметрально противоположных предложения для региона ядра и подчиненных ему регионов. Один из них заключался в том, что богатые страны должны с помощью увеличения бюджетного дефицита и смягчения монетарной политики оживить спрос, в то время как меняющим общественный строй и другим бедным странам необходимо сделать противоположное, сократить государственные расходы, потуже затянуть пояса и сократить потребление, в то время как сама система постоянно стимулирует увеличение потребления и получение все новых кредитов. Та же двойственность наблюдалась в мышлении и деятельности идеологов и одновременно активных участников смены общественного строя, которые толкали вперед телегу смены общественного строя и в то же время постоянно удивлялись и огорчались по поводу ожидаемо следовавших друг за другом катастроф.⁸

Глубокие исторические корни этого можно обнаружить, если разделить восточноевропейский регион на подрегионы. Видно, что в новой и новейшей истории судьба подрегионов всегда зависела от каких-то крупных государственных образований, империй, союзных государств (Австро-Венгерской монархии, Германии, Османской империи, СССР, США-НАТО, Евросоюза, России), а их внутренние социальные, экономические классовые отношения соответствовали положению, существовавшему в этих «империях». В этом изменяющемся пространстве менялись судьбы этих подрегионов, их внутренние социально-экономические отношения и международное положение. Известно, что академик Эмиль Нидерхаузер в итоге своих длительных исторических исследований пришел к мысли о «четырёхчленной» субрегиональной структуре. Определяющие моменты развития были осмыслены в отношении к развитию западных стран центра: в какой степени существовали экономические, политические и классовые предпосылки буржуазного капиталистического развития, сложился ли вообще класс буржуазии, в чем состояла специфика землевладения, какова была роль государства и иностранного капитала и каким было их отношение друг к другу? Предметом особого изучения отличия и сходства рели-

8 В числе таких катастроф упоминалось, например, и то, что смена общественного строя как процесс передела собственности и власти привел к появлению в результате распада СССР и Югославии целого ряда враждующих друг с другом маленьких и слабых государств. См. еще: JÓZSEF BÖRÖCZ, *Hasított fa. A világtrendszer-elmélettől a globális struktúraváltásig* (Budapest: L'Harmattan, 2017).

гиозных и культурных факторов по отношению к развитию Западной Европы.

На основании всего этого можно выделить четыре подрегиона: 1) русско-украинско-белорусская структурная общность, 2) Балканы, 3) Центральная Восточная Европа от Балтики и Польши до Венгрии и Хорватии и, наконец, 4-й подрегион, Чехия и Словения, который по историческим характеристикам развития уже в начале XX века стоял ближе остальных к Западу, и который знаменитый профессор назвал Западной Восточной Европой.⁹ Характерные границы этих четырех подрегионов ясно узнаваемы и по прошествии более 30 лет после смены общественного строя: не удалось «догнать Запад», что, как мы подчеркнули выше, было самым святым обещанием, идеологией, можно сказать, религией смены общественного строя, не утвердились правила и утонченная структура привычной в Западной Европе «буржуазной демократии» и т. д. Дело в том, что страны Запада, интегрирующие в настоящее время Восточную Европу, поделили ее между собой на территории, зоны влияния в соответствии со своими геостратегическими «запросами» и настаивали на принятии своих «ценностей» лишь в той степени, в какой последние поддерживали их геополитические устремления и усиливали «сплоченность Европы». Складывающиеся заново национальные классовые общества постоянно искали поддержки с Запада, причем уже на заре смены общественного строя, больше того, даже еще раньше, что, быть может, наиболее характерным образом проявилось в т. н. долговом кризисе. Контроль над рынками и тоговыми путями претерпел изменение в той мере, в какой обозначились новые контуры господства великих держав над ресурсами в результате уменьшения, а затем полного прекращения влияния СССР. Таким образом, распад биполярной мировой системы сыграл очень важную роль в появлении новых крупных и мелких государств. Казалось, что США по существу остались в одиночестве на «поле боя». Мелкие национальные государства в Центральной и Восточной Европе и на Балканах одновременно «поклонялись» и местным националистическим традициям, и либеральной иллюзии, обещавшей «догнать Запад». В случае СССР основные интересы Запада обозначились лишь постепенно. Поначалу определяющими были бо-

9 Подробнее об этом см.: TAMÁS KRAUSZ, „Niederhauser Emil Kelet-Európa-koncepciójáról (A történész 70. születésnapjára)”, in: *Megélt rendszerváltás* (Budapest: Cégér Kiadó, 1994), 177–202.

язнь последствий падения биполярной мировой системы и придуманные для успокоения руководителей СССР обещания, что НАТО не будет расширяться на восток. Лишь после распада СССР западные державы перешли к выдвиганию таких «идей», как развал России по плану Бжезинского и противоречащее всем прежним обещанием расширение НАТО на восток.¹⁰ Между тем одной из субъективных предпосылок смены общественного строя в СССР было именно то, что за десятилетия гонки вооружений идея *европейской ориентации* все сильнее проникала в мышление советской властной элиты и политической бюрократии. Позже, в перестроечной эйфории мысль об «объединении Европы» («европейский дом» Горбачева) внушала советской, а затем российской властной элите (иллюзорные) обещания конкретных возможностей европейской интеграции, на что указывалось еще в работах, опубликованных до распада СССР.¹¹

ГОСУДАРСТВЕННАЯ СОБСТВЕННОСТЬ КАК ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА

Несмотря на то, что государственная собственность в Западной Европе имеет долгую, многовековую историю, в Восточной Европе после 1945 г. она получила такую доминирующую роль, которая уже отличалась от тенденции западноевропейского развития. Под влиянием и как бы в виде «экспорта» общего тренда развития СССР государственная собственность укоренилась во всех четырех подрегионах Восточной Европы в качестве системообразующего фактора, определяющего признака государственного социализма, который повлиял на эволюцию всей социальной структуры в целом. Необходимо отметить, что в конце 80-х гг. неолиберализм как глобально господствующий набор рычагов экономической политики и адекватная система политических институтов господства мультинационального капитала даже с помощью своих властных и экономических методов и структур не смог бы без смены общественного строя добиться приватизации в Восточной Европе в

10 Во множестве публикаций, основанных в том числе и на архивных источниках ЦРУ, рассматривается, что было сказано, и почему Горбачев не добился закрепления данных ему обещаний в письменном соглашении. См., например: https://epa.oszk.hu/01700/01739/00107/pdf/EPA01739_eszmelet_122_077-087.pdf

11 JERRY HOUGH, *Russia and the West. Gorbachev and the politics of reform* (N.Y., Sidney etc.: A Touchstone book by Simon and Schuster Inc., 1990), 232.

отличие, например, от тэтчеристской Англии или любой другой точки традиционной системы капитализма, где приватизация, присвоение, распродажа коренящейся в частной собственности государственной собственности осуществлялись без смены общественного строя. Дело в том, что при государственном социализме государственная собственность по конституции находилась под контролем производительных классов. Однако, как мы знаем, на практике государственная собственность в Восточной Европе была бюрократизирована и вопреки постулатам официальной идеологии никогда не становилась непосредственно общественной собственностью, больше того, все направленные на осуществление этого попытки повсеместно подавлялись. Например, в 1956 г. в Венгрии злой рок настиг рабочие советы, в то время как в 1980-х гг. течение в польской «Солидарности», стремившееся к рабочему самоуправлению, было «окончательно» раздавлено как раз в ходе смены общественного строя силами, «покаявшимися в верности» буржуазной частной собственности,¹² и даже нет нужды говорить здесь об опыте самоуправления в Югославии.¹³ После государственно-социалистического поворота 1948 г. важнейшая отличительная черта государственной собственности состояла в том, что она коренилась не в капиталистической частной собственности, а, наоборот, в ее ликвидации. До 1989 г. в Восточной Европе государственная собственность ни в принципе, ни на практике не могла быть предметом купли-продажи и наследования, хотя бенефициары бюрократического распоряжения ею стояли на верхних ступенях социальной иерархической лестницы, над рабочим классом, который считался господствующим. Для того чтобы государственная собственность могла наследоваться менеджерской бюрократией, а также определенными группами партийного, государственного и военного аппарата, нужно было уничтожить всю систему (смена общественного строя), и приватизация составляла внутреннюю движущую пружину этого процесса.

Таким образом, в ходе смены общественного строя главные политические акторы того времени считали своей «ключевой задачей» именно присвоение государственной собственности. Тем временем партийные руководители и пропагандистские аппараты старались отвлечь от этого внимание общества, принижая значение вопроса о собственности. В Венгрии первый после смены общественного строя

12 Об этом см.: MIKLÓS MITROVITS, „Az öngazgatás bukása. A neoliborális rendszerváltás Lengyelországban”, *Eszmélet* 83. (2009. ősz): 33–53.

13 JÓZSEF JUHÁSZ, „A jugoszláv öngazgatási modell”, *Múltunk*, no. 2-3. (2001): 276–293.

премьер-министр, Йожеф Анталл, даже в 1990 г. не решался произнести слово «капитализм», следуя привычке руководителей реформ-коммунистов. Как мы увидим, не иначе обстояли дела и в СССР. Мы еще хорошо помним «официальные» мнения, согласно которым вопрос собственности является «не таким уж важным», вовсе не главным вопросом, важно лишь то, чтобы «предприятие работало, а рабочие получали хорошую зарплату», в то время как внутри властной элиты самыми «причудливыми» средствами велась борьба не на жизнь, а на смерть за частное присвоение государственной собственности.¹⁴

Первые распоряжения, законы после смены общественного строя как в принципе, так и по конституции сделали невозможным *обобществление* государственной собственности. В Венгрии в 1989 г. по инициативе общественной организации под названием «Ассоциация левая альтернатива» парламент посредством поправки к конституции законодательно закрепил самоуправление трудящихся, однако весной 1990 г., после выборов, возможность производственной формы, базирующейся на общественной собственности, была вычеркнута из конституции в соответствии с капиталистическим духом смены общественного строя. Иначе говоря, поскольку при государственном социализме частное присвоение государственной собственности было неосуществимо, в ходе смены общественного строя ее приватизация понималась исключительно в соответствии с логикой сохранения власти, интересами господствующих властных элит и стремлением последних сохранить свои привилегии и добиться осуществления своих интересов.¹⁵ Не случайно, что соответствующие «экспертные группы» и финансово-политические группировки Запада и особенно США, ссылаясь на «рыночные силы», на позитивные «способности» мультинациональных компаний и негативные «способности» рабочего класса, отвергли все коллективные формы присвоения.¹⁶

14 См. об этом «культовую» статью: JÓZSEF MOCSÁRY, „Hogyan lopjunk gyárat?“, *Eszmélet* 3. (1991).

15 LÁSZLÓ TŰTŐ, „Társadalomfilozófiai alternatívák a magyarországi rendszerátalakításban II.: összebékíthető-e a társadalmi önkormányzás a pártokkal? A háromoldalú kerekasztal egy tanulságáról“, *Eszmélet* 123 (2019): 66–99.

16 Подробнее об этом см.: TAMÁS KRAUSZ, „Perestroika and the redistribution of property in the Soviet Union: political perspectives and historical evidence“, *Contemporary Politics* 13, no. 1 (March 2007): 3–36. См. еще: IVÁN SZELÉNYI, GIL EYAL, ELEANOR TOWNSLEY, „A posztkommunista gazdasági vezetés (menedzserizmus). A gazdasági intézmények átforgalmazása és a társadalom szerkezetében végbemenő változások a posztkommunista átmenet idején“, in *Rendszerváltás és társadalomkritika*, szerk. TAMÁS KRAUSZ (Buda-

В наиболее чистой, почти классической форме органическую сочлененность проблем смены общественного строя и собственности можно увидеть в процессе становления многопартийной системы в Венгрии. Причем в двух аспектах. Во-первых, на этом примере ясно видно, как переплетаются властно-политические и экономическо-собственнические позиции, как складывается фундамент олигархического капитализма. А второй аспект заключается в том, что формирование политических партий отражало приватизационные интересы зарождающейся новой властной элиты. Партия Венгерский демократический форум, победившая на первых «свободных выборах» (в апреле 1990 г.), применяя прежде всего методы «раздачи», защищала приватизационные интересы потомков старого правящего класса режима Хорти. Союз свободных демократов представлял интересы иностранного капитала, настаивая на том, что государственная собственность должна продаваться по рыночной цене покупателям, располагающим крупными капиталами, каковых нет в Венгрии, где до перестройки, при государственном социализме значительное накопление капитала было невозможно. Христианско-демократическая партия играла роль попечителя церковной приватизации. Партия мелких хозяев выступала за реприватизацию соответствующую земельным отношениям 1947 г., и, наконец, Венгерская социалистическая партия репрезентировала приватизационные интересы менеджеров режима Кадара. Националистически настроенные крайние правые придерживались идеологической позиции, согласно которой «собственность должна перейти к венграм», то есть в их собственные руки. Таким образом, смена общественного строя, восстановление капитализма неизбежно вели к «кумовству», приватизации в пользу друзей и родственников, утверждению «мафиозный» связей и связанной со всем этим всепроникающей коррупции. Не случайно, что вследствие связи производства и торговли с международной системой экономики тема коррупции была в скором времени выдвинута на повестку дня в исследовательских программах Международного валютного фонда и Всемирного банка.¹⁷

Передел собственности, радикальная перестройка отношений собственности неизбежно перекроили и прежние границы восточноевро-

pest: Napvilág, 1998), 153–193 и ERZSÉBET SZALAI, *Gazdasági elit és társadalom a magyarországi újkapitalizmusban* (Budapest: Aula Kiadó, 2001).

17 См.: С. П. Глинкина, «Феномен коррупции: теория и российская практика». Рукопись. Подготавливается к печати в журнале *Новая и новейшая история*. (См. еще: *Eszmélet* 85 (2010. tavasz): 116–158.

пейских государств, поскольку этого требовал раздел экономического и властно-политического влияния между местными элитами. В руках местных правящих группировок этническое знамя по существу служило для того, чтобы сократить число конкурентов, выдавить представителей «других этносов» и обозначить границы территории, на которую они намеревались распространить свою власть. В то время как местные властные группировки играли относительно самостоятельную роль в создании новых государств, было бы ошибкой, если бы мы позабыли о том, что в ходе европейской интеграции этих государств страны ядра вынуждали их «конкурировать» друг с другом. В процессе капиталистической конкуренции эти разваливающиеся, маленькие и слабые государства, увлекшись наступившей наконец возможностью свободного «сведения взаимных исторических счетов», загнали самих себя в невыгодное положение. Именно в этом контексте получила смысл геостратегическая ставка, стоявшая на кону в ходе смены общественного строя. Югославская федерация, которая десятилетиями была в глазах Запада страной с образцовым решением национального вопроса, в процессе смены общественного строя стала полем борьбы держав ядра. В 90-х гг. беспокойство руководителям ЕС и НАТО причинила прежде всего сербская властная элита, интерпретировавшая программу смены общественного строя в соответствии с собственными соображениями. С другой стороны, США, НАТО и европейские великие державы воспользовались развалом Югославии и бомбардировками Сербии как средством установления экономического и военного контроля над регионом. В ходе этих крупных перемен местные политические группировки обращались за покровительством к более крупным державам, стараясь при поддержке последних «решить» вопрос новых границ или внутренних конфликтов. В СССР процессы протекали особым образом, «дележ» между местными властными элитами имел более крупные масштабы, западный мир в меньшей степени разбирался в нем и мог влиять на него, вследствие чего более скромной была и его доля в распоряжении ресурсами (приватизации).

ОСОБЕННОСТИ ГОСУДАРСТВА В РОССИИ

Считается общим местом, что *государственная собственность* в российской истории имеет глубокие, вековые корни. В конце XIX – начале XX вв. эта проблематика была осознана и описана с различных позиций Ключевским и Ковалевским, Милюковым и Павловым-Сильван-

ским, Плехановым и Лениным, Масловым и Троцким. Их работы сохраняют свое значение и в наши дни.¹⁸ В современной исторической литературе,¹⁹ посвященной российской истории от Ивана IV и Петра Великого до Сталина, превалирующая роль государственной собственности подчеркивается как фактор, определяющий развитие как промышленности, так и сельского хозяйства. Конечно, эти «характерные особенности» необходимо рассматривать с учетом меняющихся и структурно различных исторических условий, иначе можно придти к схематичным и упрощенным конечным выводам. Однако, если мы все же захотим кратко обрисовать эти характерные черты развития, то никак не сможем избежать повторения нескольких «общих мест».

Прежде всего укажем на то, в Российской империи в течение столетий сущностная роль государства и государственной собственности предопределялась геостратегическими нуждами власти, вытекавшими из необходимости захватывать, удерживать, объединять огромные территории и управлять ими, из конкурентной борьбы с западными державами. Иначе говоря, принудительное присвоение рабочей силы расселившегося на большой территории населения для нужд царской власти требовало концентрации собственности в руках государства. В связи с этим в эпоху Петра Великого утвердилась новая, но все же досовременная историческая форма общины. Общинная традиция пробудила и фантазию Маркса, размышлявшего о будущей роли коллективной собственности. Длительное сохранение общины было связано и с тем обстоятельством, что в «современной мировой системе» Россия занимала полупериферийное место относительно стран ядра, что отводило российской аграрной сфере особую роль «поставщика зерна и сырья» в европейском разделении труда.

18 Четверть века назад мы сделали попытку историографического осмысления взглядов этих авторов, но не предполагали, что эта проблематика и много лет спустя предстанет перед новыми поколениями в качестве крайне актуального исторического опыта. В аспекте смены политических, больше того, социальных форм она стала актуальной и спустя столетие. (См.: TAMÁS KRAUSZ, *Pártviták és történettudomány* (Budapest: Akadémiai Kiadó, 1989). См. еще несколько моих статей в сборнике: TAMÁS KRAUSZ, *Lenintől Putyinig* (Budapest: La Ventana Kiadó, 2003). Еще сорок лет назад мы с Дюлой Сваком опубликовали несколько текстов указанных выше авторов в венгерском переводе. См.: TAMÁS KRAUSZ, GYULA SZVÁK (szerk.), *Az orosz történelem egyetemessége és különössége* (Budapest: ELTE ÁJTK, 1982).

19 Много лет назад важную попытку научной разработки проблемы собственности сделали российские ученые в сборнике, посвященном 80-летию со дня рождения академика Виноградова: В. В. АЛЕКСЕЕВ (ред.), *Собственность в XX столетии* (Москва: РОССПЕН, 2001).

Первоначальное накопление капитала не продвигалось в России и после 1861 г., в ходе становления современного капиталистического общества. В основном слабым оставался и класс капиталистов, сохранялось характерное подчинение российской буржуазии царизму, автократическому государству, по-прежнему отсутствовал общероссийский национальный рынок, что повышало важность производственно-экономической функции государства, его роли своего рода «заменителя». Как известно, в советский период в результате сталинского поворота государственная собственность получила не просто исключительную позицию, но считалась как бы «коренной», автохтонной. Однако уже Троцкий заметил, что государственная собственность может быть радикально и за короткое время снова превращена в собственность частную в случае контрреволюционного переворота. Если эта «каста», писал он в 1936 г., почувствует, что ее привилегии в опасности, она не остановится перед трансформацией государственной собственности, в принципе принадлежащей трудящимся классам, в наследственную частную собственность путем частного присвоения.²⁰ Эта беспримерная историческая трансформация осуществлялась с большой быстротой, и дорогу ей открыла именно перестройка.²¹

ПЕРЕСТРОЙКА: РАЗРУШЕНИЕ СССР ПУТЕМ ПРИВАТИЗАЦИИ

«Передел собственности», приватизация государственной собственности не появились из ничего, они не проистекали даже из событий в Восточной Европе, хотя было бы глупо отрицать значение последних. Исторические корни приватизации тянутся вплоть до эпохи НЭП-а

20 LEV TROCKIJ, *Az elárult forradalom* (Budapest: Áramlat Könyvkiadó, 1990), 183-184. Анализ этого мнения см.: TAMÁS KRAUSZ, *Szovjet Thermidor. A sztálini fordulat szellemi előzményei 1917-1928* (Budapest: Napvilág Kiadó, 1996), 227-229. (В русском переводе книга издана Центром русистики Будапештского университета).

21 1 января 2000 г. в собственности российского государства оставалось лишь 4,8% всех заводов и предприятий, хотя в сельском хозяйстве такая радикальная перемена, конечно, не могла произойти из-за живучести многообразных коллективистских традиций крестьянского общества. С. Н. Лапина, Н. Д. Лелюхина, «Государственная собственность России: некоторые исторические уроки», в. В. В. Алексеев (ред.), *Собственность в XX столтии*, 216-223; И. Е. Кознова, «Крестьянские представления о земельной собственности: история и современность», в. В. В. Алексеев (ред.), *Собственность в XX столтии*, 667-685.

(1921–27).²² Эта традиция оживала для советской политической элиты во все периоды реформ, не случайно, что множество историков написали книги об этом историческом опыте.²³ В КПСС в первые три года перестройки сложилось два основных направления, представители которых в своей аргументации определили свое отношение к альтернативам прошлого. Лагерь, названный консервативным (и поначалу правым), который исходил из идеи сохранения государственного социализма, вступил в резкий конфликт с т. н. демократами (и критиковавшими старый режим радикальными марксистами), которых называли левыми, так как поначалу они опирались на антибюрократические взгляды Ленина, касающиеся советской демократии, а к 1989 г. обратились к капитализму. Представители другого оппозиционного течения, как я уже упоминал выше, ратовали за радикальные реформы под знаменем демократического, самоуправленческого социализма²⁴ и постепенно отошли от реформаторов, «застрявших» на рыночных реформах и намеревавшихся следовать западным образцам. Однако с годами в обоих лагерях произошли существенные изменения. «Консервативный» лагерь постепенно двинулся в сторону националистической, этатистской реставрации, в то время как демократы перешли «слева» на либерально-«буржуазную», можно сказать, правую позицию, обратились к политике реставрации капиталистических отношений, которая включала в себя введение многопартийности и «плюрализма собственности» (то есть, надо понимать, господства частной собственности). Исторические инспирации служили отправной точкой всей программы социалистической демократизации. В июне 1988 г. Горбачев предложил объединить должности секретаря партии и председателя совета для осуществления надпартийного аппарата. Под знаком демократии после семидесятилетнего перерыва снова был выдвинут лозунг «вся власть советам»; в результате «воскрешения»

22 Об этом см. 8-ю главу книги: TAMÁS KRAUSZ, *Lenin. Társadalomelméleti rekonstrukció* (Budapest: Napvilág Kiadó, 2008).

23 См., например: Е. Г. Гимпельсон, *Новая экономическая политика Ленина-Сталина. Проблемы и уроки (20-е годы XX в.)* (Москва: Собрание, 2004) и В. З. Роговин, *Сталинский неонэп* (Москва: б. и., 1994).

24 Изначально интеллектуальный ээкграунд перестройки отчасти представлял собой сборник *Иного не дано*, в котором главные идеологи, ученые перестройки обрисовали настоящие и будущие альтернативы. Указанная здесь концепция была наиболее полно изложена в работе: В. КИСЕЛЕВ, «Сколько моделей социализма было в СССР?», в *Иного не дано. Перестройка, гласность, демократия, социализм*, ред. Ю. Н. АФАНАСЬЕВ (Москва: Прогресс, 1988), 354–369.

революционного прошлого выяснилось, что однопартийный корабль с около 19 миллионами пассажиров получил пробоину. Процитированная выше книга Троцкого *Преданная революция: Что такое СССР и куда он идет* снова казалась актуальной.

Большинство советских руководителей лишь во второй половине 80-х гг. поняли, что *экономической мощности режима не достаточно ни для поддержания внешнеполитических позиций СССР, ни для неизменного сохранения структур обеспечения народного благосостояния*. Однако само по себе расширение демократии (гласность) при ухудшении материальных условий не воодушевляло большинство советского населения, заметно выросла дискрепанция между реальностью и обещанным коммунистами благосостоянием. Усиливалось влияние все более интенсивной популистской пропаганды «демократов» относительно рыночных реформ, за которой стоял тезис об успехах Запада и возможности повторить их. Наиболее бурные дискуссии связаны с предысторией XVIII съезда КПСС. Созванный для подготовки летнего партийного съезда и формулировки платформы ЦК пленум заседал 5–7 февраля 1990 г. На основании документов пленума однозначно выяснилось, что сторонники поддержанной ЦК КПСС платформы (*Гуманный и демократический социализм*), принятой после долгих дискуссий (после более 100 выступлений), выразили свою точку зрения на перспективы дальнейшего развития, но не сумели ни в теоретическом, ни в практическом плане определить, в каком направлении идет развитие СССР: в стороны обновления *социализма* или реставрации капиталистического строя.

Интересно, что проблема социализма как системы была поднята на пленуме ЦК лишь в выступлении «главного реформатора», С. С. Шаталина, автора «программы перехода к рыночной экономике», да и то только в эмоциональном и «текстологическом» аспекте. Г. Разумовский зачитал следующий отрывок из черновика подготавливаемого документа, касавшийся проблемы собственности: Коммунистическая Партия Советского Союза считает, что современному этапу экономического развития страны не противоречит и наличие индивидуальной трудовой и групповой собственности, в том числе и на средства производства. Использование любой формы собственности должно исключать эксплуатацию человека человеком.²⁵ На касавшиеся этого отрыв-

25 «Стенограммы Пленума ЦК КПСС. 5-7 февраля 1990 года», *Известия ЦК КПСС*, по 3 (1990): 46.

ка замечания Горбачев ответил, что понятие частной собственности исключено, потому что «многие товарищи из рабочих коллективов, секретари партийных комитетов, которые работают там, поднимали вопрос о том, что в народе, в массах это вызвало бы негативное отношение». Со свойственной ему легендарной наивностью и некомпетентностью в экономических вопросах Горбачев воспринимал данную проблему в идеологическом аспекте программы, подготавливавшей капитализм, подчеркнув, что в этой формулировке «отражается позиция партии: мы против эксплуатации труда», и напрасно объяснял лично ему Шаталин в связи с коллективной и иной собственностью, что целью является именно укоренение капиталистической частной собственности.²⁶ Дальнейшие сведения об этом процессе предоставляют материалы переговоров Горбачева с венгерскими руководителями. В начале июля 1988 г., Горбачев, считавший процессы, развернувшиеся в Венгрии, чуть ли не образцовыми, провел переговоры с прибывшей в Москву венгерской партийной делегацией во главе с Кароем Гросом. И тогда, и позже Горбачев утверждал, что целью перестройки является «укрепление социализма», больше того, видел родство между российскими и венгерскими событиями именно в том, что реформы в обеих странах несут в себе *социалистические* тенденции.²⁷

О том, насколько Горбачев не понимал реального положения вещей, можно получить ясное представление и по результату визита в Москву премьер-министра Миклоша Немета. В ходе личной беседы с ним советский генсек неоднократно подчеркнул: «Самая важная для нас задача – поставить в центр интересы человека, то есть обновить социализм». Эти тогда еще секретные документы также показывают, насколько Горбачев не понимал тенденций перемен в Венгрии. А между тем, рассказав советскому генсеку о принятом в Венгрии 5 октября 1988 г. «законе об экономических объединениях», т. е. практически о законе о приватизации, Миклош Немец объяснил, в частном секторе компании «смогут теперь нанимать не более 500 работников, но такого пока еще нет». Удивившись, Горбачев спросил: «А такой наниматель частный собственник?». И получил от Немета достаточно ясный ответ, хотя, говоря о собственности трудящихся, венгерский премьер-ми-

26 «Стенограммы Пленума ЦК КПСС. 5-7 февраля 1990 года», 48.

27 „Jelentés az MSZMP Politikai Bizottságának Grósz Károly 1988. július 4-5-i moszkvai látogatásáról”, in *Gorbacsov tárgyalásai magyar vezetőkkel. Dokumentumok az egykori SZKP és MSZMP archívumaiból 1985–1991*, szerk. MAGDOLNA BARÁTH, JÁNOS RAINER M. (Budapest: 1956-os Intézet, 2000), 149., 153.

нистр выдвинул на передний план «демократические возможности» для накопления капитала. В свою очередь, Горбачев назвал сдачу в аренду колхозных и совхозных земель «кооперативом кооперативов», совершенно упустив из виду характерные экономические и социальные проблемы и последствия накопления капитала.²⁸ В то время в Советском Союзе все маленькие частные предприятия, действующие на основе арендных соглашений, называли «кооперативными». 24-25 июля Горбачева посетили в Москве Режё Нерш и Карой Грос. Хотя Нерш назвал реформу собственности «главной нитью» всей программы реформ и подчеркнул стремление Венгрии «демократизировать общественную собственность», он в то же время объяснил Горбачёву: «Мы думаем о системе, которая использовала бы имеющийся капитал более эффективно. Мы планируем усилить роль частного капитала и привлечь иностранный капитал».

На намеченном на март 1990 г. II Съезде народных депутатов Горбачев собирался посредством принятия закона о хозрасчете и самоуправлении решить вопрос, имевший важнейшее значение с точки зрения реформы собственности,²⁹ однако к тому времени решающим вопросом было уже сохранение самого советского государственного строя, поскольку в июне по инициативе Ельцина и его команды была провозглашена независимость России, что уже предвещало гибель СССР. В конце декабря 1990 г. Ельцин под флагом независимой России, можно сказать, сдал в архив советские законы, то есть российский президент отобрал у советского президента Горбачева Россию, и Горбачев не сумел изменить положение даже после народного референдума 1991 г., что показывает ограниченность его политических способностей. Между тем, как показывают два документа, ЦК КПСС и секретариат ЦК подняли тревогу. Драматические нотки прозвучали на состоявшемся в начале 1991 г. на совещании, которое в партийных кругах получило известность как «совещание министров», и о котором Бакланов, Власов и Шенин информировали генсека партии, членов Политбюро и секретарей ЦК. Их сообщение,³⁰ датированное 5 января 1991 г., информировало о том, что на совещании при участии министров промышленности, строительства, транспорта и обороны было под-

28 “Jegyzőkönyv Mihail Gorbacsov és Németh Miklós 1989. március 3-i moszkvai találkozájáról”, in *Gorbacsov tárgyalásai*, 160–161.

29 *Gorbacsov tárgyalásai*, 191–193.

30 RGANI F. 89. op. 33. d. 1. 1-4. *О совещании министров.*

черкнуто, что во многих отраслях промышленности сложилась «чрезвычайная» ситуация, требующая принятия решительных мер. Между строк содержалось недвусмысленное предупреждение Горбачёву, что без концентрации власти распад Советского Союза будет неизбежен. Создается впечатление, что речь идет о первом задокументированном обосновании августовского путча 1991 г. Несколько недель спустя в документе, датированном 19 февраля 1991 г. и представленном партийному руководству членом политбюро Лучинским, советником Горбачева по вопросам безопасности и секретарем ЦК Баклановым, а также А. Власовым, историческая проблема была обрисована еще яснее и полнее. Едва ли не в этом документе, носившем название «О социально-экономических последствиях законодательной деятельности по вопросам собственности и приватизации в РСФСР»,³¹ в отношении ельцинского закона впервые утверждалось, что речь идет о самом существовании социального строя, а это, в свою очередь, ставит под вопрос существования СССР как государства. По существу Лучинский и Бакланов утверждали, что или советские, или российские законы являются нелегитимными: «Верховный Совет РСФСР принял и ввёл в действие с 1 января 1991 года закон „О собственности в РСФСР“, который направлен на существенное изменение социально-экономической основы общественного строя в РСФСР, ущемляет и игнорирует интересы Союза ССР. Постановлением Верховного Совета республики на территории РСФСР были отменены закон СССР „О собственности в СССР“ и закон СССР „О предприятиях в СССР“. Законодательством РСФСР однозначно введена частная собственность. Сфера её действия не ограничивается ни размерами, ни отраслями. Признаётся право частной собственности на землю, капитал и средства производства, могут создаваться частные предприятия любых размеров и с широким диапазоном деятельности. Предприниматель получает право привлекать любое количество наёмных работников. Неизбежно глубокое классовое расслоение общества, появление наёмного рабочего класса. В Законе „О собственности в РСФСР“ не фиксируется право коллективной собственности трудящихся, а в Законе „О предприятиях в РСФСР“ нет статуса коллективного, народного предприятия. Учиты-

31 RGANI F. 89. op. 4. d. 20. l. 2-9. Авторы и первоначальное заглавие документа с грифом «секретно»: П. Лучинский, О. Бакланов, А. Власов, *О социально-экономических последствиях законодательной деятельности по вопросам собственности и приватизации в РСФСР*. Этот документ, скрепленный подписью В.Ивашко, был направлен центральным комитетам республиканских коммунистических партий.

вая, что соответствующие союзные законы Верховным Советом РСФСР на её территории отменены, следует сделать вывод, что коллективная собственность трудящихся, коллективные народные предприятия законодательством РСФСР не признаются. Разгосударствление, приватизация и формирование новых предприятий законодательство вписываются в русло капиталистической собственности и буржуазного бизнеса. Никакого равноправия форм собственности не наблюдается. (...) Таким образом, новое российское законодательство направлено на решение двух главных задач: во-первых, на овладение всем производственным потенциалом, находящимся на территории республики, изъятие его из ведения Союза ССР; во-вторых, осуществление необратимого поворота в общественных отношениях посредством неограниченного развития частнокапиталистической собственности».³²

Поскольку по решению Совета Министров РСФСР от 22 января собственность на все промышленные предприятия на российской территории была передана в республиканскую собственность, у Советского Союза (а также и у КПСС, согласно указу от 24 декабря 1990 г. о вступлении в силу закона «О собственности в РСФСР») больше не было экономической базы. Хотя в документе говорилось о том, что упомянутые законы «затрагивают интересы десятков миллионов людей, тысяч трудовых коллективов, существенным образом влияют на дальнейший ход перестройки, судьбу страны», Горбачёв возлагал все надежды на мартовский референдум 1991 г., призванный решить дальнейшую судьбу Советского Союза, однако уже не было политических и социальных движущих сил, стремившихся к сохранению СССР.

Достойным осмысления оказалось и другое содержавшееся в документе утверждение, согласно которому «действительная и неделимая собственность Союза ССР, созданная трудом многих поколений, отчуждается диктаторскими методами и разбрасывается по государственным и региональным границам, что означает появление основы для противоречий и конфликтов из-за собственности, в том числе между национальностями, по всей стране». Несмотря на архаический язык документа, в нем чётко обрисованы главные интересы и заинтересованные стороны, что поставило Горбачёва перед проблемой: на чью сторону встать? Он не смог решить этой дилеммы, поэтому и потерял власть. Его больше не поддерживали ни его сторонники, многие из которых позже стали путчистами, ни ельцинисты, то есть ни груп-

32 Лучинский, Бакланов, Власов, *О социально-экономических последствиях.*

пировки, заинтересованные в сохранении социалистического строя, ни группировки, заинтересованные в новом капитализме. Те, кто искал *третий путь* между государственным социализмом и капитализмом, уже давно не верили Горбачеву. Основные тезисы *демократического социализма* (многопартийная система, рабочая демократия, плюральная структура собственности, общественная самоорганизация, рыночные стимулы) в действительности оказались взаимоисключающими, пустыми идеологическими постулатами. *Многосекторная смешанная экономика с социалистической направленностью* как предпосылка продвижения вперед, как *третий путь* даже не была поставлена на повестку дня практической политики.

«ГУМАНИЗАЦИЯ» ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ КАК ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ СТЕРЖЕНЬ СМЕНЫ ОБЩЕСТВЕННОГО СТРОЯ

Первой конкретной программой введения рыночной экономики стал так называемый «план Шаталина» (май 1990 г.), в котором намечалось внедрение *рыночной экономики* в Советском Союзе за 500 дней, иными словами, на осуществление этого экономического поворота, на переход «от тоталитарной общественно-политической системы к рыночной экономике» не отводилось даже половины времени, затраченного на коллективизацию в СССР при Сталине.³³ Программа связывалась с именем Шаталина, одного из экономических «чудо-докторов» той эпохи. В то время практически во всех восточноевропейских странах появились такие, получившие подготовку в США или где-то на Западе, всесильные «чудо-доктора». При свежем прочтении упомянутый документ представляется невероятной смесью популистской демагогии и политической программы, построенной на дихотомном противопоставлении государства и рынка: именем народа государство должно было осуществить *коренные перемены*, направленные против него са-

33 См.: *Переход к рынку. Концепция и программа* (Москва: Детская книга, 1990). На спешку с изданием этой программы указывает то, что оно было осуществлено издательством Детская книга, причем набор начался 9 апреля, а печатание – 9 мая. В рабочую группу, составившую программу, входили С. Шаталин, Н. Петраков, Г. Явлинский, С. Алексашенко, А. Вавилов, Л. Григорьев, М. Задорнов, В. Мащиц, А. Михайлов, Б. Федоров, Е. Ясин. Эта группа использовала работы многих известных или ставших с тех пор известными исследователей, авторов, в том числе, например, Н. Шмелева, В. Мусатова, Е. Гайдара, Т. Заславской, А. Аганбегяна и многих других.

мого. В «преамбуле» авторы программы обращались «непосредственно к народу», минуя государство, и прямо в начале утверждали, что данная реформа отличается от всех своих предшественниц. «...Главное отличие состоит в том, что по своим принципам она строится на новой экономической доктрине. Переход к рынку – прежде всего задача государства, а не простых людей... Программа выдвигает задачу всё возможное отобрать у государства и отдать людям (курсив мой. – К. Т.). Концепция основана на том, что если большая часть имущества и источников при соответствующих условиях вернётся к людям, то это приведёт к значительно лучшим экономическим результатам и сделает возможным искоренение многих негативных явлений в процессе перехода к рынку». Другими словами, «народу», «людям» не следует пытаться создавать советы на рабочих местах, на предприятиях и брать в свои руки контроль над производством и собственностью... Позже они все получат от государства... Но что именно они получают?

Во введении к программе приватизации, получившем заголовок *Концепция и программа*, приватизация представлена так, что государственная собственность должна быть передана «людям», «народу». С небольшим преувеличением можно сказать, что введение капиталистической частнособственнической системы описаны таким тоном и настолько хитрым языком, как будто речь действительно идет о введении общественного самоуправления: «Право на собственность осуществляется через разгосударствление и приватизацию, когда государственное имущество переходит в руки граждан. Именно в этом, в обретении народом собственности проявляется в первую очередь социальная направленность экономики. Это не есть акт реванша, а восстановление социальной справедливости, укрепление прав человека на получение доли из национального богатства страны».³⁴ И вот мы уже подошли к центральному пункту «политического обмана».

После августа 1991 г., после падения прежнего собственника (советского государства), место государства заняли сами менеджеры, то есть управление и собственность снова, хотя и иначе, оказались в одних и тех же руках, как и повсюду в Восточной Европе. Сложилась основная предпосылка олигархического капитализма – срастание экономической и политической власти после приватизации государственной собственности. Если раньше менеджеры работали на свой карман нелегально, то теперь они по существу могли делать это ле-

34 Переход к рынку. см. там же

гально. «Взбунтовавшийся вождь» либералов Явлинский назвал этот режим «мафиозным капитализмом», возникновение которого якобы не было предусмотрено либеральными реформами. Явлинский и либералы имели в виду «настоящих» собственников, которые приватизируют не ради собственной выгоды, а покупают акции на рынке (видимо, речь могла идти об отечественных «инвестиционных организациях и иностранном капитале или банках, у кого же еще мог быть капитал?). В действительности же директора предприятий вместе с региональными государственными органами заполучили большинство акций, в результате чего *денационализированные* предприятия не превратились ни в государственные, ни в классические частные компании. В свою очередь «новое государство» даже не пыталось расширить свой контроль, больше того, «новая» гарнитура чиновников была непригодна для осуществления контроля из-за своей неподготовленности, необразованности и коррумпированности, а что касается неславянских республик, то там ситуация, быть может, даже ухудшилась. Позже, в начале 90-х гг., т. н. шоковая терапия стала для директоров предприятий настоящей манной небесной, именно они оказались наиболее последовательными сторонниками и бенефициарами дерегуляции. Они были истинными проводниками смены общественного строя вместе с теми новыми собственниками, которые могут считаться «вспомогательным отрядом» «номенклатурной буржуазии».

В то же время представители либерального и неолиберального подхода в не без оснований опасались всех форм собственности трудящихся в России даже на фундаменте капитализма. Международный валютный фонд и консультативные организации, поддерживаемые великими державами, настойчиво предостерегали советских, а позже российских руководителей лишь от одной вещи – от собственности трудящихся, из которой могут развиться ростки нового социализма. Они по праву могли спросить: для чего же была осуществлена смена общественного строя?

Таким образом, с частным присвоением государственной собственности история перестройки по существу окончилась. Однако вместо нового «демократического капитализма» возник скорее «дикий российский капитализм», напоминающий ситуацию начала XX в.,³⁵ сим-

35 Об этом явлении см. нашу статью: TAMÁS KRAUSZ, „Putyin és az orosz kapitalizmus. Utószó a jelszínizmus kérdéséhez”, in TAMÁS KRAUSZ, *Lenintől Putyinig*, 129–138. В. ИНОЗЕМЦЕВ, «Печальные итоги приватизации», *Ведомости* (24 января 2011 г.), https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2011/01/24/privatizaciya_porossijski

волические политические рамки которому дали «опереточный путч» в августе 1991 г. и 18 брюмера, а по современному летоисчислению – 4 октября 1993 г. Бориса Ельцина. Первый довершил падение первой системы государственного социализма, а второе событие – победу рыночной экономики и президентской власти в России. Путч был экспериментом части властной элиты, не желавшей отказаться от старого режима, а «18 брюмера» уже финансировал «международный капитал» (МВФ), выступивший против властных группировок, оттесненных от «дележа» собственности.³⁶ Таким образом, государство осталось строгим охранителем новых отношений собственности, одновременно демонстрируя зависимость новой российской буржуазии от государства и характерные политические, властные черты складывания нового классового общества.

References

JÓZSEF BÖRÖCZ, *Hasított fa. A világrendszer-elmélettől a globális struktúráváltásig* [From World-Systems Theory to Global Structural Transformations] (Budapest: L'Harmattan, 2017).

Eks-glava Analiticheskogo tsentra Prezidenta SSSR: "Raspad SSSR prodolzhaetsia" [The Ex-Head of the Analytical Centre of the President of the USSR: "The Collapse of the USSR Continues"] <http://regnum.ru/news/polit/2035022.html> (Accessed September 10, 2022).

El'tsinshchina. Jelsinshchina [Yeltsinism] (Budapest: Vengerskii institut rusistiki, 1993).

E. G. GIMPEL'SON, *Novaia ekonomicheskaja politika Lenina-Stalina. Problemy i uroki (20-e gody XX v.)* [The New Economic Policy of Lenin-Stalin. Problems and Lessons (1920s)] (Moskva: Sobranie, 2004).

S. P. GLINKINA, "Fenomen korruptsii: teoriia i rossiiskaia praktika" [The Phenomenon of Corruption: Theory and Practice in Russia]. Rukopis'.

JOCHEN HIPPLER, „A demokratizálás mint uralmi forma – A harmadik világ a hidegháború után” [Democratization as a Form of Government - The Third World After the Cold War], *Eszmélet* 29 (1996. tavasz): 22–50.

JERRY HOUGH, *Russia and the West. Gorbachev and the Politics of Reform* (N.Y., Sidney etc.: A Touchstone book by Simon and Schuster Inc., 1990), 232.

V. INOZEMTSEV, "Pechal'nye itogi privatizatsii" [The Sad Results of Privatization], *Vedomosti* (24 Ianvaria 2011 g.), https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2011/01/24/privatizaciya_porossijski (Accessed August 8, 2022).

„Jegyzőkönyv Mihail Gorbacsov és Németh Miklós 1989. március 3-i moszkvai találkozásáról” [Minutes of a Meeting Between Mikhail Gorbachev and Miklós Németh on March

36 См. об этом: J. W. MOSES, „Borisz Jelcin brumaire tizennyolcadikája”, *Eszmélet* 29 (1996. tavasz): 165-182.

Perekhod k rynku. Kontseptsii i programma [Transition to the Market: Concept and Program] (Moskva: Detskaia kniga, 1990).

V. Z. ROGOVIN, *Stalinskii neonep* [Stalinist NeoNEP] (Moskva: b. i., 1994).

Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv noveishei istorii (RGANI) [Russian State Archive of Contemporary History]

— F. 89. op. 4. d. 20., 2-9.

— F. 89. op. 33. d. 1., 1-4.

“Stenogrammy Plenuma TSK KPSS. 5-7 fevralia 1990 goda” [Transcripts of the Plenary Session of the Central Committee of the CPSU: February 5-7, 1990], *Izvestiia TSK KPSS*, no. 3 (1990): 46, 48.

SVETLANA SAVRANSKAIA, TOM BLANTON, „A NATO kibővítése: amit Gorbacsov hallott” [NATO Expansion: What Gorbachev Heard], *Eszmélet* 122 (2019. nyár): 77-87. https://epa.oszk.hu/01700/01739/00107/pdf/EPA01739_eszmelet_122_077-087.pdf (Accessed September 9, 2022).

ERZSÉBET SZALAI, *Gazdasági elit és társadalom a magyarországi újkapitalizmusban* [Economic Elite and Society in the New Capitalism in Hungary] (Budapest: Aula Kiadó, 2001).

IVÁN SZELÉNYI, GIL EYAL, ELEANOR TOWNSLEY, „A posztkommunista gazdasági vezetés (menedzserizmus) A gazdasági intézmények átformálása és a társadalom szerkezetében végbemenő változások a posztkommunista átmenet idején” [Post-Communist Economic Management (Managerialism): The Transformation of Economic Institutions and Changes in the Structure of Society During the Post-Communist Transition], in *Rendszerváltás és társadalomkritika*, szerk. TAMÁS KRAUSZ (Budapest: Napvilág, 1998), 153–193.

LEV TROCKIJ, *Az elárult forradalom* [The Betrayed Revolution] (Budapest: Áramlat Könyvkiadó, 1990), 183-184.

LÁSZLÓ TÜTŐ, „Társadalomfilozófiai alternatívák a magyarországi rendszerátalakításban II.: összebékíthető-e a társadalmi önkormányzás a pártokkal? A háromoldalú kerekasztal egy tanulságáról” [Socio-Philosophical Alternatives in the Hungarian System Transformation II.: Can Social Self-Governance Be Reconciled With Parties? A Lesson From the Tripartite Round Table], *Eszmélet* 123 (2019): 66-99.

M. I. VOEIKOV, *Predopredelennost' sotsial'no-ekonomicheskoi strategii: Dilemma Lenina* [The Predetermination of Socioeconomic Strategy: Lenin's Dilemma] (Moskva: LENAND, 2015).

В. Б. ЖИРОМСКАЯ

**МИГРАЦИОННЫЙ КРИЗИС КОНЦА XX —
НАЧАЛА XXI ВЕКА: ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ¹**

**THE MIGRATION CRISIS OF THE LATE 20TH — EARLY 21ST
CENTURY: THE DEMOGRAPHIC ASPECT**

This article presents the results of the author's long-term work on the study of the demographic origins of large migration movements, which are rightly called Great Migrations. The author aims to show that the current unusually long and acute migration crisis, which has affected many countries of the world, has deep demographic causes stemming from the global laws of demographic development, and is essentially the Second Great Migration of Peoples. The author shows the specifics of the migration situation in Russia.

Keywords: The Second Great Migration of peoples, demographic factor, laws of demographic development, migration collapse, population migration, resettlement

Valentina B. Zhiromskaya – DSc in History, Professor, Chief Researcher, Head of the Center for the History of Territory and Population Russia, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Moscow. E-mail: zhiromskaya@yandex.ru

¹ *Citation: V. B. ZHIROMSKAYA, "Migratsionnyi krizis kontsa XX – nachala XXI veka: demograficheskii aspekt" [The Migration Crisis of the Late XX — Early XXI Century: Demographic Aspect], RussianStudiesHu 5, no. 1 (2023): 69–94. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2023.5.3*

В последние десятилетия XX и в начале XXI века мы видим небывалую активизацию миграционных процессов во всем мире, включая Россию. В 1990-е гг. в России это явление было связано с активным миграционным обменом между бывшими союзными республиками, а ныне суверенными государствами. Активизировались и временная, и переселенческая миграции. Такие миграционные «всплески», как правило, ограничены во времени и охватывают более-менее ограниченное географическое пространство. В данном случае миграции были особенно интенсивны на постсоветском пространстве. Происходила и эмиграция в страны Дальнего Зарубежья, однако численно менее представительная.

Но миграционный коллапс конца XX — начала XXI века охватил Европу, Азию, Африку, Северную и Южную Америку. Интенсивность его не везде одинакова, однако миграционные перемещения необычайно активны. Термины в научной литературе и СМИ говорят сами за себя: «миграционный взрыв», «миграционный бум», «миграционное цунами». Миграционный «пик» и «волна» уже реже употребляют, эти термины недостаточно сильны, чтобы отобразить происходящее.

Это не просто взрыв. *Это феноменальное явление, которое мы наблюдаем сегодня – Второе Великое переселение народов.*

Миграционные процессы и их активизация давно стояли и стоят в центре внимания и отечественных, и зарубежных ученых.

Уже в XIX в. появляются теоретические исследования миграционных процессов. Классическим в этом плане является исследование Э. Равенштейна². Типологией миграционных процессов и факторами миграций занимались С. Каслз³ и Э. Ли⁴. Известны работы о международной миграции Массея⁵. Д. Ван де Каа⁶ показал особенности миграций в странах, переживающих второй демографический переход. Большой

2 E. G. RAVENSTEIN, "The Laws of Migration", *Journal of the Statistical Society of London* 48, no. 2 (June 1885): 167–235. <https://doi.org/10.2307/2979181>

3 S. CASTLES, M. MILLER, *The Age of Migration: International Population Movements in the Modern World* (London: Macmillan, 1993).

4 E. S. LEE, "A Theory of Migration", *Demography*, no. 3 (1966): 47–57. <https://doi.org/10.2307/2060063>

5 МАССЕЙ Д., «Синтетическая теория международной миграции», *Мир в зеркале международной миграции: Научная серия: международная миграция населения: Россия и современный мир*, Вып. 10. (М.: МАКС ПРЕСС, 2002), 132–148.

6 Д. ВАН ДЕ КАА, «О международной миграции и концепции второго демографического перехода», *Мир в зеркале международной миграции: Научная серия: международная миграция населения: Россия и современный мир*, Вып. 10. (М.: МАКС ПРЕСС, 2002): 55–61.

вклад в теоретическую разработку миграций внесли труды Л. Л. Рыбаковского⁷. Проблемами миграции занимались такие российские специалисты в области демографии как А. Г. Вишневский⁸, В. М. Моисеенко⁹, В. В. Елизаров¹⁰, В. Н. Ионцев¹¹, Е. С. Кубишин¹², Е. Н. Соболев, Е. М. Щербакова, Т. К. Ростовская, Л. Н. Липатова, и др. В их работах рассматриваются численность и расселение мигрантов, их возрастнополовой и национальный состав, сферы применения их труда, а также проблемы нелегальной миграции.

В последнее время особенно актуальной стала проблема адаптации мигрантов в России, исследование межкультурной коммуникации, взаимоотношений мигрантов с коренным населением.¹³ Понятен интерес исследователей и общественности к этим проблемам и выработке механизмов миграционной политики, позволяющей избегать конфликтных ситуации на религиозно-этнической почве. Таким образом, создавалась довольно обширная историография миграционного движения и связанных с ним проблем. Этим проблемам посвящен ряд научно-теоретических конференций, в том числе международных конференций в Институте демографических исследований РАН, Российском Государственном Гуманитарном университете, МГУ им. М. В. Ломоносова и проч. На конференциях звучал тревожный вопрос о разрастающихся масштабах миграционного взрыва за рубежом и на территории РФ. Однако необходимо отметить, что многосторонний анализ миграционного

7 Л. Л. Рыбаковский, *История и теория миграции населения. Кн.2: Миграция населения: явление, понятие, детерминанты* (М.: Экон-Информ, 2017).

8 А. Г. Вишневский, «Миграционная стратегия России и политика толерантности», *Национальный психологический журнал* 6, no. 2 (2011): 90–97. <http://msupsyj.ru/articles/detail.php?article=3405> (дата обращения 01.04.2018).

9 В. М. Моисеенко, «Международная миграция в России (СССР) в конце XIX – первой трети XX века. Часть вторая. Международная миграция в России в эпоху «великого кризиса» (1914–1922 гг.)», *Демографическое обозрение*, no.1 (2017): 98–123.

10 В. В. Елизаров (ред), *Современные исследования миграции населения* (М., 2015).

11 В. А. Ионцев, И. В. Ивахнюк, «Россия в мировых миграционных потоках: особенности последнего десятилетия. (1992–2001)», в *Мир в зеркале международной миграции: Научная серия: международная миграция населения: Россия и современный мир*, Вып. 10. (М.: МАКС ПРЕСС, 2002), 31–54.

12 Е. С. Кубишин, Е. Н. Соболев, «Миграционные процессы в России: проблемы регулирования и адаптации», в *Глобальные демографические проблемы современности: миграция и миграционная политика*, ред. В.Б. Жиромская, В.В. Минаев, (М.: Изд-во Российского государственного гуманитарного университета, 2011), 152–177.

13 См., например, В. Константинов (ред.), *Социально-психологическая адаптация мигрантов в современном мире: материалы 5-й Международной научно-практической конференции* (Издательство «Перо», 2020).

движения не ставил своей целью специального изучения – Второго Великого переселения народов. Можно сказать, что мы в настоящее время находимся у истоков изучения этого необычного процесса, которое человечество наблюдает на своей памяти всего лишь второй раз.

Рассуждая о причинах Великих переселений, мы хотели бы высказать одно предположение.

В объяснениях причин мощной взрывной волны миграционного движения в исследованиях называются, прежде всего:

- последствия военных и социально-политических конфликтов,
- экономический фактор: разрыв в уровне развития экономики, с одной стороны – западноевропейских стран и США, а с другой – стран Азии и Африки, а также Латинской Америки. Но эти экономические причины существуют давно и активно обсуждаются учеными с самого начала XX в.

Почему именно сегодня пришли в движение миллионы людей? Причину видят и в росте безработицы, и в экологических кризисах, в религиозных конфликтах. Весь этот комплекс причин реально существует и оказывает воздействие на миграционные процессы, но эта совокупность причин не отвечает на вопрос о зарождении именно такого специфического и масштабного явления как Второе Великое переселение народов. В тени при рассмотрении этой проблемы остаются законы демографического развития населения и их этапы. В данном случае именно они, по нашему мнению, имеют ключевое значение.

Обратимся к нашей концепции демографических истоков явлений Великих переселений. Для этого обобщим разработанные в современной науке характеристики сменяющих друг друга типов воспроизводства населения, каждому из которых свойственны определенные виды миграций. Мы представим классическую схему смены типов воспроизводства населения. У разных народов этот процесс происходит не одновременно и специфически. В одной стране у разных этносов могут соседствовать разные типы воспроизводства населения, происходить разные демографические переходы. При этом попытки искусственно ускорить смену модели демографического развития у того или иного народа к успеху не приводят. Традиции демографического поведения очень устойчивы. Привнесенные новации остаются внешними, традиции же продолжают реализовываться и в открытых, и в скрытых формах, даже в тех случаях, когда противоречат принятым правительством той или иной страны законам.

Демографическое развитие происходит через последовательную смену типов воспроизводства населения. Идея эта зародилась на рубеже XX века. Она была высказана в сочинениях французского демографа А. Ландри в 1909 г. В дальнейшем она была развита многими учеными разных стран: Ф. Ноутстайн (США), Дж. Колдуэлл (Австралия) и др. В России концепцию смены типов воспроизводства населения разрабатывали А. Г. Вишневский¹⁴, авторы многотомного издания «Население России в XX веке: исторические очерки» и др.

Исследователи в настоящее время выделяют несколько типов воспроизводства населения: архаический, традиционный, современный, новейший. При смене одного типа воспроизводства населения другим возникает особое сочетание признаков старого и нового типа, которое называют демографическим переходом (транзитом). Эти стадии развития населения характерны для всех народов мира, но разные народы переживают их не одновременно, в разные исторические эпохи.

В современной науке разработаны специфические признаки различных типов воспроизводства населения.

Архаический архетип присущ ранним стадиям развития человечества. В это время наблюдается высокая и ранняя смертность, особенно детская. При том, что рождаемость и фертильность были чрезвычайно высоки, численность населения росла очень медленно из-за высокой смертности. Человек сильно зависит в это время от климатических условий, страдает от инфекций, травм. Причины смерти в этот период почти полностью экзогенного характера (не связанные с естественным старением организма). Смерть от старости была столь редким явлением, что умерших естественной смертью причисляли к богам. Средняя продолжительность жизни составляла менее 20 лет. 40–45 лет считались глубокой старостью.

В этот период преобладала большая родоплеменная семья; она объединяла несколько поколений родственников. Брачность была очень ранней, холостых мужчин и незамужних женщин практически не было. В этот период моногамия не преобладала, было распространено

14 Ю. А. Поляков, А. Б. Жиромская (ред.), *Население России в XX веке: исторические очерки*. В 3 т. Т. 3, кн. 1, (М.: РОССПЭН, 2005), 269–279; А. LANDRY, *La Révolution démographique* (Paris, 1934); F. W. NOTESTEIN, "Population: the long view", *Food for the world*, (Chicago, ed. by T.W.SCHULTZ, III, 1945): 36–57.; А. Г. Вишневский, «Нерешенные вопросы теории демографической революции», *Население и экономика*, Т. 1. no. 1 (2017): 3–21; и др.

и многоженство, и многомужество. Из-за многочисленных родов женщины умирали раньше мужчин.

Архетипу свойственна многодетность, дети являлись главным богатством родителей и рода. По числу детей определялся общественный статус человека. В крайних ситуациях, когда была под угрозой выживаемость рода, прибегали к жестким мерам ограничения численности той или иной половой или возрастной группы, прежде всего слабых и нетрудоспособных. В эту эпоху преобладает матриархат. Медицина в это время существует, но слабо развита. Господствует естественный отбор. Места обитания родов и племен обычно постоянны, миграции ограничены. На удаленные и долгосрочные перемещения племена решались лишь в экстремальных ситуациях.

Миграции — это, прежде всего, кочевание между традиционно определенными точками (летние и зимние пастбища, сезонные переселения между источниками воды и т. д.). Люди привязаны к традиционному месту обитания, стараются от него не отдаляться. Они сохраняют место обитания, к которому хорошо адаптированы. Этому способствует высокая степень зависимости от экологических и климатических условий.

Переход от одного типа воспроизводства населения к другому происходит в течение длительного времени и приобретает относительно самостоятельное значение. Во время демографического перехода меняются модели демографического поведения, семейные ценности, брачные традиции и т. д.

Продолжительное время в отечественной и зарубежной науке разрабатывался только один демографический переход, который связывали с переходом от средневековья к Новому времени — от традиционного к современному типу воспроизводства населения. Тогда начала радикально изменяться модель демографического поведения. В конце XVIII — XIX вв. произошло научное осмысление этого процесса. Его называли сначала демографической революцией, затем демографическим переходом (транзитом)¹⁵.

Его считали Первым демографическим переходом (но, по сути, он был уже не первым, название он сохраняет вследствие того, что был первым изучен в исследовательской литературе). В последние деся-

15 А. J. COALE, "The demographic transition", in *Proceedings of the International Population Conference, 1973* (International Union for the Scientific Study of Population: Liege, 1973), 53–57.

тилетия активно исследуется Второй демографический переход от современного к новейшему типу воспроизводства населения. Однако мы полагаем, что существовал еще один переход – от Архетипа к традиционному типу воспроизводства населения. Его справедливо назвать Ранним, или Архаическим¹⁶.

Ранний, или Архаический демографический переход обычно происходит в период формирования ранней государственности. В нем сохраняются архетипические черты, но на фоне развития производящего хозяйства, снижения экологической зависимости человека, улучшения материальных условий жизни и с развитием медицинского знания, происходит заметное снижение смертности при по-прежнему высокой рождаемости. Таким образом, формируются черты традиционного типа воспроизводства населения. Из-за быстрого роста численности населения происходит демографический взрыв, который приводит к миграционным взрывам и массовым переселениям. Именно с этим переходом связано Великое переселение народов – гуннов, вестготов, франков, англов, саксов, арабов и др. Население на этом этапе молодо, активно. Формируется новый тип семьи – патриархальный. Практически прекращается использование жестких мер регулирования численности населения, свойственных Архетипу. Постепенно утверждается традиционный тип воспроизводства населения.

Традиционный тип воспроизводства населения присущ средневековому обществу.

Численность населения определяется, прежде всего, уровнем рождаемости. Внутрисемейное контролирование рождаемости практически не осуществляется. Уровень фертильности, то есть среднее число рождений на одну женщину репродуктивного возраста, очень высок – 8–12 рождений. Встречается и более высокое число рождений – до 17–18 (с учетом мертворождений). В связи с развитием медицинского знания, улучшения питания, условий жизни, распространения личной гигиены, уровень смертности, хотя и остается высоким, как правило, значительно ниже рождаемости, порой в 1,5–2 раза. Повышается выживаемость младенцев и детей. Довольно типичная рождаемость – 50–60%, смертность – 30%.

Исключением являются периоды эпидемий, войн, голода и стихийных бедствий. В этих случаях смертность превышает рождаемость,

16 В. Б. Жиромская, *Основные тенденции демографического развития России в XX веке* (М.: Кучково поле, 2012), 7–33.

происходят демографические кризисы и демографические катастрофы. Экзогенные причины смерти по-прежнему играют большую роль, однако все более повышается роль эндогенных (связанных с естественным старением организма) причин.

Несмотря на эти катаклизмы, население быстро растет за счет высокой рождаемости и выживаемости потомства. Следует учитывать, что увеличение численности населения при традиционном типе воспроизводства неравномерно. Периодически образуются вследствие людских потерь демографические ямы, однако численность населения компенсируется довольно быстро.

Продолжительность жизни по сравнению с Архетипом заметно увеличивается – до 38–40 лет. Люди чаще доживают до 60–70 лет и более. Продолжительность женской жизни все более увеличивается и приближается к мужской. В целом население молодое. В возрастной структуре преобладают детские и молодые возраста. Удельный вес людей в возрасте моложе 30 лет превышает две трети от всего населения. Постепенно увеличивается удельный вес лиц среднего возраста. Процент пожилых и стариков очень мал: 3–5%. Таким образом, в возрастной структуре превалирует трудоспособное и репродуктивное население. Характерна классическая возрастная пирамида прогрессивного типа.

Семья в этот период патриархальная, многодетная. Она объединяет обычно несколько поколений, но в отличие от Архетипа это уже не сородичи, а прямые потомки семейной пары – дети, внуки, правнуки. Господствует патриархат. Многомужество практически исчезает. Преобладает моногамия, а у некоторых народов – многоженство. Браки заключаются в раннем возрасте. Уровень брачности очень высокий. Брачный возраст законодательно не определен. Разводов очень мало, они имеют место в исключительных случаях.

Миграционные перемещения усиливаются. Маршруты их увеличиваются и усложняются. Направления перемещений и путешествий разнообразны: «за три моря», «в тридевятое царство», «в неизведанные земли». Миграционные перемещения часто связаны с военными походами и колонизацией.

Следующий демографический переход — это переход от Традиционного к Современному типу воспроизводства населения, рассматривался в демографической науке как Первый демографический переход, как уже говорилось ранее.

Он менее длителен по времени, чем Архаический. Во Франции он начался в конце XVII века, в Англии – в XVIII, в Германии и в России – в XIX веке. На первой фазе его развития еще живучи черты традиционной модели демографического поведения: высокая рождаемость, ранняя брачность, патриархальность семейных отношений. Происходит резкое и быстрое снижение смертности благодаря научному и техническому прогрессу, интенсивному промышленному развитию, появлению черт индустриального общества, значительному улучшению условий жизни человека. Рождаемость пока еще высока. В России очень затянулась его первая фаза – снижение смертности. Страны и народы вновь переживают демографический взрыв. Демографический взрыв, в отличие от архаического перехода, бывает более слабым и поддается внутрисемейному и государственному регулированию. В этом случае он превращается в «демографический выигрыш», который позволяет на целое поколение обеспечить страну трудовыми ресурсами и замедлить старение населения. Но в других случаях демографический взрыв затягивается, приводит к перенаселению и активизации миграций и колонизаций, часто в виде войн и заселения чужих территорий.

Снижение рождаемости происходит только на второй фазе перехода благодаря бурному развитию медицины, изменениям традиционной ментальности и трансформации структуры семьи. Патриархальные семьи распадаются на малые нуклеарные семьи, которые очень быстро переходят к малодетности, свойственной современному типу воспроизводства населения. Происходит увеличение возраста вступления в брак и снижение брачности. Развивается регулирование рождаемости на семейном уровне. Устанавливается Современный тип воспроизводства населения.

Современный тип воспроизводства населения характерен для общества, пережившего индустриальную революцию, урбанизированного, с высоким уровнем научно-технического развития, медицинского знания, образования.

Демографические параметры зеркально противоположны Традиционному типу. Низкие уровни смертности, особенно младенческой, и рождаемости, высокая продолжительность жизни – 60–70 лет. Фиксируются случаи дожития до 90–100 лет. Как результат – старение населения. Численность населения в этих условиях растет медленно, стабилизируется.

Возрастная пирамида выглядит следующим образом. Удельный вес молодых и средних возрастов сокращается. Пожилые возрастные группы увеличиваются. В половой структуре преобладают женщины за счет старших возрастных групп. Продолжительность жизни женщины становится выше, чем мужчины (обычно на 2–4 года). Все более входит в практику планирование семьи, внутрисемейное регулирование рождаемости. Но пока оно имеет основной своей целью ограничение рождаемости.

Среди причин смерти преобладают эндогенные причины, прежде всего болезни сердца и органов кровообращения, но значительный вклад вносят псевдо-эндогенные (онкология) и экзогенные (инфекционные заболевания, травмы, в том числе производственные и дорожно-транспортные). Людские потери приводят к демографическим кризисам, развитию депопуляционных процессов.

Низкая рождаемость и старение населения затрудняют демографическую компенсацию. На этом этапе демографического развития насущно необходимой становится активная демографическая политика. Во многих странах демографическая политика реализуется через общественные организации. В условиях России наиболее результативной является государственная демографическая политика. Поначалу развивается пронаталистская политика – поощрение рождаемости и охрана материнства и детства.

Наряду с этим уделяется серьезное внимание питанию населения, санитарии и гигиене, медицинскому обслуживанию. Реализуются программы улучшения бытовых условий жизни населения, развития коммунального хозяйства, транспортных услуг, организации отдыха и досуга.

Для Современного типа воспроизводства характерно распространение грамотности и повышения уровня образования населения. Как правило, государство реализует образовательные программы. Значительные изменения происходят в структуре и функциях семьи.

Патриархальная семья сменяется нуклеарной, то есть состоящей из супружеской пары и детей, еще не вступивших брак. Нуклеарные семьи выделяются из патриархальной, живут отдельно, ведут хозяйство самостоятельно. Но еще очень распространены переходные к нуклеарным семьи – семьи, где вместе с супружеской парой проживает один из родителей, овдовевший или разведенный. В этот период семьи многогамные.

Семьи малодетные и среднететные. Очень распространены семьи с 1–3 детьми. Но в сельской местности чаще встречаются среднетет-

ные семьи – 5 и более детей. Многодетность в этот период начинается с 8-го ребенка, а не с 11-12-го, как было ранее, и встречается редко, обычно в сельской местности у некоторых народов.

Брачность перестает быть всеобщей. Довольно значительное число людей остается вне брака. Брачный возраст повышается. Минимальный брачный возраст, как правило, оговорен законодательно – 16–18 лет в зависимости от региона. Разводы становятся частыми, растет число неполных семей. Развивается феминистское движение, женщины начинают включаться в общественную и производственную деятельность. Миграции активизируются, но редко имеют целью переселение. Они обычно краткосрочные и имеют целевое назначение – образовательные, деловые, рекреационные, трудовые. Трудовая миграция обычно более долгосрочна, но и она часто имеет возвратный характер.

В последние десятилетия XX века ученые заговорили о Втором демографическом переходе¹⁷. Дискуссии о его содержании продолжают до сих пор. В настоящее время есть возможность дать ему более точное определение – «Второй демографический переход (транзит) от Современного к Новейшему типу воспроизводства населения»¹⁸. Ни в одной из стран пока не завершён Второй демографический переход и Новейший тип воспроизводства населения еще не утвердился. Название его еще условно, его признаки постепенно формируются. Этот тип воспроизводства характерен для стран, переживших технологическую революцию.

Его формированию нанесла значительный урон пандемия коронавирусной инфекции. Она сократила численность населения, подорвала здоровье многих людей, деформировала демографические процессы.

Второй демографический переход начинается заметным и все увеличивающимся снижением рождаемости. Причин этому много. На фоне увеличивающейся продолжительности жизни (75–85 лет) и учащающихся случаев дожития до 100 лет и более взросление становится более поздним. Обретение статуса в постиндустриальном обществе требует длительного образования и общего, и профессионального. Открываются большие возможности для самореализации личности.

17 Д. ван де Каа, «О международной миграции и концепции второго демографического перехода», 55–61; А. Г. Вишневский, Е. М. Андреев, А. И. Тревиш, *Перспективы развития России: роль демографического фактора* (М., 2003): 60–62.

18 В. Б. Жиромская, «Размышления о демографических причинах Великого переселения народов XXI в.», в *Население и территория России: история и современность* (М.: Самара, 2017), 33–42.

Женщина, как и мужчина, все более выходит за пределы внутрисемейных интересов и все активнее включается в профессиональную и общественную деятельность. Вступление в брак и сроки рождения первенца откладываются на все более позднее время. Возраст вступления в брак смещается: для женщин – 26–34, мужчин – 28–36 лет. Соответственно смещается и возраст рождения первенца. Семья дестабилизируется. Во многих странах происходит кризис семьи. Увеличивается число разводов. Распространяются альтернативные формы семьи и нетрадиционные браки.

Быстро развивающееся старение населения не только сокращает рождаемость, но и увеличивает смертность за счет престарелых и пожилых возрастных групп. Возрастная пирамида в ряде стран приобретает регрессивный характер, то есть пожилые превосходят по удельному весу детские и молодые возрастные группы.

В итоге началу этого перехода свойственны демографический кризис и депопуляция. Естественный прирост населения часто приобретает отрицательное значение. Население пополняется за счет активного миграционного притока из стран с высокой рождаемостью и быстрым ростом населения.

Подобно тому, как Современный тип воспроизводства населения является зеркальной противоположностью Традиционному, так и Второй демографический переход в своем начале (на первой фазе) зеркально противоположен первым фазам Первого и Архаического демографических переходов: то есть Второй демографический переход характеризуется падением численности населения, возможностью депопуляции, а Первый и Архаический чреваты демографическими взрывами по причине бурного роста численности населения¹⁹.

Таким образом, Великое переселение многочисленных этносов закономерно и происходит на первых фазах демографических переходов от одного типа воспроизводства населения к другому. На этих переходных стадиях складываются экстремальные демографические ситуации – в условиях Архаического и Первого переходов – резкий подъем численности населения, «взрыв», а в условиях Второго – ее падение, «спад»²⁰.

19 В. Б. Жиромская, «Размышления о демографических причинах Великого переселения народов XXI в.», 36.

20 В. Б. Жиромская, «Размышления о демографических причинах Великого переселения народов XXI в.», 36.

Великие переселения народов, во-первых, связаны с демографическими взрывами и кризисами, а во-вторых, «возникают тогда, когда одновременно большая группа этносов находится по уровню своего демографического развития в стадии “взрыва”, а вторая большая группа этносов переживает отрицательный естественный прирост населения и депопуляцию»²¹.

Отличительной чертой великих переселений является перемещение огромных масс населения в другие земли на постоянное место жительства (ПМЖ). Это движение имеет шквальный характер. Не колонизация путем создания фортов и факторий со стратегическими или коммерческими целями, не политическая эмиграция, не выезд на заработки, на учебу или с культурно-познавательными целями, но именно перемещение в обжитые благоустроенные регионы навсегда для себя и для своих потомков, без помысла когда-либо вернуться на родину. Дело в том, что люди не стремятся в места труднодоступные и неосвоенные, нет, они перемещаются именно в освоенные и заселенные земли, как правило, более экономически благоустроенные и комфортные. При великих переселениях не будем забывать и роли природного фактора, однако преувеличивать его значение не стоит. Методы переселений различны: мирные и не мирные, легальные и нелегальные, организованные и стихийные.

Во времена Первого Великого переселения народов (IV–VII вв.) большая группа этносов (гунны, аланы, франки, вандалы, алеманы, вестготы, англ, саксы и др.) переживала демографический взрыв, характерный для первой фазы Архаического демографического перехода. А в то же время населявшие Европу этносы еще находились в состоянии Архаического типа воспроизводства населения, ранний демографический переход у них еще не начинался. Что касается населения античных цивилизаций, то последние находились на стадии завершения Первого демографического перехода с присущим ему снижением темпов роста населения. Сыграла роль и дисперсность населения Римской империи, колонии которой были разбросаны по значительной территории. Вспомним канву исторических событий.

21 В. Б. Жиромская, «Размышления о демографических причинах Великого переселения народов XXI в.», 37.

год	событие
375	Начало Великого переселения народов. Вторжение в Европу с востока гуннов — «народа всадников» и аланов, уничтоживших государство остготов между Балтийским и Черным морями
400	Начало заселения нижними франками территории современных Нидерландов (была заселена батавами и фризами), которая тогда еще принадлежала Риму
406	Вытеснение франков с Рейна вандалами, алеманнами и аланами. Франки занимают север левого берега Рейна, алеманны — юг
409	Проникновение вандалов с аланами и свевами в Испанию
410	Захват и разграбление Рима вестготами под командованием короля Алариха
415	Вытеснение вестготами из Испании аланов, вандалов и свевов, проникших туда в 409 г
449	Захват Британии англами, саксами и ютами
450	Движение народов через Дакию (территория современной Румынии): гунны и гепиды (450), авары (455), славяне и болгары (680), венгры (830), печенеги (900), куманы (1050)
451	Объединенные войска римлян под командованием Флавия Аэция и вестготов под командованием короля Теодориха I в битве на Каталаунских полях (Галлия) наносят поражение гуннам и их союзникам во главе с королем Атиллой и отбрасывают их за Рейн
452	Гунны опустошают север Италии. Папа Римский Лев Великий силой слова останавливает войска Атиллы и спасает Рим от разорения
453	Остготы заселяют Паннонию (современная Венгрия)
454	Захват Мальты вандалами (с 494 г. остров был под властью остготов)
458	Захват вандалами Сардинии (до 533 г.)
476	Традиционная дата падения Западной Римской империи. Вождь германцев Одоакр заставил последнего западного римского императора Ромула Августа отречься от престола
486	Король франков Хлодвиг I наносит поражение последнему римскому правителю в Галлии Сиагрию. Основание Франкского государства (в 508 г. Хлодвиг делает своей столицей Париж)
500	Бавары (баювары, маркоманы) проникают с территории современной Чехии на территорию современной Баварии. Чехи занимают территорию современной Чехии. Славянские племена перемещаются в Дунайские провинции Восточной Римской империи (Византии). Заняв низовья Дуная (около 490 г.), лангобарды захватывают равнину между Тисой и Дунаем и уничтожают существующее там могущественное государство восточногерманского племени герулов (505 г.). Бретоны, изгнанные англосаксами из Англии, переселяются в Бретань. В Шотландию из Северной Ирландии проникают скотты (в 844 г. создают там свое королевство)
VI в.	Славянские племена заселяют Мекленбург
541	Король остготов Тотила захватывает почти всю Италию

год	событие
570	Азиатские кочевые племена аваров создают государство на территории современных Венгрии и Нижней Австрии
585	Вестготы подчиняют себе всю Испанию
600	Чехи и словаки, находящиеся в зависимости от аваров, заселяют территорию современной Чехии и Моравии
VII в.	Славяне занимают земли к востоку от Эльбы при частичной ассимиляции германского населения. Хорваты и сербы проникают на территорию современных Боснии и Далмации. Осваивают значительные регионы Византии Викинги

Строго говоря, к Великому переселению относятся и арабские завоевания (VII–VIII вв.). Совершались переселения и другими этносами по мере их вступления в Архаический демографический переход (например, татаро-монголы). Но так как это, как правило, было не множество народов, а какой-либо один или группа родственных, то Великим переселением это не называют.

Демографическая причина Второго Великого переселения народов кроется во временном и масштабном совпадении вступления большого числа народов стран Азии, Африки, Латинской Америки в Первый демографический переход и соответствующий ему демографический взрыв. При том уровне рождаемости, который у них установился на фоне понижения смертности, возникает «перенаселение» с одной стороны, и – с другой стороны, вступления населения многих постиндустриальных стран Европы, Евразии, Азии и Северной Америки во Второй демографический переход с присущим ему глубоким демографическим кризисом. В конце XX – начале XXI века это и привело ко Второму Великому переселению народов. Поэтому было бы неверно сводить причины современных стабильно-масштабных миграций лишь к бегству населения из «горячих» точек. Эта причина, разумеется, очень важна, но она далеко не единственная. В настоящее время основными принимающими странами являются страны Западной, Центральной, Северной Европы, США, Канада, Россия, а отдающими мигрантов (последние десятилетия XX – начало XXI вв.), – страны Азии, Африки и Латинской Америки, население которых находится в состоянии демографического взрыва. Ряд государств Восточной и Южной Европы являются странами миграционного транзита.

Приведем статистику на 2021 год²²:

Алжир:

Естественный прирост населения: 883,1 тыс. человек.

Миграционный прирост населения: –33,7 тыс. человек.

Китай:

Естественный прирост 7,8 млн. человек.

Миграционный –389,9 тыс. человек.

Пакистан:

Естественный прирост 5 млн человек.

Миграционный –270,2 тыс. человек.

Индия:

Естественный прирост 18,1 млн человек.

Миграционный –570,1 тыс. человек.

Ливия:

Естественный прирост 112 тыс человек.

Миграционный –109,2 тыс человек.

Перу:

Естественный прирост 1,9 млн человек.

Миграционный –110,5 тыс человек.

При этом в Германии в 2021 году родившихся: 698 тыс. человек, умерших 905 тыс. человек, естественный прирост – минус 207 тыс., миграционный прирост плюс 250 тыс.²³ В целом по странам ЕС в 2021 г. родившихся: 8,1 млн человек, умерших 8,3 млн человек, естественный прирост – минус 174 тыс., миграционный прирост плюс 883 тыс.²⁴

Таким образом, мы видим, что в мире сложилась демографическая ситуация, вызвавшая Великое переселение народов. При изучении Первого Великого переселения обращаем внимание, во-первых, на длительность, продолжительность и устойчивость этого процесса,

22 Население земли, Счетчик населения мира [Электронный ресурс]. Countrymeters: <http://countrymeters.info/ru/> (Дата обращения 30 июня 2022 г.).

23 Население Германии, <https://countrymeters.info/ru/Germany> (Accessed June 23, 2022).

24 Население Европы, <https://countrymeters.info/ru/Europe> (Accessed June 29, 2022).

во-вторых, на одновременность этой стадии демографического развития у многих народов, в-третьих, перемещение проходило путем захватнических жестоких войн. Современное Великое переселение народов имеет общие и специфические черты по сравнению с Первым Великим переселением народов. Таким образом, характерными чертами Второго великого переселения народов являются следующие признаки:

1. В стадии демографического взрыва оказалось очень значительное число народов разных континентов: Азии, Африки, Латинской Америки. Поэтому можно говорить о трансконтинентальном характере переселения.
2. Этот демографический взрыв произошел у множества народов почти одновременно в очень короткий промежуток времени, чему способствует процесс глобализации демографического развития. Таким образом, переселенческие волны сменяют друг друга очень быстро. То есть переселение осуществляется многими этносами практически единовременно.
3. Благодаря современному уровню развития коммуникаций и складыванию единого информационного пространства переселение осуществляется ускоренными темпами по сравнению с Первым Великим переселением, которое заняло по времени несколько веков.
4. Переселение происходит мирными и не мирными средствами, однако военные средства обычно не масштабно-военные, а чаще локальные боевые действия в сочетании с терактами. Причем и с той, и с другой стороны: расстрел кораблей, атака колючих заграждений на границе, избиения мигрантов, в том числе в лагерях, резня и с той и с другой стороны, акты насилия. Однако вспомним, что в древности тоже не всегда воевали и разрушали, иногда покупали земли и договаривались. Тоже применялись формы гибридных войн. Использовали заговоры и обман: «Дайте нам только пересечь ваши земли, отдохнуть и поохотиться о весны».

Адаптационная ситуация, как и при первом переселении, сложна. Но сейчас больше скрытой дискриминации. Миграционная волна еще не улеглась. По данным агентства Frontex, в 2015 г. в Европу прибыло 1,82 миллиона мигрантов.²⁵ Известно, что страны, в которые заселяются эти

25 Кризис с мигрантами в Европе в 2015–2016 годах, <https://ria.ru/20160414/1410128475.html> (Accessed June 29, 2022).

мигранты, несут очень тяжелые расходы по их содержанию, обеспечивая жилье, медицинское обслуживание, питание и проч. Еврокомиссия пытается ввести квоты на прием иммигрантов для всех стран ЕС. Однако по этому поводу существуют разногласия между странами-членами ЕС. Страны-реципиенты находятся в стадии Второго демографического перехода, многие из них пережили в недавнем прошлом тяжелый демографический кризис, часто возникающий, как мы уже говорили, на этой стадии демографического развития, и не все еще справились с депопуляционными процессами. При том, что мигранты не ждут по прибытии «теплого» приема, само путешествие их тяжело и опасно, а для многих губительно, они с удивительным упорством отправляются в страны старой цивилизации на ПМЖ. И надеются остаться, укорениться и «подвинуть» местное население. Мигранты часто неплохо образованы, прекрасно владеют информацией об условиях жизни в этих странах, в том числе и о демографических проблемах.

Поток мигрантов в ЕС и США нарастал вплоть до пандемии. Так, в страны ЕС прибыло в 2017 г. только через Средиземное море более 171 тыс. мигрантов. При этом более 3 тыс. человек погибло. Кроме того, в 2017 г. зафиксировано 204 тыс. нелегальных случаев пересечения границы с ЕС.

Пандемия заморозила миграционные потоки, но временно. Довольно быстро они восстановились и даже усилились, учитывая, разумеется, эпидемиологическую обстановку в разных странах. Возросла роль стран-транзитеров.

Россия также до пандемии включилась в процесс Великого переселения.

В 1990-е гг. основной приток мигрантов направлялся в Россию из бывших союзных республик СССР (национальный состав учитывался до 2007 г.). При этом около 80% мигрантов составляли русские. Это были граждане России, добровольные и вынужденные переселенцы и беженцы из бывших союзных республик, а ныне независимых государств. Самый высокий уровень миграционного притока падает на 1992–1996 гг. В эти годы количество мигрантов ежегодно насчитывало свыше полутора миллиона человек. Пик пришелся на 1994 г., когда число мигрантов достигло 773 тыс. человек. Но постепенно число этих переселенцев и беженцев сокращалось. Набирает силу трудовая миграция, поступавшая в РФ из других стран СНГ и бывших союзных республик, не вошедших в СНГ. Правомерен вывод, что миграционное движение 1990-х гг. по своему характеру и целевым установкам не может быть отнесено к пере-

селению народов. Собственно к переселению в Россию можно отнести миграционное движение лишь первого и второго десятилетий XXI века. К началу двадцать первого тысячелетия меняются целевые установки мигрантов. Они все чаще стремятся закрепиться в России на постоянное жительство и получить права гражданства. В 2014 г. на территории РФ находились мигранты из Азербайджана – почти 100 тысяч, из Армении – 124,4 тыс., Молдавии – 36,6 тыс., Казахстана – около 8 тыс. Из бывших союзных республик, не входящих в СНГ, лидировали граждане Украины. В том же 2014 г. их насчитывалось на территории РФ 2,6 млн человек. Из других республик были представлены 28,3 тыс. мигрантов из Эстонии, 27,6 тыс. из Латвии и 42,7 тыс. из Литвы. В 2017–2018 гг. отмечается снижение миграционного притока из Украины и возрастание из Таджикистана и Кыргызстана. В 2015 г. в связи с ужесточением въезда мигрантов в Россию число их резко сократилось до 245,4 тыс.²⁶, в 2016 г. миграционный прирост вновь вырос до 312 тыс. человек. Причем среди въехавших 178 тыс. человек составляли мигранты из государств СНГ. Однако уже после введения новых правил по оформлению мигрантов в 2015 г. стали гражданами РФ 209,8 тыс. иностранцев, а в 2016 году – на 60 тыс. больше. То есть за 2 года стали гражданами РФ около полу-миллиона человек. Кроме того, 231,2 иностранных граждан получили вид на жительство. В 2016 г. на 40 тыс. больше. Право на временное проживание было дано в 2015 и 2016 г. в общей сложности 688,3 тыс. мигрантам²⁷.

В целом же всех мигрантов находилось в стране в 2018 г. около 11,9 млн человек²⁸. В 2017 г. естественный прирост населения составил минус 136 тыс. человек, а миграционный прирост плюс 589 тыс.²⁹. Изменилась и география въезда и расселения мигрантов. На протяжении 1990-х – начала 2000-х гг. мигранты в основном стремились обосноваться в Москве и Московской области или в Санкт-Петербурге и Ленинградской области. А в 2017 г. мигранты расселились в 66 из 85 регионах РФ, более всего в Воронежской области, в Севастополе,

26 Численность и миграция населения Российской Федерации в 2015 году [Электронный ресурс], Федеральная служба государственной статистики, http://www.gks.ru/bgd/regl/b16_107/ (Дата обращения 1 апреля 2018 г.)

27 Сводка по миграционной ситуации в России за 2016 год [Электронный ресурс], Я – Мигрант, <http://yamigrant.ru/svodka-po-migratsionnoj-situatsii-v-rossii-za-2016-god.html> (Дата обращения 1 апреля 2018 г.).

28 Статистика миграции [Электронный ресурс], VAVILON, <http://vavilon.ru/statistika-migratsii/> (Дата обращения 1 апреля 2018 г.)

29 Россия в цифрах, 2018 (М.: Росстат, 2018), 679–683.

в Калининградской области и даже в Камчатском крае³⁰.

Как мы уже сказали, значительный поток мигрантов поступает в РФ из стран СНГ и бывших республик СССР, не входящих в этот союз. Большая часть мигрантов, в том числе желающих получить ВНЖ и гражданство РФ, прибывает из государств Средней Азии. Выше мы уже отметили, что в 2000-е гг. происходит массовый выезд мигрантов из этих государств с семьями. Каковы причины их выезда из родных мест?

Безусловно, большую роль играет экономический кризис в этих государствах, снижение уровня жизни населения, а также ухудшение экологической ситуации: многолетняя засуха в результате разрушения системы искусственного орошения, наступления песков пустынь, расширение солончаков и т. д. Оказывает влияние неустойчивость политической обстановки в некоторых государствах.

Однако нельзя недооценивать значение именно демографического фактора.

Характерен для этого пример демографической ситуации, сложившейся в Таджикистане. В результате высокой рождаемости в Таджикистане ежегодный естественный прирост составляет 1280–200 тыс. человек. В середине 2016 г. естественный прирост населения достиг почти 60%. Сложилась характерная для традиционного общества возрастная структура: 35% населения – дети, 7,5% – пожилые люди. Люди трудоспособного и репродуктивного возраста составляли 58% населения³¹.

В Узбекистане в 2018 г. родилось 768 тыс. человек и умерло 154 тыс., в Казахстане 398 тыс. и 131 тыс., в Кыргызстане 171 тыс. и 33 тыс.³². Во всех этих странах сальдо внешней миграции было отрицательным, выезд, в том числе на переселение, превышал въезд.

В целевых установках въезжающих усиливается стремление к переселению. Это подтверждается, в частности, составом иммигрантов по полу. По данным ФМС на первое января 2015 г. среди иммигрантов в Россию из Узбекистана и Таджикистана женщины составляли одну пятую, из Казахстана и Кыргызстана около половины, из Туркеста-

30 Е. М. ЩЕРБАКОВА, *Миграция в России, итоги первого полугодия 2017 года* [Электронный ресурс]. Демоскоп Weekly, no. 743–744, (2017) <http://demoscope.ru/weekly/2017/0743/barom01.php> (Дата обращения 1 апреля 2018 г.).

31 *Демографияи солони лумњурии Тољикистон*, Агентии овори назди Президенти Лумњурии (Тољикистон, 2018), 114.

32 Межгосударственный статистический комитет Содружества независимых государств, Аналитические материалы, <http://www.cisstat.com/migration/demographic...2018.pdf> (Accessed June 28, 2022): 14,19.

на – одну треть. Это значит, что мигранты едут в Россию с семьями. Сначала мигранты вывозят жен и детей, затем, обустроившись и обжившись, своих родителей и близких родственников. Наплыв таких мигрантов-переселенцев заставил администрацию России заняться законодательством об их правовом статусе. Был издан ряд законов, регулирующих правовое положение мигрантов³³.

Есть еще один новый качественный момент в иммиграционном движении в Россию, проявившийся в 2000-е гг. Этот момент связан с въездом в РФ мигрантов из Дальнего Зарубежья. Лидируют такие страны как Вьетнам и Китай, но происходит въезд и из многих других государств.

В 2014 г. в РФ находились мигранты из 200 стран Дальнего Зарубежья. Среди них граждане 29 стран Евросоюза: Германии, Италии, Франции, Испании, Бельгии, Австрии, Швейцарии, Швеции, Дании и т.д. Число граждан этих стран было невелико, но все же: из Италии – 53,6 тыс. человек, Франции – 53,4 тыс. человек, из Испании – 46 тыс. Число мигрантов из таких стран как Швеция, Нидерланды, Бельгия, Австрия, Швейцария составляло от 10,5 тыс. человек до 21,4 тыс. Превосходила все эти показатели Великобритания. Ее подданные насчитывали 111,3 тыс. человек; несколько меньше граждане Финляндии – 77,7 тыс. человек³⁴. Обычно иммигранты из стран ЕС прибывают с краткосрочными деловыми поездками. Такие страны как Болгария, Румыния, Венгрия представлены 10 тыс. мигрантов каждая. Исключением является Польша. Иммигранты из этой страны составляли в 2014 г. 30 тыс. человек³⁵.

Гораздо более многочисленная волна мигрантов поступает в РФ из стран Юго-Восточной и Южной Азии. По данным миграционных служб Азия в 2014 г. была представлена 26 государствами. Количество иммигрантов из государств этой части света насчитывало почти полмиллиона человек. Более всего мигрантов приезжает из Китая – 273 тыс. человек, из Вьетнама – 53,8 тыс., из Южной и Северной Кореи – 26,1 тыс., из Индии 29,9 тыс., из Афганистана, Сингапура, Индонезии и других стран – от 7 до 14 тыс. человек. В России присутствуют мигранты и из

33 Федеральный закон от 29 июля 2017 года по 243-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации» и статьи 8 и 14 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» [Электронный ресурс], *Российская газета*. (4 авг., 2017) <https://rg.ru/2017/08/04/grazhdanstvo-dok.html> (Дата обращения 29 сентября 2018 г.).

34 Иммиграция в Россию [Электронный ресурс], https://ru.wikipedia.org/wiki/Иммиграция_в_Россию (Дата обращения 1 апреля 2018 г.).

35 Иммиграция в Россию.

таких стран как Непал, Пакистан, Бангладеш, но они довольно мало-численны³⁶.

По данным миграционной службы на территории России находилась в 2014 г. довольно значительная группа мигрантов из 14 стран Ближнего Востока. Количество их составляет 147,5 тыс. человек. Лидируют среди них Турция, Иран, Сирия, Египет и Ирак. Другие страны – Саудовская Аравия, Йемен, Кувейт, ОАЭ представлены незначительными группами иммигрантов.

Коснулась РФ и миграция из стран Южной и Центральной Америки: Бразилия, Мексика, Аргентина, Перу, Уругвай, Боливия, Аргентина, Чили, Куба, Колумбия и т. д.³⁷.

Среди мигрантов, направляющихся в Россию, немало граждан из Африки, Азии, Ближнего Востока и даже Австралии и Океании. В 2014 г. африканские мигранты представляли 26 стран. Это и Северная, и Южная, и Центральная, и Экваториальная Африка. Хотя представители каждой из этих стран насчитывают от нескольких десятков человек до 4,5 тыс., но в целом они составляют 27,3 тыс. человек³⁸.

По представленным данным видно, что иммиграционное движение из Дальнего Зарубежья в Россию разрастается вширь, втягивая в орбиту все большее количество стран почти всех континентов.

Эмиграция из Российской Федерации также происходила волнами. По своему характеру была как временной, так и переселенческой. В 1990-е гг. в связи с изменением политической и социально-экономической ситуации в стране, открытостью границ наблюдалась очень значительная эмиграция, в том числе переселенческая. Например, в 1994 г. страну покинуло более 700 тыс. человек. Затем волна понемногу снизилась и в 2009–2010 выезд не превышал 35 тыс. человек в год. Пик новой волны был уже связан с событиями в Украине и пришелся на 2013 год, когда выезд составил 186 тыс человек³⁹. Затем после некоторого спада выезд из РФ вновь повысился. Однако и в 2017, и в 2018 г. выезд превалировал над выездом.

Россия и принимающая, и отдающая страна, и страна транзита. Причем выезд, в том числе с целями долговременного проживания продолжается. Так, в современных непростых условиях за 5 месяцев

36 См. Иммиграция в Россию

37 См. Иммиграция в Россию

38 См. Иммиграция в Россию

39 О. Д. Воробьева, А. А. Гребенюк, «Эмиграция из России в конце XX — начале XXI века, Аналитический доклад», *Демоскоп*, no. 701–702 (30 октября 2016).

2022 г. было оформлено около 120 тыс. видов на жительство, оформлено 845 тыс. патентов. Действующих патентов же насчитывалось на май 2022 г. 2, 1 млн⁴⁰. Таким образом, Россия не осталась в стороне от Второго Великого переселения народов.

Подведем итоги. Великие переселения народов, во-первых, связаны с демографическими взрывами и кризисами, а во-вторых, «возникают тогда, когда большая группа этносов одновременно находится по уровню своего демографического развития в стадии “взрыва”, а вторая большая группа этносов переживает отрицательный естественный прирост населения». Именно тогда зарождается процесс переселения, который можно назвать Великим. Такая ситуация складывается довольно редко. На памяти человечества Великое переселение народов происходит только во второй раз. Таким образом, в комплексе причин, породивших Второе Великое переселение народов, демографическому фактору принадлежит ключевая роль. И эта роль не случайна, она вытекает из законов демографического развития мира.

В последнее десятилетие переплелись несколько крупных миграционных потоков: с одной стороны, обычные для межстранового миграционного обмена эпохи глобализации: трудовая, деловая, учебная миграция, семейно-брачная, туризм, рекреационная, лечебно-оздоровительная и проч., которые, по сути, являются нормальными атрибутами жизнедеятельности населения, и, с другой, – крупные потоки беженцев. Беженство – в принципе иной тип миграции, вызванный экстремальными ситуациями. Практически все виды миграции в той или иной степени нацелены на ПМЖ. Туристическая в меньшей степени, хотя часть туристов оседает в стране прибытия легальным и нелегальным способом, а довольно часто туризм приводит к тому, что путешественники знакомятся с ситуацией в той или иной стране и планируют переезд. Беженцы также нередко оседают и в странах прибытия. Правда, этот тип миграции в большой степени имеет транзитный характер.

Санкции осложнили течение миграционных процессов, но не прекратили их. Все обозначенные типы перемещений определяются и происходят в русле Второго Великого переселения народов. Исключением является только беженство, да и то, лишь отчасти. Россия включилась во Второе переселение народов в первые десятилетия

40 Сводка основных показателей деятельности по миграционной ситуации в Российской Федерации за январь — май 2022 года, <https://xn--b1aew.xn--p1ai/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/30764699/>

XXI века, то есть несколько позднее, чем страны Западной Европы. Основной миграционный поток направляется в Россию из государств Ближнего Зарубежья, с постсоветского пространства. Приток мигрантов из стран Дальнего Зарубежья в РФ так же начал увеличиваться, но современная международная ситуация привела к его сокращению. Обращает на себя внимание складывавшаяся до 2019 г. широкая география стран выезда. Изучение законов демографического развития позволяет прогнозировать развитие демографических ситуаций в разных странах и избегать таких глобальных демографических вызовов, с которыми человечество столкнулось в XXI веке. Острота ситуации призвана заставить задуматься международные организации об изучении и управлении на научной основе мировым миграционным процессом. Возникшие в настоящее время нарушения международной координации самым негативным образом сказываются на сложившейся непростой миграционной ситуации и лишь усугубляют проблемы.

References

- STEPHEN CASTLES, MARK J. MILLER, *The Age of Migration: International Population Movements in the Modern World* (London: Macmillan, 1993).
- Chislennost' i migratsiia naseleniia Rossiiskoi Federatsii v 2015 godu [Population Figures and Migration in the Population of the Russian Federation in 2015], *Federal'naia sluzhba gosudarstvennoi statistiki*, http://www.gks.ru/bgd/regl/b16_107/ (Accessed April 1, 2018).
- ANSLEY JOHNSON COALE, "The Demographic Transition", in *Proceedings of the International Population Conference, 1973* (International Union for the Scientific Study of Population: Liege, 1973), 53–57.
- Countrymeters: <http://countrymeters.info/ru/> (Accessed 30 June 2022).
- Demografijai solonai lumnurii tolikiston, Agentii omori nazdi Prezidenti Lumnurii* [Annual Demography of the Republic of Tajikistan, Statistical Agency under the President of the Republic] (Tolikiston, 2018), 114.
- V. V. ELIZAROV (red.), *Sovremennye issledovaniia migratsii naseleniia* [Modern Studies of Population Migration] (M., 2015).
- Federal'nyi zakon ot 29 iul'ia 2017 goda no 243-FZ "O vnesenii izmenenii v Federal'nyi zakon "O grazhdanstve Rossiiskoi Federatsii" i stat'i 8 i 14 Federal'nogo zakona "O pravovom polozenii inostrannykh grazhdan v Rossiiskoi Federatsii" [Federal Law No. 243-FZ of July 29, 2017 "On Amending the Federal Law 'On Citizenship of the Russian Federation'" and Articles 8 and 14 of the Federal Law "On the Legal Status of Foreign Citizens in the Russian Federation"], *Rossiiskaia gazeta* (August 4, 2017), <https://rg.ru/2017/08/04/grazhdanstvo-dok.html> (Accessed September 29, 2018).
- Immigratsiia v Rossiiu [Immigration to Russia], https://ru.wikipedia.org/wiki/Иммиграция_в_Россию (Accessed April 1, 2018).
- V. A. IONTSEV, I. V. IVAKHNIUK, "Rossiia v mirovykh migratsionnykh potokakh: osobennosti poslednego desiatiletiia (1992–2001)" [Russia in World Migration Flows: Features of the Last Decade (1992–2001)], *Mir v zerkale mezhdunarodnoi migratsii: Nauchnaia seriia: mezhdunarodnoi migratsii*

narodnaia migratsiia naseleniia: Rossiia i sovremennoi mir, Vyp. 10. (M.: MAKSPRESS, 2002), 31–54.

V. KONSTANTINOV (red.), *Sotsial'no-psikhologicheskaiia adaptatsiia migrantov v sovremennoi mire: materialy 5-i Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Socio-Psychological Adaptation of Migrants in the Modern World: Materials of the 5th International Scientific and Practical Conference] (Izdatel'stvo Pero, 2020).

Krizis s migrantami v Evrope v 2015–2016 godakh [The Migrant Crisis in Europe in 2015–2016], <https://ria.ru/20160414/1410128475.html> (Accessed June 29, 2022).

E. S. KUBISHIN, E. N. SOBOLEV, “Migratsionnye protsessy v Rossii: problem regulirovaniia i adaptatsii” [Migration Processes in Russia: Problems of Regulation and Adaptation], v *Globalnye demograficheskie problem sovremennosti: migratsii i migratsionnaia politika*, red. V. B. ZHIROMSKAIA, V. V. MINAEV (M.: Izd-vo Rossiiskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta, 2011), 152–177.

ADOLPHE LANDRY, *La Révolution démographique* [The Demographic Revolution] (Paris: Librairie du Recueil Sirey, 1934).

EVERETT SPURGEON LEE, “A Theory of Migration”, *Demography*, no. 3 (1966): 47–57. <https://doi.org/10.2307/2060063>

D. MASSEI, “Sinteticheskaiia teoriia mezhdunarodnoi migratsii” [A Synthetic Theory of International Migration], *Mir v zerkale mezhdunarodnoi migratsii: Nauchnaia seriia: mezhdunarodnaia migratsiia naseleniia: Rossiia i sovremennoi mir*, Vyp. 10 (M.: MAKSPRESS, 2002), 132–148.

Mezhgosudarstvennyi statisticheskii komitet Soruzhestva nezavisimyykh gosudarstv, Analiticheskie materialy [Interstate Statistical Committee of the Commonwealth of Independent States: Analytical materials] <http://www.cisstat.com/migration/demographic...2018.pdf> (Accessed June 28, 2022): 14, 19.

V. M. MOISEENKO, “Mezhdunarodnaia migratsiia v Rossii (SSSR) v kontse XIX – pervoi treti XX veka. Chast' vtoraiia. Mezhdunarodnaia migratsiia v Rossii v epokhu “velikogo krizisa” (1914–1922 gg.)” [International Migration in Russia (USSR) at the End of the 19th – the First Third of the 20th Century: Part Two. International Migration in Russia in the Era of the “Great Crisis”], *Demograficheskoe obozrenie*, no. 1 (2017): 98–123.

Naselenie Germanii [The Population of Germany], <https://countrymeters.info/ru/Germany> (Accessed June 23, 2022).

Naselenie Evropy [The Population of Europe], <https://countrymeters.info/ru/Europe> (Accessed June 29, 2022).

FRANK WALLACE NOTESTEIN, “Population: The Long View,” in *Food for the world*, ed. THEODORE WILLIAM SCHULTZ (Chicago, 1945), 36–57.

IU. A. POLIAKOV, A. B. ZHIROMSKAIA (red.), *Naselenie Rossii v XX veke: istoricheskie ocherki. V 3 t. T. 3, kn. 1* [Population of Russia in the 20th Century: Historical Essays. In 3 Vols. Book 1] (M.: ROSSPEN, 2005), 269–279.

ERNEST GEORGE RAVENSTEIN, “The Laws of Migration”, *Journal of the Statistical Society of London* 48, no. 2 (June 1885): 167–235. <https://doi.org/10.2307/2979181>

Rossiia v tsifrakh, 2018 [Russia in Numbers, 2018] (M.: Rosstat, 2018), 679–683.

L. L. RYBAKOVSKII, *Istoriia i teoriia migratsii naselenia. Kn. 2: Migratsiia naseleniia: iavlenie, poniatie, determinanty* [A History and Theory of Population Migration. Book 2: Population Migration: Phenomenon, Concept, Determinants] (M.: Ekon-Infom, 2017).

E. M. SHCHERBAKOVA, *Migratsiia v Rossii, itogi pervogo polugodiia 2017 goda* [Migration in Russia: Results of the First Half of 2017], *Demoskop Weekly*, no. 743–744, (2017) <http://demoscope.ru/weekly/2017/0743/barom01.php> (Accessed April 1, 2018).

Statistika migratsii [Migration statistics], VAVILON, <http://vavilon.ru/statistika-migratsii/> (Accessed April 1, 2018).

Svodka osnovnykh pokazatelei deiatel'nosti po migratsionnoi situatsii v Rossiiskoi Fede-

ratsii za ianvar' – mai 2022 goda [Summary of Key Performance Indicators on the Migration Situation in the Russian Federation for January-May 2022], <https://xn--b1aew.xn--p1ai/deyatelnost/statistics/migracionnaya/item/30764699/>

Svodka po migratsionnoi situatsii v Rossii za 2016 god, *1a – Migrant* [Summary of the Migration Situation in Russia for 2016], <http://yamigrant.ru/svodka-po-migratsionnoj-situatsii-v-rossii-za-2016-god.html> (Accessed April 1, 2018).

D. VAN DE KAA, "O mezhdunarodnoi migratsii i kontseptsii vtorogo demograficheskogo perekhoda" [On International Migration and the Concept of the Second Demographic Transition], *Mir v zerkale mezhdunarodnoi migratsii: Nauchnaia seriia: mezhdunarodnaia migratsiia naseleniia: Rossiia i sovremennoi mir*, Vyp. 10 (M.: MAKS PRESS, 2002): 55–61.

A. G. VISHNEVSKII, "Migratsionnaia strategii Rossii i politika tolerantnosti" [Russia's Migration Strategy and the Policy of Tolerance], *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal* 6, no. 2 (2011): 90–97. <http://msupsyj.ru/articles/detail.php?article=3405> (Accessed April 1, 2018).

A. G. VISHNEVSKII, "Nereshennye voprosy teorii demograficheskoi revoliutsii" [Unresolved Issues in the Theory of the Demographic Revolution], *Naselenie i ekonomika*, no. 1 (2017): 3–21.

A. G. VISHNEVSKII, E. M. ANDREEV, A. I. TREBISH, *Perspektivy razvitiia Rossii: rol' demograficheskogo faktora* [Prospects for the Development of Russia: The Role of the Demographic Factor] (M., 2003), 60–62.

O. D. VOROB'eva, A. A. GREBENIUK, "Esigratsiia iz Rossii v kontse XX – nachale XXI veka", *Analiticheskii doklad* [Emigration from Russia at the End of the 20th – Beginning of the 21st Century: Analytical Report], *Demoskop*, no. 701-702 (Accessed 30 October 2016).

V. B. ZHIROMSKAIA, *Osnovnye tendentsii demograficheskogo razvitiia Rossii v XX veke* [The Main Trends in the Demographic Development of Russia in the 20th Century] (M.: Kuchkovo pole, 2012), 7–33.

V. B. ZHIROMSKAIA, "Razmyshleniia o demograficheskikh prichinakh Velikogo pereseleniia narodov XXI v." [Reflections on the Demographic causes of the Great Migration of the Peoples of the 20th Century], v *Naselenie i territorii Rossii: istoriia i sovremennost'* (M.: Samara, 2017), 33–42.

И. В. САБЕННИКОВА

**ДИАСПОРЫ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ:
ТИПОЛОГИЯ И ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ¹**

**DIASPORAS OF RUSSIAN EMIGRATION:
TYPOLOGY AND LEGAL STATUS**

This article is devoted to the diasporas created by Russian emigration between 1917–1939 in four regions: Central Europe, the Slavic countries, the territories bordering on Russia and in China. Russian post-revolutionary emigration was a large-scale social phenomenon that arose as a result of a global social catastrophe and turned 2 million people into refugees. These emigrés, who dispersed across almost all the countries of the world, represented various social groups and cultural strata of the old Russian society. The revolution of 1917, the civil war that followed it and the establishment of the Soviet regime split the world into opposing social political systems. The struggle between these systems then determined the entire logic of the historical development of the 20th century, and in a sense, our modern picture of the world. Russian emigration, finding itself between these two systems, was at the epicenter of events. It has formed a special cultural type associated with the desire to preserve an idea of the world that has already ceased to exist as a reality but has been preserved in social memory, religious values, cultural traditions, literary works, and language. The differences between the Russian diasporas in the four main geographic regions were determined by the political regimes established in their countries of residence whether democratic, authoritarian or totalitarian and also by legislation then in force controlling citizenship, religion and cultural traditions. The process of integration of Russian refugees into the various socio-cultural conditions of European countries and China in the interwar period went through several stages and was basically completed by 1939, when most of the emigrants lost their last hope of returning to their homeland, and the outbreak of World War II led to the liquidation of the Russian diaspora as a whole.

Keywords: diasporas, Russian emigration, revolution, refugees, Russian Diaspora

Irina V. Sabennikova – DSc in History, All-Russian Scientific Research Institute of Records Management and Archival Science (VNIIDAD), Moscow, Russia. E-mail: sabennikova@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3682-8999>

¹ *Citation: I. V. SABENNİKOVA, “Diaspory russkoi emigratsii: tipologii i pravovoe polozenie” [Diasporas of Russian Emigration: Typology and Legal Status], RussianStudiesHu 5, no. 1 (2023): 95-112. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2023.5.4*

ВВЕДЕНИЕ

Обращение к диаспоре, созданной русской эмиграцией 1917–1939 гг, как самостоятельному объекту исследования объясняется уникальностью этого явления в истории Европы новейшего времени. Большинству ее представителей по объективным причинам не удалось вернуться в Россию. В связи с этим ее функционирование, интеграция и социокультурная адаптация в инокультурной среде, может рассматриваться как своего рода чистый социальный эксперимент.

На примере русской постреволюционной эмиграции, создавшей в межвоенный период четыре отличных между собой типа русских диаспор, как на территории Евроазиатского континента, так и на Дальнем Востоке, можно проследить вариативность взаимоотношения культур – самой эмиграции и принимающей страны, определяемую степенью различия в экономическом положении, религией, политическими режимами принимающих государств, культурной традицией и тем, в каком качестве находились на их территории русские – в качестве политических беженцев или национальных меньшинств.

Русская эмиграция межвоенного периода была совершенно новым типом эмиграции, характерным именно для периода новейшего времени. В статье выявляются и конкретизируются наиболее существенные черты этого уникального феномена, представляющего собой массовую антитоталитаристскую эмиграцию, что позволяет отделить его от других эмигрантских движений в истории и современности.

ФОРМИРОВАНИЕ РУССКОЙ ДИАСПОРЫ

До начала XX в. русские проживавшие за пределами России были представлены преимущественно группами старообрядцев, еще в XVIII в. поселившимися на территории Австро-Венгрии (на Буковине), в Османской империи и Румынии (в Добрудже). Эта эмиграция незначительной части населения с территории страны носила выраженную конфессиональную направленность. Другая волна русской эмиграции в конце XIX – начале XX в. была направлена в страны Северной и Южной Америки и имела экономический характер. К 1917 г. в этих странах насчитывалось около 200 тыс. граждан Российской империи. В 1920 г.

в США было зарегистрировано 732 тыс. человек, которые отнесли себя к русским (0,7% населения страны)².

Согласно демографическим данным, к 1920 г. за пределами тогдашних границ России проживали 1,1 млн. лиц, причислявших себя к русским.³ А также 1,5–2 млн. беженцев из России, на 95,5% состоявших из этнических русских. Именно постреволюционные беженцы создали полноценную русскую диаспору – Русское Зарубежье, включая в сферу своего влияния и русское этническое меньшинство, проживающее за границей. Зарубежная Россия складывалась из больших или меньших русских диаспор в Центральной Европе, славянских и приграничных с Россией странах, Китае, из отдельных граждан, стремящихся сохранить свою духовную связь с прежней родиной.

Говорить о существовании полноценной русской диаспоры в межвоенный период можно основываясь на определяющих признаках диаспоры, позволяющих отличить ее от этнической группы как таковой. К ним относится проживание этнической общности вне пределов исторической родины в иной этнической среде, наличие общности языка, культуры и исторического сознания; организационные структуры, направленные на поддержание ее жизнедеятельности как единого организма и определяющие ее способность к самоорганизации и самосохранению. Один из основных признаков диаспоры – социальная защита своих членов: помощь в трудоустройстве, образовании, правовая защита в рамках законодательств тех стран, где они проживают.

Диаспора складывается лишь в том случае, когда объективная способность сообщества к самоорганизации совпадает с субъективными особенностями, такими как историческое сознание, религия, национальная идея и др. Основными функциями диаспор являются – сохранение национального самосознания и культурно-просветительская, которые во многом пересекаются: издание литературы на родном языке, создание национальных школ, поддержание языка. Наиболее активно действующими могут при этом оказаться религиозные организации или выполнение политических функций. Длительность существования диаспоры в истории зависит от факторов, ставших изначально причиной ее возникновения: демографических, территориальных, эконо-

2 В. Кабузан, *Русские в мире. Динамика численности расселения (1719–1989). Формирование этнических и политических границ русского народа* (СПб.: Русско-балтийский информационный центр «БЛИЦ», 1996), 351.

3 *Население России за 100 лет (1897–1997)* (М.: Госкомстат России, 1998), 222.

мических, политических, этнокультурных и др. Диаспоры первой половины XX в., вызванные политическими причинами (русская, немецкая, испанская, итальянская) существовали несколько десятилетий и исчезли в результате ликвидации породивших их причин и ассимиляционного воздействия стран, в которых они проживали.

Создание русской диаспоры за рубежом стало возможным, поскольку почти одновременно за пределами России оказалось значительное число деятельных, образованных граждан, ставших беженцами в результате Октябрьского переворота. Политические перевороты принуждают к эмиграции как правило лиц, непосредственно причастных к свергнутому режиму, обычно близких между собой по социальному происхождению и политической ориентации. Российская эмиграция была исключением. Среди людей, эмигрировавших после октября 1917 г. из России, были представители практически всех прежних классов и сословий. Политические взгляды беженцев также были неоднородны и отражали полный спектр политической жизни революционной России. В единый социум, получивший название Зарубежной России или Русского Зарубежья их объединяло упорное притяжение к России, осознание себя частью России в изгнании. Идея возвращения на родину являлась своеобразным стержнем, сплотившим все русское сообщество в нечто целое, вне зависимости от географии его места нахождения. Та же идея продолжительное время препятствовала ассимиляции русских и их натурализации. Значительный процент интеллигенции в составе русских беженцев, посвятившей годы изгнания сохранению русской культуры, позволил русскому этническому сообществу не только физически сохраниться, но сохранить и развить свою национальную культуру.⁴

О русской эмиграции межвоенного периода часто говорят как о своего рода государстве, созданном на территории межвоенной Европы и имеющим не только своих граждан (более 2-х млн. беженцев, статус которых был подтвержден идентификационными документами – нансеновскими паспортами), но и свои политические, социальные, образовательные и культурные институты и структуры, государстве, имеющему единую образовательную и социальную политику⁵. Последнее верно только отчасти.

4 М. RAEFF, *Russia Abroad. A Cultural History of the Russian Emigration, 1919–1939* (New York: Oxford, 1990), 239.

5 И. В. САБЕННИКОВА, В. Л. ГЕНТШКЕ, А. С. ЛОВЦОВ, *Архивные материи Российского зарубежья. Тенденции и направления изучения. Аннотированный указатель* (М.-Берлин: Директ-Медиа, 2015), 427. <https://doi.org/10.23681/279329>

Гендерный состав эмиграции

Русская эмиграция существенно отличалась от своего окружения в странах расселения и России в целом с точки зрения возрастной структуры. Специфика возрастного состава русских беженцев состояла прежде всего в преобладании возрастной группы от 25 до 45 лет (65–70% всех беженцев), в два раза превышая по численности эту возрастную группу как в дореволюционной (34%), так и в Советской (38%) России. Процент детей и молодежи до 20 лет (18–25%) был значительно ниже как общеевропейского, так и российского (45–49%), как и лиц старше 60 лет. Возрастная группа от 45 до 60 лет в эмиграции в процентном соотношении была сопоставима с другими странами. Ситуация с течением времени естественным образом менялась в сторону сокращения детской группы за счет взросления детей и низкой рождаемости среди эмигрантов, а также специфики гендерного состава эмиграции в целом, выраженной в значительном дисбалансе в сторону мужской части эмиграции и, соответственно, браков с иностранками.⁶ Неоднородность состава русской эмиграции объясняется причинами, вынудившими людей покинуть свою страну. Теми же причинами объясняется гендерный состав эмиграции с преобладанием в ее составе мужчин активного возраста, что одновременно позволяет рассматривать ее и как трудовую эмиграцию.

Образовательный уровень

Согласно имеющимся исследованиям, русские беженцы имели высокий образовательный уровень (2–3% неграмотных), что особенно показательно в сравнении с дореволюционной Россией (в 1897 г. в городах было 54,7% неграмотных) и даже с СССР 1937 г. (39%). Сравнение образовательного уровня эмиграции с населением большинства Европейских стран, где в среднем 50–55% было неграмотно, также говорит в пользу беженцев. Обследования русских беженцев в Константинополе начала 20-х гг. выявили, что около 70% из них владели минимум одним иностранным языком.⁷

6 М. Йованович, *Русская эмиграция на Балканах 1920–1940* (М.: Русский путь, 2005), 141.

7 *Россия в изгнании: Судьбы российских эмигрантов за рубежом. Сб. статей.* (М.: ИВИ РАН, 1999), 327.

Профессиональная структура и занятость

Численное соотношение между различными квалификациями русских беженцев международными организациями практически не учитывалось. Сведения по этому вопросу собирались исключительно русскими общественными организациями, главным образом Бюро труда, организованными Земгором. Бюро труда регистрировали обратившихся за трудовой помощью беженцев, однако регистрация в разных странах велась по разным схемам, и число обращающихся в различные отделения Бюро было неодинаковым, что не позволяет сделать каких-либо однозначных выводов. Можно составить лишь приблизительное соотношение различных сфер трудовой деятельности, согласно которому лиц, занимающихся трудом промышленных рабочих и ремесленников, было 23% от общего числа учтенных, сельскохозяйственным трудом – 41%, интеллигентов, занимающихся физическим трудом, – 31% и работающих по интеллигентным специальностям – 5%. Таким образом, предположительно 90% русских эмигрантов занималось физическим трудом, в то время как от 40 до 50% русских беженцев до отъезда из России занимались интеллектуальным трудом, что создавало сложную в психологическом плане ситуацию⁸.

Материальное положение беженцев

Для начального периода пребывания русских беженцев за границей была характерна значительная безработица и, как следствие, тяжелое материальное положение. Сложное материальное положение сохранялось практически у половины русских беженцев весь межвоенный период – т. е. все существование русской диаспоры. Невозможность для беженцев найти адекватную их специальности и квалификации работу значительно ослабляло и адаптационные процессы.

Создание правового статуса русской эмиграции

С точки зрения международного права, вся история эмиграции делится на два периода: до возникновения международного правового регулирования и после его складывания, т. е. до первой мировой войны и после нее. Вторым этапом было создание Лиги Наций и третьим – ООН.

⁸ ГАРФ. Ф. 5764. Оп. 1. Д. 89. Л. 8.

Поэтому существенным фактором, определяющим статус различных частей российской эмиграции, является международно-правовое и внутренне государственное регулирование положения диаспор в разных странах. Регулирование статуса эмиграции внутренним государственным правом включает прежде всего положение меньшинств и законы о предоставлении гражданства.

В сравнении с эмигрантами из других стран межвоенного периода, русские беженцы находились в более тяжелом правовом и социальном положении, что объяснялось статусом апатридов, в котором они оказались после смены политического режима. Согласно декрету ВЦИК от 15 декабря 1921 г., все граждане, покинувшие Россию после 7 ноября 1917 г., участвовавшие в вооруженной борьбе против советской власти и проживающие за границей в течение пяти лет безвыездно, автоматически лишались прав гражданства⁹. В результате русские эмигранты оказались в своеобразном правовом вакууме: они перестали быть гражданами России, но не стали гражданами каких-либо других стран, что проявилось в отсутствии у них конституционных прав и свобод, таких как свобода слова, печати, вступления в профсоюзы, свобода передвижения и другие, которые имели эмигранты из других стран.

Процесс натурализации в европейских странах был длительным и сложным и, поскольку русские беженцы оказались первой массовой эмиграцией в XX в., его механизмы не были отлажены. Признание Советского Союза странами, где проживало наибольшее число русских постреволюционных беженцев – в 1922 г. Германией, в 1924 г. Францией, а позже Болгарией, Чехословакией и Югославией, еще более ухудшило положение русских эмигрантов, поскольку они лишались всякого официального представительства и правовой защиты в странах их пребывания. Советские посольства такой защиты им не предоставляли. Тем не менее, оказавшиеся в столь сложной ситуации, эмигрантские общественные организации добились того, что прежние дипломатические представительства выполняли для беженцев необходимые функции социального и правового характера.

Вопрос о правовом положении русских беженцев неоднократно вносился Российским Земско-Городским комитетом в Лигу Наций. В июне 1928 г. Лигой Наций была принята конвенция, вводившая для всех русских беженцев «нансеновского сертификата», поддержанная

9 Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 15.12.1921 «О лишении прав гражданства некоторых категорий лиц, находящихся за границей», Собрание узаконений и распоряжений РСФСР, no. 1 (1922), Ст. 11.

большинством стран, входивших в эту международную организацию. Данный факт значительно облегчал беженцам возможность передвижения с целью трудоустройства. Нансеновский паспорт предоставлял русским беженцам определенный юридический статус, определявший их положение перед законом и дававший возможность судебной и иной защиты их прав. Согласно декларации Лиги Наций (подписанной в 1928 г. и возобновленной в 1931 г.), страны, признавшие нансеновский паспорт действительным документом, брали под свою юридическую защиту их владельцев, обязуясь предоставлять им вид на жительство и трудоустройство на льготных условиях в сравнении с другими эмигрантами. На практике большинство стран игнорировало соглашения о юридическом статусе беженцев. По мнению Набокова, иметь нансеновский паспорт значило то же самое, что быть преступником, отпущенным под честное слово, или незаконнорожденным¹⁰. Вопрос о натурализации русских также не мог быть решен однозначно как со стороны европейских стран, не знавших такой практики ранее, так и со стороны самих эмигрантов, не желающих ассимиляции и денационализации.

Не смотря на все трудности, русская постреволюционная эмиграция проявила уникальную способность к самоорганизации. Практически с самого начала русская диаспора приобрела определенную организационную структуру, объединяющую все ее разрозненные по разным странам части. Бывшие русские консульства за рубежом выполняли функции правовых учреждений, Земгор и некоторые другие общественные организации стали продолжением и развитием в условиях эмиграции прежнего земского самоуправления, сложилась сеть профессиональных организаций, высших и средних учебных заведений, бюро труда, издательских структур, архивов, музеев и библиотек. Активно действовали политические партии и объединения. Создание единого идентификационного документа – “нансеновского” паспорта, подтверждало их принадлежность к Русскому Зарубежью.

Социальная политика

Социальная политика русской эмиграции, не могла быть самостоятельной, базируясь на тех скромных финансовых ресурсах, которые выделялись на обеспечение осуществляемых ею мероприятий. Содержание социальной политики исчерпывалось чисто социальными решениями

10 В. В. НАБОКОВ, *Другие берега* (Нью-Йорк: Издательство имени Чехова, 1954), 236.

и мероприятиями, связанными с поддержкой наиболее незащищенных слоев эмигрантского общества: детей, престарелых, инвалидов, в определенных условиях – некоторых трудоспособных членов сообщества, а также обеспечением некоммерческой части социально-культурной сферы, с целью сохранения национальных культурных традиций и языка. Русское эмигрантское сообщество сознательно воспитывало новое поколение русских европейцев в традициях русской культуры, надеясь, что в случае возвращения эмиграции в Россию после падения большевистского режима, они смогут возглавить построение нового общества.

Система общественных организаций эмиграции, в сферу деятельности которых были вовлечены русские беженцы, существовала на остаточные средства прежнего царского правительства или на средства государств, в силу тех или иных обстоятельств, поддерживающих эмиграцию и заинтересованных в контроле над ее деятельностью. Деятельность русских общественных организаций в эмиграции была направлена на поддержание беженцев в физическом, экономическом, моральном плане и создание для них возможности постепенной адаптации в новых условиях эмиграции, защите от денационализации и маргинализации.

Русская эмиграция, раздробленная территориально, была подвержена внутренним миграционным процессам в силу неразрешенности многих правовых вопросов и экономических проблем, присущих Европе межвоенного периода. Русские беженцы, где бы они не находились, считали себя скорее частью Зарубежной России, чем частью сообщества тех стран, в которых проживали и потому достаточно легко меняли место жительства.

ГЕОГРАФИЯ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ

Способности эмиграции принять на цивилизационном уровне культуру страны проживания зависит от целей, которые она ставит перед собой. На примере русской постреволюционной эмиграции можно проследить неоднозначность и вариативность взаимоотношения культуры эмиграции и культуры принимающей страны. В географии расселения русских беженцев в период 1917–1939 гг., четко выделяются четыре наиболее крупных и цельных типа русских диаспор на территории Евроазиатского континента: страны Центральной Европы, прежде всего Германия, Франция, Италия; славянские государства – Ко-

ролевство С.Х.С. (Югославия), Болгария и Чехословакия; приграничные России или лимитрофные государства – Польша, Финляндия, Румыния, Прибалтийские страны; Китай, главным образом Харбин и Шанхай. Различия в условиях существования русских диаспор на территориях этих регионов объяснялись различиями в экономическом положении, религией, политическими режимами этих государств, культурной традицией и тем, в каком качестве находились на их территории русские – в качестве политических беженцев или национальных меньшинств.

Наибольшее число русских эмигрантов в 1920–1924 гг. сосредотачивалась в странах Центральной Европы. По некоторым данным, к осени 1920 г. их численность в Германии, могла составлять 560 тыс. человек, включая тех, кто следовал транзитом в другие страны и военнопленных, ожидающих репатриации в Россию. К весне 1921 г., по мнению исследователя русской эмиграции в Германии Р.С. Вильямса, общее число русских там снизилось до 300 тыс., начиная с 1923 г. (с момента стабилизации немецкой экономики) число русских эмигрантов в Германии постоянно снижалось и к 1930 г. составило около 100 тыс.¹¹.

С 1924 г. наиболее массовым местом проживания русской эмиграции становится Франция, прежде всего Париж, где по данным МВД Франции уже в 1921 г. в департаменте Сены было зарегистрировано 38 982 русских эмигранта¹², а также другие крупные промышленные города и французские колонии. Общее число русских эмигрантов во Франции после 1924 г. составляло 400–450 тыс.¹³, что объяснялось либерализацией визового режима для русских беженцев из-за нехватки промышленных и сельскохозяйственных рабочих в результате значительных человеческих потерь Франции в Первой мировой войне. Русская диаспора во Франции в межвоенный период была наибольшей по численности и наиболее представительной по составу.

В то же время политическая обстановка в Италии 20-х гг. не была благоприятна для русской постреволюционной эмиграции, которая в межвоенный период была в этой стране незначительной по численности и слабой в организационном плане¹⁴. В 1924 г. Муссолини устано-

11 R. C. WILLIAMS, *Culture in exile. Russian Emigres in Germany, 1881–1941* (New York: Cornell University Press, 1972), 404.

12 ГАРФ. Ф. 5764. Оп. 1. Д. 154. Л. 1.

13 Данные Межправительственной конференции по беженским делам, состоявшейся в Женеве 11–12 мая 1926 г. ГАРФ. Ф. 5764. Оп. 1. Д. 89. Л. 4.

14 М. Г. ТАЛАЛАЙ, «Русская церковь во Флоренции как «петербургский памятник», *Невский архив*, no. 2. (М.; СПб.: Atheneum; Феникс, 1995): 447–453.

вил дипломатические отношения с СССР, а в 1926 г. в стране были запрещены все оппозиционные партии и издания и установлена фашистская диктатура. Экономическое положение Италии также не являлось стабильным.

В политическом плане либеральные режимы центрально европейских государств межвоенного периода значительно больше поддерживали русскую диаспору, оказывая не только моральную, но и материальную помощь русским институтам, школам, отдельным представителям науки и культуры. Русский язык был либо основным языком преподавания там, где обучались русские учащиеся, либо преподавался как обязательный иностранный язык, что вело не только к сохранению русской культуры внутри диаспоры, но и к воспитанию русской молодежи в традициях двух культур, а для многих французов открывало Россию, главным образом через театр, музыку, литературу. Этим объясняется, что русские беженцы к началу второй мировой войны в большинстве своем (прежде всего молодежь) натурализовались.

Славянские страны – Чехословакия, Болгария, Югославия были одной из наиболее значимых территорий по размещению русской межвоенной эмиграции, хотя количество русских беженцев здесь, главным образом в Королевстве СХС и Болгарии, не превышало 10% всех русских беженцев. К 1923–1924 гг. в Чехословакии проживало 22 100 русских беженцев, в Югославии в 1923 г. было зарегистрировано более 30 тыс. беженцев, а в Болгарии число русских эмигрантов составляло 30–35 тыс. человек. Около 70% всех беженцев были трудоспособны и в Югославии и Болгарии представлены в значительной степени бывшими военными армии барона Врангеля. Неработоспособная часть эмиграции – дети, старики, инвалиды и т. д., составляли около трети от общего числа беженцев¹⁵. Культурный уровень российских беженцев был значительно выше среднего культурного уровня населения славянских стран.

В более трудном положении находились русские беженцы в приграничных государствах: Румынии, Польше, Финляндии, Латвии, Литве, Эстонии, возникших в результате изменения границ после Первой мировой войны и распада Российской империи. После Октябрьской революции во вновь создавшихся государствах установились национальные правительства, проводившие жесткую националистическую политику в отношении национальных меньшинств, в том числе и русского. В Бессарабии, присоединенной к Румынии, к 1923 г. рус-

15 М. Јовановин, *Досельаванье русских избеглица у Краљевину СХС 1919–1924*, 225–227.

ская часть населения составляла абсолютное большинство – 1 270 400 за счет прежде проживающих на этой территории русских и 20 тыс. беженцев.¹⁶ В Польше беженцев было около 100 тыс. человек, значительную часть их составляли бывшие военнослужащие русской армии Пермикина и Болаховича. В Финляндии к 1928 г., по данным правительства, проживало 14 314 беженцев¹⁷ (по данным Земгора – 30 тыс.).¹⁸ Среди беженцев преобладали политические деятели и военные.¹⁹

Процентное соотношение русскоязычного населения лимитрофных стран к общему их населению было весьма значительно: в Латвии – около 10%, в Эстонии – 4,2%, в Литве – 5,9%. В Бессарабии – 47%, в Польше – 20%. Вместе с тем необходимо констатировать незначительную общественную активность русских диаспор этих регионов, что объясняется как целенаправленной политикой подавления такой активности со стороны новых национальных режимов и принятием всевозможных ограничительных законов (запрет на преподавание на русском языке, издание и ввоз русскоязычной литературы, запрещение общественных и политических эмигрантских организаций и т.д.), так и незначительной, в сравнении с другими европейскими странами, культурной элитой, результатом чего было небольшое число русских периодических изданий, слабость русской образовательной системы и общественных организаций. Все это вело к тому, что многие эмигранты, особенно молодежь, стремящаяся получить образование, переезжали в другие страны с более либеральным политическим режимом.

Русская диаспора на Дальнем Востоке, главным образом в Харбине, как административном центре КВЖД и Шанхае отличалась от русских диаспор в европейских странах. Русская дальневосточная эмиграция по численности была довольно значительной. По некоторым данным, к 1923 г. в полосе отчуждения КВЖД находилось до 400 тыс. русских, из которых не менее половины были беженцами, другая часть – служащими КВЖД, постоянно проживающими в этом регионе. Отличие дальневосточной диаспоры объясняется прежде всего спецификой ее положения – цивилизационно чуждым окружением (различиями в области языка, культуры, религии) и оторванностью от других центров эмиграции. Результатом такого положения стала ее замкнутость – отсутствие

16 ГАРФ. Ф. 5775. Оп. 1. Д. 257. Л. 116.

17 ГАРФ. Ф. 5764. Оп. 1. Д. 154. Л. 1.

18 Отчет о деятельности Российского Земско-городского комитета..., 48.

19 NATALIA BASHMAKOVA, MARJA LEINONEN, "From the history and life of Russians in Finland", *Studia Slavica Finlandensia. Helsinki*, no.VII (1990): 12.

ассимиляции русских беженцев в чужеродную культурную среду и минимальный процент натурализации. Подавляющее большинство членов дальневосточной диаспоры после Второй мировой войны повторно эмигрировало в США и Австралию или вернулось в СССР.

Русские диаспоры межвоенного периода, возникшие как в результате беженства из России, так и передела границ ряда государств (Польши, Финляндии, Румынии, Литвы, Латвии, Эстонии) и аннулирования государственно-правовых договоров (Полоса отчуждения КВЖД) являясь составными частями Российского Зарубежья, тем не менее отличаются друг от друга. Это позволяет на их примере проследить зависимость адаптационных процессов от схожести или различия цивилизационных и культурных параметров²⁰.

МОДЕЛИ АДАПТАЦИИ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ

При рассмотрении процесса адаптации русской эмиграции наиболее существенными являются две группы факторов – факторы, определяемые общими условиями культурной среды, в которой находится эмиграция и особенности функционирования самой диаспоры – ее внутренняя организация и целеполагающие установки в отношении ее окружения. Соответственно на практике существует три ситуации: когда культурная среда (первая группа факторов) остается неизменной, а инфраструктура диаспоры (или вторая группа факторов) изменяется; обратная ситуация – когда меняется первая группа факторов, а вторая не меняется и, наконец, когда меняются обе группы факторов. В отношении русской постреволюционной эмиграции первая модель адаптации характерна для славянских стран, вторая – для Центральной Европы и Дальнего Востока, а третья – для приграничных государств.

Первая модель адаптации с мало изменяющейся культурной средой и меняющейся инфраструктурой диаспоры наблюдается у русской эмиграции в славянских странах. Сходство языка, религии, общность цивилизационных исторических тенденций, финансовая и правовая помощь правительств этих государств делали адаптацию русских беженцев менее болезненной, чем в других регионах, что способство-

20 См. Подробнее: И. В. САБЕННИКОВА, *Российская эмиграция (1917–1939): сравнительно-типологическое исследование*. 2-е изд. (М.-Берлин: Директ-Медиа, 2015), 551. <https://doi.org/10.23681/428589>

вало более активному участию эмигрантов в жизни этих стран. Натурализация русских беженцев в славянских странах была значительно выше, чем в Центральной Европе и лимитрофных государствах.

Ситуация, когда меняется культурная среда, а эмиграция остается постоянной, характерна в наибольшей степени для русской эмиграции в Китае – страна претерпела революцию, японское вторжение, а эмиграция оставалась без изменений. Сопоставление данной ситуации (модель, при которой меняется культурная среда, а эмиграция остается постоянной) с российской эмиграцией в Китае выявляет основную причину неизменности самой русской эмиграции – отсутствие возможности культурного обмена со страной своего происхождения. Эта взаимосвязь с русской культурой осуществлялась опосредованно – через создание русской школы, сохранение и культивирование национальных обычаев, выпуска русскоязычных изданий и культурных контактов с русскими диаспорами в Европе. Абсолютная замкнутость русской эмиграции в Китае препятствовала ей стать частью китайского общества, превратив ее в нестабильный анклав и привело к тому, что после Второй мировой войны русская диаспора в Китае перестала существовать, вынужденная либо вернуться в СССР, либо повторно эмигрировать в США и Австралию.

Другой пример аналогичной ситуации – положение консервативной части русской эмиграции в Италии и Германии, которое, независимо от нее, улучшилось при изменении политических, социальных и культурных условий этих стран. В начале 1920-х гг., когда русские беженцы прибыли в Италию, они не имели поддержки общества, где сильны были социалистические идеи и идеализация нового советского строя. В конце 1920-х гг. русская эмиграция воспринимается тем же обществом уже как страдальческий элемент. Причиной чему является не сама эмиграция, состав которой не изменился, а смена политических режимов в этих странах и действия советского правительства, вызвавшие охлаждение европейского общества.

Третья модель, когда меняется одновременно и культурная среда и эмиграция, представлена приграничными с Россией государствами, поскольку политическая и культурная ситуация в регионе зависела от воздействия великих держав и проводимой ими политики по переустройству мира. Сама эмиграция внутри этих новосозданных государств испытывала дискомфорт и стремилась к радикальному изменению своего положения. Специфика положения русского населения в этих регионах состояла в том, что после образования новых нацио-

нальных государств русское население превратилось в национальное меньшинство, юридическое состояние которого не было определено специальными законами о национальных меньшинствах. Это приводило к многочисленным нарушениям прав русских в приграничных странах и к определенной политике их ассимиляции и денационализации путем ликвидации русских школ, запрещения публикации или ввоза русских учебников и литературы, ограничения применения русского языка в общественной жизни. Все это делало положение русской диаспоры в приграничных странах еще более тяжелым чем в славянских или западноевропейских странах.

ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭМИГРАЦИИ

При сравнении русской постреволюционной эмиграции с другими эмиграциями того же периода, носящими экономический характер, мы так же видим определенные черты сходства и различия. При идентичной культурной среде пребывания отличия проявлялись в целеполагающих установках, что определялось причинами иммиграции и мотивами культурной деятельности эмигрантов. Если для экономической эмиграции главной целью становилась скорейшая ассимиляция и натурализация в другом обществе, которое они предпочитали своему, российская эмиграция стремилась именно к сохранению своего общества в чужеродной среде, ставя целью возвращение в Россию. Поэтому, при внешнем сходстве ряда атрибутов двух эмиграций (национальная школа, литература на национальных языках, роль религии), их функционирование оказывается весьма различным в одних и тех же странах.

Диаспоры, созданные этими эмиграциями, различались по политической структуре: диаспоры, возникшие в результате гражданских войн и революций, переносили в эмиграцию всю структуру своего гражданского общества, в то время как диаспоры, носящие другой характер, не имели такой четкой структуры. Различен был гендерный и профессиональный состав эмиграции: эмиграция, возникшая в результате войн и революций, состояла преимущественно из мужчин молодого и среднего возраста, имеющих военные специальности, экономическая эмиграция, например, в США, включала переселение целых семей. Важным критерием является процент интеллектуальной элиты нации (ученые, писатели, художники). От величины этого процента зависит возможность самоидентификации эмиграции в целом

в новых культурных условиях и социокультурная адаптация. Парадоксальным образом лучше ассимилируются те группы эмигрантов, которые не имели большого процента интеллектуальной элиты. Исторические примеры показывают высокую степень адаптированности простых рабочих в отличие от интеллектуалов, что связано с их направленностью на культурную дисперсию, в то время как интеллигенция больше была нацелена на сохранение культурной гомогенности и модели культурного плюрализма.

РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ КАК ИДЕАЛЬНЫЙ ТИП

Русская эмиграция межвоенного периода стала новым типом эмиграции новейшего времени – массовой антитоталитаристской эмиграцией. Определение ее как массовой антитоталитаристской эмиграции позволяет конкретизировать существенные черты этого уникального феномена, по существу, отсутствовавшего до эпохи новейшего времени, а с другой стороны, отделить его от эмигрантских движений в истории и современности, связанных с перемещением населения под влиянием экономических, национальных, природных факторов, но не носящих столь всеобъемлющего характера и не имевших таких выраженных качественных характеристик.

Прежде всего, массовые антитоталитаристские эмиграции являлись результатами крупных социально-политических конфликтов, приводящих к смене не только политических режимов соответствующих стран, но и всей их социальной системы, или даже культурной цивилизационной основы ее развития.

Другой особенностью этого типа эмиграции является сочетание ее массового характера с представительством практически всех социальных групп населения. Эта особенность отличает ее от других массовых эмиграций современности, представленных какой-либо одной дипримирированной социальной категорией в виде этнических, конфессиональных, социальных и политических меньшинств. Особенность антитоталитаристской эмиграции состоит в том, что она представляет собой не меньшинства, а именно представительство всего общества соответствующей страны.

Третьей особенностью данного типа эмиграции является то, что в результате ее в новую культурную среду пересаживается фактически другая культура. В результате чего происходит взаимодействие двух

культур, которое может быть как конфликтным, так и бесконфликтным, что можно видеть на примере функционирования русских диаспор в различных регионах проживания.

Ведущей оказывается роль интеллигенции, которая аккумулирует те параметры культуры, по которым эмиграция вступает в противоречие с возникшим тоталитарным режимом (этим объясняется чрезвычайная культурная гомогенность этой эмиграции и высокий уровень ее самоидентификации, определяющийся общими для всех ее представителей негативными ценностями, предложенными тоталитарными режимами).

Еще одной особенностью становится трудность адаптации этого типа эмиграции к культуре принимающей страны в связи с тем, что она рассматривает свой статус как временный, который должен быть преодолен путем свержения тоталитарного режима и возвращения эмиграции на Родину.

К числу особенностей эмиграций подобного типа принадлежит и характер ее отношения с другими эмигрантскими группами, которые рассматриваются исключительно с точки зрения того, чем они могут способствовать решению ее главной проблемы – возвращения на родину. Оказавшись в антитоталитарной эмиграции, люди не могут вернуться в страну без риска физического уничтожения.

К эмиграциям, соответствующим этой модели, в XX в. можно отнести армянскую эмиграцию, связанную с геноцидом 1911 г., российскую постреволюционную эмиграцию 1917–1939 гг., антинацистскую эмиграцию из Германии после 1933 г., испанскую эмиграцию 1936 г. Российская эмиграция выступает как наиболее соответствующая этой разновидности эмиграции новейшего времени. Она не только соответствует всем характерным признакам идеального типа, но в известном смысле она их сформировала. Это объясняется тем, что российская эмиграция была первым историческим примером такого рода эмиграций в послевоенной Европе.

References

- NATALIA BASHMAKOVA, MARJA LEINONEN, "From the History and Life of Russians in Finland", *Studia Slavica Finlandensia. Helsinki*, no.VII (1990): 12.
- Dekret VTSIK, SNK RSFSR ot 15.12.1921 «O lishenii prav grazhdanstva nekotorykh kategorii lits, nakhodiashchikhsia za granitsej», *Sobraniie uzakonenyi i rasporiashenii RSFSR*, no. 1 (1922), St. 11. [Decree of the All-Russian Central Executive Committee, Council of People's Commissars of the RSFSR of 12/15/1921 «On the Deprivation of the Rights of Citizenship of

Certain Categories of Persons Who are Abroad”, Collection of Laws and Orders of the RSFSR, no. 1 (1922), Art. 11.]

GARF – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archive of the Russian Federation]

— f. 5764, op. 1. d. 89. l. 4.

— f. 5764, op. 1. d. 89. l. 8.

— f. 5764, op. 1. d. 154. l. 1.

— f. 5775, op. 1. d. 257. l. 116.

M. IOVANOVICH, *Dosel'avan'e russkikh izbeglitsa u Kravevinu SKHS 1919–1924* [Immigration of Russian Refugees to the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes 1919–1924] (Belgrad: Stubovi kul'ture, 1996), 225–227.

M. IOVANOVICH, *Russkaia emigratsiia na Balkanakh 1920–1940* [Russian Emigration in the Balkans 1920–1940] (M.: Russkii put', 2005), 141.

V. KABUZAN, *Russkie v mire. Dinamika chislennosti rasseleniia (1717–1989). Formirovanie etnicheskikh i politicheskikh granits russkogo naroda* [Russians in the World: Population Dynamics (1719–1989). The Formation of the Ethnic and Political Boundaries of the Russian People] (SPb: Russko-baltiiskii informatsionnyi tsentr “BLITS”, 1996), 351.

V. V. NABOKOV, *Drugie berega* [Other Shores] (N'iu-Iork: Izdatel'stvo imeni Chekhova, 1954), 236.

Naselenie Rossii za 100 let (1897–1997) [The Population of Russia over 100 Years (1897–1997)] (M.: Goskomstat Rossii, 1998), 222.

MARK RAEFF, *Russia Abroad: A Cultural History of the Russian Emigration, 1919–1939* (New York: Oxford, 1990), 239.

Rossii v izgnanii: Sud'by rossiiskikh emigrantov za rubezhom. Sb. statei. [Russia in Exile: The Fates of Russian Emigrants Abroad] (M.: IVN RAN, 1999), 327.

I. V. SABENNIKOVA, *Rossiiskaia emigratsiia (1917–1939): sravnitel'no-tipologicheskoe issledovanie. 2-e izd.* [Russian Emigration (1917–1939): A Comparative Typological Study. 2nd ed.] (M.-Berlin, Direkt-Media, 2015), 551. <https://doi.org/10.23681/428589>

I. V. SABENNIKOVA, V. L. GENTSHKE, A. S. LOVTSOV, *Arkhivnye materiki Rossiiskogo zarubezh'ia. Tendentsii i napravleniia izucheniia. Annotirovannyi ukazatel'* [Archival Contents of the Russian Diaspora: Trends and Directions of Study: An Annotated Index] (M.-Berlin: Direkt-Media, 2015), 427. <https://doi.org/10.23681/279329>

M. G. TALALAI, “Russkaia tserkov' vo Florentsii kak “peterburgskii pamiatnik”” [The Russian Church in Florence as a “Petersburg Monument”], *Nevskii arkhiv*, no. 2 (M.-SPb: Atheneum, Feniks, 1995): 447–453.

ROBERT CHADWELL WILLIAMS, *Culture in Exile: Russian Emigres in Germany, 1881–1941* (New York: Cornell University Press, 1972), 404.

И. Б. ОРЛОВ

**«ПЕСНЮ ДРУЖБЫ ЗАПЕВАЕТ МОЛОДЕЖЬ»:
УСПЕХИ И НЕУДАЧИ СОВЕТСКОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ
МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ (1957–1985)¹**

**“YOUTH SINGS THE SONG OF FRIENDSHIP”:
THE SUCCESSES AND FAILURES OF SOVIET INTERNATIONAL
YOUTH POLICY (1957–1985)**

This article examines the main stages of the development of international youth tourism in the USSR in the period between the 1957 and 1985 World Festivals of Youth and Students. These were held in Moscow and marked the nodal points of international youth policy in general and international tourism in particular. The focus of this research is on the activities of the “Sputnik” International Youth Tourism Bureau as it welcomed foreign youth (primarily on excursions) and served them a diet of ideology. These young people represented a specific audience due to their age and psychological characteristics. The Bureau’s techniques of hospitality and propagandistic influence went beyond the formation of momentary positive impressions from the trip. The long-term effect was more important, since young foreign tourists (especially from Western countries) would potentially be joining the ranks of the political, economic and intellectual elite of their countries in the future; this could be the key to creating a more balanced attitude towards our country and the basis for improving the policy of “peaceful coexistence” between the two socio-political systems. International youth tourism, as a “synthetic” form of youth policy, was considered by the Soviet leadership as a promising branch of “people’s diplomacy”, an important channel for positioning the Soviet Union in the world community. It is noted that youth tourism took its first steps within the structure of Intourist, but over the years it acquired its own forms and mechanisms of presenting Soviet reality in the foreign youth environment.

Keywords: youth policy, international tourism, Sputnik, festival, hospitality practices

Igor B. Orlov – Professor, DSc, National Research University Higher School of Economics.
E-mail: IOrlov@hse.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1443-8452>

1 *Citation:* I. B. Orlov, “Pesniu druzhby zapevaet molodezh’: uspekhi i neudachi sovetskoi mezhdunarodnoi molodezhnoi politiki (1957–1985)” [“The Youth Sings the Song of Friendship”: Successes and Failures of Soviet International Youth Policy (1957–1985)], *Russian-StudiesHu* 5, no. 1 (2023): 113–132. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2023.5.5

ВВЕДЕНИЕ

Вынесенные в заголовок слова из «Гимна демократической молодежи мира» (1947 г., слова Льва Ошанина, музыка Анатолия Новикова) акцентируют внимание на двух аспектах советской молодежной политики: на стратегии выстраивания доверительных отношений между молодежью разных стран и на праздничном формате этих отношений. Дополним эту «формулу» еще двумя «переменными» – использованием молодежного движения в качестве одного из каналов позиционирования Советского Союза в мировом сообществе и институционализацией молодежного туризма как «синтетической» формы молодежной политики.

Молодежная политика в рассматриваемый период велась, прежде всего, по линии ЦК ВЛКСМ и созданного в 1956 г. на основе Антифашистского комитета советской молодежи Комитета молодежных организаций (КМО) СССР. Контроль КМО распространялся на международные связи общественных, профессиональных, спортивных, студенческих, культурных и других организаций советской молодежи. Но в рамках статьи мы ограничимся деятельностью Бюро международного молодежного туризма (БММТ) «Спутник», образованного в структуре КМО СССР² на основании решения комиссии ЦК КПСС от 25 мая, распоряжения Совмина СССР от 3 июня и постановления ЦК ВЛКСМ от 5 июня 1958 года, а также соответствующего решения Президиума КМО³. В нашем случае сужение молодежной политики до сферы международного туризма оправдано тем, что деятельность «Спутника» в концентрированном виде включала различные направления этой политики.

Хронологические рамки статьи определяются датами проведения в Москве Всемирных фестивалей молодежи и студенчества 1957-го и 1985-го годов, которые стали узловыми точками международной молодежной политики вообще и международного туризма, в частности. Если первый форум открывал эпоху советского международного моло-

2 «Спутник» работал под непосредственным руководством ЦК ВЛКСМ, а 2 ноября 1970 г. постановлением Секретариата ЦК комсомола перешел в прямое подчинение ЦК ВЛКСМ, представляя комсомол в международных туристических организациях. На Отдел пропаганды и агитации ЦК ВЛКСМ и КМО СССР возлагалась подготовка справочных материалов о различных сторонах жизни советской молодежи и молодежном движении на Западе (Российский государственный архив социально-политической истории, РГАСПИ), ф. 5М. Бюро международного молодежного туризма «Спутник», оп. 1, д. 52, л. 20).

3 РГАСПИ, ф. 5М, оп. 1, д. 1, л. 40, 45.

дежного туризма, то второй фактически ее завершал в том формате, в котором он утвердился за предыдущие годы.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ИТОГИ

Историография международного молодежного туризма значительно скромнее, нежели туризма «взрослого». Во многом это объясняется «вторичностью» этого исследовательского поля по отношению к деятельности «Интуриста» в силу сложившихся стереотипов о копировании руководством молодежным туризмом организационных форм и идеологических установок, техник гостеприимства и практик показа, наработанных в рамках интуристовской модели. Отчасти, это верно, учитывая, что свои первые шаги молодежный туризм сделал в структуре «Интуриста» и в дальнейшем опирался на опыт «старшего брата» и партийные установки. Но, по мере развития системы молодежного туризма, он обретал собственное лицо, в том числе, специфические формы и механизмы презентации советской действительности в зарубежной молодежной среде.

Мы ограничимся в обзоре работами, имеющими непосредственное отношение к теме нашего исследования. В своей массе исследования отдельных этапов развития международного молодежного туризма на федеральном⁴ и региональном⁵ уровнях (как и редкие попытки юбилейной реконструкции истории «Спутника»)⁶ содержат интересующие нас сведения в несистематизированном виде. Но в ряде случаев в исследовательском фокусе находится именно деятельность Бюро по

4 А. М. Машкова, *БММТ «Спутник» в 1958–1968 гг.: становление и развитие иностранного туризма в СССР: Дисс. ... канд. ист. наук* (Москва: Российский государственный университет туризма и сервиса, 2011), 236.

5 М. В. Бекленищева, «Из истории развития международного молодежного туризма в Свердловской области (1966–1971)», в *Документ. Архив. История. Современность: Сб. научных трудов, вып. 16* (Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2016), 3–12; А. Г. Викторов, «Участие Бюро международного молодежного туризма СССР «Спутник» в общественно-политической жизни Нижнего Поволжья 1965–1985 гг.», *Бюллетень науки и практики*, по. 4 (2016): 239–241; О. Н. Шанина, «Ярославская область в советской системе въездного и выездного иностранного туризма в 1970-е гг.», *Государственный архив Ярославской области*, <http://www.yararchive.ru/publications/details/308/> (дата обращения: 12 мая 2022 г.)

6 А. Н. Хохлов, *Спутник. Пятьдесят лет на орбите туризма* (М.: Внешторгиздат, 2008), 256.

формированию позитивного имиджа Советского Союза⁷. Зарубежная историография также фокусируется на отдельных (хотя интересных и перспективных для изучения) аспектах советского международного туризма, например, на использовании в туристской рекламе эпохи Л.И. Брежнева элементов национализма и западной рок-музыки⁸.

Если суммировать основные историографические результаты, можно сделать ряд выводов. Во-первых, механизмы продвижения «советскости» на иностранную аудиторию существенно отличались для выездного и въездного туризма. Мы сосредоточим внимание на въездном туризме, так как прием иностранной молодежи на территории СССР предоставлял больше возможностей для презентации советской действительности и достижений страны – лидера социалистической системы.

Во-вторых, возможности и формы презентации советского образа жизни существенно отличались для туристов из социалистических и капиталистических стран. Отчасти это объясняется спецификой правовой базы, регулировавшей международный туристический обмен. Если договора о дружбе, взаимной помощи и сотрудничестве с социалистическими государствами открывали достаточно широкие возможности для контактов (в том числе, в силу безвалютного обмена и безвизового режима), то для капиталистических стран рамки подобного обмена существенно сужались⁹. Но в большей мере, специфику международного туристского обмена определяли реалии Холодной войны. Постановление ЦК ВЛКСМ «Об укреплении связей с молодежными организациями стран народной демократии» (август 1956 года) ориентировало на установление прямых контактов комсомольских комитетов разного уровня с молодежными организациями соцстран. Что, понятно, было неприемлемо в отношении даже самых «прогрессивных» молодежных организаций Запада.

В-третьих, международной молодежный туризм, являясь важной составляющей общей идеологической работы, рассматривался как

7 М. В. Бекленищева, «К вопросу о международной деятельности комсомола в 1966–1987 гг. (региональные особенности)», в *Молодежные движения и организации XX века (к столетию образования ВЛКСМ): материалы Всероссийской очно-заочной научно-практической конференции с международным участием* (Шадринск: ШГПУ, 2018), 13–17.

8 S. Zнuk, “Popular National Culture and Advertising in the Soviet Travel Agencies, 1964–1984”, *Memoria y civilizaci3n*, vol. 14 (2011): 53–77.

9 В. А. Хрипун, «Некоторые проблемы организации иностранного туризма в Ленинграде в 1950-е – 1960-е годы», *Вестник Санкт-Петербургского государственного университета*, сер. 2, вып. 1 (2011): 150.

практическое воплощение предпринимаемых с середины 1950-х годов шагов по активизации движения солидарности с молодыми борцами за мир и общественный прогресс. Точкой отсчета в этом направлении стал VI Всемирный фестиваль молодежи и студентов за мир и дружбу (28 июля-11 августа 1957 года), в свою очередь, открывший эпоху международного молодежного туризма в СССР.

В-четвертых, БММТ «Спутник», отчасти копируя техники пропаганды и гостеприимства «Интуриста», в силу организационных, материальных, финансовых, возрастных и коммуникационных особенностей, активно формировал собственные формы и методы пропаганды мира во всем мире и культуры гостеприимства.

Исходя из вышесказанного, мы акцентируем внимание на попытках советского руководства (в нашем случае, ЦК ВЛКСМ) не только интегрировать молодежное движение в СССР и в странах народной демократии в мировое молодежное движение, но и принять на себя лидерство. Очевидно, что международный молодежный туризм расценивался советским руководством как перспективное направление «народной дипломатии».

ФЕСТИВАЛЬ-57 И ПЕРВЫЕ ШАГИ «СПУТНИКА»

До 1958 г. советские юноши и девушки выезжали за границу по линии Центрального туристско-экскурсионного управления (ЦТЭУ) ВЦСПС и «Интуриста». Но Фестиваль актуализировал проблему создания специальных организационных структур по управлению международным молодежным туризмом. Накануне Фестиваля в недрах КМО был подготовлен проект строительства домов молодежи в Москве, Ленинграде, Киеве и Сочи, должных стать «центрами по организации планомерной и целенаправленной работы с зарубежными молодежными туристами и представителями различных молодежных организаций по их ознакомлению с достижениями советского народа в политической, экономической и культурных областях, с жизнью, трудом и отдыхом советской молодежи». На дома молодежи возлагалась организация встреч иностранцев с советской молодежью, экскурсий на предприятия, в колхозы и учебные заведения, а также ознакомление с культурными центрами и историческими памятниками нашей страны. Их предполагалось использовать не только в качестве гостиничных комплексов, но и для проведения международных молодежных

мероприятий, организации тематических выставок, докладов, лекций и бесед о жизни советской и зарубежной молодежи и демонстрации кинофильмов¹⁰.

Но затем было решено пойти по пути создания отдельной организации. Отчасти выбор был продиктован финансовыми соображениями, отчасти – необходимостью объединения в рамках одной структуры обоих направлений международного туризма (въездного и выездного). В этих целях в мае 1957 года КМО сформировал Комиссию по организации международного молодежного туристского обмена, в состав которой вошли представители «Интуриста», ЦТЭУ профсоюзов и Комитета по физической культуре и спорту¹¹. Образование «Спутника» диктовалось, по меньшей мере, двумя причинами – необходимостью пополнения бюджета ВЛКСМ и активизацией идеологической работы с зарубежной молодежью в условиях десталинизации, некоторого ослабления «железного занавеса» и развернувшейся «туристской революции» второй половины 1950-х годов.

Фестиваль 1957 года стал первым опытом еще не институционализированного международного молодежного туризма в специфических условиях некоторого «потепления» Холодной войны. Он был призван продемонстрировать не только «мягкое» противостояние двух систем, но и потенциал международного сотрудничества и позитивной коммуникации, чему способствовал декларированный XX съездом партии (1956 год) принцип мирного сосуществования двух мировых систем. Важно, что к 1957 году страны социалистического лагеря фактически монополизировали организацию молодежных фестивалей: предыдущие слеты молодежи прошли в Праге, Будапеште, Берлине, Бухаресте и Варшаве¹², что позволяло не камуфлировать идеологические цели Московского фестиваля в плане разрушения недоверия к нашей стране за рубежом.

Подготовка к Фестивалю осуществлялась в условиях антисоветской кампании в связи с событиями в Венгрии. Противодействие поездке туристов в Москву прямо или косвенно (путем давления на туристические фирмы и их клиентов) оказали правительства многих стран Запа-

10 РГАСПИ, ф. 5М, оп. 1, д. 1, л. 37–39.

11 В. А. Квартальнов, *Туризм: история и современность: Избр. произв.* В 4-х тт., т. 1, кн. 3 (М.: Финансы и статистика, 2002), 210.

12 Только после фестиваля в Москве право его проведения было передано государствам, не относящимся к социалистическому лагерю, – Австрии, Финляндии и Алжиру.

да. Управление железных дорог Франции отказалось выделить специальный поезд для французской делегации, а швейцарские власти вообще отменили поездку в СССР. Бергенская пароходная компания запретила заход парохода «Метеор» в Ленинград, а Шведская пароходная компания аннулировала заключенный ранее договор. Многие печатные издания отказывались размещать рекламные объявления о путешествиях в нашу страну, а в ряде стран существенно осложнили процедуру получения виз для поездки в Советский Союз. Западные страны не стеснялись и прямого шантажа в отношении третьих стран. Например, США предупредили мексиканскую фирму «Туризмo С.А.», что Департамент иммиграции не будет возобновлять визы на въезд в страну «лицам, которые когда-либо и с какой-либо целью были в России»¹³. Ясно, что для клиентов фирмы угроза лишиться возможности посещать США перевесила перспективы разового визита в СССР.

Но, несмотря на противодействие, численность только официальных делегатов Фестиваля, представлявших 131 страну мира, составила 34 тысячи человек, не считая более 2 тысяч журналистов из 62-х государств¹⁴. Для организаторов Фестиваля, ориентировавшихся на широкое страновое представительство, поводом для победных отчетов было прибытие делегаций, состоящих даже из одного человека (например, кенийской, мозамбикской или новозеландской). Принимающая сторона способствовала тому, чтобы впервые в молодежном фестивале приняли участие делегаты из 17-ти стран, в том числе, из Эфиопии, Ганы, Афганистана, Либерии и других¹⁵. И тут за ценой не стояли, так как политические дивиденды были важнее финансовых затрат. Многие из делегатов стран «третьего мира» приехали в Москву за счет учредителей, для чего был создан Международный фонд фестиваля объемом 227 тысяч долларов¹⁶. О новых взаимоотношениях внутри соцлагеря должно было свидетельствовать участие в Фестивале после длительного перерыва более 200 представителей Югославии.

13 Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), ф. Р-9612. Учреждения по руководству иностранным туризмом в СССР. 1929–1991, оп. 1, д. 389, л. 85.

14 ГА РФ, ф. Р-9612, оп. 1, д. 389, л. 82–86, 222; Ю. Кашлев, В. Орлов, А. Рыжков, *Всемирные фестивали молодежи* (М.: Б.и., 1965), 10, 15. Рекорд Москвы был превзойден Гаваной только в 1978 г.

15 *VI Всемирный фестиваль молодежи и студентов. Сб. материалов* (М.: Молодая гвардия, 1958), 22, 125–126.

16 Там же, 10, 24.

В этих условиях Фестиваль вынужденно демонстрировал новый идеологический поворот. На церемонии открытия председатель Президиума Верховного Совета СССР К.Е. Ворошилов декларировал право каждого народа «строить свою жизнь так, как он хочет». Правда он одновременно пытался убедить делегатов, что становление «на путь социалистического развития» все новых стран и народов является «закономерностью исторического развития общества»¹⁷. Видимо, поэтому важное место в программе Фестиваля отводилось демонстрации достижений советского строя. Причем в ряде случаев, наряду с презентацией настоящих успехов, удавалось представить в позитивном ключе даже проблемные секторы советской экономики. Восторженную запись в книге отзывов после посещения Постоянной строительной выставки оставили представители английской строительной организации, шведских туристов привела в восхищение благоустроенность подмосковного колхоза имени В.И. Ленина, а других гостей Фестиваля - чистота и порядок на специально отобранных для показа московских предприятиях¹⁸.

Однако основным дискурсом Фестиваля-57 стала не антиимпериалистическая, а антифашистская и даже пацифистская риторика. В демократических кругах западной молодежи находило отклик представление венгерской оппозиции в качестве «рецидива фашизма» и попытки реставрации хортистского режима. Один из представителей делегации ФРГ признался, что «фактически первый раз слышал правду» о событиях в Венгрии, где «контрреволюционеры совершали такие преступления, как убийство детей, женщин, стариков»¹⁹. В ряду пацифистских акций была, например, встреча молодежи стран Балтийского бассейна под девизом «Балтийское море должно стать морем мира и дружбы», а также форумы молодых парламентариев социалистических и капиталистических стран²⁰. Примечательно и отсутствие в пропагандистской кампании антирелигиозной составляющей. Более того, программа Фестиваля предполагала серию дружеских встреч религиозного содержания, в частности, «Встречу молодых христиан».

Фестиваль-57 заложил основы специфических техник гостеприимства и праздничной составляющей международного молодежного

17 Там же, 37.

18 Там же, 57, 111–115.

19 Там же, 41.

20 Там же, 47,53.

туризма в СССР. В недрах американского Госдепа подобные мероприятия оценивались как собрания для «провозглашения односторонних политических заявлений, резолюций и обращений в карнавальной атмосфере»²¹. Но к советским фестивалям, сохранявшим иерархические отношения, игнорирующая миф концепция карнавала Михаила Бахтина применима лишь отчасти²². Большой объяснительный потенциал дает теория архаического праздника, который «мотивируется мифом», в свою очередь выступающим сценарием праздника в целом или, по крайней мере, его ритуала²³. По сценарию режиссера основных мероприятий Фестиваля-57 Иосифа Туманова, традиционный советский жанр «театрализованного митинга» был дополнен визуальными и звуковыми эффектами - выступлениями симфонического оркестра, хоровых ансамблей и солистов из разных стран, демонстрацией на гигантском экране смонтированных кинокадров и презентацией художественных панно и антивоенных плакатов²⁴.

Фестиваль 1957 года можно рассматривать как попытку тиражирования в интеллектуальных кругах Запада молодежной коммунистической альтернативы буржуазному миру. Декларируемый интернационализм вынуждал партийное руководство сквозь пальцы смотреть даже на романы советских граждан с иностранцами. Ориентация на зарубежную молодежь преследовала вполне практические цели, причем не только сиюминутные в виде донесения своих позитивных впечатлений от поездки до молодежной (и не только) аудитории страны проживания молодых туристов. Ведь молодые гости нашей страны в перспективе могли пополнить ряды политической, экономической

21 Soviet active measures: The 12th World Youth Festival in Moscow <http://insidethecoldwar.org/sites/default/files/documents/Department%20of%20State%20Note%20Soviet%20Active%20Measures%2012th%20World%20Youth%20Festival%20in%20Moscow%20June%201985.pdf> (Accessed May 10, 2022).

22 М. М. Бахтин, *Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса* (М.: Художественная литература, 1990), 12, 15–16.

23 В. Н. Топоров, «Праздник», в *Мифы народов мира: Энциклопедия* (М.: Советская энциклопедия, 1980): 329–331; С. Гурин, «Концепция карнавала М. Бахтина и теория архаического праздника В. Топорова», *Топос. Литературно-философский журнал*, 19 апреля 2018 <https://www.topos.ru/article/ontologicheskie-progulki/konceptiya-karnavala-m-bahtina-i-teoriya-arhaicheskogo-prazdnika-v#:~:text=Основными%20чертами%20карнавала%20Бахтин%20считал,нет%20другой%20жизни%2C%20кроме%20карнавальной> (дата обращения: 7 мая 2022 г.)

24 А. Попов, «Печи Освенцима и пепел Хиросимы: страх войны в режиссуре советских массовых мероприятий 1950–1980-х годов», *Новое литературное обозрение*, no. 2 (2020): 144.

и интеллектуальной элиты своих стран. Благожелательное отношение зарубежных гостей к советской стране должно было стать залогом, по крайней мере, нейтрального и взвешенного отношения к стране «победившего социализма».

Опыт Фестиваля был перенесен на молодежный международный туризм. Согласно появившейся в 1960 году «Инструкции руководителю группы советских молодых туристов, выезжающих за границу», на международный туристский обмен возлагались, по меньшей мере, три задачи: «упрочение братских интернациональных связей с юношами и девушками стран социалистического лагеря»; «расширение политических и культурных связей советской молодежи с молодежью капиталистических стран»; «создание дополнительных благоприятных условий для распространения среди зарубежной молодежи правдивой информации о жизни и достижениях советского народа»²⁵.

БММТ «СПУТНИК»: ЭТАПЫ ПУТИ

К середине 1960-х годов определился основной пул туристских организаций, с которыми сотрудничало Бюро: бюро путешествий Союзов молодежи соцстран, бюро или отделы путешествий коммунистических и демократических союзов молодежи капстран, общества дружбы с СССР, бюро путешествий национальных союзов студентов, спортивные, культурные и другие организации²⁶. В дальнейшем важной задачей «Спутника» стало масштабирование своих практик на возможно большее число регионов мира. Если в 1958 году «Спутник» сотрудничал с туристскими организациями 10-ти стран Европы, в 1962 году – с 70-ю организациями из 30-ти стран Европы, Америки, Африки и Азии, то к 1971 году список расширился до 338-ми организаций из 52-х стран всех континентов. В 1967 году, объявленном ООН годом международного туризма, по инициативе «Спутника» были оформлены туристские связи с Австралией, Канадой, Ирландией, Афганистаном, ОАР, Кубой и рядом других стран. В 1969 году «Спутник» установил контакты с Международным союзом официальных туристских организаций (МСОТО). К концу 1970 года Бюро заключило договора о туристическом обмене с представителями молодежных туристических фирм Польши, Венгрии,

²⁵ РГАСПИ, ф. 5М, оп. 1, д. 52, л. 26.

²⁶ Там же, д. 493, л. 20, 22–23.

Германии, Болгарии, Чехословакии, Франции, Бельгии, Швейцарии, Италии и Финляндии²⁷. Этому способствовали институциональные изменения в сфере международной туристской деятельности и, прежде всего, создание в 1960 году Международного бюро по туризму и обмену молодежи (БИТЕЖ) и Бюро путешествий Международного союза студентов в Праге.

Согласно статистике, в 1959–1964 годах обмен с соцстранами ежегодно увеличивался на 10–15%. В первой половине 1960-х годов хорошо зарекомендовали себя такие формы международного молодежного сотрудничества как обмен специализированными группами, художественными коллективами и представителями городов, предприятий и учебных заведений²⁸. Несмотря на то, что на страны соцлагеря приходилось около 80% туристских связей, по приему иностранных туристов 1-е место занимали страны Центральной Европы и Северной Америки, 2-е – Скандинавии, 3-е – Ближнего и Среднего Востока и Северной Африки, а 4-е – Латинской Америки. По продолжительности пребывания в СССР пальму первенства держала Франция, а по абсолютному количеству туристов лидировала Финляндия²⁹. Понятно, что эта статистика накладывала отпечаток на формат и содержание работы с иностранной молодежью на территории СССР. Задачи презентации советского образа жизни и борьба за «мир во всем мире» возлагались и на выезжающую за рубеж советскую молодежь, но наибольший эффект антивоенной, антифашистской и антикапиталистической пропаганды все-таки достигался во время пребывания иностранной молодежи в нашей стране. Особую роль в этом процессе занимали международные молодежные лагеря «Спутника», которые были главным местом «встречи» разных культурных традиций, идеологических убеждений и политических позиций. В 1960–1970-х годах были построены молодежные лагеря в Сочи (Краснодарский край) и Гурзуфе (Крым), «Золотые дюны» в Литве, «Верховина» в Закарпатской области, «Гянджлик» в Азербайджане, «Солнечная долина» в Грузии, «Ласточка» в Армении, «Золотое руно» и «Цисарткела» в Грузии, «Лесное озеро» в Латвии, «Ноорус» в Эстонии, «Юность» в Белоруссии и «Молдова» в Молдавии³⁰.

27 Шанина, «Ярославская область».

28 РГАСПИ, ф. 5М, оп. 1, д. 312, л. 1.

29 Там же, д. 493, л. 31–34.

30 Там же, д. 1, л. 5–6; В. А. Квартальнов, *Туризм: история и современность*. В 4-х тт., т. 1, кн. 2 (М.: Финансы и статистика, 2002), 254–255.

Деятельность (в том числе, обслуживание и культурная программа) «Спутника», являвшегося хозрасчетной организацией³¹, строилась по минималистскому принципу. Отсутствовали и штатные переводчики: привлекались студенты языковедческих факультетов и институтов, преподаватели и молодежь, владеющая иностранными языками. Не сумел «Спутник» в первые годы своего существования и наладить контакты с организациями, занимающимися международными связями (Союзом обществ дружбы с зарубежными странами, Министерством культуры СССР, иностранными комиссиями Союзов писателей, композиторов и художников), которые могли помочь в проведении работы с иностранными туристами³². Отчасти материальные и организационные недостатки сглаживались стремлением проявить лучшие стороны советского гостеприимства: на вокзалах зарубежным гостям представителями молодежи вручались цветы, а в отдельных случаях проводились короткие приветственные митинги. Тепло и радушно проходили и проводы иностранной молодежи.

Основы политической работы с молодежью зарубежных стран были заложены в решениях Июньского (1963 г.) Пленума ЦК ВЛКСМ, указаниями руководящих комсомольских органов о работе среди иностранной молодежи и рекомендациями «Спутника»³³. В документах Бюро не скрывалась политическая и идеологическая подоплека международного туристического обмена. Внутри страны показ успехов советского народа в «деле строительства коммунизма» ложился на плечи гидов, от которых требовалась, прежде всего, политическая грамотность, а знание языков – на уровне студентов языковых факультетов³⁴.

Эффективность информационно-пропагандистской работы достигалась поездками иностранцев на комсомольские стройки, в общежития, студенческие и пионерские лагеря, а также проведением диспутов и семинаров³⁵. За 4 дня пребывания в столице иностранные туристы знакомились с МГУ, стадионом имени В.И. Ленина в Лужниках и Москов-

31 Работа Бюро в основном строилась на основе безвалютного туристского обмена с зарубежными организациями, занимающимися молодежным туризмом. Если в конце 1950-х – первой половине 1960-х гг. безвалютный обмен (даже со странами народной демократии) был, скорее, перспективной формой, то 27 марта 1964 г. было заключено Соглашение о безвалютном обмене туристами между бюро путешествий Болгарии, Венгрии, ГДР, ЧССР, Польши и СССР.

32 РГАСПИ, ф. 5М, оп. 1, д. 1, л. 15.

33 Там же, д. 231, л. 9.

34 Там же, д. 493, л. 128.

35 Там же, л. 144–145.

ским метрополитеном, посещали различные промышленные предприятия Москвы, включая станкозавод имени С. Орджоникидзе и пищекомбинат имени А. Микояна, ЗИЛ и «Трехгорную мануфактуру», папиросную фабрику «Дукат» и парфюмерную фабрику «Свобода». На предприятиях молодые туристы не только знакомились с производством, но и осматривали бытовые помещения и красные уголки, клубы и общежития. Для каждой группы предусматривались встречи с советской молодежью, большинство из которых проходило в форме взаимных приветствий и кратких рассказов о работе молодежи и, самое главное, ее стремлении к миру. Этих вечера, как правило, завершались выступлениями художественной самодеятельности, танцами и совместным исполнением песен³⁶. Атмосфера праздника являлась важной составляющей советских «техник гостеприимства» и своеобразной «упаковкой» идеологического и политического воздействия. Наряду с насыщенной экскурсионной программой (посещение Третьяковской галереи, Кремля и Оружейной палаты, музеев В.И. Ленина и Революции, театров и выставок), неформальная атмосфера праздника выгодно оттеняла официальные встречи иностранных туристов с руководящими комсомольскими работниками, сотрудниками различных министерств и ведомств³⁷.

Но впечатления о нашей стране складывались не только в результате посещения Москвы и Ленинграда. Программы пребывания иностранной молодежи в регионах обязательно включали: посещение одного из промышленных предприятий и знакомство с одним из школьных или пионерских учреждений. Особое идеологическое значение придавалось вечерам дружбы, обычно проводимым в городских интернациональных клубах, которые массово создавались по решению исполкомов городских советов народных депутатов в соответствии с Постановлением комиссии по иностранным делам Верховного Совета РСФСР от 18 мая 1976 г. «О развитии дружественных связей городов РСФСР с городами капиталистических и развивающихся стран», а также Постановлением Президиума Ассоциации по связям советских и зарубежных городов от 26 января 1978 г. В 1970-х годах прочно вошли в практику «поезда дружбы» в страны народной демократии, комплектовавшиеся, как правило, из представителей одной профессии или организации из разных городов³⁸.

36 Там же, д. 1, л. 9.

37 Там же, л. 10–11.

38 Шанина, «Ярославская область».

Более длительные, по сравнению Москвой и Ленинградом (и тем более, с региональными центрами), сроки пребывания иностранных туристов в международных молодежных лагерях позволяли расширить круг праздничных мероприятий за счет спортивных турниров и праздников, многодневных походов и международных карнавалов, костров дружбы и морских праздников³⁹. Впрочем, не обходилось и без проблем. Судя по документам, в Азербайджанском лагере много лет не менялся стандартный план мероприятий – пляж, спортивные игры, танцы, кино, экскурсии и за дополнительную плату – ужин в городском молодежном кафе⁴⁰. О какой эффективности идеологической работы можно тут говорить? Проблемы возникали даже с туристами из стран народной демократии. Директор Кавказского международного лагеря на совещании по вопросам агитационно-пропагандистской работы с молодыми иностранными туристами (март 1965 г.) сетовал, что если польские туристы «охотно идут на все, что мы предлагаем», то туристы из Чехословакии, с охотой участвуя в спортивных соревнованиях, карнавалах и праздниках моря, очень неохотно включаются в политические дискуссии⁴¹. Летом 1975 г. по причине отказа чехословацкой стороны принять «поезд дружбы» со значкистами ГТО, его пришлось перенаправить в ГДР⁴².

Сценарий пропагандистской кампании в молодежной среде был повторен при проведении в сентябре 1964 года в Москве Всемирного форума солидарности молодежи. Хотя по численному представительству он значительно уступал Фестивалю-57, тем не менее, привлек более тысячи делегатов, наблюдателей и гостей из 126-ти стран. Делегирование для поездки в советскую столицу главным образом руководителей молодежных организаций, имевших необходимый минимум идеологической подготовки, существенно упрощало пропагандистские задачи. Но Московский форум слабо соотносился с характером международных отношений середины 1960-х годов. Если генеральной линией международного коммунистического движения считалось «объединение в один мощный революционный поток всех антиимпериалистических сил современности», то лейтмотивом работы Форума стала борьба против политики неокOLONIALИЗМА⁴³. На роль активных проводников

39 РГАСПИ, ф. 5М, оп. 1, д. 1, л. 11.

40 Там же, д. 315, л. 8.

41 Там же, д. 314, л. 73.

42 Там же, оп. 2, д. 916.

43 Кашлев, Орлов, Рыжков, *Всемирные фестивали*, 36, 39.

неоколониальной политики были «назначены» США, ФРГ, Великобритания, Франция и Бельгия. В качестве скрытых проявлений неоколониализма разоблачалась американская программа помощи странам Латинской Америки «Союз ради прогресса» и деятельность «Корпуса мира». Помимо сбора средств в фонд помощи патриотам Южного Вьетнама, «борющихся против американского империализма и его лакеев», резолюции Форума акцентировали внимание на борьбе народов Корейского полуострова, Конго, юга Йемена, Анголы, Мозамбика, «португальской» Гвинеи против вооруженной иностранной агрессии. Выражалась солидарность с повстанцами Венесуэлы, Колумбии и Гватемалы, выдвигались требования освобождения политзаключенных из тюрем Бразилии, Парагвая, Гаити, Габона, Камеруна и Британской Гвианы⁴⁴. При этом мало кого смущало, что подобные заявления могут рассцениваться как вмешательство во внутренние дела других государств.

Форум не только осудил «человеконенавистнический, расистский» режим апартеида в ЮАР, но и создал специальный Международный следственный комитет общественности по расследованию преступлений главы южноафриканского правительства Хендрика Фервурда. На 1965 год была намечена целая серия дней и недель международной солидарности с народами Панамы (9 января), Анголы (4 февраля), Конго (7 февраля), Вьетнама (13-20 июля), Южной Африки и Южной Родезии (26 июля), Латинской Америки (19-26 июля), Камеруна (13 сентября), Кипра (24 октября), Алжира (1 ноября), Северного Калимантана (8 декабря), а также Лаоса, Йемена, Аравийского полуострова (с открытыми датами). В силу того, что иностранные туристы приезжали на подобные мероприятия в основном за счет приглашающей стороны, эффект от таких поездок измерялся не валютными, а политическими дивидендами⁴⁵.

Все вышесказанное ставило задачу «более поступательной пропаганды достижений Советского Союза за 50 лет» и совершенствования форм и методов работы с туристами, прежде всего, из западных стран. Наряду с путешествиями с познавательными целями и учебными поездками на курсы русского языка, все большее распространение получали специализированные поездки групп одной профессии (только в 1966 году нашу страну посетили свыше 300 таких групп) и обмен «поездами дружбы». Причем не только со странами советского

44 Там же, 33–37.

45 Там же, 34–35.

блока: поезда «Финляндия-СССР» стали традиционными уже к середине 1960-х годов, а в 1967 году в первый рейс вышел поезд «Франция-СССР». Расширение географии и задач международного туризма привело к появлению у структуре «Спутника» Отдела информации и переводчиков⁴⁶. Но большинство переводчиков, как и ранее, составляли студенты - «сырой народ, без пропагандистских навыков»⁴⁷, что существенно снижало эффективность работы молодежного туристского ведомства.

Слабая обеспеченность идеологическими кадрами и скудная информация по прибывающим группам приводили к слабой насыщенности экскурсий современным материалом и плохой подготовке вечеров встреч и диспутов. Как отмечало руководство Бюро, «комсомольский актив и переводчики зачастую в порыве патриотизма стирают грани – выдают нашу действительность в розовом свете»⁴⁸. Пропагандистские штампы и «ляпы» иногда сводили на нет весь эффект от посещения СССР. А юбилейный 1967 год, прошедший под знаком празднования 50-летия Октябрьской революции, нарушил и так хрупкий баланс между пропагандой и сервисом в сторону первой.

Впрочем, в ряде случаев, именно идеология стимулировала развитие сервиса. Политика ограничения неформальных контактов западных туристов с нашими гражданами и туристами из дружественных стран иногда приводила к тому, что туристов из капстран вынужденно размещали в более дорогих и благоустроенных гостиницах⁴⁹. Под влиянием отрицательных отзывов гостей нашей страны уже со второй половине 1960-х годов не только объекты показа, но и места проживания из «потемкинских деревень» постепенно превращались в культурные бытовые заведения. Например, в Таллинне иностранных туристов размещали в двухместных номерах гостиниц «Тооме» и «Ранна», а питались они уже не в столовых, а в ресторанах «Космос», «Астория» и «Кавказия»⁵⁰. Для значительной части западной молодежи, привыкшей к высокому уровню обслуживания, повышение качества советского сервиса становилось свидетельством успехов «социалистического строительства» и способствовало позитивному восприятию советской пропаганды.

46 РГАСПИ, ф. 5, оп. 1, д. 493, л. 39–41, 45, 59, 61.

47 Там же, л. 65–66, 69, 71.

48 Там же, л. 94–95, 107.

49 Там же, д. 166, л. 10.

50 Там же, д. 538, л. 2.

Лицо международного молодежного туризма в 1970–1980-е гг. определялось постоянным расширением географии и ростом объемов туристических поездок, увеличением форм туристского обмена и усилением (до середины 1980-х гг.) политико-идеологической составляющей. С одной стороны, международный молодежный туризм превращался в важный канал диалога Запада и Востока, разрушая «железный барьер» в сознании молодых представителей двух «лагерей». С другой стороны, на фоне периодически сотрясающих социалистический лагерь кризисов (1956, 1968 и начала 1980-х годов) не всегда демонстрировали ожидаемую от них степень лояльности представители «нашей» заграницы.

ФЕСТИВАЛЬ-85 И ЗАКАТ МЕЖДУНАРОДНОГО МОЛОДЕЖНОГО ТУРИЗМА

Заключительным, непосредственно связанным с международным молодежным туризмом мероприятием, запланированным на 27 июля - 3 августа 1985 года, стал XII Всемирный фестиваль молодежи и студентов в Москве. В связи с подготовкой к его проведению была составлена программа усиления пропагандистской работы по каналам молодежного туризма⁵¹. Она актуализировались также в связи с тем, что 1985 год был провозглашен ООН «годом молодежи». В специальном документе о подготовке к Фестивалю подчеркивалось, что «в условиях обострения международной обстановки, усиления идеологической борьбы между социализмом и капитализмом ... политическая направленность в работе с зарубежной молодежью приобретает все большее значение»⁵². В дискурсе фестиваля, с одной стороны, присутствовала риторика сотрудничества (презентация фестиваля как большого праздника, открывающего «кратчайший путь к взаимопониманию и дружбе»)⁵³, а с другой стороны, сохранялось противопоставление двух общественно-политических систем. Но в отличие от Фестиваля-57, раскол пролегал не по линии «коммунизм vs антикоммунизм», а определялся дилеммой «антиимпериализм vs империализм». Судя по всему, в 1980-е годы советские идеологи уже не рассматривали достижение

51 ГА РФ, ф. Р-9612, оп. 3, д. 1764, л.30.

52 Там же, д. 1875, л. 3.

53 *Правда* (1985), 28 июля.

коммунизма в качестве реалистичной задачи, поэтому идеологической доминантой Фестиваля-85, проходившего под девизом «За антиимпериалистическую солидарность, мир и дружбу», стало обличение империализма. Его демонизация давала возможность подчеркнуть мессианскую роль Советского Союза «как главного выразителя идей гуманизма, миролюбия и социальной справедливости, а также центра антиимпериалистической консолидации прогрессивных сил всего человечества»⁵⁴. Именно в этом контексте празднование 40-летия Победы в Великой Отечественной войне обрело всемирный масштаб и историческое значение.

28 июля 1985 г. состоялось самое массовое мероприятие программы Фестиваля-85 - театрализованное представление «Мир победит войну!» на московском стадионе «Динамо», которому предшествовал «Звездный марш» участников фестиваля по Ленинградскому проспекту. Сценарий этого представления для 50 тыс. зрителей и многомиллионной телевизионной аудитории, в реализации которого участвовало около 10 тыс. исполнителей, отражал основные этапы и важнейшие события Второй мировой войны с упором на решающую роль в Победе СССР и значение объединения союзных сил в борьбе с нацизмом⁵⁵.

Подводя итоги Фестиваля, новый генсек КПСС М. С. Горбачев высказался в духе повышения открытости советского общества для иностранцев. Впрочем, в западной прессе проведение Фестиваля расценили как «политический театр» для инсценировки поддержки Советского Союза со стороны «здоровых и красивых молодых людей всего мира» с целью не только «успокоить советскую аудиторию», но и «расположить восприимчивые сердца за границей»⁵⁶. Советская «народная дипломатия», несмотря на все усилия нового руководства партии и страны, продолжала оцениваться в реалиях Холодной войны.

Хотя масштаб проведения XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов существенно уступал Фестивалю 1957 года⁵⁷, главный режиссер культурной программы Фестиваля-85 Анатолий Силин был уверен, что советские массовые театрализованные праздники остаются «одной из самых действенных форм агитации и пропаганды, по-

54 А. Д. Попов, «Последнее советское мегасобытие: XII Всемирный фестиваль молодежи и студентов 1985 года в Москве», *Новейшая история России*, т. 8, no. 4 (2018): 1019–1020.

55 Попов, «Печи Освенцима», 147.

56 *The Observer* (1985), July 28.

57 Хрипун, «Некоторые проблемы», 153.

литического, эстетического и этического воспитания масс, в первую очередь молодежи»⁵⁸. Однако Фестиваль-85 стал не только последним претенциозным мегасобытием в истории СССР, но и «своеобразной лебединой песней советской культурной дипломатии периода холодной войны»⁵⁹. Снятие остатков «железного занавеса» и свертывание масштабов вовлечения в орбиту деятельности «Спутника» низовых партийных, комсомольских и профсоюзных организаций, представителей обществ дружбы, Всесоюзного общества «Знание» и спортивных обществ, международного движение борцов за мир и других международных организаций существенно сократило возможности выполнения идеологической миссии молодежного иностранного туризма. В свою очередь, въездной туризм все в большей степени способствовал проникновению в страну ценностей западного мира, нежели экспорту советских ценностей за рубеж.

References

- VI Vsemirnyi festival' molodezhi i studentov. Sb. materialov* [VI World Festival of Youth and Students: Collection of Materials] (Moscow: Molodaia Gvardiya, 1958), 22, 125–126.
- М. М. БАХТИН, *Tvorchestvo Frantsua Rable i narodnaia kul'tura srednevekov'ia i Rennsansa* [The Work of Francois Rabelais and the Folk Culture of the Middle Ages and Renaissance] (Moscow: Fiction, 1990), 12, 15–16.
- М. В. БЕКЛЕНИШЧЕВА, "Iz istorii razvitiia mezhdunarodnogo molodezhnogo turizma v Sverdlovskoi oblasti (1966–1971)" [From the History of the Development of International Youth Tourism in the Sverdlovsk Region (1966–1971)], *v Dokument. Arkhiv. Istorii. Sovremennost': Sb. nauchnykh trudov*, вып. 16 (Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2016).
- М. В. БЕКЛЕНИШЧЕВА, "K voprosu o mezhdunarodnoi deiatel'nosti komsomola v 1966–1987 gg. (regional'nye osobennosti)" [On the Question of the International Activities of the Komsomol in 1966–1987 (Regional Features)], *v Molodezhnye dvizheniia i organizatsii XX veka (k stoletiiu obrazovaniia VLKSM): materialy Vserossiiskoi ochno-zaochnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem* (Shadrinsk: SHGPU, 2018), 13–17.
- Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF), f. P-9612. Uchrezhdeniia po rukovodstvu inostrannym turizmom v SSSR, 1929–1991 [The State Archive of the Russian Federation, f. P-9612. Institutions for the Management of Foreign Tourism in the USSR. 1929–1991]
- S. GURIN, "Kontseptsiiia karnavala M. Bakhtina i teoriia arkhaischeskogo prazdnika V. Toporova", [The Concept of M. Bakhtin's Carnival and the Theory of the Archaic Holiday of V. Toporov]. *Topos. Literaturno-filosofskii zhurnal*, 19 apreliia 2018. <https://www.topos.ru/article/ontologicheskie-progulki/konceptsiya-karnavala-m-bakhtina-i-teoriya-arhaischeskogo-prazdnika-v#:~:text=Main%20cherts%20carnaval%20bakhtin%20calculated,no%20other%20life%2C%20crom%20carnaval> (Accessed: May 7, 2022)

58 А. Силин, «Площади — наши палитры. Итоги и уроки культурной программы Фестиваля», *Советская культура* (1985), 22 авг.

59 А. Д. Попов, «Последнее советское мегасобытие: XII Всемирный фестиваль молодежи и студентов 1985 года в Москве», *Новейшая история России*, т. 8, no. 4 (2018): 1027.

- IU. KASHLEV, V. ORLOV, A. RYZHKOV, *Vsemirnye festivali molodezhi* [World Youth Festivals] (Moscow: B.I., 1965), 10, 15, 36, 29.
- A. N. КНОКНЛОВ, *Sputnik. Piat' desiat let na obrite turizma* [Sputnik: Fifty Years in the Orbit of Tourism] (M.: Vneshtorgizdat, 2008), 256.
- V. A. КHRIPUN, "Nekotorye problem organizatsii inostrannogo turizma v Leningrade v 1950-e – 1960-e gody" [Some Problems of the Organization of Foreign Tourism in Leningrad in the 1950s – 1960s], *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta*, ser. 2, vyp. 1 (2011): 150.
- V. A. KVARTALNOV, *Turizm: istoriia i sovremennost': Izbr. proizv. V 4-kh tt., T. 1, kn. 2* [Tourism: History and Modernity: Selected proc. In 4 volumes, vol. 1, Book 2] (M.: Finansy i statistika, 2002), 254-255.
- V. A. KVARTALNOV, *Turizm: istoriia i sovremennost': Izbr. proizv. V 4-kh tt., T. 1, kn. 3* [Tourism: History and modernity: Selected proc. In 4 volumes, vol. 1, book 3] (M.: Finansy i statistika, 2002), 210.
- A. M. MASHKOVA, *BMMT "Sputnik" v 1958–1968 gg.: stanovlenie i razvitie inostrannogo turizma v SSSR: Diss. ... kand. ist. nauk* [BMMT "Sputnik" in 1958–1968.: The Formation and Development of Foreign Tourism in the USSR: Diss. ... Candidate of Historical Sciences]
- MARK FRANKLAND, "Youth festival sticks to the same old message", *The Observer* (1985), July 28, 17
- A. POPOV, "Pechi Osventsima i pepel Khirosimy: strakh voyny v rezhissure sovetskikh massovykh meropriatii 1950-1980-kh godov" [The Furnaces of Auschwitz and the Ashes of Hiroshima: Fear of War in the Direction of Soviet Mass Events of the 1950s-1980s], *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 2 (2020): 144, 147.
- A. D. POPOV, "Poslednee sovetskoe megasobytie: XII Vsemirnyi festival' molodezhi i studentov 1985 goda v Moskve" [The Last Soviet Mega-Event: The XII World Festival of Youth and Students in Moscow in 1985], *Noveishaia istoriia Rossii*, T.8, no. 4 (2018): 1019–1020, 1027. Vystuplenie tovarishcha M. S. Gorbacheva, *Pravda* [Truth] (1985), July 28, 1.
- Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii (RGASPI), f. 5M. Biuro mezhdunarodno molodezhnogo turizma "Sputnik" [The Russian State Archive of Sociopolitical History, f. 5M. Bureau of International Youth Tourism "Sputnik"]
- O. N. SHANINA, "Iaroslavskaiia oblast' v sovetskoii sisteme v"ezdno i vyezdno inostrannogo turizma v 1970-e gg." [Yaroslavl Region in the Soviet System of Inbound and Outbound Foreign Tourism in the 1970s], *Gosudarstvennyi arkhiv Iaroslavskoi oblasti*, <http://www.yararchive.ru/publications/details/308/> (Accessed May 12, 2022).
- A. SILIN, "Ploshchadi – nashi palitry. Itogi i uroki kul'turnoi programmy Festivalia [Squares – Our Palettes: The Results and Lessons of the Cultural Program of the Festival], *Sovetskaia kul'tura* (1985), August 22.
- Active Soviet Measures: The 12th World Youth Festival in Moscow <http://insidethecoldwar.org/sites/default/files/documents/Department%20of%20State%20Note%20Soviet%20Active%20Measures%2012th%20World%20Youth%20Festival%20in%20Moscow%20June%201985.pdf> (Accessed May 10, 2022).
- V. N. ТОРОРОВ, "Prazdnik" [Holiday], v *Mify narodov mira: Entsiklopediia* (Moskva: Sovetskaia entsiklopediia, 1980), 329–331.
- A. G. VIKTOROV, "Uchastie Biuro mezhdunarodnogo molodezhnogo turizma SSSR "Sputnik" v obshchestvenno-politicheskoi zhizni Nizhnego Povolzh'ia 1965–1985 gg." [Participation of the USSR Bureau of International Youth Tourism "Sputnik" in the Sociopolitical Life of the Lower Volga Region 1965–1985], *Biulleten' nauki i praktiki*, no. 4 (2016): 239–241.
- SERGEI ZHUK, "Popular National Culture and Advertising in the Soviet Travel Agencies, 1964–1984", *Memoria y civilizaci3n*, vol. 14 (2011): 53–77.

A. С. ТУМАНОВА

**ДОБРОВОЛЬНЫЕ АССОЦИАЦИИ ИМПЕРСКОЙ РОССИИ И
ФОРМИРОВАНИЕ ПУБЛИЧНОЙ СФЕРЫ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ¹**

**VOLUNTARY ASSOCIATIONS IN IMPERIAL RUSSIA AND THE
FORMATION OF THE PUBLIC SPHERE IN WESTERN EUROPE**

This article considers the influence of the experience of the formation of voluntary associations in European countries on self-organization in Russian society from the last third of the 18th to the early 20th century. It examines how European forms of associations and individual practices associated with their functioning were borrowed in the course of the creation of Russian societies. Examples of the transfer of ideas and practices, as well as symbols used in the activities of Russian societies in the field of science, health and culture are presented. Voluntary associations in Russia are interpreted as a European invention, successfully taking root on Russian soil and often acquiring original ideological content. The author also describes the key explanatory theories of the formation of civil society based on the experience of states in Europe and North America. The article shows which aspects of this experience were applicable to imperial Russia and to what extent.

Keywords: civil society, voluntary associations, transfer of European ideas and practices

Anastasiia S. Tumanova – National Research University Higher School of Economics (HSE University), Law Faculty, Department of Legal Theory and Comparative Law. Professor, Center for Civil Society and Non-Profit Sector Studies, Leading Research Fellow, DSc in Law, DSc in History, Moscow, Russia. E-mail: anastasiya13@mail.ru

1 *Citation:* A. S. TUMANOVA, “Dobrovol’nye assotsiatsii imperskoi Rossii i formirovanie publichnoi sfery v Zapadnoi Evrope” [Voluntary Associations of Imperial Russia and the Formation of the Public Sphere in Western Europe], *RussianStudiesHu* 5, no. 1 (2023): 133-157. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2023.5.6

Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
The research was carried out within the framework of the HSE University Fundamental Research Program

РОССИЙСКИЙ СЛУЧАЙ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЗАПАДНОГО ОПЫТА

Теоретические конструкции, описывающие рождение и развитие добровольных ассоциаций как институционального стержня гражданского общества, базировались, в первую очередь, на опыте наиболее продвинутых в данном отношении государств Европы и Северной Америки. Одно из классических исследований гражданской сферы, проведенное французским аристократом, социологом и историком первой половины XIX столетия Алексисом де Токвилем, основывалось на опыте США. Посетивший Соединенные Штаты Америки в 1830-е гг. (то была для США «эра ассоциаций», которые возникали тысячами), Токвиль был восхищен способностью американцев разных возрастов и склонностей к созданию ассоциаций и пришел к выводу, что США продвинулись в развитии гражданского общества существенно далее других стран. Токвиль констатировал, что в Америке в ту пору действовали «... не только объединения коммерческого или производственного характера.., но и тысяча других разновидностей: религиозно-нравственные общества, объединения серьезные и пустяковые, общедоступные и замкнутые, многолюдные и насчитывающие всего несколько человек»².

Веком ранее, с начала XVIII в., Меккой общественных объединений была Англия. В XIX в. «обществом ассоциаций» становятся США, где формируется широкий спектр обществ благотворительных, религиозных и библейских, трезвости, борьбы с пороком и безнравственностью, поддержки промышленности и др. Степень вовлеченности американцев в практики ассоциаций была тогда достаточно высока. Так, в период с 1825 по 1870 гг. треть населения американского города Джексонвилл штата Иллинойс участвовала в том или ином добровольном обществе³. Создавая ассоциации, американцы, по словам Токвиля, решали свои вопросы самостоятельно, брали ответственность за свою жизнь и работали во имя общего блага. Тем самым они демонстрировали способность разрешать проблемы, с которыми не в силах были справиться государственные институты, становясь на путь сотрудничества с государством.

Описанные Токвилем социальные процессы легли в основание теории публичной сферы, созданной немецким философом Юргеном

2 Алексис де Токвиль, *Демократия в Америке*: пер. с франц. / предисл. Гарольда Дж. Ласки (Москва: Прогресс, 1992), 378.

3 ШТЕФАН-ЛЮДВИГ ХОФФМАНН, *Социальное общение и демократия. Ассоциации и гражданское общество в транснациональной перспективе, 1750–1914*. пер. с немецкого Ю. В. Коряков, Д. А. Сдвижков (Москва: Новое литературное обозрение, 2017), 47–48.

Хабермасом во второй половине XX в. Понятие публичной сферы (или общественности), ставшее в ту пору ключевым для объяснительных моделей формирования гражданского общества, было создано Хабермасом на основании обобщения опыта развития политико-философских идей и институтов общественности в XVIII–XIX вв. Ученый выделил несколько ключевых форм, в которых нашло выражение становление общественности. В их числе были кофейни, читательские и дискуссионные кружки, клубы и ассоциации. Указанные институты анализировались на примере Англии и ряда стран континентальной Европы, прежде всего, Германии и Франции. Поначалу публичная сфера формировалась под влиянием литературы и художественной критики, однако затем, под влиянием Французской революции и вследствие распространения общественно-политических газет и журналов, а также возникновения представительных учреждений, она политизировалась. У публики появилась претензия на участие в политической жизни и государственном управлении. Характеризуя ключевые вехи вызревания публики, ученый использует термины «институционализация приватной сферы», «литературная публичность», «политическая публичность» и др.⁴ Как будет показано далее, схема Хабермаса является рабочей и для Российской империи.

В объяснительной модели Хабермаса присутствует английская модель развития, континентальные варианты и др. Внутриорганизационным процессам и культуре в указанных странах уделяется существенное внимание. В предисловии к изданию 1990 г. Хабермас указывает, что в обществах западного типа добровольные ассоциации образуются в институциональных рамках демократического правового государства и сами по себе порождают демократические практики. Ассоциации понимаются как структуры, «влияющие на формирование мнений и способные становиться центрами кристаллизации автономной публичности», дающие гражданам возможность управлять самостоятельно, действовать в противовес власти, основанной на традиции, силе и ритуале⁵. В ядро слоя «публики» включаются буржуа, а также должностные лица общественного управления: в континентальной части Европы с ее традицией рецепции римского права и правовой доктрины это были, прежде всего, юристы. Наряду с ними к публике причисляются врачи, приходские священники, офицеры, профессора, а также школьные учителя и писари⁶.

4 ЮРГЕН ХАБЕРМАС, *Структурное изменение публичной сферы. Исследования относительно категории буржуазного общества* (М.: Изд-во «Весь мир», 2016), 82–111.

5 ХАБЕРМАС, *Структурное изменение публичной сферы*, 41–43, 170.

6 ХАБЕРМАС, *Структурное изменение публичной сферы*, 73.

Очередной попыткой рассмотрения истории добровольных ассоциаций в транснациональной перспективе стала книга немецкого историка Штефан-Людвига Хоффманна. Используя парные категории «демократия» и «социальное общение», Хоффманн характеризует особенности развития ассоциаций на протяжении «долгого» XIX века, от позднего Просвещения до Первой мировой войны, в период 1750–1914 гг. Отталкиваясь от концепций гражданского общества Токвиля и Хабермаса и разделяя их мнение о ключевой роли ассоциаций в создании публичного пространства, Хоффманн понимает под социальным общением присущие добровольным ассоциациям практики: формализованные правила (процедуру приема в ассоциацию, уставы и т. п.), равенство членов, автономные цели (совершенствование нравов, общества и др.) и добровольность объединения. Акцент на практиках ассоциаций позволяет частично исключить из сферы исследования неформальную общественность: аристократические салоны, буржуазные семьи, чайные, создание национальных памятников и пр.⁷

В фокусе исследования Хоффманна – сравнительная история общественности, воплощенная в социальных практиках функционирования ассоциаций различных стран, от США до европейских государств (Британская империя, Франция, немецкие государства, включая Австро-Венгрию, Российская империя). Выявляя общие черты в развитии ассоциаций разных стран, автор приходит к выводу, что общество социального общения формировалось в географическом пространстве от Бостона до Санкт-Петербурга. Оно преодолевало пространственные и государственные, социальные и конфессиональные границы, включая в свою орбиту в Западной Европе – местных и чужеземцев, дворян и буржуа, чиновников и торговцев, иногда и мастеров с ремесленниками. Культура социального общения получала выражение в общественных объединениях Просвещения – независимом от государства, сословий и конфессий свободном союзе индивидов, надеявшихся усовершенствовать себя и человечество. В формально неполитических общественно-нравственных идеях и практиках ассоциаций XVIII в. был заключен, по меткому выражению, Хоффманна, «фактор подспудного расшатывания политического порядка Старого режима». История ассоциаций представляется тождественной истории либерализма, поскольку в эпоху, когда большинство стран на европейском континенте существовало в форме конституционных монархий, ассоциации действовали как школа демократии⁸.

7 Хоффманн, *Социальное общение и демократия*, 10, 20, 21, 142.

8 Хоффманн, *Социальное общение и демократия*, 23–24, 130.

Специалист в области культуры Просвещения Маргарет Джейкоб полагает, что архитектором культуры самоорганизации и социального общения выступала политическая культура Англии. Научные, философские и естественнонаучные общества появились сначала в Англии, и лишь затем – на континенте. В XVIII столетии из Англии, страны с конституционной монархией, как пишет Джейкоб, на континент, где в буквальном смысле царил абсолютизм, была импортирована конституционная модель построения ассоциаций. Добровольные ассоциации континента подражали британской практике, а также британским традиционным нормам учреждения ассоциаций, управления ими, узаконивания их, формам собраний и голосования, будто бы они находились в Британии, а не в странах континентальной Европы. Разнообразные общества публичных чтений, масонские ложи и просветительские ассоциации являлись модерным социальным пространством внутри государства Старого режима в Европе, участники которого в игровой форме вырабатывали демократические практики. Элементами этих практик выступали многие аспекты управления ассоциациями: создание уставов, выборы членов, совещания по поводу приобретения книг и прочтения научных рефератов. Уставные и иные документы обществ были составлены, по выражению Джейкоб, на «языке конституционализма», а сама «ткань добровольных ассоциаций и неформального общения» выступала «живым опытом», который порождал «новый менталитет»⁹. В то же время ассоциации континентальной Европы сохраняли многие патриархальные и иерархические ценности и не бросали прямого вызова абсолютизму.

В сравнительный общеевропейский аспект ставит историю российских научных и образовательных обществ XIX столетия американский историк Джозеф Брэдли. Ученый полагает, что гражданское общество имперской России создавалось в общеевропейской парадигме. У ассоциаций России и Запада было множество сходных черт. Почти все недостатки российской общественности, выражавшиеся в ее слабости и разобщенности, а также в патерналистском и подозрительном к ней отношении правительства, опасение невинной на первый взгляд деятельности в области науки и культуры как возможности вмешательства в политику и пр., были характерны для государств континентальной Европы. Добровольные общества в Европе, как и в России, страдали от болезней роста. Зародившись в эпоху Просвещения, они не расцвели сразу: на развитие им потребовалось более столетия. Темпы их развития в разных странах различались. Коммуникативные связи между ас-

⁹ MARGARET C. JACOB, *Living the Enlightenment: Free-masonry and Politics in Eighteenth century Europe* (NYC – Oxford: Oxford University Press, 1991), 85, 96–120, 161, 179.

социациями во Франции и Германии были слабее, чем в Англии и Шотландии. Границы между гражданским обществом и государством часто бывали весьма прозрачными, а сотрудничество и кооперация легко перемежались с конфронтацией. Вместе с тем общества трудились вместе с властями на началах взаимной пользы и сотрудничества¹⁰.

Приведенный очерк характеризует исследовательские подходы к созданию сравнительной истории добровольных обществ. Он позволяет наметить определенные группы организаций, типичные для различных стран и культур, черты ассоциативной культуры, а также этос, который приобретался в ходе гражданской самоорганизации. Через изучение истории добровольных ассоциаций становится понятен вектор развития общества. Добровольные ассоциации в сфере науки и техники, литературы и искусства, просвещения и здравоохранения, благотворительности и взаимопомощи выступали антитезой сословному обществу с характерными для него иерархическими корпоративными институтами, основанными на принципе принудительного участия, и являлись атрибутами общества гражданского. Появление добровольных обществ символизировало зарождение нового типа организации социума, ориентированного на самофинансирование, выборность, принятие совместных решений в ходе демократического их обсуждения, равенство возможностей, ротацию должностей. Для самодержавного правления, привыкшего к осуществлению контроля над всеми сферами жизни общества, они были конкурентом, оспаривавшим его монопольное право на выражение интересов населения. В то же время нацеленность ассоциаций на решение конкретных практических задач и вера их активистов в возможности эволюционного пути преобразования российской жизни формировали в них способность к компромиссу и взаимодействию с публично-властными институтами.

РОЖДЕНИЕ ДОБРОВОЛЬНЫХ АССОЦИАЦИЙ. ТРАНСФЕР ИДЕЙ И СОЦИАЛЬНЫХ ПРАКТИК

Добровольные ассоциации зародились в России в последней трети XVIII в. Само по себе их появление явилось следствием политики модернизации и европеизации, проводимой правителями XVIII столетия, прежде всего, Петром I и Екатериной II.

Петровская концепция власти не подразумевала существования общества как контрагента государства. Она была нацелена на создание

¹⁰ Джозеф Брэдли, *Общественные организации в царской России. Наука, патриотизм и гражданское общество* (М.: Новый хронограф, 2012), 73, 89, 91.

дворянского общества, обладавшего навыками светского поведения и способностью служить государю. Правление Екатерины II и проводимые ею реформы создали правовые условия для юридического оформления дворянского и городского сословий, а также для складывания российского общества. Общество, объединявшее не только дворянскую элиту, но и иные категории подданных, а также коррелирующее с ним понятие «публики» стали наполняться содержанием в годы правления Екатерины II и Александра I. Под «публикой» подразумевались образованные социальные группы (читатели, слушатели, зрители), являвшиеся потребителями новой светской культуры и противостоявшие как представителям государственной бюрократии, так и народу¹¹.

Первые добровольные ассоциации («частные общества», либо «общества частной инициативы», как они в ту пору назывались) возникали в первую очередь в тех российских городах, которые граничили с государствами Европы и наиболее активно впитывали западные практики общественной самоорганизации. Это были Петербург, а также города Западного края. Российские ассоциации создавались с опорой на образы и опыт функционирования организаций, сложившиеся в странах Европы и Северной Америки. Они преследовали те же задачи, что и их западные собратья, обретали свое лицо в ходе рецепции сформировавшейся в западных странах традиции самоорганизации.

Между тем становление в России добровольных ассоциаций отставало от аналогичного процесса, происходящего в странах Западной Европы и Северной Америки. Если в Англии «общество ассоциаций» существовало с начала XVIII в., а в США – с начала XIX в.¹², то в России даже в первые шестьдесят лет XIX в., до «великих реформ», общественных организаций было немного – около ста, причем подавляющая их часть действовала в С.-Петербурге, Москве и прибалтийских губерниях¹³.

Европейское влияние выражалось, в первую очередь, в заимствовании Россией из Европы форм добровольных ассоциаций. Большинство разновидностей общественных организаций, действовавших в дореволюционной России, возникло на Западе.

11 Д. Калугин, «История понятия “общество” от Средневековья к Новому времени: русский опыт», в *От общественного к публичному: колл. монография*, науч. ред. О. В. Хархордин (С.-Петербург.: Европейский университет в С.-Петербурге, 2011), 334–335.

12 В Англии уже в XVIII в. помимо кофеен было создано множество клубов и союзов; так в городе Норвич в 1750 г. каждый пятый мужчина был членом того или иного общественного объединения. В США в период с 1760 по 1820 гг. в штатах Массачусетс и Мэн было основано более 1900 ассоциаций. См.: Хоффманн, *Социальное общение и демократия*, 33.

13 А. Д. Степанский, *История общественных организаций дореволюционной России* (Москва: МГИИ, 1979), 10.

Первыми формами институционализации российской общественности в екатерининской России являлись клубы. Клубы возникли из остро сознаваемой потребности социального общения, формировавшей русскую публику. В ходе такого общения решались различные задачи: создавались сообщества по интересам, досуг проводился с приятностью и пользой, завязывались деловые контакты и пр.

Создавая первые российские клубы, русские люди использовали опыт Англии, где подобные институты были весьма развиты и удовлетворяли самые разнообразные вкусы. Так, в Великобритании существовали Общество по процеживанию желе, Клуб городских острословов, Макаронный клуб, Клуб по защите билля о правах, Грандиозное общество бифштеков, Орден самцов, Клуб уродов и др.¹⁴

В России первые клубы были созданы иностранцами. Английский клуб в Петербурге, например, был основан английским купцом и масоном Ф. Гарднером в 1770 г. и имел девиз «Согласие и веселье». Клуб призван был содействовать интересному препровождению досуга его членов, а также достижению согласия в их среде. Английский клуб способствовал развитию в России элитарной культуры. Высокий ежегодный членский взнос (в размере 10 руб.), специальные знаки отличия членов клуба, сложная процедура избрания (чтобы стать членом клуба, нужно было заручиться рекомендацией одного из действительных его членов, после чего подвергнуться баллотировке шарами), отсутствие права на посещение для всякого, не являвшегося членом клуба, исключая приезжавших в столицу на время иностранцев, – все это свидетельствовало о закрытости данного собрания¹⁵.

По наблюдению Ш.-Л. Хоффмана, в Центральной и Восточной Европе «общество ассоциаций» также было поначалу элитарным и формировалось без опоры на средний класс, как в Западной Европе¹⁶. Между тем и на родине английских клубов даже в XIX столетии проблема критериев допуска в эти элитарные учреждения не была решена. Интенсивное развитие промышленности и торговли порождало формирование буржуазной элиты, ставившей на первое место не происхождение, а «хороший тон». В начале XIX в. нувориши допускались в английские аристократические клубы лишь в порядке исключения. Лишь позднее, в результате слияния аристократической и буржуазной элит, понятие «джентльмен» превратилось из разъединяющего в консолидирующее нацию. Сходная проблема взаимоотношений традиционной элиты

14 Л. В. Завьялова, *Петербургский Английский клуб. 1770–1918: Очерки истории* (С.-Петербург: «Дмитрий Буланин», 2005), 7–8.

15 Завьялова, *Петербургский Английский клуб*, 14–15.

16 Хоффманн, *Социальное общение и демократия*, 33.

и новых людей существовала в первой трети XIX в. во Франции: там тоже сказывалась потребность в расширении знати за счет буржуазных элементов¹⁷.

В период создания Английского клуба в Петербурге в него входило 50 членов, преимущественно иностранцев, англичан и немцев, однако к середине XIX в. он насчитывал уже порядка четырехсот человек. В их числе были известные общественные деятели Н. М. Карамзин и М. М. Сперанский, поэты В. А. Жуковский и А.С. Пушкин, а также представители видных столичных аристократических фамилий. Членство в Английском клубе было актом социального престижа, признаком принадлежности к высшему обществу для одних и способом интегрироваться в него и добиться продвижения по службе, – для других. В рамках клуба складывался особый кодекс поведения: за попытку вынести из помещения клуба газету взимался денежный штраф, споры между членами разрешались с помощью посредников, составлявших вердикт и требовавших неукоснительного его исполнения, за нарушение публичных правил следовало исключение из клуба и пр.¹⁸

В 1772 г. Английский клуб появился в Москве. Следуя терминологии Ш.-Л. Хоффманна, это был символ возникновения общества социального общения со всеми присущими ему чертами. Предоставляя своим членам возможность совместного обеда, игры в карты или в бильярд, приятной беседы, он формировал уклад жизни и определял сферу общения своих посетителей: поэтов и писателей, литераторов и историков. Спустя полвека, в 30-е гг. XIX в., английские клубы появились в провинции (Одессе, Екатеринославе, Керчи).

Наряду с Английским клубом, в Петербурге в начале 1770-х гг. иностранцами были основаны и другие организации. Так, петербургским жителем из немцев Шустером был образован Большой Бюргер-клуб. Он стал местом встречи для столичных чиновников, купцов (русских и иностранных), богатых ремесленников и людей творческих профессий. Шустеровскому клубу наследовал Американский клуб, возникший в Петербурге в 1783 г. и насчитывавший к 1800 г. уже 600 членов. В столичном городе действовали танцевальные и музыкальные клубы, также основывавшиеся, как правило, иностранцами¹⁹.

Другая характерная особенность становящейся публичной сферы в России последней трети XVIII в. как находившейся в зоне европейского влияния заключалась в том, что многие посетители салонов и

17 И. С. Розенталь, «И вот общественное мнение!» *Клубы в истории российской общественности. Конец XVIII — начало XIX вв.* (Москва: Новый хронограф, 2007), 35–36.

18 Дуглас Смит, *Работа над диким камнем: Массонский орден и русское общество в XVIII веке* (Москва: Новое литературное обозрение, 2006), 81.

19 Смит, *Работа над диким камнем*, 79.

клубов, а также научных обществ были масонами. Автор исследования о масонском ордене и русском обществе в XVIII в. Дуглас Смит характеризует масонскую ложу как важный институт российской публичной сферы, призванный внести упорядоченность в аморфное российское общество. По мнению Смита, в «век Екатерины» происходил расцвет русской образованной публики – автономной общественной страты, единство которой придавали выходившие в России книги, создававшиеся театры и салоны, клубы и общества. Между тем развитие культурных институций происходило в России, как полагает Смит, куда менее интенсивно, чем в странах Западной Европы. Существенно меньшее число людей было затронуто их деятельностью, и не столь разнообразной в сравнении с Европой была инфраструктура публичных институций. Так, в Петербурге не было привычных для европейца кофеен, где образованная публика могла бы свободно обсуждать последние новости и выходящие печатные издания. Между тем отставание России в числе и многообразии публичных институтов не приводит историка к выводу о превосходстве Европы. Напротив, следуя за Ш. Л. Монтескье, согласно которому гражданское общество является узкой группой лиц, объединенных взаимным доверием, т. е. лично знакомых между собой, Смит заключает, что этому определению русская публика отвечала в большей степени, нежели западноевропейская. Специфика российской публичной сферы видится Смицу в том, что разграничение публичной и частной сфер социального существования было выражено здесь существенно слабее: оно наметилось при Петре I и Екатерине II, однако на протяжении XVIII в. границы между обществом и государственным аппаратом оставались в высшей степени призрачными²⁰.

Формой коммуникации русской публики XVIII в. явились органы печати, признаваемые Ю. Хабермасом центрами литературной публичности, наряду с клубами. Так, в годы правления Екатерины II возникло книжное издательство Н. И. Новикова, которое организовало при Московском университете типографию, издававшую труды по литературе, истории и философии. Помимо этого, издавались журналы «Всякая всячина», «Трутенъ» и др.

Важным элементом модернизационного проекта Екатерины II стало Вольное экономическое общество (ВЭО). Возникшее в 1765 г. при участии императрицы, ВЭО призвано было явиться «патриотическим обществом содействия земледелию и домостроительству России»²¹.

20 Смит, *Работа над диким камнем*, 87–89.

21 Так ВЭО именовалось в плане, составленном учредителями с придворным библиотекарем Екатерины II И. И. Таубертом во главе: *История Императорского Вольного*

Подобно европейским научным и сельскохозяйственным обществам того времени, оно ставило целью создавать и распространять полезное знание. Трансфер европейского опыта в его деятельность заключался еще и в том, что члены ВЭО собирали, переводили на русский язык и транслировали информацию о достижениях западных стран в сельском хозяйстве и экономической науке. В своих периодических изданиях они не упускали из виду ни одного выдающегося нововведения, возникавшего на Западе. Посредством своих членов и учреждений подобные новшества внедрялись в России, а российские дворяне приобщались к европейской культуре ведения сельского хозяйства.

Устав ВЭО, формы и методы его работы заложили основы организационного устройства и деятельности российских ассоциаций, возникших в дальнейшем, а также принципы отношений государства и общественных организаций в XIX в. Появление ВЭО и принятие его императрицей под свой патронаж символизировало стремление государства к кооперации с ассоциациями. Разделяя убеждение М. Джейкоб, что заимствование европейского опыта не ограничивается частными практиками и технологиями, но рано или поздно с неизбежностью перерастает в подражание европейским политическим формам, упомянем, что ВЭО знакомило россиян с европейской экономической и политической культурой. Так, оно способствовало не только внедрению рациональных форм хозяйства в аграрный сектор российской экономики, крайне отсталый в ту пору, но и приняло активное участие в подготовке аграрной реформы в России и привитии русской публике идей о преимуществах наемного труда перед крепостным, необходимости освобождения крестьян с землей и др. В недрах ВЭО сформировались кадры прогрессивных бюрократов, активных акторов аграрных и политических реформ второй половины XIX – начала XX вв. В стенах ВЭО раздавалась критика в адрес постановки народного образования и осуществлялись сборы на народные читальни и библиотеки²². История Вольного экономического общества весьма поучительна, поскольку показывает, как элитарное общество, консолидировавшее верхи дворянства и чиновной бюрократии, стало на рубеже веков центром российской общественности и земского «третьего элемента», всерьез озабоченных проблемой содействия проводимым в России конституционным реформам и становящимся представительным учреждениям.

экономического общества с 1765 по 1865 год, составленная секретарем его А. И. Ходневым (С.-Петербург: Типография «Общественная польза», 1865), 12.

22 О деятельности Вольного экономического общества см. подробнее: А. С. Туманова, *Общественные организации в России: правовое положение. 1860–1930-е гг.* (Москва: Проспект, 2019), 107–122.

В начале XIX в. в русском обществе ощущалась невиданная ранее тяга к объединению. Она проявлялась в создании всевозможных кружков, салонов и собраний, на почве которых произрастали «регулярные» общественные организации. Начиная со второй половины 1810-х гг. выразителем общественного мнения выступала не только дворянская аристократия, но и литераторы и просвещенное офицерство, служившее в гвардии. Под воздействием европейской культуры и образа жизни одной из моделей реализации интеллектуального потенциала дворянства становятся тайные общества декабристов 1810–1820-х гг. – новый тип социальной коммуникации и конспиративного движения²³. Это было время разработки конституционных проектов, как представителями российского общества, так и власти.

Наибольшее распространение тогда получили литературные объединения, как неформальные (кружки, салоны, вечера), так и формализованные (общества, собрания, клубы). Во многих из них руководящие позиции заняли будущие декабристы. Примером литературного общества, разрешенного правительством и действующего официально, явилась «Беседа любителей русского слова» (1807–1816 гг.), возникшая как литературный салон в доме Г.Р. Державина в Петербурге. В 1811 г. профессорами Московского университета и литераторами было создано крупное литературное общество дореволюционной России – Общество любителей российской словесности (ОЛРС), просуществовавшее до 1930 г. В нем работали известные писатели И. С. Тургенев, А. К. Толстой, И. С. Аксаков, Ф. М. Достоевский. ОЛРС выступило первопроходцем в организации литературных выставок и литературно-музыкальных вечеров, ставших неотъемлемой частью досуга русской публики. К числу новаторских начинаний, в которых участвовало ОЛРС, принадлежит издание «Толкового словаря» В. И. Даля, работа по открытию памятников отечественным писателям, а также по созданию русского литературного языка²⁴. В 1820–1830 гг. литературные кружки и салоны в России достигли своего расцвета: их было образовано 54²⁵.

В имперской России, таким образом, также имел место описанный Ю. Хабермасом переход от ранней литературной публичности, институтами которой являлись кофейни, салоны и застольные разговоры с их посетителями, характерные для элитарного дворянского общества,

23 См. подробнее: Т. В. Андреева, *Тайные общества в России в первой трети XIX в.: правительственная политика и общественное мнение* (С.-Петербург: Лики России, 2009), 208, 882–883.

24 Р. Н. Клейменова, *Общество любителей российской словесности, 1811–1930* (Москва: Academia, 1998), 3.

25 М. Аронсон, С. Рейсер, *Литературные кружки и салоны* (СПб.: Академический проект, 2001), 336.

к новой литературной публичности²⁶, характеризовавшейся формализацией и вовлечением разнородных категорий членов. Тенденции развития публичной сферы в первой четверти XIX в. символизировали и то, что к страсти объединяться, чтобы общаться, свойственной русскому обществу и полвека назад, в ту пору присоединилась потребность объединяться, чтобы читать. Страсть к чтению отражала общую черту европейского Просвещения со свойственными ему идеями нравственного совершенствования и упражнения в добродетели путем образования и самообразования. Потребность в получении образования и обсуждении прочитанного вела к созданию в европейских государствах кружков и кабинетов для чтения. Они появились впервые в Англии в начале XVIII в., а уже с середины столетия получили распространение в континентальной Европе, особенно во Франции и в немецких землях, где высокими темпами происходил прирост книжной продукции. Границы между кабинетами чтения и литературными обществами XVIII столетия были достаточно тонкими²⁷.

Забегая вперед отметим, что общества распространения народных чтений и библиотек, в буквальном смысле усеявшие территорию Российской империи в 90-е гг. XIX в. и внесшие существенный вклад как в формирование литературных вкусов читающей публики, так и в демократизацию системы образования, также «перекочевали» в Россию из культурной Европы. Их предшественниками являлись читательские общества, сыгравшие заметную роль в культурной революции эпохи Просвещения. Как отмечает Роже Шартье, «читательские общества и клубы были активными участниками трех важнейших процессов века Просвещения: они способствовали развитию демократических форм общения, ибо их решения принимались на основе голосования и без учета сословного статуса членов клуба; они являлись важным инструментом цивилизации, поскольку их уставы строго регламентировали нормы поведения; наконец, они способствовали созданию нового интеллектуального и социального публичного пространства, где частные лица могли в стороне от властей совместно обсуждать государственные дела и деяния монархов»²⁸.

В условиях подъема благотворительности и поддержки ее правительством Александра I стали формироваться благотворительные общества. Первые такие ассоциации, как и многие другие, возникли

26 ХАБЕРМАС, *Структурное изменение публичной сферы*, 81.

27 ХОФФМАНН, *Социальное общение и демократия*, 30–31.

28 РОЖЕ ШАРТЬЕ, «Книги, читатели, чтение», в *Мир Просвещения. Исторический словарь*, под ред. В. ФЕРРОНЕ, Д. РОША (Москва: Памятники исторической мысли, 2003), 300–301.

на западе империи. Они появились в Вильно (в 1807 г. было основано Виленское человеколюбивое общество), Дерпте (в 1822 г. – Дерптское общество помощи), а также в Ревеле, Брест-Литовске, Пернове, Гродно. В 1830-е годы деятельность благотворительных организаций становится более многоплановой. Проживающие в империи иностранцы создавали организации для оказания помощи землякам: Благотворительное общество в пользу швейцарцев и Благотворительное общество в пользу немцев в Одессе. Представители религиозных конфессий столичных городов учреждали общества для призрения своих неимущих собратьев²⁹.

Результатом поиска российским обществом 1840-х гг. национальной идентичности и самостоятельного места российской науки в системе общеевропейского научного знания стало основание в 1845 г. Русского географического общества (РГО). Учреждение РГО было в значительной мере реакцией на развитие международного научного сообщества и на создание подобных институций в Европе и Америке. Первое Географическое общество было основано в Париже в 1821 г. Затем возникли Берлинское географическое общество (1828 г.) и Королевское географическое общество в Лондоне (1830 г.), а также географические общества во Флоренции (1824 г.), Дрездене (1831 г.), Бомбее (1836 г.), Франкфурте (1837 г.), Бостоне (1840 г.), Рио-де-Жанейро (1839 г.) и Нью-Йорке (1850 г.).³⁰

Как и ВЭО, РГО выполняло патриотическую миссию, посвятив себя изучению земель, народов и ресурсов Российской империи. По замыслу основателей, оно должно было предоставлять международному сообществу информацию о Российской империи с тем, чтобы создать адекватный образ России и русского народа, повысить престиж отечественной науки. Заинтересованность российских общественников в расцвете отечественной науки символизировало расширение поля патриотического дискурса, не ограничивавшегося более лишь выражением верноподданнических чувств³¹. Благодаря благорасположению административных структур, наделивших РГО с 1850 г. статусом императорского общества, щедрыми казенными субсидиями, а также

29 А. Р. Соколов, «Благотворительная деятельность «Императорского человеколюбивого общества» в XIX веке», *Вопросы истории*, no. 7 (2003): 108; Он же, «Российская благотворительность в XVIII-XIX веках (К вопросу о периодизации и понятийном аппарате)», *Отечественная история*, no. 6 (2003): 152.

30 NATHANIEL KNIGHT, "Science, Empire and Nationality: Ethnography in the Russian Geographical Society, 1845–1855", in *Imperial Russia: New Histories for the Empire*, Ed. by J. BURBANK, D. RANSEL (Bloomington, Indiana: Indiana University Press, 1998), 132.

31 М. М. Кром, *Патриотизм, или Дым отечества* (С.-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020), 64.

покровительством на протяжении почти полувека вел. князя Константина Николаевича, эта ассоциация развивалась успешно. Общество занималось научным исследованием регионов страны, организовало серию крупных географических экспедиций (в их числе экспедиции П. П. Семенова-Тян-Шанского, Н. А. Северцова, Н. М. Пржевальского), исследовало социальные и экономические вопросы, а в годы «великих реформ» выступило кузницей прогрессивной бюрократии.

Успех РГО был во многом связан с тем, что эта ассоциация была одной из наиболее заметных русских обществ за рубежом. Оно наладило тесные отношения с зарубежными организациями, и ее многочисленные корреспонденты участвовали в зарубежных научных конгрессах. Так, А. Н. Куломзин, в будущий видный государственный деятель, после окончания Московского университета обучался в Германии, а летом 1860 г. участвовал в статистическом конгрессе в Лондоне, о чем докладывал в РГО³².

Характерной чертой российской публики времени Великих реформ была ее растущая профессионализация и формализация. Из сообществ лиц, связанных узами дружбы и родства, российские ассоциации, как до этого и их европейские собратья, постепенно превращались в формализованные сообщества профессионалов. Ярким примером организации «новой формации» может служить Общество любителей естествознания при Московском университете (1864 г.), преобразованное в 1867 г. в Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии (ОЛЕАЭ). Его учредители – профессора-естествоиспытатели Московского университета, видели свою миссию в том, чтобы сделать русскую науку, переживавшую «детский возраст» и считавшуюся уделом европейцев, национальной, сформировать сообщество российских ученых. С этой целью ОЛЕАЭ, подобно РГО, публиковало свои материалы на русском языке и формировало широкую сеть членов-корреспондентов. ОЛЕАЭ руководствовалось также побуждением сделать науку достоянием общественности, привить населению веру в величие империи, рождающей ученых-специалистов. Формированию общественности, наделенной чувствами национальной и гражданской гордости, способствовали публичные акции ОЛЕАЭ, такие как этнографические выставки 1867 г. и 1872 г., I Всероссийский съезд естествоиспытателей (1867 г.) и создание первого национального музея прикладных знаний – Политехнического³³.

32 А. Н. Куломзин, *Пережитое. Воспоминания* (М.: Политическая энциклопедия, 2016), 131–132.

33 Джозеф Брэдли, «Наука в городе: Основание Московского политехнического музея», *Россия XXI*, no. 2 (2005): 127.

Работавшие в научных обществах в последней трети XIX в. профессионалы-специалисты выделяли такую специфическую черту российской публичной сферы, как слабая специализация. Так, М. М. Ковалевского, члена целого ряда ученых обществ Москвы, поражало в них «присутствие одних и тех же лиц». «В понедельник, – вспоминал Ковалевский, – они были археологами, во вторник или среду – этнографами или юристами, и неделя не кончалась без новой встречи с ними в психологическом обществе или обществе любителей российской словесности». Данный феномен Ковалевский объяснял тем, что «... специализации занятий, на которую жалуются в Европе, у нас не существует», а «культурный класс не представляет у нас большой толщи»³⁴.

Подчеркивая важную роль частных обществ в защите памятников архитектуры, которыми славилась Москва, просвещенный аристократ и общественный деятель граф С. Д. Шереметев сетовал: «почему у нас не додумались до Общества охранения и реставрации художественных, исторических зданий, как во Франции, дабы существовал какой-либо контроль над произволом благотворителей с одной стороны и строительных разрушителей с другой?»³⁵. Общество защиты и сохранения памятников искусства и старины было основано в Петербурге в 1909 г. и имело филиалы в Туле, Орле, Казани, Вильно, Ростове и др.³⁶

К началу XX в. одним из наиболее заметных видов ассоциаций в России становятся вольно-пожарные общества. Их образование началось в XIX в. и было реакцией на недостаточную организацию в городах противопожарной службы. Вольно-пожарные общества переняли организацию у добровольных обществ пожарных Германии. В России общества пожарных появились сначала в прибалтийских городах: в Ревеле в 1862 г. и в Риге – в 1865 г., где и показали наиболее успешный пример несения пожарной службы. Помимо тушения пожаров, активисты-пожарные издавали свою газету и в кооперации с немецкими коллегами устраивали съезды. Лишь спустя четверть века вольно-пожарные общества стали возникать в Центральной России, копируя германо-прибалтийскую их организацию. Однако в отличие от своих американских собратьев, имевших существенный политический вес и не боявшихся вступать в противоборство с членами муниципальных учреждений,

34 М. М. Ковалевский, *Моя жизнь: Воспоминания* (Москва: «Российская политическая энциклопедия») (2005), 216.

35 *Мемуары графа С. Д. Шереметева*, Сост., подгот. текста и примеч. Л. И. Шохина (Москва: Индрик, 2001), 342.

36 Устав Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины. СПб., 1909. С. 1.

российские пожарные общества отличались лояльностью³⁷. Крупнейшее из них – Императорское российское пожарное общество – привлекалось к разработке пожарного законодательства³⁸.

Практики организации публичного пространства в сфере здравоохранения и социальной помощи в Северной Америке и Европе также влияли на российскую ситуацию. Так, в 1880-е гг. в Германии и США была организована работа по противодействию детской смертности и охране младенчества. Там появились учреждения для раздачи молока грудным детям, а в 1890 г. такие места возникли во Франции и стали именоваться «Капля молока». Европейские города были знакомы также с консультациями для грудных детей. Оба типа общественных учреждений боролись с детской смертностью, однако разными методами. «Капли молока» снабжали детей, лишенных грудного вскармливания, качественным молоком и питательными смесями. Консультации же молоком не обеспечивали, но занимались пропагандой грудного вскармливания, наблюдали за развитием младенцев и просвещали матерей в вопросах ухода. В консультациях молоко назначалось только детям, матери которых по объективным причинам не могли кормить их грудью. Поначалу в Европе наибольшей популярностью пользовались «Капли молока», однако ситуация изменилась и общество решило объединить эти учреждения, присоединив к консультациям «Капли молока» в виде молочной кухни. Сторонники консультаций доказывали, что идея учреждения в том, чтобы все дети находились в одинаково благоприятных условиях, тогда как широкое распространение дешевого молока могло привести к обратному результату: побудить матерей отказаться от грудного вскармливания детей³⁹.

В России первые учреждения такого рода возникли в 1890-х гг. Инициатором создания «Капли молока» в Петербурге выступило в 1904 г. Русское общество охранения народного здравия. Заимствуя западный опыт, столичные врачи и фармацевты организовали станцию для получения и приготовления молока. Сотрудники станции развозили молоко по аптекам, откуда его и получали нуждающиеся матери. Петербургская «Капля молока» содержалась преимущественно на членские взносы членов Общества и испытывала нехватку средств, однако вскоре

37 Найджел РААБ, «Формирование гражданской идентичности в общественных организациях России (на примере Вольно-пожарных обществ). 1880–1905 гг.», в *Гражданская идентичность и сфера гражданской деятельности в Российской империи. Вторая половина XIX – начало XX века*, отв. ред. Б. Пиетров-Эннкер, Г. Н. Ульянова (Москва: Российская политическая энциклопедия, 2007), 263–268.

38 Биржевые ведомости. 1913. 22 февраля. Утр. вып.

39 Е. В. Колганова, *Зарождение системы охраны материнства и младенчества в России в конце XIX – начале XX вв.* Дис. ... канд. ист. наук (Москва, 2012), 140–141.

подобные учреждения стали возникать в разных районах Петербурга и при детских больницах. «Капли молока» появились в различных городах России: в Харькове, Таганроге, Киеве, Архангельске и Варшаве. В Москве силами Общества борьбы с детской смертностью было устроено три консультации для грудных детей с выдачей молока и питательных смесей. В конечном итоге консультация для родителей стала преобладающей формой помощи детям, лишенным грудного вскармливания, и в России. Прошедший в декабре 1912 г. всероссийский съезд детских врачей признал детские консультации единственно эффективным средством в борьбе с заболеваемостью и смертностью детей. Их предлагалось организовать повсеместно в империи, при всех родильных домах, больницах и амбулаториях. «Капле молока» отводилась роль вспомогательного учреждения при консультациях для грудных детей⁴⁰.

Заметную роль в трансфере в публичную сферу России европейских социальных институтов играла российская печать. Печатные издания периодически публиковали материалы о функционировании частных обществ в странах Европы и Америки, призванных служить образцом для их российских собратьев. К примеру, когда весной 1909 г. Московский университет решил увековечить память недавно умершего профессора А. И. Чупрова учреждением Общества для содействия успехам общественных и экономических наук, призванного к изучению российской экономической действительности, газета «Русские ведомости» разместила большую статью. В ней разбирался опыт основанного в Германии в 1870-х гг. Общества социальной политики. Вопросы социального законодательства дебатировались в его первых заседаниях настолько широко, что за несколько дней по рабочему вопросу было сказано и написано больше, чем за предыдущие десять лет. Перспективным представлялся автору статьи также опыт основанного в Париже в 1900 г. международного Общества защиты труда, имевшего отделения почти во всех европейских странах и публиковавшего в своих бюллетенях законы по рабочему вопросу и охране труда. Корреспондент газеты сетовал, что Россия к международному союзу не примкнула, а публикуемые о ней данные получают от случайных корреспондентов. Общество для содействия успехам общественных и экономических наук могло бы, по его мнению, стать русской секцией международного союза охраны труда, чтобы способствовать развитию «нашей отсталой социальной политики»⁴¹.

40 Первый всероссийский съезд детских врачей, *Русские ведомости*, по. 355 (1912), 28 декабря; Съезд детских врачей, *Русские ведомости*, по. 2 (1913), 3 января.

41 Об Обществе «экономических исследований», *Русские ведомости*, по. 23 (1909), 20 марта

На научную жизнь европейских стран в XIX столетия существенное влияние оказывали национальные съезды ученых разного профиля – медиков, инженеров, юристов, статистиков, естествоиспытателей и др. Начиная с последней трети XIX в. ученые съезды стали созываться и в России. Организованы они были по немецкому образцу, активно используя достижения европейской науки и общественности.

Научные съезды стремились поставить российскую науку в один ряд с наукой европейской. Так, в ходе периодически проводимых в начале XX в. русской группой международного союза криминалистов съездов российские юристы анализировали европейское уголовное законодательство. На апрельском съезде 1910 г. русские ученые представили доклады, посвященные вкладу в науку недавно умерших светил европейской криминологии и судебной медицины: создателя антропологической школы уголовного права Чезаре Ломброзо и Габриэля Тарда⁴².

Устроителей женских съездов в России окрыляли победы участниц международных женских конгрессов. Так, после организации в Копенгагене третьего международного женского съезда активные и пассивные политические права получила более половины женского населения Норвегии, а в Великобритании женщинам были предоставлены муниципальные права⁴³. Российские женские съезды были плотно интегрированы в мировое женское движение. К примеру, делегаты Всероссийского съезда по образованию женщин в Петербурге в декабре 1912 г. получили приветственные телеграммы от женских лиг борьбы за избирательные права США, Лондона, Будапешта, финляндских женских организаций. В секциях съезда слушались доклады об особенностях женского образования в Америке⁴⁴.

Европейская символика сопутствовала организации в России таких форм публичности, как юбилейные торжества. Так, на банкете в апреле 1909 г. по случаю столетия со дня рождения Н. В. Гоголя в Петербурге присутствовали французские гости, был провозглашен тост за прекрасную Францию, эмблемой которой является «движение вперед», и трижды играли Марсельезу. Затем последовали тосты за германских, английских, чешских, болгарских и галичских представителей и исполнялись национальные гимны этих стран⁴⁵. Через символику заимствовались язык и словарь европейского конституционализма.

42 Съезд криминалистов, *Русские ведомости*, no. 91 (1910), 22 апреля

43 Международный женский конгресс в Лондоне, *Русские ведомости*, no. 77 (1909), 5 апреля

44 Всероссийский съезд по образованию женщин, *Русские ведомости*, no. 298 (1912), 28 декабря

45 Гоголевские торжества, *Биржевые ведомости*, no. 11082 (1909), 30 апреля. Утр. вып.

Первая русская революция традиционно ассоциируется в литературе с политизацией российской общественности и возникновением политических партий. Между тем подавляющая часть общественных объединений того времени носила неполитический характер. Политических организаций в начале прошлого века насчитывалось более 280⁴⁶, тогда как неполитических обществ только в 1906–1909 гг. было образовано более 4800⁴⁷, а к 1914 г. их насчитывалось более 10000⁴⁸. Появлялись новые виды ассоциаций, возрастала их численность, общества формулировали свою позицию по актуальным вопросам революционного времени, многие из них заметно политизировались.

Изданный в разгар Первой русской революции указ 4 марта 1906 г. «О временных правилах об обществах и союзах» опирался преимущественно на германское и французское законодательство о союзах. Он признавал право российских подданных на создание добровольных ассоциаций и способствовал заметному расширению их присутствия в публичном пространстве. После его издания общества стали возникать, по меткому выражению современника, чиновника Департамента полиции, как «грибы после дождя». За период с марта 1906 г. по сентябрь 1907 г. в одной только в Москве было зарегистрировано 122 общественных организации и 65 профессиональных общества⁴⁹. В перечне московских организаций числились общества досуговые, спортивные, просветительские, литературные, врачебные, взаимного вспомоществования, политические клубы и др. В реестр обществ и союзов по Московской губернии (исключая Москву) было внесено за указанные полтора года 50 организаций, подавляющую часть составляли общества благоустройства дачных местностей и пожарные дружины⁵⁰. В 1912 г. в Москве насчитывалось более шестисот различных ассоциаций, около пятисот обществ действовало в С.-Петербурге⁵¹. В Саратове

46 В. В. Шелохаев, «Политические партии России в свете новых источников», в *Политические партии в российских революциях в начале века*, под ред. Г. Н. Севостьянова (Москва: Наука, 2005), 100.

47 Н. П. Ануфриев, «Правительственная регламентация образования частных обществ в России», в *Вопросы административного права*. Кн. 1. (Москва, 1917), 37.

48 JOSEPH BRADLEY, *Voluntary Associations in Tsarist Russia: Science, Patriotism, and Civil Society* (Cambridge, Mass.; London: Harvard University Press, 2009), 1. <https://doi.org/10.4159/9780674053601>

49 Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1284. Оп. 187. 1905. Д. 61 е. Л. 1–12.

50 Центральный государственный архив г. Москвы (далее – ЦГА г. Москвы). Ф. 64. Оп. 1. Д. 557. Л. 109–110 об.

51 Джозеф Бредли, «Общественные организации и развитие гражданского общества в дореволюционной России», *Общественные науки и современность*, no. 5 (1994): 79.

к 1914 г. действовало уже 111 ассоциаций, включая клуб эсперанто и общество вегетарианцев⁵².

По динамике прироста ассоциаций российские города догоняли европейские. Известно, что в Мюнхене в середине XIX в. существовало 150, а к началу XX в. уже 3000 объединений, в Австрии в 1856 г. 2234, а в 1910 г. уже 85000 объединений⁵³. Между тем наибольшее число ассоциаций функционировало в граничащих с европейскими странами западных губерниях России. По данным прибалтийского генерал-губернатора А.Н. Меллера-Закомельского, к началу 1909 г. в Курляндской губернии существовало 606 обществ, а в Лифляндской губернии их численность доходила до «грандиозной цифры» – 2060 обществ⁵⁴.

Самоорганизация населения проникла в такие сферы, как совершенствование городской инфраструктуры и коммунальной политики (общества благоустройства городов, пожарные общества, общества архитекторов и др.), социальная защита (благотворительные общества и общества взаимопомощи), здравоохранение (медицинские общества, антитуберкулезные общества и лиги, общества борьбы с раком и с алкоголизмом и др.), физическая культура и спорт (футбольные, гимнастические, беговые общества и др.) и др.

Новаторской формой жизнедеятельности ассоциаций в годы революции стало их участие в движении за народные университеты. Это было массовое движение российской интеллигенции за создание институций, направленных на получение народом научных знаний вне рамок официальных учебных заведений. Российское движение народных университетов опиралось на опыт движения за расширение университетов, возникшего в Англии в середине XIX в. и добившегося широкого распространения практики чтения систематических курсов лекций для рабочих, равноправия языков в преподавании, прохождения университетского курса в сокращенные сроки и др. Английская система получила применение в США, Австралии, Индии, Бельгии и Австрии. Один из таких университетов был создан в 1908 г. в Москве А. Л. Шанявским; преподавание в нем строилось на основе свободного выбора слушателями курсов. Учреждённое в Петербурге в 1906 г. Общество народных университетов к 1909 г. располагало 9 отделами

52 Хоффманн, *Социальное общение и демократия*, 100.

53 Лутц Хэфнер, ««Храм праздности»: ассоциации и клубы городских элит в России (На материалах Казани. 1860–1914 гг.)», в *Очерки городского быта дореволюционного Поволжья*, А. Н. Зорин, Н. В. Зорин, А. П. Каплуновский и др. (Ульяновск, Изд-во Средневож. науч. центра, 2000), 481.

54 Временный прибалтийский генерал-губернатор А. Н. Меллер-Закомельский – П. А. Столыпину 11.02.1909 г. // РГИА. Ф.1284. Оп.187. 1909. Д. 26. Л. 105–105 об.

и 13 аудиториями, преимущественно в фабрично-заводских районах города⁵⁵.

* * *

Итак, резкий численный рост добровольных ассоциаций в позднеимперской России, их повсеместное присутствие в различных сферах российской действительности и у значительного числа профессиональных групп, а также широкий региональный охват (они существовали везде – в С.-Петербурге и в Москве, на национальных окраинах империи, в крупных губернских центрах и в небольших уездных городах) свидетельствовали, что западное изобретение на русской почве успешно приживалось и общество социального общения сложилось в России в начале XX в.

Становление в имперской России публичной сферы происходило с определенным отставанием от ведущих европейских стран. Вместе с тем российские общественники активно заимствовали институты, практики, систему ценностей и символику у своих европейских и североамериканских коллег. Динамика и вектор развития добровольных ассоциаций в России были сходными с европейскими. Рождение ассоциаций происходило здесь в той же логике и последовательности, что и в странах Европы.

Учреждая новые ассоциации и съезды, их создатели стремились встать вровень с институциями Европы, скопировать отдельные формы их деятельности, повторить достижения. При этом активисты российских научных и просветительских организаций XIX в. руководствовались патриотическими побуждениями. Они были движимы желанием явить миру образ культурной, просвещенной и преуспевающей России, занять достойное место в европейском культурном пространстве. Географическая удаленность России для европейцев и недостаточное их знакомство с ней только усиливали эту мотивацию. Приучая своих членов к совместному обсуждению вопросов, высказыванию мнений и выработке общей позиции, выборам правлений и ротации членов, добровольные ассоциации создавали в России систему ценностей, близкую и понятную европейцу: ценились личная инициатива и предприимчивость, самостоятельность и ответственность, вера в прогресс.

В отношениях с государством российские общественники прошли сходный путь, что и их коллеги во Франции и Германии. Им удалось убедить правительственную бюрократию в необходимости дарования свободы создания ассоциаций и обрести ее в 1906 г. Вместе с тем отношения многих влиятельных научных и просветительских организаций

⁵⁵ РГИА. Ф.1284. Оп.187. 1909. Д. 26. Л. 279 об. -280.

с государством балансировали на грани. Законопослушные и благонамеренные поначалу ассоциации, сталкиваясь с бюрократическим контролем и опекой, не получая удовлетворения своих чаяний, нередко переходили к конфронтации с государством. Обсуждая в рамках своих собраний вопросы совершенствования общества и государства, члены российского общества ассоциаций приобщались к политическому языку европейского либерализма и конституционализма.

References

- T. V. ANDREEVA, *Tainye obshchestva v Rossii v pervoi treti XIX v.: pravitel'stvennaia politika i obshchestvennoe mnenie* [Secret Societies in Russia in the First Third of the 19th Century: Government Policy and Public Opinion] (S.-Peterburg: Liki Rossii, 2009), 208, 882–883.
- N. P. ANUFRIEV, *Pravitel'stvennaia reglamentatsiia obrazovaniia chastnykh obshchestv v Rossii* [Government Regulation of the Formation of Private Companies in Russia], v *Voprosy administrativnogo prava*. Kn. 1. (Moskva, 1917), 37.
- M. ARONSON, S. REISER, *Literaturnye kruzhki i salony* [Literary Circles and Salons] (SPb.: Akademicheskii proekt, 2001), 336.
- JOSEPH BRADLEY, *Voluntary Associations in Tsarist Russia: Science, Patriotism, and Civil Society* (Cambridge, Mass.; London: Harvard University Press, 2009), 1. <https://doi.org/10.4159/9780674053601>
- DZHOZEF BREDLI, «Nauka v gorode: Osnovanie Moskovskogo politekhnicheskogo muzeia» [Science in the City: The Foundation of the Moscow Polytechnic Museum], *Rossii XXI*, no 2 (2005): 127.
- DZHOZEF BREDLI, «Obshchestvennye organizatsii i razvitie grazhdanskogo obshchestva v dorevoliutsionnoi Rossii» [Public Organizations and the Development of Civil Society in Pre-Revolutionary Russia], *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 5 (1994), 73, 79, 89, 91.
- DZHOZEF BREDLI, *Obshchestvennye organizatsii v tsarskoi Rossii. Nauka, patriotizm i grazhdanskoe obshchestvo* [Public Organizations in Tsarist Russia: Science, Patriotism and Civil Society] (M.: Novyi khronograf, 2012).
- Birzhevye vedomosti* [Stock Exchange Statements], 1913. 22 fevralia. Utr. vyp.
- Gogolevskie torzhества [Celebrating Gogol], *Birzhevye vedomosti*, no. 11082 (1909), 30 aprelia. Utr. vyp.
- Istoriia Imperatorskogo Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva s 1765 po 1865 god* [The History of the Imperial Free Economic Society from 1765 to 1865], sostavlennaia sekretarem ego A.I. KHODNEVYM (S.-Peterburg: Tipografiia «Obshchestvennaia pol'za», 1865), 12.
- MARGARET C. JACOB, *Living the Enlightenment: Freemasonry and Politics in Eighteenth Century Europe* (NYC and Oxford: Oxford University Press, 1991), 85, 96–120, 161, 179.
- D. KALUGIN, «Istoriia poniatiiia "obshchestvo" ot Srednevekov'ia k Novomu vremeni: russkii opyt» [The History of the Concept of "Society" from the Middle Ages to the Modern Age: The Russian Experience], v *Ot obshchestvennogo k publichnomu: koll. monografiia*, nauch. red. O. V. KHARKHORDIN (S.-Peterburg.: Evropeiskii universitet v S.-Peterburge, 2011), 334–335.
- IURGEN KHABERMAS, *Strukturnoe izmenenie publichnoi sfery. Issledovaniia otnositel'no kategorii burzhuaznogo obshchestva* [Structural Change of the Public Sphere: Studies on the Category of Bourgeois Society] (M.: Izd-vo «Ves' mir», 2016), 41–43, 73, 81–111, 170.
- LUTTS KHEFNER, «Khram prazdnosti»: assotsiatsii i kluby gorodskikh èlit v Rossii (Na materialakh Kazani. 1860–1914 gg.) ["The Temple of Idleness": Associations and Clubs of

Urban Elites in Russia (Based on the Materials of Kazan. 1860-1914)], v *Ocherki gorodskogo byta dorevoliutsionnogo Povolzh'ia*, A.N. ZORIN, N.V. ZORIN, A.P. KAPLUNOVSKI I DR. (Ul'ianovsk, Izd-vo Srednevolzh. nauch. tsentra, 2000), 481.

SHTEFAN-LUDVIG KHOFFMANN, *Sotsial'noe obshchenie i demokratiia. Assotsiatsii i grazhdanskoe obshchestvo v transnatsional'noi perspektive, 1750-1914* [Social Communication and Democracy: Associations and Civil Society in a Transnational Perspective, 1750-1914] per. s nemetskogo Iu.V. KORIAKOV, D.A. SDVIZHKOV (Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2017), 10, 20, 21, 23-24, 30-31, 33, 47-48, 100, 130, 142.

R. N. KLEIMENOVA, *Obshchestvo liubitelei rossiiskoi slovesnosti, 1811-1930* [The Society of Lovers of Russian Literature, 1811-1930] (Moskva: Academia, 1998), 3.

NATHANIEL KNIGHT, "Science, Empire and Nationality: Ethnography in the Russian Geographical Society, 1845-1855", in *Imperial Russia: New Histories for the Empire*, ed. J. BURBANK, D. RANSEL (Bloomington, Indiana: Indiana University Press, 1998), 132.

E. V. KOLGANOVA, *Zarozhdenie sistemy okhrany materinstva i mladenchestva v Rossii v kontse XIX - nachale XX vv.* [The Origin of the Maternity and Infancy Protection System in Russia in the Late 19th - early 20th Centuries] Dis. ... kand. ist. nauk (Moskva, 2012), 140-141.

M. M. KOVALEVSKII, *Moia zhizn': Vospominaniia* [My Life: Memories] (Moskva: «Rossiiskaia politicheskaia entsiklopediia», 2005), 216.

M. M. KROM, *Patriotizm, ili Dym otechestva* [Patriotism, or the Smoke of the Fatherland] (S.-Peterburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2020), 64.

A. N. KULOMZIN, *Perezhitoe. Vospominaniia* [The Experience: Memories] (M.: Politicheskaia entsiklopediia, 2016), 131-132.

Memuary grafa S.D. Sheremeteva [Memoirs of Count S.D. Sheremetev], sost., podgot. teksta i primech. L. I. SHOKHINA (Moskva: Indrik, 2001), 342.

Mezhdunarodnyi zhenskii kongress v Londone [The International Women's Congress in London], *Russkie vedomosti*, no. 77 (1909), 5 aprelia

Ob Obshchestve «ekonomicheskikh issledovanii» [About the Society for "Economic Research"], *Russkie vedomosti*, no. 23 (1909), 20 marta

Pervyi vserossiiskii s"ezd detskikh vrachei [The First All-Russian Congress of Pediatric Doctors], *Russkie vedomosti*, no. 355 (1912), 28 dekabria

NAIDZHEL RAAB, «Formirovanie grazhdanskoi identichnosti v obshchestvennykh organizatsiakh Rossii (na primere Vol'no-pozharnykh obshchestv). 1880-1905 gg.» [The Formation of Civic Identity in Russia's Public Organizations (on the Example of Voluntary Fire Societies). 1880-1905], v *Grazhdanskaia identichnost' i sfera grazhdanskoi deiatel'nosti v Rossiiskoi imperii. Vtoraia polovina XIX - nachalo XX veka*, otv. red. B. PIETROV-ENNKER, G. N. UL'IANOVA (Moskva: Rossiiskaia politicheskaia entsiklopediia, 2007), 263-268.

Rossiiskii Gosudarstvennyi Istoricheskii Arkhiv - RGIA [The Russian State Historical Archive]

— f. 1284. op. 187. 1905. d. 61 e. l. 1-12.

— f. 1284. op. 187. 1909. d. 26. l. 105-105 ob.

— f. 1284. op. 187. 1909. d. 26. l. 279 ob. - 280.

I.S. ROZENTAL', «I vot obshchestvennoe mnen'e!» *Kluby v istorii rossiiskoi obshchestvennosti. Konets XVIII-nachalo XIX vv.* ["And Here is Public Opinion!" Clubs in the History of the Russian Public: The End of 17th - Beginning of 19th Centuries] (Moskva: Novyi khronograf, 2007), 35-36.

ROZHE SHART'E, *Knigi, chitateli, chtenie* [Books, Readers, Reading], v *Mir Prosveshcheniia. Istoricheskii slovar'*, pod red.V. FERRONE, D. ROSHA (Moskva: Pamiatniki istoricheskoi mysli, 2003), 300-301.

V. V. SHELOKHAEV, «Politicheskie partii Rossii v svete novykh istochnikov» [Political Parties of Russia in the Light of New Sources], v *Politicheskie partii v rossiiskikh revoliutsiakh v nachale veka*, pod red. G. N. SEVOST'IANOV (Moskva: Nauka, 2005), 100.

DUGLAS SMIT, *Rabota nad dikim kamnem: Masonskii orden i russkoe obshchestvo v XVIII veke* [Work on the Wild Stone: The Masonic Order and Russian Society in the 18th Century] (Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2006), 79, 81, 87–89.

A. R. SOKOLOV, «Blagotvoritel'naia deiatel'nost' "Imperatorskogo chelovekoliubivogo obshchestva" v XIX veke» [The Charitable Activity of the Imperial Humane Society in the 19th Century], *Voprosy istorii*, no. 7 (2003): 108.

A. R. SOKOLOV, «Rossiiskaia blagotvoritel'nost' v XVIII–XIX vekakh (K voprosu o periodizatsii i poniatiinom apparate)» [Russian Charity in the 18–19th Centuries (On the Question of Periodization and Conceptual Apparatus)], *Otechestvennaia istoriia*, no. 6 (2003): 152.

A. D. STEPANSKII, *Istoriia obshchestvennykh organizatsii dorevoliucionnoi Rossii* [History of Public Organizations of Pre-Revolutionary Russia] (Moskva: MMGIAI, 1979), 10.

S"ezd detskikh vrachei, *Russkie vedomosti* [Congress of Pediatric Doctors], no. 2 (1913), 3 ianvaria

S"ezd kriminalistov [Congress of Criminologists], *Russkie vedomosti*, no. 91 (1910), 22 apreliia
ALEKSIIS DE TOKVIL', *Demokratiia v Amerike* [Democracy in America] per. s frants./predisl. GAROL'DA DZH. LASKI (Moskva.: Progress, 1992), 378.

Tsentral'nyi Gosudarstvennyi Arkhiv g. – TsGA g. Moskvy [The Central State Archive of Moscow]

— f. 64. op. 1. d. 557. l. 109–110 ob.

A. S. TUMANOVA, *Obshchestvennye organizatsii v Rossii: pravovoe polozenie. 1860–1930-e gg.* [Public Organizations in Russia: Legal Status. 1860–1930] (Moskva: Prospekt, 2019), 107–122.

Ustav Obshchestva zashchity i sokhraneniia v Rossii pamiatnikov iskusstva i stariny [The Charter of the Society for the Protection and Preservation of Monuments of Art and Antiquity in Russia] (SPb., 1909).

Vserossiiskii s"ezd po obrazovaniiu zhenshchin [The All-Russian Congress on Women's Education], *Russkie vedomosti*, no. 298 (1912), 28 dekabria

L.V. ZAV'IALOVA, *Peterburgskii Angliiskii klub. 1770–1918: Ocherki istorii* [St. Petersburg English Club. 1770–1918: Essays on History] (S.-Peterburg: «Dmitrii Bulanin», 2005), 7–8, 14–15.

Essays

Статьи

Cikkek

RICARDA VULPIUS

THE RUSSIAN EMPIRE'S EIGHTEENTH CENTURY IN RECENT HISTORIOGRAPHY OF THE GERMAN-SPEAKING COUNTRIES (2000–2022)¹

German, Austrian and Swiss Dixhuitiémists have produced very productive research in German, English, and Russian over the past two decades. However, there is no German-speaking “school” on the 18th century; the historiography is closely connected with research in other countries. However, in an international comparison, there are certain topics that have received more attention in “German” historiography, i.e., research on the state-sponsored expeditions in the east, on the development of the precursors of ethnology and on the history of concepts (*Begriffsgeschichte*). The goal of this article is to make historiography produced by German-speaking countries on the Russian Empire’s 18th century more accessible to further research by sorting them by topic and to give the reader an overview of the state of the art in particular with regards to the monographs. The focus is not on the language in which research of the last two decades has been presented, but on the partial extent to which historians have been socialized in the German academic world. In each rubric authors are listed alphabetically and their publications chronologically.

Keywords: Russian Empire, Tsarist Empire, 18th century, historiography, cultural history, the Enlightenment

Ricarda Vulpius – Professor of the history of Eastern and Central Europe at the University of Münster. E-mail: ricarda.vulpius@uni-muenster.de

1 *Citation:* RICARDA VULPIUS, “The Russian Empire's Eighteenth Century in Recent Historiography of the German-speaking Countries”, *RussianStudiesHu* 5, no. 1 (2023): 161–188. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2023.5.7

“German” historiography on the Russian Empire’s 18th century does not exist in isolation from global historical scholarship. Rather, it is closely connected with other countries’ research, especially with scholarly works in the USA, in Britain and in the Russian Federation. Therefore, one cannot speak of a German-speaking “school” on the 18th century. In addition, “Russian studies” have concentrated more and more on the 19th and 20th centuries in the last two decades.² In this way, the number of those working on the Tsarist Empire’s 18th century is limited.

However, despite their small numbers, German-speaking Dixhuitiemists have produced very productive research in German, English and Russian over the past two decades. The titles cited below, with no claim to completeness, include 47 monographs and 161 dependent publications. They cannot be discussed here with any degree of adequacy. Rather, the goal is to make them more accessible to further research by sorting them by topic and to give the reader an overview of the state of the art by highlighting at least most of the monographs. The focus is not on the language in which research of the last two decades has been presented, but on the partial extent to which historians have been socialized in the German academic world.

Of particular interest are the publications on those sub-topics for which an international comparison suggests that, although there is no German-language “school,” there is a German-language emphasis in research. Those sub-topics will be discussed separately within the following ten thematic introductions.

1. HISTORY OF POLITICAL CULTURE, CULTURAL HISTORIES OF THE POLITICAL

The replacement of social history by cultural history which took place in the late 20th century, has affected all subject areas in the last twenty years. Even once-classic topics such as foreign policy and diplomatic history have been re-infused by cultural-historical approaches. In the foreground is the effort to grasp the contemporary system of interpretation of events,

2 The term “Russian studies” could be seen as problematic and is therefore placed here in quotation marks. For the most part, this term conceals research that encompasses the Russian Empire or even the Soviet Union. However, these political entities encompassed much more than just Russia.

decisions, and social and political practices. Exemplary for this within political history is the work of Angela Rustemeyer, who worked out the contemporary concept of political honor on the basis of the change in ideas relating to crimes of majesty that took place over two centuries. At the same time, Rustemeyer was able to show how claims to power were communicated to the population through the definition of crimes of majesty. Ingrid Schierle, together with Olga Glagoleva, shifted the focus away from the St. Petersburg center of power and instead placed the culture of nobility in the provinces at the center of their research. Martina Winkler contrasted the “deficit history” (in which historians look at Russian history through the lens of what is missing compared to the history of Western Europe) that has often been practiced when it comes to Russia and Western concepts of property with a perspective that starts from the Russian understanding of property and addresses ideas of property during the period in question in relation to gender history and the relationship of the nobility to autocracy.

DONNERT, ERICH, „Revoltierung und Massenaufuhr in Russland: Katharina II. und der »Marquis de Pougatschef«,“ in: DONNERT, ERICH (Hg.), *Europa in der Frühen Neuzeit. Festschrift für Günter Mühlhfordt, Bd. 7: Unbekannte Quellen. Aufsätze zu Entwicklung, Vorstufen, Grenzen und Fortwirken der Frühneuzeit in und um Europa* (2008), S. 873–894.

HELLER, KLAUS, „Finanzpolitik und Staatsverschuldung in der Regierungszeit Katharinas II. (1762–1796)“, in: SCHARF, KLAUS (Hg.), *Katharina II., Russland und Europa. Beiträge zur internationalen Forschung* (2001), S. 505–519.

KUHL, NIKOLAI, „Der Pestaufstand von Moskau 1771“, in: LÖWE, HEINZ-DIETRICH (Hg.), *Volksaufstände in Russland. Von der Zeit der Wirren bis zur »Grünen Revolution« gegen die Sowjetherrschaft* (2006), S. 325–352.

KUSBER, JAN, „Zur Frage von Schande und Ehre im russischen Hochadel des 18. Jahrhunderts: Das Beispiel der Familie Razumovskij“, in: MARTIN WREDE, HORST CARL (Hg.), *Zwischen Schande und Ehre. Erinnerungsbrüche und die Kontinuität des Hauses. Legitimationsmuster und Traditionsverständnis des frühneuzeitlichen Adels in Umbruch und Krise* (2007), S. 125–140.

KUSBER, JAN, „Die Autokratie, Wahl und Wahlkapitulationen im Russländischen Reich der frühen Neuzeit“, in: HEINZ DUCHHARDT (Hg.), *Wahlkapitulationen in Europa*, Göttingen 2015, S. 173–193.

MELTON, EDGAR, „Bauernstaat Rußland: Das Problem aufgeklärter Agrarreform in der Zeit Katharinas II.“, in: SCHARF, CLAUS (Hg.), *Katharina*

II., *Rußland und Europa, Beiträge zur Internationalen Forschung* (2001), S. 385–401.

PLATE, ALICE, „Der Pugačëv-Aufstand: Kosakenherrlichkeit oder sozialer Protest?“, in: LÖWE, HEINZ DIETRICH (Hg.), *Volksaufstände in Rußland. Von der Zeit der Wirren bis zur »Grünen Revolution« gegen die Sowjetherrschaft* (2006), S. 353–396.

REINALTER, HELMUT, „Die Reformen Peters des Großen und der Josephinische Reformkomplex – Versuch eines Strukturvergleichs“, in: LEHMANN-CARLI, GABRIELA (Hg.), *Russische Aufklärungsrezeption im Kontext offizieller Bildungskonzepte (1700–1825)* (2001), S. 441–452.

RUSTEMEYER, ANGELA, *Dissens und Ehre. Majestätsverbrechen in Russland 1600–1800* (Wiesbaden 2006).

RUSTEMEYER, ANGELA, „HerrscherInnenehre, Justiz und Öffentlichkeit im Russland Peters des Großen“, *Frühneuzeit-Info*, Nr. 19/H. 1 (2008), S. 27–40.

RUSTEMEYER, ANGELA, „Das Arkanum zwischen Herrschaftsanspruch und Kommunikationspraxis im Zarenreich vom 16. bis zum frühen 19. Jahrhundert“, in: SPERLING, WALTER (Hg.), *Jenseits der Zarenmacht. Dimensionen des Politischen im Russischen Reich 1800–1917* (2008), S. 43–70.

RUSTEMEYER, ANGELA, „Szlachta, Bauern und Majestätsverbrechen in Smolensk 1654–1764“, in: KAPPELER, ANDREAS (Hg.), *Die Geschichte des Moskauer Reiches im 16. und 17. Jahrhundert aus der Perspektive seiner Regionen* (2004), S. 137–158.

SCHARF, CLAUS, „Adeliger Grundbesitz und Regionalverwaltung in der Gouvernementsreform Katharinas II.: Argumente von der Mittleren Wolga“, in: SCHARF, CLAUS (Hg.), *Katharina II., Russland und Europa. Beiträge zur internationalen Forschung* (2001), S. 421–456.

SCHIERLE, INGRID, GLAGOLEVA, OL’GA, *Dvorianstvo, vlast’ i obshestvo v provincial’noj rossii XVIII veka* (Moskau 2012).

SCHIERLE INGRID, GLAGOLEVA, OL’GA, *Kul’tura i byt dvorianstva v ruskoj provincii XVIII veka* (Moskau 2021).

SCHIPPAN, MICHAEL, „Katharina II. und die Rezeption des europäischen Friedensdenkens in Rußland“, in: SCHARF, CLAUS (Hg.), *Katharina II., Russland und Europa* (2002), S. 251–274.

Vulpius, Ricarda, „The Emergence of an Imperial Identity in the Russian Empire“, in: MIDDELL, MATTHIAS (Hg.), *Cultural Transfers, Encounters and Connections in the Global 18th Century* (2014), S. 185–210.

WINKLER, MARTINA, „Frauen, Männer, Eigentum: Russland, 17.–19. Jahrhundert“, *Comparativ*, Nr. 15/H. 4 (2005), S. 72–84.

WINKLER, MARTINA, „»Eigentum! Heiliges Recht! Seele der Gesellschaft!« – Adel, Eigentum und Autokratie in Russland um 1800“, in: SPERLING, WALTER (Hg.), *Jenseits der Zarenmacht. Dimensionen des Politischen im Russischen Reich 1800–1917* (2008), S. 71–98.

2. INTERNATIONAL RELATIONS, FOREIGN POLICY AND DIPLOMACY

International relations, foreign policy and diplomacy are predestined topics for the history of entanglements, which has been in vogue since the late 20th century. The Peace of Teschen, initiated by the Tsarist Empire and ending the War of the Bavarian Succession between Austria and Prussia, earned particular interest in this context. An example of the new diplomatic history inspired by cultural history is shown by Jan Hennings through his writings on diplomatic hierarchies, ceremonies, and social practices at the Russian court. Following research that, like Barbara Stollberg-Rilinger, emphasizes the importance of rituals and ceremonies for the early modern period, he elaborates for the Russian court the defining power that courtly practices had on the lives of diplomats. At the same time, with regard to diplomatic practices, he opposes the notion of viewing the 17th and 18th centuries separately and associating a new era with Peter I.

BOHN, THOMAS M., WITZENRATH, CHRISTOPH, „Verflechtungen zwischen dem Moskauer, Petersburger und dem Osmanischen Reich“, in: ROHWALD, STEFAN, CONERMANN, STEPHAN, FÜSS, ALBRECHT (Hg.) *Transottomanica – Osteuropäisch-osmanisch-persische Mobilitätsdynamiken. Perspektiven und Forschungsstand* (2019), S. 191–206.

DAHLMANN, DITTMAR, „Das Moskauer Reich und China. Die russischen Beziehungen zum „Reich unter dem Himmel“ vom 16. Jahrhundert bis zum Ende des 18. Jahrhunderts“, in: DUCHHARDT, HEINZ (Hg.), *Rußland, der Ferne Osten und die „Deutschen“* (2009), S. 31–47.

FRELLER, THOMAS, „Rußlands Blick auf eine neue Welt. Katharina II. und die russische Annäherung an den Malteserorden“, *Jahrbücher für die Geschichte Osteuropas* Nr. 51/H. 2 (2003), S. 161–184.

HÄRTER, KARL, „Möglichkeiten und Grenzen der Reichspolitik Russlands als Garantmacht des Teschener Friedens (1778–1803)“, in: SCHARF, KLAUS (Hg.), *Katharina II., Russland und Europa. Beiträge zur internationalen Forschung* (2001), S. 121–181.

HENNINGS, JAN, SOWERBY, TRACEY, "Introduction: Practices of Diplomacy", in: HENNINGS, JAN, SOWERBY, TRACEY (Hg.), *Practices of Diplomacy in the Early Modern World c. 1410–1800* (2017), S. 1–23.

HENNINGS, JAN, *Russia and Courtly Europe: Ritual and the Culture of Diplomacy, 1648–1725* (Cambridge University Press 2018).

HENNINGS, JAN, "Information and Confusion: Russian Resident Diplomacy and Peter A. Tolstoi's Arrival in the Ottoman Empire (1702–1703)", *The International History Review*, Nr. 41/H. 5 (2019), S. 1003–1019.

HENNINGS, JAN, „Balance of Power und Theatrum Praecedentiae: Russland im Spiegel der Zeremonialliteratur des 17. und 18. Jahrhunderts“, in: SCHWARCZ, ISKRA (Hg.), *Die Flucht des Thronfolgers Alexej, Krise der „Balance of Power“ und den österreichisch-russischen Beziehungen am Anfang des 18. Jahrhunderts* (2019), S. 11–24.

HENNINGS, JAN, 2021, "Constantinople as a 'Window on Europe': Peter the Great's Ambassador and Diplomatic Hierarchies at the Sultan's Court", in: KARP, SERGEJ JAKOVLEVIČ (Hg.) *Vek prosveshenija. Petr I. I. „Okno v Evropu“* (2021), S. 54–73.

HOCHEDLINGER, MICHAEL, „Herzensfreundschaft–Zweckgemeinschaft–Hypothek? Das russisch-österreichische Bündnis von 1781 bis zur zweiten Teilung Polens“, in: SCHARF, CLAUS (Hg.), *Katharina II., Russland und Europa. Beiträge zur internationalen Forschung* (2001), S. 183–225.

KUSBER, JAN, RÖTTJER, JULIA, „Die Abwesenheit von Krieg. Polnisch-russische Friedens- und Grenzverträge der Neuzeit (16.–20. Jahrhundert)“, in: DINGEL, IRENE, PAULMANN, JOHANNES, SCHNETTGER, MATTHIAS, WREDE, MARTIN (Hg.), *Theatrum Belli–Theatrum Pacis. Konflikte und Konfliktregelungen im frühneuzeitlichen Europa. Festschrift für Heinz Duchhardt zum 75. Geburtstag* (2018), S. 159–173.

KUSBER, JAN, „In der Konkurrenz um Ruhm. Katharina II. und Friedrich II.“, in: KURILO, OL'GA (Hg.), *Friedrich der Große und Osteuropa* (2013), S. 165–185.

MÜLLER-UHRIG, STEVEN, *Wer regiert Russland? Das Aufbegehren des Russischen Adels 1730 als vermeintliche Gefährdung der Monarchen Europas* (Wien 2021).

NERSESOV, GEORGIJ ALEKSANDROVIČ, *Russland, die bayerische Erbfolge und der Frieden von Teschen* (München 2021).

PETROVA, MARIA, SCHARF, CLAUS, „Der Friede von Teschen, Russland und die Reichsverfassung“, in: MÖLLER, HORST, SCHARF, CLAUS, DUDAREW, WASSILI, LAWRIHOWIČ, MAJA (Hg.), *Deutschland–Russland. Stationen gemeinsamer Geschichte. Orte der Erinnerung. Teil. 1: Das 18. Jahrhundert* (2018), S. 183–192.

SCHULZE WESSEL, MARTIN, "Zur Frage der Rationalität von Ostermanns Außenpolitik", in: WAGNER, JOHANNES VOLKER, BONWETSCH, BERND, EGGELING, WOLFGANG (Hg.), *Ein Deutscher am Zarenhof. Heinrich Graf Ostermann und seine Zeit 1687–1747* (2001), S. 165–171.

SCHULZE WESSEL, MARTIN, „Die Restauration Birons zum kurländischen Herzog 1762 als Zäsur in der russischen Ostmitteleuropapolitik des 18. Jahrhunderts“, in: SCHARF, CLAUS (Hg.) *Katharina II., Russland und Europa. Beiträge zur internationalen Forschung* (2001), S. 59–74.

3. THE RUSSIAN EMPIRE AND GERMANY, GERMANS IN TSARIST RUSSIA AND THE RUSSIAN–GERMAN RELATIONSHIP

Among the topics that have been taken up particularly intensively by German-language authors in the last twenty years as compared to authors internationally is research on Germans in the Russian Empire and on German-Russian relations. While Astrid Blome focused on contemporary German press coverage of Russia under Peter I in her monograph, Dirk Fischer and Peter Hoffmann devoted themselves to the biographies of two outstanding German scholars whose lives and work cannot be separated from the Russian Empire - Gerhard Friedrich Müller and Samuel Gottlieb Gmelin. Ingrid Schierle and Michael Schippan show how closely German and Russian scholars were connected in the 18th century. Kristine Koch's study focuses on the question of what the conditions were like for learning German as a foreign language - a central aspect for the close German-Russian relations of the 18th century.

BLOME, ASTRID, *Das deutsche Rußlandbild im frühen 18. Jahrhundert. Untersuchungen zur zeitgenössischen Presseberichterstattung über Rußland unter Peter I* (Wiesbaden 2000).

DAHLMANN, DITTMAR, „Deutsche Kaufleute und industrielle Unternehmer in Rußland seit dem 18. Jahrhundert“, in: BADE, KLAUS J. (Hg.), *Enzyklopädie Migration in Europa. Vom 17. Jahrhundert bis zur Gegenwart* (2007), S. 494–497.

FISCHER, DIRK, *Samuel Gottlieb Gmelin (1744–1774), Das Schicksal eines deutschen Arztes in Russland im Jahrhundert der Aufklärung* (Aachen 2008).

HOFFMANN, PETER: *Gerhard Friedrich Müller (1705–1783). Historiker, Geograph, Archivar im Dienste Russlands* (Frankfurt a.M. 2005).

KOCH, KRISTINE, *Deutsch als Fremdsprache in Rußland des 18. Jahrhunderts. Ein Beitrag zur Geschichte des Fremdsprachenlernens in Europa und zu den deutsch-russischen Beziehungen* (Berlin/New York 2002).

KRIEGER, VIKTOR, *Kolonisten, Sowjetdeutsche, Aussiedler. Eine Geschichte der Russlanddeutschen. Bundeszentrale für politische Bildung* (Bonn 2015).

PFREPPER, REGINE, PFREPPER, GERD, „Georg Moritz Lowitz (1722–1774) und Johann Tobias Lowitz (1757–1804) – zwei Wissenschaftler zwischen Göttingen und St. Petersburg“, in: MITTLER, ELMAR, GLITSCH, SILKE (Hg.), *Russland und die „göttingische Seele“* (2003), S. 163–182.

SCHIERLE, INGRID, „„Paradies der Gelehrten“? Deutsche in Wissenschafts- und Bildungseinrichtungen im Russischen Reich im 18. Jahrhundert“, in: *Russen & Deutsche. 1000 Jahre Kunst, Geschichte und Kultur. Kursbuch zur Ausstellung* (2012), S. 308–315.

SCHIERLE, INGRID, SIDOROVA, ANNA, „Dinastičeskie svjazi, ich političeskoe i kul'turnoe značenie, in: ALTRICHTER, HELMUT, IŠČENKO, VIKTOR VLADIMIROVIČ, MÖLLER, HORST, ČUBAR'JAN, ALEKSANDR OGANOVIČ (Hg.), *Rossija – Germanija. Vechi sovместnoj istorii v kollektivnoj pamjati. XVIII-XX vv.* (2019), S. 45–53.

SCHIPPAN, MICHAEL, „Die Moskauer Universität und deutsche Gelehrte in der zweiten Hälfte des 18. Jahrhunderts“, in: LEHMANN-CARLI, GABRIELA, SCHIPPAN, MICHAEL (Hg.), *Russische Aufklärungsrezeption im Kontext offizieller Bildungskonzepte 1700-1825* (2001), S. 207–233.

SCHIPPAN, MICHAEL, „Die Herrschaft Jever unter dem Zepter des russischen Zarenhauses“, in: HABERLAND, DETLEF (Hg.), *Ulrich Jasper Seetzen (1767–1811). Jeveraner–aufgeklärter Unternehmer–wissenschaftlicher Orientreisender* (2014), S. 11–26.

WENDLAND, FOLKWART, „Deutsch-Russische Wissenschaftsbeziehungen im 18. Jahrhundert – Göttingen und St. Petersburg, Historische Bedingungen und Inhalte“, in: MITTLER, ELMAR, GLITSCH, SILKE (Hg.), *Russland und die „Göttingische Seele“* (Göttingen 2003), S. 52–70.

4. TSARIST RUSSIA AS AN EMPIRE

For empire studies, the awakening triggered by the disintegration of the Soviet Union into nation-states in combination with Andreas Kappeler's ground-breaking opus magnus “Russia as a Multinational Empire” gained considerable momentum after the turn of the millennium. Stimulated by the appearance of two new international journals, *Kritika* and *Ab Imperio*,

research on the expansion of the Tsarist Empire, imperial politics and the emergence of the precursors of ethnology also boomed in the German-speaking world.

Travels and Expeditions

Due to the existence of close scientific ties between Germans and Russians, voyages of discovery and expeditions initiated by the Tsarist Empire in the 18th century have attracted and continue to attract great interest in German-language historiography. In particular, Dittmar Dahlmann, Diana Ordubadi, and Erich Donnert have distinguished themselves by elaborating the close link between individual expeditions and the imperial development of the Far East and Russian America.

BUCHER, GUDRUN, „Das Jahrhundert der großen Expeditionen“, in: HAUSER-SCHÄUBLIN, BRIGITTE, KRÜGER, GUNDOLF (Hg.), *Sibirien und Russisch-Amerika. Kultur und Kunst des 18. Jahrhunderts, Die Sammlungen von Asch, Göttingen* (2007), S.108-127.

DAHLMANN, DITTMAR, „Deutsche Forschungsreisende in Rußland vom 18. bis zur Mitte des 19. Jahrhunderts“, in: *Russen & Deutsche. 1000 Jahre Kunst, Geschichte und Kultur, Katalog zur Ausstellung Berlin 6.10.2012-13.1.2013* (2012), S. 316-325.

DAHLMANN, DITTMAR, „Die Weite Sibiriens und des Ozeans in Berichten und Aufzeichnungen von Forschungsreisenden von der Mitte des 18. bis zur Mitte des 19. Jahrhunderts“, *Zeitschrift für Ostmitteleuropa-Forschung* Nr. 63/H. 1 (2014), S. 55-73.

DITTMAR DAHLMANN, „Peter Simon Pallas' wissenschaftliches Werk und die Entfaltung der Wissenschaften an der Wende vom 18. zum 19. Jahrhundert“, in: GRAF, FRIEDRICH-WILHELM, HANKE, EDITH, PICHT, BARBARA (Hg.), *Geschichte Intellektuell. Theoriegeschichtliche Perspektiven. Festschrift für Gangolf Hübinger zum 65. Geburtstag* (2015), S. 314-334.

DONNERT, ERICH, „Russische Entdeckungsreisen und Forschungsexpeditionen in den Stillen Ozean im 18. und beginnenden 19. Jahrhundert“, in: DONNERT, ERICH (Hg.), *Europa in der Frühen Neuzeit, Bd. 6: Mittel-, Nord- und Osteuropa* (2002), S. 837-867.

DONNERT, ERICH, *Russlands Ausgreifen nach Amerika, Ein Beitrag zur eurasisch-amerikanischen Entdeckungsgeschichte im 18. Und beginnenden 19. Jahrhundert* (Frankfurt a.M. 2009).

HAPPEL, JÖRN: „Unter Ungeziefer und »Wilden«. Sibirien-Reisende im 18. Jahrhundert“, *Jahrbücher für die Geschichte Osteuropas* Nr. 61/H. 1 (2013), S. 1–25.

ORDUBADI, DIANA, „Die Reiseberichte aus der Billings-Saryčev-Expedition (1785-1795): Spiegelbilder der russischen Sibirien- und Fernostforschung im 18. Jahrhundert“, in: HOFMEISTER, JOHANNES (Hg.), *Stadt, Land, Fluss. Landes-, Orts- und Reisebeschreibungen aus historischer und geographischer Perspektive* (2010), S. 97–116.

ORDUBADI, DIANA, „Zwischen Völkerbeschreibungen des 18. Jahrhunderts und Kulturrelativismus. Ferdinand von Wrangels Berichte über die Čukčen“, in: WINTERSCHLADEN, MATTHIAS, ORDUBADI, DIANA (Hg.), *Auf den Spuren der modernen Sozial- und Kulturanthropologie, Die Jesup North Pacific Expedition (1897-1902) im Nordosten Sibiriens* (2016), S. 51-75.

ORDUBADI, DIANA, *Die Billings-Saryčev-Expedition 1785-1795. Eine Forschungsreise im Kontext der wissenschaftlichen Erschließung Sibiriens und des Fernen Ostens* (Göttingen 2016).

Ethnology

Another important field of research, closely related both to the formation of the Russian Empire and to the German scholars who traveled and explored the Empire in the 18th century, is the aforementioned emergence of the precursor of what was later to become ethnology. In local and overarching studies, Dittmar Schorkowitz, Marcus Köhler, and Hendrik Frederik Vermeulen have elaborated the connection between the research journeys in the Tsarist Empire and the formation of a new academic discipline.

BUCHER, GUDRUN, „Wie viele Völker hat mein Land?“ Die Neugierde der Zaren oder die Anfänge der Ethnographie in Russland“, *Ametas Jahrbuch, Mitteilungen und Berichte für völkerkundlich Interessierte*, Bd. 3 (2001), S. 23–34.

KÖHLER, MARCUS, „„Völker-Beschreibung“, *Die ethnologische Methodik Georg Wilhelm Stellers (1709-1746) im Kontext der Herausbildung der „russischen Étnografija“*“ (Saarbrücken 2008).

KÖHLER, MARCUS, *Russische Ethnographie und imperiale Politik im 18. Jahrhundert* (Hamburg 2012).

MASSOLD, EUGENIA, „„Völker in der großen Finsterniß ihres Verstandes“, *Ethnologische Forschungen im Altaj im 18. Und in der ersten Hälfte des 19.*

Jahrhundert“, in: HEINZ DUCHARDT (Hg.) *Russland, der Ferne Osten und die „Deutschen“* (2009), S. 49–77.

SCHORKOWITZ, DITTMAR, „Weidegebiete und Kriegsdienste: mongolische Pastoralnomaden im Russischen Reich“, in: SCHNEIDER, IRENE (Hg.), *Militär und Staatlichkeit. Orientalwissenschaftliche Hefte*, Nr. 12 (2003), S. 221–259.

SCHORKOWITZ, DITTMAR, „Peter Simon Pallas (1741–1811) und die Ethnographie Russisch-Asiens im 18. Jahrhundert“, in: SCHORKOWITZ, DITTMAR (Hg.), *Ethnohistorische Wege und Lehrjahre eines Philosophen: Festschrift für Lawrence Krader zum 75. Geburtstag* (1995), S. 331–349.

VERMEULEN, HAN F., „Ethnographie und Ethnologie in Mittel- und Osteuropa, Völkerbeschreibung und Völkerkunde in Russland, Deutschland und Österreich (1740–1845)“, in: DONNERT, ERICH (Hg.) *Europa in der Frühen Neuzeit, Bd. 6: Mittel-, Nord- und Osteuropa* (2002), S. 397–409.

Expansion, Imperial and Colonial Politics

Most studies of imperial history by German-speaking scholars are devoted to the expansion itself and the subsequent imperial and, in some cases, already colonial practices of rule. In the spirit of the New Imperial History, however, it is no longer a matter of top-down perspectives alone. Rather, mutual influences of periphery and metropolis, reciprocal perceptions and appropriations play a major role.

Christoph Witzernath has filled an important research gap with his archival source-based study of the Cossacks, who often enough had their own agenda in the conquering campaigns to the east. Dittmar Dahlmann created an impressive synthesis on the entire Eastern expansion with a comprehensive monograph on the history of Siberia, focusing on the interaction of Russian expansion and the reactions of Siberian ethnic groups over four centuries. Clemens Sidorko's source-saturated studies focus on the anti-colonial resistance of the North Caucasian mountain peoples (Dagestan and Chechen) to Russian expansion in the south of the Empire. Martina Winkler has directed attention to the expansion into the North Pacific region and demonstrates how the imperial rivalry of European powers in this area led the Tsarist Empire into a first phase of globalization. Henner Kropp demonstrates how the Tsarist enterprise of settling Russian colonists in Alaska was doomed to failure. I myself have elaborated the transformation of Russian concepts and practices of rule towards the newly incorporated ethnic groups in the south, southeast

and east as a result of the adoption of the Western European paradigm of civilization and civilizing mission. It is shown that only through the adoption of this paradigm did an imperial consciousness emerge within the state elite. In terms of imperial history, therefore, the era of Peter I marked a great caesura. Jörg Ganzenmüller has examined the interaction of Russian state power and Polish nobility after the partitions of Poland, writing less a history of conflict that takes the Polish uprisings as its point of departure than examining the methods of elite integration and Russian state expansion.

ABESSER, MICHEL, "A Window to the South: The Russian Empire, the Black Sea, and Beyond", *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, Nr. 21/H. 4 (2020), S. 843–859.

ABESSER, MICHEL, "Prosperity and Conflict in Eighteenth- and Nineteenth-Century Rostov-on-Don: Russian, Cossack, and Armenian Economic Cultures on the Northern Black Sea Coast", *Euxeinos. Culture and Governance in the Black Sea Region*, Nr. 32 (2021), S.56–71.

DAHLMANN, DITTMAR, „Die asiatische Unzuverlässigkeit beenden“. Herrschaft und Widerstand in Sibirien im 17. und 18. Jahrhundert“, *Orientierungen. Zeitschrift zur Kultur Asiens*, Nr. 16 (2004), S.46–71.

DAHLMANN, DITTMAR, „Sibirien: Der Prozeß der Eroberung des Subkontinents und die russische Zivilisierungsmission im 17. und 18. Jahrhundert“, in: BARTH, BORIS, OSTERHAMMEL JÜRGEN (Hg.), *Zivilisierungsmissionen. Imperiale Weltverbesserung seit dem 18. Jahrhundert* (2005), S. 55–71.

DAHLMANN, DITTMAR, *Sibirien. Vom 16. Jahrhundert bis zur Gegenwart* (Paderborn 2009).

FRANK, SUSANNE, "The Appropriation of Shamanism in 18th c. Russian Culture (Radishchev vs. Catherine II.)", in: E.M. STOLBERG (HG.) *The Siberian Saga. A History of Russia's Wild East* (2005), S. 43V62.

GANZENMÜLLER, JÖRG, „Zwischen Elitenkooptation und Staatsaufbau. Der polnische Adel und die Widersprüche russischer Integrationspolitik in den Westgouvernements des Zarenreiches (1772–1850)“, *Historische Zeitschrift*, Nr. 291/H. 3 (2010), S. 625–662.

GANZENMÜLLER, JÖRG, „Ordnung als Repräsentation von Staatsgewalt: Das Zarenreich in der litauisch-weißrussischen Provinz (1772–1832)“, in: BABEROWSKI, JÖRG, FEEST, DAVID, GUMB, CHRISTOPH (Hg.), *Imperiale Herrschaft in der Provinz. Repräsentationen politischer Macht im späten Zarenreich* (2008), S. 59–80.

GANZENMÜLLER, JÖRG, *Russische Staatsgewalt und polnischer Adel. Elitenintegration und Staatsausbau im Westen des Zarenreiches (1772–1850)* (Köln 2013).

HAUSMANN, GUIDO, „Die Unterwerfung der Natur als imperiale Veranstaltung. Bau und Eröffnung des Ladoga-Kanals in Russland im frühen 18. Jahrhundert“, *Frühneuzeit Info*, Nr. 19/ H. 2 (2008), S. 59–71.

JOBST, KERSTIN, „Russländisch-imperiale Image-Produktionen im ausgehenden 18. Jahrhundert: Die Reise Katharinas II. in den „russischen Süden“, in: AUGUSTYNOWICZ, CHRISTOPH, PUFELSKA, AGNIESZKA (Hg.), *Konstruierte (Fremd-?)Bilder. Das östliche Europa im Diskurs des 18. Jahrhunderts* (2017), S. 94–107.

KAPPELER, ANDREAS, „Russlands Frontier in der Frühen Neuzeit“, in: ASCH, ROLAND G. (Hg.), *Frieden und Krieg in der Frühen Neuzeit, Die europäische Staatenordnung und die außereuropäische Welt* (2001), S. 599–613.

KAPPELER, ANDREAS, „Russia as a Multi-Ethnic Empire: Classifying People by Estate, Religion, and Ethnicity, 1760–1855“, in: BRANCH, MICHAEL (Hg.), *Defining Self. Essays on Emergent Identities in Russia. Seventeenth to Nineteenth Centuries* (2009), S. 59–74.

KROPP, HENNER, *Russlands Traum von Amerika. Die Alaska-Kolonisten, Russland und die USA, 1733–1867* (Göttingen 2020).

KUSBER, JAN, „„Entdecker“ und „Entdeckte“ zum Selbstverständnis von Zar und Elite im frühneuzeitlichen Moskauer Reich zwischen Europa und Asien“, *Expeditionen in der Frühen Neuzeit, Zeitschrift für Historische Forschung, Beihefte*, Nr. 34 (2005), S. 97–115.

KUSBER, JAN, „Grenzgänger, „Fremde“, Abenteurer. Nichtorthodoxe am Zarenhof in der zweiten Hälfte des 18. Jahrhunderts“, in: ROLL, CHRISTINE, POHLE, FRANK, MYRCZEK MATTHIAS (Hg.), *Grenzen und Grenzüberschreitungen. Bilanz und Perspektiven der Frühneuzeitforschung* (2010), S. 651–663.

KUSBER, JAN, „Feind, Fremder, Untertan: Zum Bild des Moslem und des Islam im frühneuzeitlichen Zarenreich“, in: HAUG-MORITZ, GABRIELE, PELIZAEUS, LUDOLF (Hg.), *Repräsentationen der islamischen Welt im Europa der Frühen Neuzeit* (2010), S. 206–220.

KUSBER, JAN, „Peter I, the Great Northern War and St Petersburg“, in: BLEILE, RALF, KRÜGER, JOACHIM (Hg.), *Princess Hedvig Sofia' and the Great Northern War* (2015), S. 159–167.

KUSBER, JAN, „Imperialer Pragmatismus und orthodoxe Dominanz. Situationen religiös-konfessioneller Differenz im neuzeitlichen Russland“, in: PAULMANN, JOHANNES, SCHNETTGER, MATTHIAS, WELLER, THOMAS (Hg.), *Un-*

versöhnte Verschiedenheit. Verfahren zur Bewältigung religiös-konfessioneller Differenz in der europäischen Neuzeit (2016), S. 179–196.

KUSBER, JAN, „„Ein Kleid schneiden, das für alle passt“? Katharina II. und die Religionen des Russländischen Imperiums in der zweiten Hälfte des 18. Jahrhunderts“, in: THOMSEN, MARTINA (Hg.), *Religionsgeschichtliche Studien zum östlichen Europa. Festschrift für Ludwig Steindorff zum 65. Geburtstag* (2017), S. 187–198.

KUSBER, JAN, „„Unter die hohe Hand nehmen“. Strategien territorialer Expansion an der Peripherie des frühneuzeitlichen Russischen Reiches“, in: BEMMANN, JAN (Hg.), *Core, periphery, frontier - spatial patterns of power* (2021), S. 139–170.

OBERTREIS, JULIA, „Über die Steppe hinaus. Kolonialismus im Russischen Reich von Iwan dem Schrecklichen bis zur Oktoberrevolution“, in: BARTH, BORIS (Hg.), *Das Zeitalter des Kolonialismus* (2007), S. 37–44.

PLATH, TILMAN, „Vnutrennjaja ili vneshnjaja kolonizacija? Celi i sredstva torgovoj politiki Rossii v XVIII v.“, in: *Peterburgskij istoričeskij žurnal. Issledovanija po rossijskoj i vseobshej istorii*, Nr. 1 (2015), S. 5–15.

PLATH, TILMAN, „Naval Strength and Mercantile Weakness. Russia and the struggle for participation in the Baltic Navigation during the eighteenth century“, in: GRECHNIK, MARTA, HURSKAINEN (Hg.), *Beyond the Sea. Reviewing the Manifold Dimensions of Water as a Barrier and Bridge* (2015), S. 117–128.

RENNER, ANDREAS, „Peter der Große und Russlands Fenster nach Asien“, *Historische Zeitschrift*, Nr. 306 (2018), S. 71–96.

SIDORKO, CLEMENS P., *Dschihad im Kaukasus, antikolonialer Widerstand der Dagestaner und Tschetschenen gegen das Zarenreich (18. Jahrhundert bis 1859)* (Wiesbaden 2007).

STOLBERG, EVA-MARIA, „Interracial Outposts in Siberia: Nerchinsk, Kiakhta and the Russo-Chinese Trade in the Seventeenth/Eighteenth Centuries“, *Journal of Early Modern History*, Nr. 4/ H. 3 (2000), S. 322–336.

VULPIUS, RICARDA, „The Russian Empire’s Civilizing Mission in the Eighteenth Century: A Comparative Perspective“, in: TOMOHIKO, UYAMA (Hg.), *Asiatic Russia: Imperial Power in Regional and International Contexts* (2012), S. 13–31.

VULPIUS, RICARDA, „Räumliches, Ordnen‘ und Gewaltmobilisierung: Festungslinien an der südlichen russländischen Frontier im 18. Jahrhundert“, in: JUREIT, ULRIKE (Hg.), *Umkämpfte Räume. Raumbilder, Ordnungswillen und Gewaltmobilisierung* (2016), S. 139–157.

VULPIUS, RICARDA, „Civilizing Strategies and the Beginning of Colonial Policy in the Eighteenth-Century Russian Empire“, in: TRICOIRE, DAMIEN

(Hg.), *Enlightened Colonialism: Civilization Narratives and Imperial Politics in the Age of Reason*. Cambridge Imperial and Post-Colonial Studies Series. Palgrave Macmillan 2017, S. 113–132.

VULPIUS, RICARDA, *Die Geburt des Russländischen Imperiums, Herrschaftskonzepte und -praktiken im 18. Jahrhundert* (Köln 2020).

VULPIUS, RICARDA, „Grenzgänger im russländischen Verflechtungsraum : der Livländer Otto Heinrich Graf von Igelström als imperialer Akteur des Zarenreichs im 18. Jahrhundert.“, in: ROLAND, BORCHERS, BOTHE, ALINA, NESSELRODT, MARKUS, WIERZCHOLSKA, AGNIESZKA (Hg.), *Das östliche Europa als Verflechtungsraum : Agency in der Geschichte ; Festschrift für Prof. Dr. Gertrud Pickhan zum 65. Geburtstag* (2021), S. 33–51.

VULPIUS, RICARDA, „Aufklärung und Kolonialismus im Zarenreich des 18. Jahrhunderts“, in: BIRGFELD, JOHANNES, CATANI, STEPHANIE, CONRAD, ANNE (Hg.), *Aufklärungen Strategien und Kontroversen vom 17. bis 21. Jahrhundert* (2022), S.187–204.

WINKLER, MARTINA, “From Ruling People to Owning Land: Russian Concepts of Imperial Possession in the North Pacific, 18th and Early 19th Centuries”, *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, Nr. 59/H. 3 (2011), S. 321–353.

WINKLER, MARTINA, “Imagining the Arctic, the Russian Way: Concepts and Projects for the Arctic Ocean in the Eighteenth Century”, *New Global Studies*, Nr.7/ H. 2 (2012), S. 73–100.

WINKLER, MARTINA, “Russia, Europe, and the Pacific Ocean: A Global Story?“, in: MIDDELL, MATTHIAS (Hg.), *Cultural Transfers, Encounters and Connections in the Global 18th Century* (2014), S. 211–231.

WINKLER, MARTINA, *Das Imperium und die Seetotter. Die Expansion Russlands in den nordpazifischen Raum 1700–1867* (Göttingen 2016).

WITZENRATH, CHRISTOPH, *Cossacks and the Russian Empire, 1598–1725: Manipulation, Rebellion and Expansion into Siberia* (London/New York 2007).

5. RUSSIA AND THE ENLIGHTENMENT

The topic of the Age of Enlightenment forms a cross-cutting aspect to almost all fields of research of the Russian 18th century, as ideas of the Enlightenment penetrated into all state and non-state spheres of life: into political reform projects, into social discourses on agriculture, on personal hygiene and war avoidance and on school and university education. In short,

on questions of how to deal with people, society and nature. In addition, new social phenomena such as modern patronage and Freemasonry emerged. Thanks to Erich Donnert's overview of Freemasonry in Russia, it has been possible to close the gap for Russia in the historiography of this pan-European movement. Peter Hoffmann has presented what is probably the first comprehensive biography of the most important Russian polymath of the Enlightenment period, Michael Lomonosov. Susanne Jaeger's biography of the collector and patron Alexander Stroganov sheds light on how European concepts for supporting the arts and architecture were adopted in Russia and adapted to their own needs.

Andreas Renner examines the import of academic medicine into the Tsarist Empire. He is not concerned with measuring any medical progress that then allegedly followed, but rather with the actors who sought to anchor this knowledge in the Russian Empire. In the process, it becomes clear that the cultural conflicts that grew out of the medical "mission" unfolded less along the lines of European versus Russian than along the contrasts of academic versus non-academic and theorizing versus practical orientation. Jan Kusber's major study of elite and popular education, which examines the impact of Catherine II's educational reforms on all areas of the state and emerging society, concludes that while education could not erase the rifts between nobility and peasants, it could create a "walkable bridge" in the form of social mobility through education. Last but not least, from the pen of Michael Schippan comes what is probably the world's first monograph that attempts to capture enlightened thought and action in the Tsarist Empire in all its diversity. Even though this synthesis is not written in terms of cultural or social history but is essentially oriented toward the Enlightenment impulses of the tsars, it offers a profound overview and detailed knowledge.

BUBERL, BRIGITTE, „Palast des Wissens, Die Kunst- und Wunderkammer Zar Peters des Großen“, in: BUBERL, BRIGITTE, DÜCKERSHOFF, MICHAEL (Hg.), *Palast des Wissens, Die Kunst- und Wunderkammer Zar Peters des Großen*“, Bd. 2, *Beiträge* (2003), S. 9–19.

DONNERT, ERICH, „Kultur und Wissenschaften im Reformwerk Peters des Großen“, in: DONNERT, ERICH (Hg.), *Europa in der Frühen Neuzeit, Bd. 7: unbekanntes Quellen* (Köln 2008), S. 685–696.

DONNERT, ERICH, *Die Freimaurerei in Russland, von den Anfängen bis zum Verbot 1822* (Innsbruck 2003).

GRIESSE, MALTE, „Von der Barbarei zur Rückständigkeit: Russland als Projektionsfläche der Aufklärung“, in: FEEST, DAVID, HÄFNER, LUTZ (Hg.), *Die Zukunft der Rückständigkeit Festschrift für Manfred Hildermeier* (2016), S. 140–166.

HÄFNER, LUTZ, „Europa ohne Grenzen? Zu Wandel und Funktion der russlandbezogenen Kartographie vom Moskauer Reich bis zur Mitte des 18. Jahrhunderts“, in: HAPPEL, JÖRN, JOVANOVIĆ, MIRA, v. WERDT, CHRISTOPHE (Hg.), *Osteuropa kartiert – Mapping Eastern Europe* (2010), S. 87–112.

HILDERMEIER, MANFRED, „Traditionen der Aufklärung in der russischen Geschichte“, in: DUCHHARDT, HEINZ, SCHARF, CLAUS (Hg.), *Interdisziplinarität und Internationalität. Wegen und Formen der Rezeption der französischen und britischen Aufklärung in Deutschland und Rußland im 18. Jahrhundert* (2004), S. 1–15.

HOFFMANN, PETER, „Militärische Ausbildungsstätten in Russland als Orte der Aufklärung“, in: LEHMANN-CARLI, GABIELA (Hg.), *Russische Aufklärungsrezeptionen im Kontext offizieller Bildungskonzepte (1700-1825)* (2001), S. 249–260.

HOFFMANN, PETER, SMAGINA, GALINA I., Zur Frühgeschichte der Universitätsausbildung in Russlands. Gerhard Frierich Müllers „Vorschlag zu einem Reglement für die Universität bey der Kayserlichen Aacademie der Wissenschaften“ vom Jahre 1748“, in: DONNERT, ERICH (Hg.), *Europa in der Frühen Neuzeit, Bd. 6: Mittel-, Nord- und Osteuropa* (2002), S. 419–436.

HOFFMANN, PETER, *Michael Vasil'evič Lomonosov (1711-1765). Ein Enzyklopädist im Zeitalter der Aufklärung* (Frankfurt a.M. 2011).

JAEGER, SUSANNE, *Alexander S. Stroganov (1733-1811). Sammler und Mäzen im Russland der Aufklärung* (Köln/Weimar/Wien 2007).

KOHTZ, BIRTE, „Sieg der Vernunft im Windschatten der Autokratie? Aufklärung im Baltikum“, in: KRAUS, ALEXANDER, RENNER, ANDREAS (Hg.), *Orte der Vernunft. Europäische Aufklärung jenseits der Zentren* (2008), S. 106–124.

KOPANEWA, NATALJA P., „Zur Geschichte der der St. Petersburger Kunst-kammer in der ersten Hälfte des 18. Jahrhunderts“, in: BUBERL, BRIGITTE, DÜCKERSHOFF, MICHAEL (Hg.), *Palast des Wissens, Die Kunst- und Wunderkammer Zar Peters des Großen, Bd. 2, Beiträge* (2003), S. 154-167.

KUSBER, JAN, „Von der Vervollkommnung des Individuums zur Erziehung des Untertanen. Aspekte der Geschichte des staatlichen Schulwesens in Rußland, 1786-1828“, in: LEHMANN-CARLI, GABRIELE, SCHIPPAN, MICHAEL, SCHOLZ, BIRGIT, BOHM, SILKE (Hg.), *Russische Bildungskonzepte im Kontext europäischer Aufklärung 1700-1825* (2001), S. 133–149.

KUSBER, JAN, „Katharina II., das Russländische Imperium und die Bildung seiner Untertanen“, *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas* Nr. 56 (2008), S. 358–378.

KUSBER, JAN, „Individual, Subject and Empire. Toward a Discourse on Upbringing, Education and Schooling in the Time of Catherine II“, *Ab Imperio*, Nr.2 (2008), S. 125–156.

KUSBER, JAN, „Imperiale Wissenschaften und Expansion: Das Beispiel Fedor Petrovič Litke (1797–1882)“, in: DUCHHARDT, HEINZ (Hg.), *Russland, der Ferne Osten und die Deutschen* (2009), S. 103–117.

KUSBER, JAN, *Eliten- und Volksbildung im Zarenreich während des 18. und in der ersten Hälfte des 19. Jahrhunderts. Studien zu Diskurs, Gesetzgebung und Umsetzung* (Stuttgart 2004).

MÜHLPFORDT, GÜNTER, „Halle-Leipziger Aufklärung in Russland – ein Faktor der Modernisierung, von den petrinischen zu den katharinäischen Reformen“, in: LEHMANN-CARLI, GABRIELA (Hg.), *Russische Aufklärungskonzeption im Kontext offizieller Bildungskonzepte (1700-1825)* (2001), S. 405–426.

RENNER, ANDREAS, „The Concept of the Scientific Revolution and the History of Science in Russia“, in: BARTLETT, ROGER, LEHMANN-CARLI, GABRIELA (Hg.), *Eighteenth-Century Russia: Society, Culture, Economy. Papers from the VII International Conference of the Study Group on Eighteenth-Century Russia* (2007), S. 357–369.

RENNER, ANDREAS, „Wissenschaftstransfer ins Zarenreich des 18. Jahrhundert am Beispiel der Medizingeschichte“, *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, Nr. 53 (2005), S. 64–85.

RENNER, ANDREAS, „Progress through Power? Medical Practitioners in Eighteenth-Century Russia as an Imperial Elite“, *Acta Slavica Iaponica*, Nr. 27 (2009), S. 29–54.

RENNER, ANDREAS, „Wissenstransfer auf dem Prüfstand. Europäische Mediziner im Kampf gegen die Pest von Moskau 1771“, *Berichte zur Wissenschaftsgeschichte*, Nr. 29 (2006), S. 191–204.

RENNER, ANDREAS, „Medizinische Aufklärung und die „Zivilisierung“ Russlands im 18. Jahrhundert“, *Zeitschrift für Historische Forschung*, Nr. 34 (2007), S. 33–65.

RENNER, ANDREAS, „Russland. Die Autokratie der Aufklärung“, in: KRAUS, ALEXANDER, RENNER, ANDREAS (Hg.), *Orte eigener Vernunft. Die europäische Aufklärung jenseits der Zentren* (2008), S. 125–142.

RENNER, ANDREAS, *Russische Autokratie und Europäische Medizin. Organisierter Wissenstransfer im 18. Jahrhundert* (Stuttgart 2010).

RENNER, ANDREAS, "Western Charlatans in Eighteenth-Century Russia", *East Central Europe*, Nr. 40 (2013), S. 245–267.

ROBEL, GERT, „Kärner der Aufklärung. Hauslehrer im Russland des 18. Jahrhunderts“, in: LEHMANN-CARLI, GABRIELA, SCHIPPAN, MICHAEL (Hg.), *Russische Aufklärungsrezeption im Kontext offizieller Bildungskonzepte (1700–1825)* (2001), S. 325–343.

SCHARF, CLAUS, „Aufklärung von „oben“. Das Russische Reich“, in: HARDTWIG, WOLFGANG (Hg.), *Aufklärung und ihre Weltwirkung* (2010), S. 169–202.

SCHIERLE, INGRID, „Sich sowohl in verschiedenen Wissensgebieten als auch in der Landessprache verbessern“. Übersetzungen im Zeitalter Katharinas II.“, in: LEHMANN-CARLI, GABRIELA, SCHIPPAN, MICHAEL (Hg.), *Russische Aufklärungsrezeption im Kontext offizieller Bildungskonzepte (1700–1825)* (2001), S. 627–642.

SCHIERLE, INGRID, „Russisch-württembergische Beziehungen in Bildung und Forschung“, in: VAN RIJN, MAAIKE (Hg.), *Im Glanz der Zaren. Die Romanows, Württemberg und Europa, Ausstellungskatalog* (2013), S. 99–101.

SCHIPPAN, MICHAEL, *Die Aufklärung in Russland im 18. Jahrhundert* (Wolfenbüttel 2012).

SCHIPPAN, MICHAEL, „Denis Diderot und Katharina die Große. Wissenschaften und Künste zur »Zivilisierung« Russlands?“, in: MÜLLER, VOLKER (Hg.), *Der Zusammenhang der Wissenschaften und Künste. Diderot und die Aufklärung* (2014), S. 91–114.

SMAGINA GALINA I., „Bildungspolitik Katharinas II.“, in: LEHMANN-CARLI, GABRIELA, SCHIPPAN, MICHAEL (Hg.), *Russische Aufklärungsrezeption im Kontext offizieller Bildungskonzepte 1700–1825* (2001), S. 125–132.

SMAGINA, GALINA, „Die Schulreform Katharinas II.: Idee und Realisierung“, in: SCHARF, CLAUS (Hg.), *Katharina II., Russland und Europa. Beiträge zur internationalen Forschung* (2001), S. 479–503.

6. URBAN HISTORY

A subject area directly related to the reception of the early and late Enlightenment in the Tsarist Empire is urban history, which has been vibrant since recent times. Jan Kusber has presented an epoch-spanning account of Russia's most prominent 18th-century city foundation, St. Petersburg. Following this model city designed on the drawing board, the Tsarist Empire had many planned cities created, preferably when they were to serve the imperial development of newly appropriated territories.

Against this background, a number of German-language contributions have greatly enriched Russian urban history of the 18th century with aspects of Enlightenment, technological, medical, and imperial history.

HOFMEISTER, ULRICH, „Planstädte im Zeitalter der Aufklärung – ein Forschungsfeld“, *Zeitschrift für Weltgeschichte – Interdisziplinäre Perspektiven*, Nr. 20/H. 1 (2019), S. 23–38.

KUSBER, JAN, „St. Petersburg im 18. Jahrhundert: Russlands Fenster nach Europa“, *Damals, Magazin für Geschichte und Kultur*, 6/2003, S. 22–27.

KUSBER, JAN, *Kleine Geschichte St. Petersburgs* (Regensburg 2009).

KUSBER, JAN, „Raum, Funktion und Repräsentation. Metamorphosen der Macht im Moskau und St. Petersburg der Frühen Neuzeit“, in: ANANIEVA, ANNA, BAUER, ALEXANDER, LEIS, DANIEL, MORLANG-SCHARDON, BETTINA, STEYER, KRISTINA (Hg.), *Räume der Macht. Metamorphosen von Stadt und Garten im Europa der Frühen Neuzeit* (2013), S. 117–140.

LINDNER, REINER, „Die Stadt als Symbol. Ekaterinoslav und die imperiale Integration Neuruslands im 18. Und 19. Jahrhundert“, in: PIETROW-ENNKER, BIANKA (Hg.), *Kultur in der Geschichte Russlands. Räume, Medien, Identitäten, Lebenswelten* (2007), S. 224–243.

RENNER, ANDREAS, „Von Moskau nach Petersburg – von Kioto nach Tokio. Wege und Ziele von Modernisierung im Petrinischen Russland und in Meiji-Japan“, in: HAUSMANN, GUIDO, RUSTEMEYER, ANGELA (Hg.), *Imperienvergleich. Beispiele und Ansätze aus osteuropäischer Perspektive, Festschrift für Andreas Kappeler* (2009), S. 445–464.

RUSTEMEYER, ANGELA, „Autokraten und Miasmen. Zur Geschichte der Petersburger Krankenhäuser (1760–1860)“, in: CREUZBERGER, STEFAN, KAISER, MARIA, MANNTEUFEL, INGO, UNSER, JUTTA (Hg.), *St. Petersburg – Leningrad – St. Petersburg. Eine Stadt im Spiegel der Zeit* (2000), S. 82–91.

7. HISTORY OF CULTURE, COMMUNICATION, LITERATURE AND MEDIA

The impact on all spheres of Russian culture of the increased reception of Western influences since the accession of Peter I to power stimulated numerous researches. Anna Ananieva shows that Russian garden art in the 18th century can only be understood against the background of a pan-European contextualization. Felix Philipp Ingold considers most of Russian culture to be an imitation. In his research on cultural history, he posits

that in the Russian self-image, originality is less important than in Western Europe. What is more important, he argues, is to take care in assimilating the foreign into one's own, to transform it productively and to bring it to a new, unique synthesis. Russia seems to have succeeded in this in its mental appropriation of the areas around the Volga River, which were initially predominantly inhabited by Turkic-speaking peoples: Guido Hausmann's source-saturated study traces how the Volga was able to rise over several centuries to become an identity-forming but also complex site of memory for several ethnic groups of the Tsarist Empire at once.

In his monograph, Roland Cvetkovski examined the appropriation of space in the Tsarist Empire through mobility and acceleration. Looking, among other things, at the structure of the postal system, he makes clear that it was not the absolutely measurable time, but the duration of the postal route, experienced as subjective, that became decisive for the experience of space.

ANANIEVA, ANNA, *Russisch Grün. Eine Kulturpoetik des Gartens im Russland des langen 18. Jahrhunderts* (Bielefeld 2010).

BEREZHNAJA, LILIYA: "Imago hostis: Friends and Foes in Ruthenian and Russian Printmaking (Mid-Seventeenth–Beginning of the Eighteenth Centuries)", in: SERHII, PLOKHY (Hg.), *Poltava 1709. The Battle and The Myth* (2012), S. 309–354.

BLOME, ASTRID, „Die Zeitung als historische Quelle. Ein Beispiel aus dem petrinischen Rußland“, in: BLOME, ASTRID (Hg.), *Zeitung, Zeitschrift, Intelligenzblatt und Kalender. Beiträge zur historischen Presseforschung* (2000), S. 161–176.

BLOME, ASTRID, *Von der „Civilisirung“ Rußlands und dem „Aufblühen“ Nordamerikas im 18. Jahrhundert. Leitmotive der Aufklärung am Beispiel deutscher Rußland- und Amerikabilder* (Bremen 2002).

BLOME, ASTRID, „Die Zeitungen sind der Grund, die Anweisungen und Richtschnur aller Klugheit ... Zu den Grundlagen der Rußlandhistoriographie im 17. und 18. Jahrhundert“, in: DAHLMANN, DITTMAR (Hg.), *Die Kenntnis Rußlands im deutschsprachigen Raum im 18. Jahrhundert. Wissenschaft und Publizistik über das Russische Reich* (2006), S. 25–42.

BROHM, SILKE, „Ein Herrscher und sein Hofdichter. Simeon Polockijs Beitrag zum Beitrag des russischen Hoftheaters unter Aleksej Michajlovič“, in: LEHMANN-CARLI, GABRIELA, SCHIPPAN, MICHAEL, SCHOLZ, BIRGIT (Hg.), *Russische Aufklärungsrezeption im Kontext offizieller Bildungskonzepte (1700–1825)* (2001), S. 427–439.

CVETKOVSKI, ROLAND, *Modernisierung durch Beschleunigung, Raum und Mobilität im Zarenreich* (Frankfurt a.M. 2006).

HAUSMANN, GUIDO, *Mütterchen Wolga, Ein Fluss als Erinnerungsort vom 16. bis ins frühe 20. Jahrhundert* (Frankfurt/New York 2009).

INGOLD, FELIX PHILIPP, *Die Faszination der Fremden, Eine andere Kulturgeschichte Russlands* (München 2009).

JOBST, KERSTIN, „Die Taurische Reise von 1787 als Beginn der Mythisierung der Krim. Bemerkungen zum europäischen Krim-Diskurs des 18. und 19. Jahrhunderts“, *Archiv für Kulturgeschichte*, Nr. 83 (2001), S. 121–144.

KLEIN, JOACHIM, *Russische Literatur im 18. Jahrhundert* (Köln/Weimar/Wien) 2008.

KUSBER, JAN, „Beschleunigung, Bruch und Dauer. Die Veränderung der Zeiten im Russland Peters I.“, in: LANDWEHR, ACHIM (Hg.), *Frühe neue Zeiten. Zeitwissen zwischen Reformation und Revolution* (2012), S. 179–197.

LAUER, REINHARD, *Geschichte der russischen Literatur, von 1700 bis zur Gegenwart* (München 2009).

LEHMANN-CARLI, GABRIELA, BROHM, SILKE, PREUSS, HILMAR, „Zensur in Rußland (2. Hälfte des 18. – Beginn des 19. Jahrhunderts), Desiderata und Neuansätze“, in: DONNERT, ERICH (Hg.), *Europa in der Frühen Neuzeit, Festschrift für Günter Mühlpfordt Bd. 6* (2002), S. 739–773.

MAKHOTINA, KATJA, „Melancholija prichodit v Rossiju. Monastyri kak dolgauzy v Rossii v 18 veke“, *Vivliofika: E-Journal of Eighteenth-Century Russian Studies*, Nr. 7 (2019), S. 21–46.

SACH, MAIKE, „»...setzen Sie sich und erzählen Sie!« Russische Salonkultur und russische Salonnières seit der Zeit Katharinas II. bis in die erste Hälfte des 19. Jahrhunderts“, in: LUNDT, BEA (Hg.), *Aufsätze zum Schwerpunkt: Historische Geschlechterforschung* (2007), S. 83–104.

SCHARF, CLAUDIUS, „Katharina die Große, ihr Hof und die Musik“, *Die Tonkunst*, Nr.7/H. 1 (2013), S. 6–16.

SCHIERLE, INGRID, „Vom Nationalstolze: Zur russischen Rezeption und Übersetzung der Nationalgeistdebatte im 18. Jahrhundert“, *Zeitschrift für slavische Philologie*, Nr. 64 (2005/2006), S. 63–85.

SCHIERLE, INGRID, „Učenie o duče i karaktere narodov v ruskoj kul'ture XVIII v.“, in: A. V. DORONIN (Hg.), „*Vvodja nrawy i obyčai Evropejskie v Evropejskom narode*“. *K probleme adaptacii zapadnich idej i praktik v Rossijskoj imperii* (2008), S. 119–137.

SCHIERLE, INGRID, „Patriotism and Emotions: Love of the Fatherland in Catherinian Russia“, *Ab Imperio*, 3/2009, S. 65–93.

SCHUTZE WESSEL, MARTIN, „Zum Okzidentverständnis der russischen

Staatselite und des russischen Adels in der Zeit Peters I.“, in: DIETRICH, UTE, WINKLER, MARTINA (Hg.), *Okzidentbilder, Konstruktionen und Wahrnehmungen* (2000), S. 53–67.

STADELBAUER, JÖRG, „Zur Kulturgeschichte Sibiriens und Russisch-Asiens“, in: HAUSER-SCHÄUBLIN, BRIGITTE, KRÜGER, GUNDOLF (Hg.), *Sibirien und Russisch-Amerika. Kultur und Kunst des 18. Jahrhunderts, Die Sammlungen von Asch, Göttingen* (2007), S. 60–81.

8. GENDER HISTORY; RELIGIOUS STUDIES; SOCIAL, SOCIOECONOMIC AND STRUCTURAL HISTORY

Compared to other topics of historiography, the amount of research in German historiography of the last two decades on topics of gender and religious history is rather meager. In both fields, there is much potential for the future. Wolfram von Scheliha's monograph deals with the special structure of the relations of the tsar on the one hand and the Moscow Patriarch on the other hand with the Orthodox universal church and explores their effects on the resolution of inner-Russian conflicts between state and church.

Gender History

BAUER, ALEXANDER, „»Ich hatte damals den Einfall, mir in Oranienbaum einen Garten anzulegen.« Oranienbaum–Katharinas II. Ästhetisierung weiblicher Herrschaft“, in: BRAUN, BETTINA, KUSBER, JAN, SCHNETTGER, MATTHIAS (Hg.), *Weibliche Herrschaft im 18. Jahrhundert. Maria Theresia und Katharina die Große* (2020), S. 343–374.

JOBST, KERSTIN, „Übrigens lassen sich hier nur selten Weiber sehen“. Die Darstellung der Geschlechterverhältnisse in Reiseberichten über die Krim (18.-20. Jahrhundert)“, in: BRÜGGEMANN, KARSTEN, BOHN, THOMAS M., MAIER, KONRAD (Hg.), *Kollektivität und Individualität. Der Mensch im östlichen Europa. Festschrift für Prof. Dr. Angermann zum 65. Geburtstag* (2001), S. 212–223.

MAKHOTINA, EKATERINA, „Liebe, Leidenschaft und (T)Reue: Familiäre Konflikte im Russland des 18. Jahrhunderts im Spiegel von Bittschriften“, *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas* 69 (2021), H. 1, S. 67–101.

WINKLER, MARTINA, „Frauen, Männer, Eigentum: Russland, 17.-19. Jahrhundert“, *Eigentumskulturen und Geschlecht in der Frühen Neuzeit, Comparativ*, Nr. 15/H. 4 (2005), S. 72–84.

Religious History

BUCHER, GUDRUN, „Wahrnehmung und Beschreibung des Schamanismus durch Gelehrte des 18. Jahrhunderts“, in: STOLBERG, EVA (Hg.), *Sibirische Völker, Transkulturelle Beziehungen und Identitäten in Nordasien* (2007), S. 104–134.

MAKHOTINA, EKATERINA, „Klosterhaft als Sozialdisziplinierung? Russische Klöster der Frühen Neuzeit als Räume des Strafens, der sozialen Fürsorge und der ‚Korrektur der Seele‘“, in: ORDUBADI, DIANA, DAHLMANN, DITTMAR (Hg.), *Die ‚Alleinherrschaft‘ der russischen Zaren in der ‚Zeit der Wirren‘ in transkultureller Perspektive* (2020), S. 207–234.

SCHELIHA, WOLFRAM VON, *Russland und die orthodoxe Kirche in der Patriarchatsperiode 1589–1721* (Wiesbaden 2004).

SCHIERLE, INGRID, “Protestantism in Russia During the Eighteenth and Early Nineteenth Centuries, Introductory Remarks”, *Viviliofika, E-Journal of Eighteenth-Century Russian Studies*, Nr. 5 (2017), S. 2–4.

SCHMIDT, CHRISTOPH, „Die Kirche des Ivan Annenkov, Adelige Frömmigkeit und Säkularisierungsvermutungen in der russischen Provinz 1745–1766“, in: HERZBERG, JULIA, SCHMIDT, CHRISTOPH (Hg.), *Vom Wir zum Ich. Individuum und Autobiographik im Zarenreich* (2007), S. 95–108.

Social, Socioeconomic and Structural History

Social history works have also been scarcely written since the turn of the millennium due to the dominance of cultural history. Martin Aust's refined study of aristocratic land disputes can be counted among them. On economic history, not a single monograph has been produced demonstrating a major gap in research.

Out of the ordinary and therefore even more impressive and perceptive are the works of Carsten Goehrke, who on the one hand, with a history of everyday life, masterfully brings the 18th century to life before the mind's eye in one of his nine time pictures. On the other hand, he works out within his epoch-spanning structural history that even actors such as Peter I could only condense and accelerate structurally laid-out processes but were not able to lead the Tsarist Empire out of the established structural fabric.

AUST, MARTIN, “Das Nachbarschaftsverhältnis der Adligen von der vorpetrinischen bis in die katharinäische Epoche – Ein Beitrag zur Frage nach

sozialer Disziplinierung und dem Prozess der Zivilisation in der Geschichte Russlands”, *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte*, Nr. 58 (2001), S. 121–133.

AUST, MARTIN, *Adlige Landstreitigkeiten in Russland. Eine Studie zum Wandel der Nachbarschafts-verhältnisse 1676–1796*, *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte* Bd. 60, (Wiesbaden 2003).

AUST, MARTIN, „Justiznutzung Moskauer Adliger im katharinäischen Zeitalter. Das Konfliktverhalten adliger Nachbarn bei Landstreitigkeiten in Russland 1762–1796”, *Zeitschrift für historische Forschung*, Nr. 31 (2004), S. 73–92.

AUST, MARTIN, „Vermessen und Abbilden des russländischen Raumes nach der kulturellen Revolution Peters des Großen“, in: BEHRISCH, LARS (Hg.), *Vermessen, Zählen, Berechnen. Die politische Ordnung des Raumes im 18. Jahrhundert* (2006), S. 27–44.

GOEHRKE, CARSTEN, *Russischer Alltag. Eine Geschichte in neun Zeitbildern, Bd. 2: Russland auf dem Weg in die Moderne* (Zürich 2003).

GOEHRKE, CARSTEN, *Russland, eine Strukturgeschichte* (Padaborn/München/Wien/Zürich 2010).

HÄFNER, LUTZ, „Ehrensache“: Das Duell in Rußland (18.-20. Jahrhundert)“, in: PIETROW-ENNKER, BIANKA (Hg.), *Kultur in der Geschichte Rußlands und der Sowjetunion: Räume, Medien, Identitäten, Lebenswelten* (2007), S. 165–183.

BARTLETT, ROGER P., „Die Rationalität der Leibeigenschaft in Russland in der Regierungszeit Katharinas II.“, in: SCHARF, CLAUS (Hg.), *Katharina II., Russland und Europa, Beiträge zur Internationalen Forschung* (2001), S. 403–419.

KUSBER, JAN: „Ein schwerer Boden für Reformen: Handel, Gewerbe und Landwirtschaft unter Katharina II.“, *Damals, Magazin für Geschichte und Kultur*, 10/2006, S. 22–27.

SCHIERLE, INGRID, „Koncepty social'nogo porjadka v propovedjach vtoroj poloviny XVIII veka“, in: WAEGEMANS, EMMANUEL, VAN KONINGSBRUGGE, HANS, LEVITT, MARCUS C., LJUSTROV, MIKHAIL (Hg.), „A Century Mad and Wise“. *Russia in the Age of the Enlightenment: Papers from the IX. International Conference of the Study Group on Eighteenth-Century Russia*, Leuven, 2014 (2015), S. 325–336.

WITZENRATH, CHRISTOPH, „Slavery in Medieval and Early Modern Eurasia: An Overview of the Russian and Ottoman Empires and Central Asia.“, in: WITZENRATH, CHRISTOPH (Hg.), *Eurasian Slavery, Ransom and Abolition in World History, 1500–1860* (2015), S. 1–80.

9. BIOGRAPHICAL APPROACHES

In contrast to Goehrke's structural history, in the biographical studies presented here the individual forms the starting point for historical representation. As a result of the cultural-historical penetration of biographical research, however, the focus is less on the stations in the lives of the protagonists and more on their worlds of interpretation and imagination, as has been achieved particularly impressively in the recently presented study by Jan Kusber on Catherine II.

Tsar Ivan VI

JENA, DETLEF, *Zar Iwan VI. Der Gefangene von Schlüsselburg* (München 2004).

Burchard Christoph von Münnich

BERG, BRIGITTA, *Burchard Christoph Münnich. Die Beurteilung, Darstellung und Wirkung seines Wirkens in Rußland in der deutschen und russischen Historiographie. Der Versuch einer Perspektivenuntersuchung* (Oldenburg 2001).

BERG, BRIGITTA, *Burchard Christoph Reichsgraf von Münnich (1683–1767). Ein Oldenburger in Zarendiensten* (Oldenburg 2011).

Tsar Peter III

PALMER, ELENA, *Peter III. Der Prinz von Holstein* (Erfurt 2005).

Tsarina Catherine II

CHERNOVA, ALINA, *Mémoires und Mon Histoire. Zarin Katharina die Große und Fürstin Katharina R. Daškova in ihren Autobiographien* (Berlin 2007).

CRONIN, VINCENT, *Katharina die Große. Biographie* (München 2002).

KUSBER, JAN, „Katharina II. und ihre Favoriten in den Eliten des Russischen Reiches“, in: BRAUN, BETTINA, KUSBER, JAN, SCHNETTGER, MATTHIAS (Hg.), *Weibliche Herrschaft im 18. Jahrhundert. Maria Theresia und Katharina die Große* (2020), S. 147–166.

KUSBER, JAN, *Katharina die Große. Legitimation durch Reform und Expansion* (Stuttgart 2021).

MONTEFIORE, SIMON SEBAG, *Katharina die Große und Fürst Potemkin: Eine kaiserliche Affäre* (Frankfurt am Main 2009).

SCHARF, CLAUS, „Alte und neue Erkenntnisse zu den Staatszielen Katharinas II.“, in: BRAUN, BETTINA, KUSBER, JAN, SCHNETTGER, MATTHIAS (Hg.), *Weibliche*

Herrschaft im 18. Jahrhundert. Maria Theresia und Katharina die Große (2020), S. 211–242.

10. HISTORY OF CONCEPTS (BEGRIFFSGESCHICHTE)

If at the beginning, specific features of German historiography on the Russian empire's eighteenth century were mentioned, one of them is definitely the *Begriffsgeschichte* (history of concepts) referring to the ideas of its founder Reinhart Koselleck. Ingrid Schierle in particular has presented brilliant studies on the contemporary understanding of central political concepts of the Russian 18th century.

SCHIERLE, INGRID, „Zur politisch-sozialen Begriffssprache der Regierung Katharinas II. Gesellschaft und Gesellschaften: „obščestvo“, in: SCHARF, CLAUS (Hg.), *Katharina II., Russland und Europa. Beiträge zur internationalen Forschung* (2001), S. 275–306.

SCHIERLE, INGRID, „Otečestvo“ - Der russische Vaterlandsbegriff im 18. Jahrhundert“, in: PIETROW-ENNKER, BIANKA (Hg.), *Kultur in der Geschichte Russlands. Räume, Medien, Identitäten, Lebenswelten* (2007), S. 143–162.

SCHIERLE, INGRID, „For the Benefit and Glory of the Fatherland“: The Concept of Otečestvo“, in: BARTLETT, ROGER P., LEHMANN-CARLI, GABRIELA (Hg.), *Eighteenth-Century Russia. Society, Culture, Economy. Papers from the VII International Conference of the Study Group on Eighteenth-Century Russia* (2007), S. 283–295.

SCHIERLE, INGRID, „Semantiken des Politischen im Russland des 18. Jahrhunderts“, in: STEINMETZ, WILLIBALD (Hg.), „Politik“. *Situationen eines Wortgebrauchs im Europa der Neuzeit* (2007), S. 226–247.

SCHIERLE, INGRID: „Syn otečestva“. „Der wahre Patriot“, in: THIERGEN, PETER (Hg.), *Russische Begriffsgeschichte der Neuzeit. Beiträge zu einem Forschungsdesiderat* (2006), S. 347–367.

SCHIERLE, INGRID, „Ponjatije „Rossija“ v političeskoj kul'ture XVIII veka“, in: KAGARLICKIJ, JU. V., ŽIVOV, VIKTOR M. (Hg.), *Évoljucija ponjatij v svete istorii ruskoj kul'tury* (2012), S. 207–232.

SCHIERLE, INGRID, „Tretij čin ili srednij rod: istorija poiska ponjatija i slov v XVIII veke“, in: SCHIERLE, INGRID, MILLER, ALEXEI, SDVIŽKOV, DENIS (Hg.), „Ponjatija o Rossii“. *K istoričeskoj semantike imperskogo perioda* (2012), S. 225–248.

SCHIERLE, INGRID, „Ponjatie političeskogo v Rossii XVIII v.“, *Vestnik Moskovskogo universiteta*, Nr. 12/H. 2 (2018), S. 7–33.

SCHIERLE, INGRID, „Ponjatija „narod“ i „nacija“ v russkich perevodach vtoroj poloviny XVIII veka“, in: S. V. POL'SKOJ, V. S. RŽEUCKIJ (Hg.), *Laboratorija ponjatij. Perevod i jazyki politiki v Rossii 18 veka. Kollektivnaja monografija* (2022), S. 104-135.

VULPIUS, RICARDA, „K semantike ‚imperii‘ v Rossii XVIII veka: ponjatijnoe pole „civilizacii““, in: MILLER ALEXEJ, SDVIŽKOV DENIS, SCHIERLE INGRID (Hg.), *Ponjatija o Rossii“. K istoričeskoj semantike imperskogo perioda, Bd1 – 2, hier Bd. 2: Nacija i Imperija, Organizacija, Prostranstva* (2012), S. 50–70.

WINKLER, MARTINA, „Mein Besitz, Landgut, Erbland, Dorf oder wie auch immer Du es nennen möchtest“. Eine russische Begriffsgeschichte des Eigentums“, *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, Nr. 60/H. 3 (2012), S. 321–349.

ЯНЬХУН ЦЗЯН, ЦЗУНХУА ЧЖАН, НИ ВЭНЬ

**РУССКИЕ ДВОРЯНЕ-ЭМИГРАНТЫ
НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ КИТАЯ (САР СИНЬЦЗЯН И ПРОВИНЦИЯ
ГАНЬСУ) ПОСЛЕ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ¹**

**RUSSIAN NOBLE EMIGRANTS
IN THE NORTH-WEST OF CHINA (XINJIANG SAR AND
GANSU PROVINCE) AFTER THE OCTOBER REVOLUTION**

Due to its special geographical location, China's northwestern border has always been a place where different powers have clashed. In the 19th century, the tsarist government took advantage of the ethnic problems that existed at that time and forced the ethnic minorities living in the border regions of Xinjiang to change their citizenship to Russian. After the October Revolution, Russian emigrants, among whom were many nobles, fled to the SAR of Xinjiang and the province of Gansu, where, having joined the naturalized army, they became representatives of naturalized ethnic groups. However, with the full penetration of the Soviet government, the role of these immigrants in the modern political, economic and cultural life of the Northwest region of China became more complicated and limited.

Keywords: Russian noble emigrants, October Revolution, Xinjiang, Gansu

Yanhong Jiang – Doctor of Humanities, Professor, School of Foreign Languages, Soochow University. E-mail: jyhwxx@163.com

Zonghua Zhang – Doctor of History, Professor, School of Social Development and Public Administration, Suzhou University of Science and Technology. E-mail: zhangzh_0518@163.com

Ni Wen – Doctoral student of Hankuk University of Foreign Studies, Department of International Politics. E-mail: 325826@qq.com

1 *Citation: YANHONG JIANG, ZONGHUA ZHANG, NI WEN, “Russkie dvoriane-emigranty na severo-zapade Kitaia (SAR Xinjiang i provintsii Gansu) posle Oktiabrskoi Revoliutsii” [Russian Noble Emigrants in the North-West of China (Xinjiang SAR and Gansu Province) After the October Revolution], *RussianStudiesHu* 5, no. 1 (2023): 189–212. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2023.5.8*

РУССКИЕ ДВОРЯНЕ-ЭМИГРАНТЫ В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ РЕГИОНЕ КИТАЯ

Правление Ян Цзэнсиня

После Октябрьской революции военная эмиграция из России, в которой в основном участвовали дворяне, проходила по четырём путям². На Северо-Западе было зафиксировано три волны эмигрантов: в январе и мае 1920 г. более 5 400 солдат во главе с Б. В. Анненковым и А. И. Дутовым³ и более 2 000 русских беженцев бежали в Илийский край, Синьцзян; в марте 1920 г. более 11 000 солдат из разбитых войск под предводительством А. С. Бакича и более 6 000 беженцев бежали в синьцзянский округ Чугучак; и в мае 1921 г. ещё более 2 000 человек из разгромленной Белой армии прибыли в уезд Дурбульдзин (кит. Эмин), округ Чугучак Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая⁴.

-
- 2 1-й путь — они бежали на север, в Финляндию и в два арктических порта России Мурманск и Архангельск; 2-й — на юг, через Украину и Крым они добирались до Турции и Балканов; 3-й — на запад, в страны Балтии, Польшу, Чехословакию, Германию и Францию; 4-й — на восток, на Дальний Восток через Сибирь прибыли около 520 000 человек, половина из которых поселилась в трёх Северо-Восточных провинциях Китая. Остальные беженцы продолжили путь до Пекина, Тяньцзиня, Циндао, Синьцзяна, Шанхая и других регионов Китая. Некоторые мигрировали в Северную Корею и Японию. Часть отправилась в Канаду (около 40 000 человек), США (около 20.000 человек), Южную Америку (около 3 000 человек) и Австралию (около 1.700 человек). Юншэн Сюэ, Лайсин Хань, «Исследование русских беженцев», *Научный вестник Хэйхэ*, по. 5–6 (1997): 138. (на кит. яз.)
 - 3 С. В. Смирнов считает, что глава казаков А. И. Дутов эвакуировал 1.814 офицеров и военнослужащих, 8 039 солдат и казаков, 785 семей военнослужащих и около 5 000 гражданских беженцев из Оренбургской и Уфимской областей. С. В. Смирнов, *Русская военная эмиграция в Китае (1920-конец–1940-х гг.)* (Екатеринбург, 2018), 61.
 - 4 В «Краткой истории Синьцзяна» говорится, что «после гражданской войны в России по меньшей мере 30 000–40 000 разбитых белогвардейцев и беженцев бежали в Синьцзян и скитались два-три года». Солдаты Белой армии попадали на территорию Синьцзяна в основном через Илийский край, города Чугучак и Кашгар. Через Или в Синьцзян пришли войска Б. В. Анненкова, их было от 3 000 до 4 000 человек. Войско генерала А. С. Бакича, в котором было около 11 000 человек, вошло через Чугучак, а бежавшие в Синьцзян через Кашгар сдались Советскому Союзу, и все вернулись на родину. В мае 1920 года советское правительство в Ташкенте объявило об амнистии белогвардейцам. После переговоров с властями Илийского края и города Чугучак репатриировал 4 529 человек в Советский Союз, среди которых было 150 офицеров, но в городе по-прежнему оставаилось 5 716 белогвардейцев. Илийский край репатриировал более 3 780 человек в Советский Союз, оставив на своей территории более 1 170 человек. Многие беженцы сами один за другим верну-

Солдаты и простые граждане бежали в Синьцзян нескончаемым потоком. Большинство из них потеряло крышу над головой. «У командиров военного отряда было очень мало денег и пропитания. Неопределенное будущее заставило многих людей вернуться в свою страну. Большевицкие агитаторы, проникшие в лагерь беженцев, сыграли определённую роль в распаде лагеря беженцев».⁵ В 1921 году Бакич вместе с войском из тысячи человек прибыли на Алтай через город Чугучак, и, чтобы прокормиться и выжить, солдаты обменивали оружие на еду и одежду.⁶ Российские консулы, находившиеся в то время в городах Урумчи, Чугучак и Кашгар и Илийском и Алтайском округах Синьцзяна, активно пытались им помочь.

Ян Цзэнсинь⁷ во время своего нахождения в Синьцзяне (1912–1928 гг.) управлял Синьцзяном как независимым «королевством», которое всё же входило в состав Китайской Республики. Тогда власти Синьцзяна находились в затруднительном финансовом положении, поэтому Синьцзян придерживался «нейтральной политики» и «невмешательства» в гражданскую войну России.⁸ В 1920 году Б. В. Анненков повел свои войска в Или. Ян Цзэнсинь и стражник в Или Ян Фэйся вместе спланировали использовать международное публичное право для разоружения армий А. С. Бакича, Б. В. Анненкова.

18 октября 1920 года Ян Цзэнсинь выделил более 200 солдат и пять партиями переправил отряд Б. В. Анненкова в Цитай. Перед отъездом в Цитай Б. В. Анненков связался с оставшимися в Или и в Чугучаке солдатами отрядов А. И. Дутова и А. С. Бакича, готовясь во Внешней Монголии объединиться с Белой армией и контратаковать советскую

лись на родину. Суммируя данные двух источников, число белогвардейцев из разбитых отрядов, прибывших в Синьцзян, составило около 15 000 человек, а после репатриации в Синьцзяне осталось около 7 000 человек. Вэнь Ян, *Русские в Синьцзяне Китайской Республики*. Магистерская диссертация по истории Синьцзянского университета (2007), 5. (на кит. яз.)

5 С. В. Смирнов, *Русская военная эмиграция в Китае*, 61.

6 Данцзюнь Ду, Вэйси Ду, «Формирование и историческое влияние натурализованной армии Синьцзяна в Китайской Республике», *Вестник Кашгарского педагогического института*, no. 3 (2003): 42. (на кит. яз.)

7 В первые годы существования Китайской Республики некоторые люди называли Ян Цзэнсиня и первого президента Китайской Республики Юань Шикая «двумя владыками Востока и Запада». Шэнминь Ян, «Мысли и меры Ян Цзэнсиня по управлению Синьцзяном», *Исследования по истории и географии приграничных территорий Китая*, no. 4 (2018): 2. (на кит. яз.)

8 Фэнлэй Мэн, «Ян Цзэнсинь и инцидент побега русских без гражданства из Синьцзяна», *Мир Ланьтай*, no. 20 (2016): 127. (на кит. яз.)

Красную Армию. В ноябре Анненков тайно отправил солдат обратно в Россию, перевёз большую партию оружия в Цитай и попытался захватить Цитай. Но Ян Цзэнсинь нанёс упреждающий удар, и Анненкову ничего не оставалось, как сложить оружие. Ян Цзэнсинь получил разрешение от правительства Пекина на то, чтобы расселить часть русских на территории Синьцзяна, а часть временно переселить в Дуньхуан, провинция Ганьсу, о чём удалось договориться с военным губернатором Ганьсу Лу Хунтао после нескольких месяцев переговоров. 11 июня 1921 года, разоружившись, Б. В. Анненков повёл отряд из 469 русских офицеров и солдат, 488 лошадей и 18 повозок в пещеры Могао пещерного храмового комплекса «Пещера тысячи Будд» в Дуньхуане.⁹

Американский археолог Лэнгдон Варнер писал в книге «На долгой древней дороге в Китае»: «Два года назад, будучи преследуемым Красной Армией, небольшое русское подразделение численностью 400 человек оказалось в тупике и отчаянно бежало из Средней Азии. Китайские власти, которые боялись большевиков больше, чем остатков власти старого российского политического режима, отняли у бежавших из России солдат оружие и заточили их в комплексе «Пещера тысячи Будд», а командующих заключили в тюрьме в Урумчи и, чтобы они могли забыть о грязи и ужасной еде и умереть быстро и сравнительно прилично, выдали им большое количество опиума».¹⁰ Солдаты жили и готовили в пещерах, из-за чего многие изысканные фрески закоптились. Они также бессмысленно разрушали статуи и рисовали на фресках, нанеся серьёзный урон великолепным произведениям искусства Дуньхуана. В сентябре 1922 года канцелярия председателя провинции Ганьсу приказала всем российским офицерам и солдатам покинуть Дуньхуан, и через Тяньцзинь и Шанхай они вернулись в Советскую Россию, но часть из них осталась в Ланьчжоу. Примерно два года спустя Б. В. Анненков был сослан в ссылку в село Янчжай поселка Аган городского округа Ланьчжоу провинции Ганьсу. В 1927 году, когда Лю Юйфэнь был главой Националистической армии в Ганьсу, он получил ещё один запрос об экстрадиции. Фэн Юйсян по телефону приказал Лю Юйфэню сопроводить Б. В. Анненкова в Сиань и оттуда экстрадировать в Советский Союз. Советское правительство конвоировало

9 Гэнвэй Лань, «Размещение царских русских офицеров и солдат в уезде Дуньхуан провинции Ганьсу», в *Избранные труды литературы и истории Дуньхуана*. Серия 3. (1995), 184-185. (на кит. яз.)

10 Хуньюань Цзян, «Весь процесс размещения остатков царской русской армии в пещере Могао в Дуньхуане», *Развитие*, no. 3 (2009): 157. (на кит. яз.)

Анненкова в Семипалатинск (ныне Семей, Казахстан) и приговорило там к смертной казни через расстрел.¹¹

В июне 1918 года российское консульство в Чугучаке сообщило властям Синьцзяна о своей готовности, представляя всех русских эмигрантов в Чугучаке, «сложить оружие и попросить Китай о защите». Во второй половине 1920 года русские, проживавшие в Синьцзяне, начали всё активнее подавать заявления на получение китайского гражданства. Тогда Советская Россия не признала этих русских граждан в Китае. И русские эмигранты, проживавшие в Синьцзяне, стали «апатридами или лицами без гражданства». Правительство Синьцзяна было обеспокоено, что эти российские торговцы могли потребовать защиты от третьей страны, что повлекло бы за собой бесконечные проблемы, поэтому оно решило предоставить русским апатридам, которые владели неким имуществом, китайское гражданство. В 1926 году правительство Синьцзяна начало выдавать гражданам России удостоверения о смене гражданства, в 1927 году всего было выдано около 510 удостоверений.

В марте 1920 года разбитый Красной Армией отряд российского генерала А. С. Бакича бежал в Тачэнг. Власти Тачэнга, чтобы предотвратить беспорядки, расселили российских военных и беженцев. Чтобы помочь российским солдатам пережить зиму, власти Синьцзяна построили для них простые жилища. Около 1 000 офицеров разместились в местных монгольских и казахских племенах и жили вместе со скотоводами. 16 апреля 1920 года власти Синьцзяна переселили их в зону кочевых скотоводов Наньшань в уезде Эминь, более чем в ста километрах к юго-востоку от Тачэнга.

В 1919 году измученный и оголодавший от преследования советской Красной Армией российский генерал И. В. Могутнов отступил к кашгарской пограничной заставе в сторону Кайылкстана. Ян Цзэнсинь приказал военным и политическим властям не вмешиваться во внутренние дела России и разрешил Могутнову пересечь заставу, направив при этом дополнительные войска в Кашгар для усиления защиты города. Оказавшись в тупике, отряд Могутнова сдался Советскому правительству. Но власти Синьцзяна были по-прежнему обеспокоены жизнями более 5 700 военнослужащих во главе с А. С. Бакичем, которые проживали в Тачэнге. 17 мая 1921 года власти Синьцзяна подписали согла-

11 Вэйго Пэн, «Раскрытие тайны исчезновения царской русской армии в Ланьчжоу», *Вечерняя газета Ланьчжоу*, 19 января 2011 г. (на кит. яз.)

шение с командованием Туркестанского фронта о совместных боевых действиях. Ян Цзэнсинь выделил людей, которые направляли Красную Армию на входе в Китай, и предоставил российским солдатам 90 000 кг продовольствия. В августе 1921 года советское правительство провело переговоры с властями Синьцзяна о совместном подавлении отряда Бакича. Благодаря объединению сил и китайской сторон отряд А. С. Бакича был полностью уничтожен в октябре 1921 года.¹²

С учётом всех произошедших событий за 17 лет правления Ян Цзэнсиня политика «сдерживаний и ограничений» в Синьцзяне дала россиянам, которые в то время находились в беде, более спокойную среду обитания. Они жили бок о бок с местным населением, трудились и наслаждались миром. По данным таможенного исследования 1921 года «Иностранцы в Китае», в 1921 году в Синьцзяне работало 1 613 российских магазинов, и проживало 68 250 человек.¹³

Правление Цзинь Шуженя

В 1928 году к власти пришёл Цзинь Шужень, который, по сути, унаследовал систему Ян Цзэнсиня в управлении Синьцзяном, но он изменил толерантное, сострадательное и заботливое отношение Ян Цзэнсиня к русским эмигрантам и усилил контроль над русским населением. Он не только запретил свободную торговлю в некоммерческих местах, но и ограничил территории для проживания русских. 13 августа ново назначенный представитель Министерства иностранных дел в Синьцзяне Чэнь Цишань представил председателю правительства Цзинь Шуженю повторное прошение о запрете советским гражданам заниматься челночной торговлей в деревнях. Этот запрет должен был коснуться русских эмигрантов, беженцев без гражданства, русских, репатриированных вслед за китайскими эмигрантами в качестве членов семей, и детей от смешанных браков.

Ян Цзэнсинь снисходительно относился к предоставлению прав на жительство, уплате налогов, религиозным убеждениям и культурному образованию русских эмигрантов в Синьцзяне. Только в конце 1920-х годов сотни семей и тысячи беженцев подали заявления на получение китайского гражданства. Правительство Цзинь Шуженя требовало,

12 Эрхань Бао, *Синьцзян: пятьдесят лет* (Пекин: Издательство литературных и исторических данных, 1984), 587. (на кит. яз.)

13 Вэнь Ян, «Русские в Синьцзяне Китайской Республики», 10.

чтобы россияне, проживающие в Синьцзяне и не планировавшие получать китайское гражданство, подавали заявления китайскому правительству на получение вида на жительство. Плата за оформление вида на жительство взималась в соответствии с Законом о гражданстве Китайской Республики. По данным из «Записи иностранных дел в Синьцзяне», только в Илийском крае проживало 15 000 русскоговорящих людей.¹⁴ В начале 1920-х годов около 25 000 русских пересекли Синьцзян или остались там в поисках убежища.

Весной 1931 года уйгуры устроили массовый бунт в уезде Хами. После этого военачальник провинции Ганьсу Ма Чжунъин направил войска в Синьцзян, чтобы расширить сферу своего влияния. Цзинь Шужень начал спешно расширять свою армию, чтобы сохранить порядок управления, и согласился принимать русских без гражданства в ряды «натурализованной армии». От лица местного правительства он направил дипломатов Жу Сяочана, Чжао Дэшоу и Кэ Фуцзая для переговоров с главами русских апатридов. Они сформировали натурализованную армию к середине августа.

Летом 1931 года, когда в Синьцзяне было напряженное военное положение, Цзинь Шужень призвал провинциальную и натурализованную армию к действиям. Однако после того, как Урумчи из опасного города превратился во временно безопасный, Цзинь Шужень не награждал выдающихся солдат за оборону города, а вместо этого только стал их подозревать. Он не только оскорблял натурализованную армию, которая сражалась насмерть, но и не выплатил им военное жалованье, которое было обещано. Всё это вызвало сильные возмущения в рядах натурализованной армии. Отчаяние и негодование в конечном итоге привели к мятежу, и Цзинь Шужень, опасаясь за свою жизнь, скрылся.

Национальное правительство в Нанкине изначально придерживалось дальновидной позиции по отношению к Советскому Союзу. В январе 1924 года 1-й съезд Национальной партии (кит. Гоминьдан) установил три основных направления в политике: вступить в союз с СССР и компартией и помощь фермерам и рабочим. Советское правительство было обеспокоено возникновением боевых действий Японии против Китая и согласилось предоставить Китаю посильную экономическую, военную и гуманитарную помощь. 21 августа 1937 года китайское и советское правительства официально подписали Советско-китайский

¹⁴ Бо Дэн, *Русская национальность* (Пекин: Национальное издательство, 1994), 15. (на кит. яз.)

договор о ненападении. Этот договор предоставил советскому правительству реальные правовые основания для предоставления китайскому правительству средств для борьбы с японскими оккупантами и стал отправной точкой в прокладке наземного и воздушного «международного канала помощи» из советского города Алматы через города Или, Дихуа и Хами в Синьцзяне в город Ланьчжоу провинции Ганьсу.

До 1933 года в исторических документах провинции Ганьсу было зафиксировано, что русские были в Ганьсу, но были отправлены обратно в Советский Союз, и практически не было доказательств проживания российских эмигрантов на территории провинции. В 1930-х годах в Советском Союзе произошли стихийные бедствия, было собрано крайне мало урожая, в сельском хозяйстве была проведена коллективизация - всё это вынудило советских граждан бежать в Китай, а затем и в провинцию Ганьсу. В этот период с учётом географического положения провинции Ганьсу, которая располагается на Северо-Западе Китая, в отдалённости от боевых действий и притока российских беженцев из Синьцзяна, число российских эмигрантов значительно росло. Русские в Ганьсу в основном были мелкими ремесленниками, рабочими, мелкими торговцами, миссионерами и медиками и проживали в основном в Ланьчжоу.

Шэн Шицай и правление Гоминьдана

В середине 1930-х годов Советский Союз, оказывая всестороннюю помощь и поддержку режиму Шэн Шицайя, постепенно включил Синьцзян в сферу своего влияния. В период своего правления с 1933 по 1944 года Шэн Шицай часто проявлял нерешимость и менял политическую стратегию в соответствии с возникающими в правлении потребностями. Реализуя первоначальную «просоветскую» и затем «антисоветскую и антикоммунистическую» политику, он прикрывался Гоминьданом, хотя позже и сам хотел выйти из Гоминьдана.

Во время переворота 12 апреля 1927 г. Шэн Шицай вышел на политическую арену в Синьцзяне за счёт своей военной мощи и доверия натурализованной армии к нему. Впоследствии Шэн Шицай, чтобы централизовать командование и облегчить процесс переброски войск, учредил «штаб» натурализованной армии и назначил генерала Н. И. Бектеева, который был сторонником Шэн Шицайя и приверженцем просоветской политики, главнокомандующим. В январе 1934 года Чжан Пэйюань из Илийского края и Ма Чжунъин в административного округа

Хаами одновременно с востока и запада атаковали столицу провинции. Чтобы вытащить свой регион из затруднительного положения, Шэн Шицай обратился к советским властям за помощью, и Советский Союз решил непосредственно вмешаться в дела Синьцзянь. Войдя в Синьцзянь, Красная Армия начала ожесточенное наступление. После поражения Чжан Пэйюань покончил жизнь самоубийством, а Ма Чжунъин укрылся в Советском Союзе. И натурализованная армия избавилась от оков Цзинь Шуженя, попала в руки Шэн Шицай.

К концу лета 1934 года война в Синьцзяне практически закончилась. Шэн Шицай был глубоко обеспокоен тем, что высокий престиж и сильная боевая мощь натурализованной армии приведут к необратимым последствиям, поэтому он приступил к упразднению главного штаба натурализованной армии, реорганизовал три кавалерийских полка и демобилизовал офицеров и солдат. В 1937 году Шэн Шицай арестовал генералов натурализованных отрядов П. П. Паппенгута и др. и генерала-добровольца Чжэн Жуньчэна, предъявив им обвинение в «сотрудничестве с армией Ма Чжунъина и заговоре с целью организации беспорядков». Впоследствии все они были убиты в тюрьме. «Советский Союз согласился, что не было необходимости в роспуске российских мигрантов без гражданства, напротив, их нужно было просто убрать. И офицеры, согласившиеся с позицией советского правительства, выполнили приказ. Генерал П. П. Паппенгут и несколько его офицеров были расстреляны, а отряд российских мигрантов без гражданства перешёл под командование Советского Союза».¹⁵ В 1930-х годах, когда Шэн Шицай был у власти в Синьцзяне, большинство русских, бежавших из Советского Союза в Синьцзян в период с 1917 по 1933 год, не имело советских паспортов. В 1933 году правительство Шэн Шицай выдало им свидетельства о гражданстве и юридически обозначило русских как «местную национальность». В 1934 году в Синьцзяне состоялся первый местный съезд народных представителей, и русские эмигранты присутствовали на собрании в качестве натурализованных людей. В 1935 году 2-й съезд народных представителей принял резолюцию о разделении, титуле и количестве представителей этнических групп в Синьцзяне. На тот момент большинство русских проживало в Илийском, Тачэнском и Алтайском регионах. В конце 1930 годов Шэн Шицай сфабриковал ряд дел и стал использовать террор в Синьцзяне

15 Шу Юань, «Анализ натурализованной армии в Синьцзян во время Китайской Республики», *Исследования западных регионов*, no. 1 (2004): 52. (на кит. яз.)

как инструмент политического управления. Многие китайцы подали заявления о смене гражданства на советское, и число «советских эмигрантов» в Синьцзяне резко увеличилось. В 1944 году в трёх регионах Синьцзяна вспыхнули восстания против гоминьдановского правления, что спровоцировало «пик» подачи заявлений о смене гражданства среди китайских граждан. Около 210 000 жителей Синьцзяна получили советское гражданство и советские сертификаты для проживания за границей».¹⁶

Со времён образования Китайской Республики долгое время Синьцзян находился вне фактического контроля центрального правительства Китая. Во время Второй мировой войны Советскому Союзу срочно понадобилась помощь Китая, чтобы сдержать Японию и стабилизировать восточный фронт. В апреле 1943 года в Синьцзяне разместились гоминьдановские войска, что вызвало недовольство Советского Союза. Соединенные Штаты и Советский Союз начали соревноваться друг с другом в Синьцзяне.

Советский Союз различными способами пытался вернуть эмигрантов, чтобы сократить численность враждебных сил за границей. 10 ноября 1945 года Президиум Верховного Совета СССР издал указ «О восстановлении в гражданстве СССР подданных бывшей Российской империи, а также лиц, утративших советское гражданство, проживающих на территории Маньчжурии»¹⁷, и объявил, что данный указ применим также

16 Шэн Ли, «Исследование вопросов китайско-российского гражданского состояния в Синьцзяне», *Вестник Хэшского педагогического института*, no. 5 (1989): 52. (на кит. яз.)

17 Любой, кто был подданным бывшей Российской империи до ноября 1917 года, советским гражданином, кто потерял советское или российское гражданства и их дети и на момент выхода указа проживал в трёх восточных провинциях Китая, в Синьцзяне, в Шанхае, в Тяньцзине и в других регионах Китая, мог восстановить советское гражданство. Те, кто желал восстановить советское гражданство, должны были заполнить заявление до 1 апреля 1946 года и приложить все необходимые для подтверждения личности документы: паспорт или удостоверение личности, призывная карточка, свидетельства о рождении и браке, аттестат и другие подтверждающие документы. Если у заявителя не было необходимых документов, подтверждающих, что он являлся гражданином Российской Империи или Советского Союза, его личность могло официально подтвердить лицо, уже восстановившее советское гражданство, или знакомый работник консульства. Заявление о восстановлении советского гражданства могло быть подано заявителем в советском консульстве лично, либо отправлено по почте, либо подано третьей стороной. Документы о восстановлении советского гражданства рассматривались специальной комиссией советских консульств под председательством Президиума Верховного Совета СССР от 10 ноября 1945 года и 20 января 1946 года. Чанхун Вэй, Сянлин Чэнь,

к русским, проживающим в Синьцзяне и Шанхае. 8 февраля 1946 года Генеральное консульство СССР в Дихуа попросило зарегистрировать российских граждан в Синьцзяне и восстановить им советское гражданство. Сотрудники консульства сами тайно расклеивали объявления и уговаривали русских получить советское гражданство. Союз советских эмигрантов, основанный в 1946 г. в Илийском крае, ещё называли вторым консульством и открытым шпионским агентством. Постановление советского правительства противоречило нормам международного права и не только, вызвало межэтнические волнения в Синьцзяне, многие русские без гражданства снова стали беженцами.¹⁸

После Второй мировой войны Министерство иностранных дел Китайской Республики приняло более терпимую политику в отношении выбора гражданства русскими. Число граждан Синьцзяна, которых Союз советских эмигрантов угрозами и подкупами вынудил принять советское гражданство, увеличивалось. В 1944 году, когда Советский Союз спровоцировал восстания против ханьского правления Гоминьдана в Илийском крае, городах Тачэнг и Алтай, в различных частях Синьцзяна произошёл ещё один всплеск подачи заявлений о восстановлении советского гражданства. К 24 октября 1945 года более 30 000 уйгуров и казахов, проживавших в районе Дихуа, приняли советское гражданство. В ноябре 1946 года Министерство государственной безопасности Советского Союза сообщило, что в то время в провинции Синьцзян проживало 25 000 русских эмигрантов, что говорит о быстром росте числа советских эмигрантов в Синьцзяне.¹⁹ Сильное влияние Советского Союза в Илийском крае Синьцзяна и большое число советских эмигрантов и Союзов советских эмигрантов в конечном счёте привели к тому, что жители приграничных районов Или и Тачэна в Синьцзяне начали бежать в 1962 году. С середины апреля по конец мая 1962 года из этих районов сбежало порядка 74 570 человек, 61 361 человек из них пересекли границу Советского Союза незаконно.

«О советско-китайских переговорах по поводу советских эмигрантов в Синьцзяне на начальном этапе Второй мировой войны», *Исследования западных регионов*, по. 4 (2000): 41. (на кит. яз.)

18 Линда Бенсон, Ингвар Суонборг, Хай Чэнь (перевод), «Как русские в Синьцзяне эмигрировали в меньшинства», *Синьцзянские сведения социальных наук*, по. 10 (1990): 16.

19 Чанхун Вэй, Сянлин Чэнь, «О советско-китайских переговорах по поводу советских эмигрантов в Синьцзяне на начальном этапе Второй мировой войны», *Исследования западных регионов*, по. 4 (2000): 42. (на кит. яз.)

Согласно данным из китайских архивов о регистрации паспортов, выданных советскими консульствами, количество советских эмигрантов увеличилось до 2 000 человек в 1946 году, до 13 000 в 1947 году и до 40 000 в период с 1948 по 1949 год. Накануне освобождения Синьцзяна от гоминдановской власти число советских эмигрантов и их родственников выросло до 65 000 семей, а их общее число составило более 200 000 человек.²⁰ Британская писательница Линда Бенсон говорила, что 1947 год был чрезвычайно трудным годом для российских апатридов в Синьцзяне, больше чем половине из них удалось получить советские паспорта. В 1948 году Чжан Чжичжун снова приказал регистрировать иностранцев, и гражданство тех, у кого были проблемы с законом и документами, не признавалось. По данным переписи населения Китая 1953 года, по всему Китаю проживало 23 000 этнических русских, из них около 20 000 человек проживали в Синьцзяне²¹. По данным 5-й Всекитайской переписи населения 2000 года, всего в Китае проживало 15 609 этнических русских.²²

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РУССКИХ ДВОРЯН-ЭМИГРАНТОВ НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ КИТАЯ

Ввиду особых внутренних и внешних обстоятельств, в которых жили русские дворяне-эмигранты в Китайской Республике, правительство провинции Синьцзян не вмешивалось в политические и экономиче-

20 Даньхуй Ли, «Историческое исследование инцидента в Или и Тачэне Синьцзяна в 1962 году», *Национальный исторический музей*, 28 января 2018 г. (на кит. яз.)

21 Во время советско-китайских противоречий в 1960-х годах и последующей Культурной революции в Китае российские эмигранты находились под подозрением и подвергались дискриминациям. Некоторым из них было трудно выжить в таких сложных условиях. Через своих родственников они подавали заявления о возвращении в Советский Союз, некоторые мигрировали в Австралию, Канаду и другие страны. В 1964 году в Китае проживало 1 326 русских. В более поздний период китайской Культурной революции их стало ещё меньше. По имеющимся данным, в 1980 году в Китае проживало всего 600 русских. Позже, благодаря реализации государственной преференциальной политики, число российских граждан в Китае постепенно увеличилось. По данным всекитайской переписи населения 1982 года, в стране проживало всего 2 935 этнических русских, 2 662 из которых, что составляет 90,7% от общего числа, жили в Синьцзяне. Яньци Чэнь, «Русские от эмигрантов к этническим меньшинствам в Синьцзяне», *Вестник Синьцзянского университета*, no. 1 (2000): 42. (на кит. яз.)

22 Гэ Тан, «Происхождение русской национальности в Китае», *Сибирские исследования*, no. 6 (2009): 60. (на кит. яз.)

ские аспекты их жизни, но при этом всё строго контролировало. Придерживаясь исторических традиций, русские эмигранты основали Ассоциацию распространения русской культуры, которая проводила различные мероприятия и способствовала развитию их этнической культуры. Однако тяжёлые воспоминания об агрессии царской России, конфликты и споры в борьбе за выживание сказались на жизни русских в Китае, и местное население с пренебрежением называло их «волосатиками» (кит. лаомаоцзы). Русским эмигрантам часто отказывали в работе и чинили всевозможные препятствия; они подвергались дискриминации и повсеместно сталкивались с несправедливым отношением к себе. Им не разрешалось занимать государственные должности. Большинство русских женщин красили стены, работали уборщицами и чернорабочими — находились на низшей ступени общества.

Политическая деятельность

1. Слово «сяньюэ»²³ часто появлялось в документах и очерках о Синьцзяне времён династии Цин. В отношении национальных меньшинств, уйгуров и хуэйцев, применялась система управления «Сяньюэ» или «местного управления». «Сяньюэ» или как её ещё называли «Шантоу» среди этнических русских были своего рода организациями, которые возникли после переселения российских эмигрантов в Синьцзян. Поначалу главы торговцев или местные управленцы избирались из числа влиятельных людей с высоким социальным статусом в своих регионах. К людям с «более высоким социальным статусом и престижем» в основном относились российские дворяне с воинскими званиями, например, генерал-майоры и генерал-лейтенанты, богатые и влиятельные торговцы и высокоэрудированные люди. При Китайской Республике у всех тех, кто избирался на пост главы торговцев или местного управленца,

23 Система «Шантоу» или «Глава торговцев»: россияне, проживающие и занимающиеся торговлей в разных районах Китая, в соответствии с обычаями Средней Азии, выдвигали кандидатуру статусного и уважаемого эмигранта. После одобрения кандидатуры российским консульством, кандидат брал на себя ответственность за защиту интересов местных русских экспатриантов. Таких людей обычно называли аксакалами (в пер. с тюрк. означает белая борода или старейшина, почтенный мужчина); на китайском их называют шантоу (глава торговцев), шаньюэ (главный в торговле) или сяньюэ (местный самоуправленец). Несмотря на то, что в системе «Шантоу» не было договорных установок, и она никогда не была одобрена местными китайскими и синьцзянскими властями, система существовала и реализовывалась в течение достаточно долгого времени.

было такое социальное происхождение. В Списке глав различных натурализованных этнических организаций города Дихуа от 11 октября 1937 г. все сяньюэ имели звание генерал-лейтенанта, исполняющие обязанности сяньюэ тоже имели звание генерал-лейтенанта, управляющие клубами национальных культур имели докторские степени. В Дихуа ещё существовали главные шантоу русских натурализованных групп.

Хотя эти местные главы были исключительно частными лицами, они отвечали за интересы местной русской диаспоры. Опираясь на беспошлинные привилегии российских торговцев и поддержку российского консульства, избранные местные главы часто участвовали в переговорах и встречах по урегулированию дел русской диаспоры, выдавали свидетельства об освобождении от уплаты налогов по кредитам, а некоторые даже помогали российским торговцам получить обратно данные в долг средства. Со временем злоупотребления должностными правами становились все более явными. Шантоу начали пренебрегать суверенитетом китайского правительства и выступали против политики «клиент всегда прав», напрямую вмешиваясь в разбирательства по уголовным и гражданским делам россиян и в споры между россиянами и гражданами Китая. После того, как правительство провинции Синьцзян и местное советско-российское правительство в Центральной Азии подписали Илийское временное торговое соглашение в 1930 году, российские консульства лишились права на юрисдикцию, российские торговцы лишились беспошлинных привилегий, и система «Шантоу» была впоследствии упразднена.

2. Натурализованная армия. Русские эмигранты начали вмешиваться в политические и военные дела Синьцзяна в статусе китайских граждан. Натурализованная армия Синьцзяна, сформированная в начале 1930-х годов, насчитывала более 1.800 офицеров и солдат. Она была непобедима благодаря современному оружию, храбрости и хорошим боевым навыкам солдат. В Илийском краю набрали 1-й полк натурализованной армии, командиром которого стал И. В. Могутнов. Полк состоял из трёх эскадронов, одной батареи и пулемётной роты. Все офицеры нижнего звена были русскими без китайского гражданства. В полку служило более 500 офицеров и солдат. По технике и военной подготовке полк можно было назвать сильной командой. Позже полк разделили на два, во главе которых стоял П. П. Паппенгут, русский генерал германского происхождения.

Натурализованная армия сыграла важную роль в современной политике Синьцзяна. Прежде всего, получив сильный ответный удар от

натурализованной армии, войска Ма Чжунъина, привыкшие к боевым действиям, но оказавшиеся в слабой боевой позиции, были вынуждены покинуть Урумчи. Шведский путешественник Свен Гедин писал об этом: «Без помощи русских эмигрантов Урумчи был обречён пасть и стать полем смерти». Ма Чжунъин говорил о том же: «Если бы Северная армия не заручилась помощью русских, она никогда бы не выгнала меня из Урумчи, Дабанчэна и Турффана. Моим войскам было нелегко противостоять самолётам, бронетехнике и мощной артиллерии, которая сыпала бомбы, словно поливала дождём».²⁴

Во-вторых, натурализованная армия участвовала в военном перевороте 12 апреля 1933 года. На время ситуация в Урумчи стала безопасной. Цзинь Шужень не повышал и не награждал воинов за оборону города, а наоборот отверг их. Это спровоцировало военный мятеж, который вынудил Цзинь Шуженя бежать. Натурализованная армия собрала правительственных чиновников всех учреждений и представителей общественных организаций вместе на собрание, где Паппенгут объяснил причину и цель переворота: «Обязанность натурализованной армии — спасти представителей всех этнических групп в Синьцзяне. ... Мы ни в коем случае не собирались бороться за власть для себя. Что касается председателя Цзинь, если он откажется от власти, то безопасность ему и его семье будет обеспечена».²⁵ На собрании были учреждены временный комитет по поддержанию порядка в Синьцзяне и временный военный комитет, главами которых были назначены Лю Вэньлун, глава департамента образования, и Чжэн Жуньчэн, командир Северо-восточной добровольческой армии. В ожесточенной борьбе с армией Цзинь Шуженя погибло более 70 офицеров и солдат натурализованной армии.

Экономическая деятельность

После Октябрьской революции русские дворяне-эмигранты, получившие европейское культурное образование и обладавшие высокими культурными качествами, сильно повлияли на социальные, культурные и экологические аспекты жизни Синьцзяна. Помимо того, что они

24 Свен Гедин, *Побег Ма Чжунъина* (Нинся: Иннсаяское народное издательство, 1987), 10. (на кит. яз.)

25 Эрхань Бао, *Синьцзян: пятьдесят лет* (Пекин: Издательство литературных и исторических данных, 1984), 176. (на кит. яз.)

присоединились к местной армии в Синьцзяне и стали профессиональными солдатами, благодаря своим знаниям и навыкам они могли работать врачами, учителями, секретарями, электриками, плотниками, механиками, техниками и ремесленниками. Некоторые из них занимались развитием сельского хозяйства или строили дороги. Но по сравнению с коммерческой деятельностью русских дворян в Харбине и Шанхае масштабы экономической деятельности русских в Синьцзяне были невелики, и людей было мало.

Большое количество русских, эмигрировавших в Илийский край, «было прямым продуктом большевистской революции в России в 1917 году». «В 1939 году, согласно отчету провинциального правительства, в этом регионе проживало 2 000 русских семей, которые занимались сельским хозяйством, мелкой торговлей и ремеслами».²⁶ Проживая в Илийском крае, они использовали комбайны, тракторы и телеги, держали породистых лошадей и разводили кавказских чёрных пчёл, что сделало край самым богатым регионом в Синьцзяне. В Или широко использовались русские измерительные приборы. Дома в русском стиле стали украшать городской пейзаж Или. Русская кухня (колбасы, хлеб, квас, водка), русская одежда (широкие и просторные брючные костюмы, ленинские шапки, женские платки и платья), русские песни, танцы и музыка, советские песни и русские фильмы были очень популярны среди жителей всех национальностей Илийского края.

Высокое качество во всех отраслях вскоре вывело русских дворян в выгодное положение в экономической сфере. Как правило, русские не участвовали в традиционных сферах производства и работали в новых сферах, поэтому конфликты между эмигрантами и местными жителями возникали достаточно редко. В 1920 году в Урумчи существовало много коммерческих фирм, управляемых русскими дворянами: иностранные фирмы «Чжишэн», «Тяньсин», «Дэшэн», «Дэхэ», «Жэньчжунсинь», «Цзили», «Маошэн», «Дали» и «Цзисяньюн». С 1919 по 1926 год в Куча работало несколько хозяйственных домов русской знати: Дунгуань, переулоч Ханайхаймайсы, переулоч Гунган, Ватный базар, Базар зерновых и Дунхэба. Русские дворяне-эмигранты были главной силой в частной промышленности Синьцзяна. Они занимались обработкой продуктов животноводства в Урумчи и Илийском крае, например, дубили и обра-

26 Линда Бенсон, Ингвар Суонборг, Хай Чэнь (перевод), «Как русские в Синьцзяне превратились из эмигрантов в этнические меньшинства», *Синьцзянские сведения по социальным наукам*, no. 10 (1990): 16. (на кит. яз.)

батывали кожу, а также готовили сладости, производили обувь, шили вещи, ремонтировали часы и велосипеды. В 1926 году правительство провинции закупило 30 машин и наняло русских водителей и техников по ремонту с Северо-Востока Китая из городов Тяньцзинь и Или для обучения первого поколения водителей и техников по ремонту автомобилей, которые были представителями этнических меньшинств Синьцзяна. В 1927 году был открыт автобусный маршрут из Урумчи в Цитай. В 1928 году была построена первая автострада Синьцзяна общей протяженностью в 691 километр. В 1928–1931 годах была открыта дорога из Тачэнга в Урумчи. В 1935 году в Синьцзяне было учреждено Управление шоссейных дорог и на пост главы управления был назначен главнокомандующий натурализованной армией Н. И. Бектеев, который отвечал за строительство и управление шоссейными дорогами на всей территории Синьцзяна.

Часть русских дворян-эмигрантов использовала передовые сельскохозяйственные машины и оружия для обработки земель и ведения сельского хозяйства в приграничных регионах городов Или, Тачэнг и Ашань. В период нахождения у власти Шэн Шицая в Синьцзяне реализовывалась просоветская политика, и российские торговцы часто посещали Советский Союз и Синьцзян, что сыграло большую роль в установлении экономических обменов и развитии советской части Средней Азией и китайского Синьцзяна. В 1930-е годы 82,5% торговли Синьцзяна приходилось на Советский Союз.

Союз советских эмигрантов в Илийском крае занимался промышленной торговлей, сельским хозяйством и животноводством. До образования Китайской Народной Республики в Шанхае и Урумчи существовали торговые агентства для прямого импорта товаров из Советского Союза в Китай. В городе Кульджа были магазины и рестораны с уставным капиталом более 1,5 млн юаней, была ферма с 600 головами коров, 47 000 овец и более 1 000 лошадей. Общий доход илийского Союза советских эмигрантов за 1954 год составил 3 177 688 юаней.²⁷

Кроме того, русские обучили местных различным ремесленным навыкам: обработке продуктов питания, изготовлению обуви, шитью одежды, ремонту часов, швейных машин, ручных патефонов, велосипедов и много другого.

27 Хунбо ЛАЙ, «Происхождение и решение проблемы Илийских пришельцев», *Вестник Илийского педагогического института*, no. 1 (2005): 24. (на кит. яз.)

Культурная деятельность

В апреле 1939 г. в Синьцзяне была создана провинциальная Ассоциация культуры, которую возглавил китайский писатель Мао Дунь. Наглядным результатом деятельности ассоциации стало создание русских начальных и средних школ в разных районах, которые в то время назывались натурализованными школами. Куда бы ни переезжали русские, они везде строили свои школы. Уровень образования в русских школах был самым высоким во всём Китае и даже в Средней Азии, из-за чего эти школы были очень популярны в то время.

Примерно в 1918 году, чтобы решить проблему образования русских детей в Кульдже, русские открыли русскую школу при 1-й начальной школе г. Кульджа. В 1924 году при правительстве провинции Синьцзян было открыто первое высшее учебное заведение — Академия литературы, права и политики России. Обязательными курсами там были география, история и классическая литература России. Провинциальная средняя школа включила русский язык в список обязательных предметов.

В 1930 году русские дворяне Серомийский, Прокопов и Вера Васильевна Замодаева в административном корпусе таможни города Кульджа открыли русскую школу — Китайско-русская школа, которая помогла решить проблему дальнейшего образования выпускников начальной школы. В том же году при поддержке местных властей государственные русские школы открылись в Тачэне и Алтае.

После прихода к власти Шэн Шицзя Ассоциация культуры русских китайцев открыла ещё больше русских школ в разных регионах Синьцзяна. К 1943 году во всех школах, основанных этническими ассоциациями Синьцзяна, обучалось 286 614 человек, 1 048 из них были русскими.²⁸

Пока Ассоциация культуры русских китайцев активно открывала русские школы, правительство провинции Синьцзян и местные органы власти тоже открыли ряд русских государственных школ. В 1934 году Департамент образования провинции Синьцзян учредил в районе Нанлян города Дихуа Среднюю натурализованную школу. Согласно неполным статистическим данным г. Тачэне за 1943 год, во всех школах региона обучалось 710 русских учеников, что составляло почти 1/3 от общего числа учеников в Тачэне в том году.

²⁸ Вэнь Ян, *Русские в Синьцзяне Китайской Республики*, 40.

1 сентября 1935 года провинциальное правительство перевело все 14 школ г. Или, открытых ассоциациями и частными людьми, на государственное обеспечение. К 1943 году в государственных школах осталось 1 644 русских учеников, что составило 42,6% от общего числа русских учеников. По данным на июль 1938 года, в государственных начальных школах г. Дихуа обучалось 117 русских учеников, в Тачэне — 579, в Или — 929, в Ашане — 2, всего в школах на тот момент обучалось 1 627 русских учеников.²⁹

Три поколения семьи профессора Веры Васильевны Замотаевой, русской дворянки из Оренбурга, вносили выдающийся вклад в развитие Шанхайского университета иностранных языков. Авторам данной статьи посчастливилось взять интервью у Аллы Алексеевны Замотаевой (кит. имя Шэнь Нин), русской дворянки и бывшего преподавателя Шанхайского университета иностранных языков. В 1919–1920 годах дедушка Нины Алексеевны Алексей Ильич Замотаев, которому тогда было 35 лет, и тогда 21-летняя бабушка Вера Васильевна Замотаева вместе с отрядом русского генерала А. И. Дутова уехали из Оренбурга, в синьцзянский Или. В 1934 году Советская армия ответила на просьбу военачальника Синьцзяна Шэн Шицая помочь сдержать беспорядки в регионе, в результате дедушка Нины Алексеевны был репатриирован и расстрелян в СССР. В 1938 году, попав в беду, мать Аллы Алексеевны Нина Алексеевна по счастливой случайности познакомилась с её будущим отцом Шэнь Чунсюнем, который на тот момент был финансовым комиссаром гоминьдановского правительства. Молодые долго скитались, много пережили и в итоге обосновались в Шанхае. Колледж русского языка Восточно-Китайского революционного университета (ныне Шанхайский университет иностранных языков), основанный в 1948 году, пригласил бабушку и мать преподавать. Вера Васильевна привела более 120 русских эмигрантов и создала в колледже коллектив преподавателей русского языка. Заметив, что новоиспечённые преподаватели русского языка, которые раньше работали в других сферах, не совсем правильно преподавали грамматику, Вера Васильевна, окончившая Оренбургский институт благородных девиц, стала сама преподавать им русскую грамматику и китайскую культуру, чтобы помочь им обосноваться в Шанхае. По мере расширения экономических и культурных обменов между Китаем и Советским Союзом Вера Васильевна открыла курсы русского языка на Шанхайской народ-

29 Хуань Ли, *Синьцзянские исследования* (Книжный дом Наньтянь, 1944). (на кит. яз.)

ной радиостанции, а также преподавала русский в Шанхайской китайско-советской ассоциации дружбы и в Институте повышения квалификации для учителей в шанхайском районе Сюйцзяхуэй. Три поколения семьи Замотаевых и более 100 учителей из числа русских эмигрантов стали связующим звеном китайско-русских культурных обменов, заложили прочную основу для преподавания и научных исследований русского языка на факультете русского языка Шанхайского университета иностранных языков и подготовили большое количество выдающихся русистов, которые продолжили преподавать русский язык в Китае, стали дипломатами и служили на благо своего государства.

Профессор кафедры русского языка Ланьчжоуского университета Лю Цзин — потомок русской знати. Её мать Зина Качнова родилась в дворянской семье в российском городе Иркутск, и в 1923 году эмигрировала в Или, Синьцзян. Отец Лю Цзин — китаец. Лю Цзин родилась в Ланьчжоу в 1934 году. В 1949 году она пошла в армию, но в 1952 году сменила сферу деятельности. Её муж — Юй Цзе, известный профессор английского языка, работал на факультете иностранных языков в Северо-Западном педагогическом университете. Сейчас семья Лю Цзин живёт в Австралии.

Хань Юань, заведующая Библиотекой провинции Ганьсу, тоже является потомком русских эмигрантов. Она стала первой иностранкой, с кем авторы познакомились. Её отец — богатый торговец мехом из Санкт-Петербурга, а мать — китайка. Хань Юань родилась в Харбине. Чтобы избежать замужества, в 14 лет она вступила в ряды революционеров. В 1947 году она вступила в 4-й полевой полк Народно-освободительной армии Китая. Она участвовала в сражениях при Ляошене, на Чёрной горе (кит. Хэйшань) и под Бэйпином (ныне Пекин) и Тяньцзинем, прошла с военными отрядами от Гуанчжоу до острова Хайнань, а затем вернулась в Пекин и стала переводчиком русского языка. В Ланьчжоу она приехала за любовью, её муж, Чай Цзюньцян — известный постановщик драматической труппы провинции Ганьсу. В 2019 году за один месяц она вручную связала 62 свитера для детей из бедных горных деревень Ланьчжоу. В августе 2020 года она внезапно скончалась от болезни в возрасте 88 лет.

Русская дворянка без гражданства Малусь была одной из «четырёх известнейших людей» города Ланьчжоу во время китайской Культурной революции. В детстве автор данной статьи (Чжан Цзунхуа) встречал её на улицах родного города Ланьчжоу. Сначала она работала в

небольшом коллективе, который находился под юрисдикцией управления улицы Чжанъе города Ланьчжоу. Честно говоря, впечатления, которые остались у меня из начальной и средней школ, — это то, что у неё был высоко приподнятый нос, глубокие глазницы, льняно-жёлтые волосы, завязанные сзади платком. Когда она была трезвой и работала, она была очень даже красивой и привлекательной. После Культурной революции автор больше не видел её.

Другие аспекты культурной жизни

Помимо школ Ассоциация русской культуры в Китае открывала ещё кинотеатры, библиотеки, читальные залы, буфеты и ларьки с прохладительными напитками, а также организовывала большое количество мероприятий, которые распространяли русскую культуру в Китае.

В свободное от школ и обучения время русские эмигранты также участвовали во многих других культурных мероприятиях, проводимых в Синьцзяне. Для удобства русских в Дихуа и Или газеты печатались на русском языке. В 1940 году «Синьцзянский ежедневник» подготовил версию газеты на русском. В 1942 году провинциальное правительство разрешило типографии «Синьцзянский ежедневник» выпускать информационные бюллетени на русском языке. В 1944 году Илийское агентство ежедневной газеты планировало выпускать еженедельную русскую газету.

Были и результаты в области литературы, например, в романе «Побег» написано, что один генерал из царской России, который жил в горах уезда Эминь округа Тачэнг, на закате своей жизни также описывал свою жизнь в Китае.

Хотя русские, проживавшие в Синьцзяне, находились далеко от своей родины, благодаря своей активности и неустанным усилиям, а также при особом отношении, заботе и с помощью различных правительств Синьцзяна они смогли развить русское образование. У русских, даже у тех, кто был вынужден покинуть свою родную страну и обосновался в чужой, не было неграмотных поколений. Напротив, при поддержке правительства провинции Синьцзян они распространили и развили свою культуру, внесли весомый вклад в культурное разнообразие Синьцзяна.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Из-за особой ситуации в мире геополитики и роли теории «Третьего Рима» завоевание земель всегда было основной задачей сменяющих друг друга российских правительств. В середине XIX века царское правительство подписало ряд неравноправных договоров о границах с правительством династии Цин. Путём создания торговых кругов, освобождения от налогов на торговлю, учреждения консульств, получения консульской юрисдикции и других привилегий, особенно путём использования принципа определения национальности людей «вслед за землёй», правительство царской России присвоило себе большую часть территорий на западной границе Китая. В это время появление русских эмигрантов в Синьцзяне было тесно связано с экономической деятельностью царской России в Синьцзяне. Большое количество русских дворян, выступавших против Октябрьской революции и советского режима, а также беженцев, спасающихся от войны, хлынуло в Северо-Западный регион Китая (Синьцзян, Ганьсу).

Изначально будучи группой людей, разрушающей стабильность Синьцзяна, русские эмигранты постепенно превратились в силу, которая способствовала стабилизации синьцзянского общества. Они смело смотрели в лицо реальности, упорно трудились, чтобы адаптироваться к новой среде и новой жизни, уважали местные и этнические обычаи, выучили местные языки и стали активными участниками современных социальных изменений в Синьцзяне. В то время главы правительства Синьцзяна Цзинь Шужень и Шэн Шицай, чтобы укрепить свои доминирующие позиции, воспользовались этой мощной вооруженной силой и сформировали натурализованную армию. Однако по сравнению с русскими дворянами, разбросанными по Северо-Восточному региону Китая, Шанхаю и другим местам, русские дворяне, проживавшие в Синьцзян и Ганьсу, Северо-Западном регионе Китая, находились вдали от политических и экономических центров Китая. Произвольные действия доминирующих полевых командиров Синьцзяна плюс кровные узы этнических регионов и этнических групп в приграничных с Россией районах, их религиозные и культурные связи, особенно всестороннее проникновение советского правительства в Северо-Западный Китай, заставили рассматривать русских как враждебных перебежчиков и опасных иностранных классовых врагов. Синьцзянское правительство не только не защитило законные права и интересы русских

эмигрантов, но и тайно следило за ними, принимало всевозможные меры предосторожности и пресекало их деятельность. Прикрывших эвакуацией своих граждан из-за границы, СССР самовольно поменял гражданство новых жителей Синьцзяна на советское. Именно поэтому число русских дворян продолжало уменьшаться. Чтобы выжить, многие русские дворяне были вынуждены принять советское гражданство, после чего их роль в современной политике Северо-Западного региона Китая была крайне ограничена.

References

- ERHAN BAO, *Xinjiang: piat'desiat let* [Xinjiang: 50 Years] (Beijing: Izdatel'stvo literaturnykh i istoricheskikh dannyx, 1984), 176, 587. (na kit. iaz.)
- LINDA BENSON, INGVAR SVANBERG, HAI CHEN (translator), "Kak russkie v Xinjiang emigrovali v men'shinstva" [The Russians in Xinjiang: Immigrants to National Minority], *Xinjiang svedeniia sotsial'nykh nauk*, no. 10 (1990): 16.
- YANQI CHEN, "Russkie ot emigrantov k etnicheskim men'shinstvam v Xinjiang" [Russians from Emigrants to Ethnic Minorities in Xinjiang], *Vestnik Xinjiang universiteta*, no. 1 (2000): 42. (na kit. iaz.)
- BO DENG, *Russkaia natsional'nost'* [Russian Nationality] (Beijing: Natsional'noe izdatel'stvo, 1994), 15. (na kit. iaz.)
- DANJUN DU, WEIXI DU, "Formirovanie i istoricheskoe vliianie naturalizovannoi armii Xinjiang v Kitaiskoi Respublike" [The Formation and Historical Influence of the Xinjiang Naturalized Army of the Republic of China], *Vestnik Kashgarskogo pedagogicheskogo instituta*, no. 3 (2003): 42. (na kit. iaz.)
- SVEN GEDIN, *Pobeg Ma Zhongying* [Ma Zhongying's Escape] (Ningxia: Innsiaskoe narodnoe izdatel'stvo, 1987), 10. (na kit. iaz.)
- HONGYUAN JIANG, "Ves' protsess razmeshcheniia ostatkov tsarskoi russkoi armii v pesheraia Mogao v Dunhuang" [The Whole Process of Settling the Remnants of the Tsarist Russian Army in the Mogao Caves in Dunhuang], *Razvitie*, no. 3 (2009): 157. (na kit. iaz.)
- HONGBO LAI, "Proiskhozhdenie i reshenie problemy Ili prishel'tsev" [The Origin and Solution of the Alien Problem in Ili], *Vestnik pedagogicheskogo instituta*, no. 1 (2005): 24. (na kit. iaz.)
- GENGWEI LAN, "Razmeshcheniie tsarskikh russkikh ofitserov i soldat v uезде Dunhuang provintsii Gansu" [Accommodation of Tsarist Russian Officers and Soldiers in Dunhuang County, Gansu Province], v *Izbrannye trudy literatury i istorii Dunhuang*. Serii 3. (1995), 184-185. (na kit. iaz.)
- DANHUI LI, "Istoricheskoe issledovanie intsidenta v Ili i Tacheng Xinjiang v 1962 godu" [A Historical Study of the Ili and Tacheng Events in Xinjiang in 1962], *Natsional'nyi istoricheskii muzei*, 28 ianvaria 2018 g. (na kit. iaz.)
- HUAN LI, *Xinjiang issledovaniia* [Xinjiang Studies] (Knizhnyi dom Nantian, 1994). (na kit. iaz.)
- SHENG LI, "Issledovanie voprosov kitaisko-rossiiskogo grazhdanskogo sostoiianiia v Xinjiang" [A Study of Sino-Russian Citizenship in Xinjiang], *Vestnik Hebi pedagogicheskogo instituta*, no. 5 (1989): 52. (na kit. iaz.)
- FENGLI MENG, "Yang Zengxin i intsident pobega russkikh bez grazhdanstva iz Xinjiang" [Yang Zengxin and the Incident of the Escape of the Stateless Russians from Xinjiang], *Mir Lan'tai*, no. 20 (2016): 127. (na kit. iaz.)

WEIGO PENG, "Raskrytie tainy ischeznoveniiia tsarskoi russkoi armii v Lanzhou" [Uncovering the Mystery of the Disappearance of the Tsarist Russian Army in Lanzhou], *Vechernaia gazeta Lanzhou*, 19 ianvaria 2011 g. (na kit. iaz.)

S. V. SMIRNOV, *Russkaia voennaia emigratsiia v Kitae (1920-konets 1940-kh gg.)* [Russian Military Emigration in China (1920-Late 1940s)] (Ekaterinburg, 2018), 61.

GER TAN, "Proiskhozhdenie russkoi natsional'nosti v Kitae" [Russian Ethnic Origin in China], *Sibirskie issledovaniia*, no. 6 (2009): 60. (na kit. iaz.)

CHANGHONG WEI, XIANLING CHEN, "O sovetsko-kitaiskikh peregovorakh po povodu sovetskikh emigrantov v Xinjiang na nachal'nom etape vtoroi mirovoi voiny" [Negotiations on Soviet Immigrants in Xinjiang at the Beginning of the Second World War], *Issledovaniia zapadnykh regionov*, no. 4 (2000): 41. (na kit. iaz.)

YONGSHENG XUE, LAIXING HAN, "Issledovanie russkikh bezhentshev" [A Study of Russian Refugees], *Nauchnyi vestnik Heihe*, no 5-6 (1997): 138. (na kit. iaz.)

SHENGMIN YANG, "Mysli i mery Yang Zengxin po upravleniiu Xinjiang" [Yang Zengxin's Thoughts and Measures for Governing Xinjiang], *Issledovaniia po istorii i geografii prigranichnykh territorii Kitaia*, no. 4 (2018): 2. (na kit. iaz.)

WEN YANG, *Russkia v Xinjiang, Kitaiskoi Respubliki* [Russians in Xinjiang, Republic of China] Magisterskaia dissertatsiia po istorii Xinjiang universiteta (2007), 5. (na kit. iaz.)

SHU YUAN, "Analiz naturalizovannoi armii v Xinjiang vo vremia Kitaiskoi Respubliki [An Analysis of Xinjiang's Naturalized Army during the Republic of China], *Issledovaniia zapadnykh regionov*, no. 1 (2004): 52. (na kit. iaz.)

Review articles

Обзоры

Szemle

KATALIN SCHREK

A NEW APPROACH TO UKRAINIAN HISTORY (REVIEW)¹

The history of the Ukrainian region is closely intertwined with the history of the Eastern European region and the states within it. Perhaps this is why it is such a difficult undertaking to provide a complete overview of the history of the Ukrainian territories and the Ukrainian state constellations that emerged in different historical periods, and of Ukrainian history as a whole. The frequent changes of authority in the Middle Ages and the early modern period, and the state framework provided by the Habsburg Empire and the Russian Empire in the modern period resulted in regionally and socially different trends of development. Taking all these factors into account, *The History of Ukraine - Region, Statehood, Identity* attempts to provide a comprehensive overview of the past and, in some ways, of the present of this geopolitically unique region/country. This volume, published by Gondolat, collects the work of several experienced Hungarian researchers in the field of Ukrainian history: Csilla Fedinec, Márta Font, Imre Szakál and Beáta Varga.

Keywords: Ukrainian history, Middle Ages, early modern and modern periods, 20th and 21st century, regional perspective, modern historical approaches

Katalin Schrek – PhD, Senior Lecturer, Institute of History, Department of World History, University of Debrecen. E-mail: schrek.katalin@arts.unideb.hu ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8601-6382>

¹ *Citation: KATALIN SCHREK, "A New Approach to Ukrainian History (Review)", RussianStudiesHu 5, no. 1 (2023): 217-224. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2023.5.9*

Regions, identity, statehood – these key words characterise the main concepts of the newly published volume on the history of Ukraine. The book is a hiatus-filler as no monograph had previously been published in Hungarian that covers the history of Ukraine from the 9th to the 21st century. There has been no shortage of works on Ukrainian history in Hungarian historiography. However, their common characteristic is that they generally focus on the study and presentation of a well-defined period or historical problem, which helps readers and researchers interested in the period to deepen their knowledge of certain issues and historical events. The presentation of processes and contexts across historical periods is a complicated task, especially when it comes to a geopolitical region as complex as the Ukrainian one. This volume, the result of a joint effort by Csilla Fedinec, Márta Font, Imre Szakál, and Beáta Varga, has overcome all these difficulties and aims to provide a transparent framework for the interpretation of Ukrainian history, to shed light on the characteristics of the formation of Ukrainian statehood, and to familiarise the reader with the latest findings of historical research. This work, which draws on a wide range of sources and literature, has the merit of presenting different kinds of topics. The monograph reads easily due to its smooth style, and its sometimes very concise and information-rich chapters are broken up by highlighted text boxes that whisk the reader away from the events for the space of a few thoughts and, as a change of perspective, call attention to an interesting aspect of the cultural or political history of the period in question. The maps at the beginning and end of the book, showing the territorial extent of Kievan Rus' and independent modern Ukraine, as well as the illustration at the end of the preface, depicting Ukraine's historical regions, are useful aids. However, there may be some shortcomings in this regard, as there is no cartography in the text section for the different historical eras that would provide a reference point for the geopolitical region of a given period. On the positive side, however, there is a detailed chronological overview at the end of the volume.

In addition to the style of the authors, the structure of the book also contributes significantly to making this monograph on the history of Ukraine usable for both professionals and non-professionals alike. As indicated in the introduction, the book is organized around the key concepts of regions, identity and statehood, and instead of a traditional political-historical approach, it adopts a regional perspective, following a chronological order. This is supplemented with economic, social and cultural historical elements, thus making the events of the periods in

question more comprehensible. After a description of early medieval Rus', the situation of the territories belonging to each of the principalities is presented region by region. Take for example the Principality of Halych-Volhynia, which, from the mid-14th century, was a potential target for the expansion of the Kingdom of Hungary, the Kingdom of Poland and the Grand Duchy of Lithuania. The history of the Principality's relations with surrounding states is consistently traced through the major chapters. The history of the Crimean Khanate and the Cossack-inhabited territories, for instance, is also presented in the same methodology throughout the ages.

The book looks at historical events from several angles. An excellent example of this is the period of the Mongol occupation and the relationship of the principalities with the Mongol Empire. It reveals the regional differences that emerged within the territory of Rus' in the decades previous: the lack of cooperation and, later, the different attitudes of the northern and southern principalities towards the Mongol threat. It is also interesting to note that the Mongol rule that emerged by the middle of the 13th century represented a different level and nature of dependency in the territories of Kievan Rus'. The most affected and subjugated geopolitical units of Rus' – like Chernihiv and Pereyaslav – were those where we can speak of occupation in the strictest sense of the word. At the same time, in the case of the Principality of Novgorod, for example, Mongol 'domination' was reflected in the annual payment of taxes, and no other burden was imposed upon it. But a similar differentiation was outlined in the political attitude of Alexander Nevsky and Prince Daniil towards the Golden Horde – the former seeking to maintain a consolidated relationship with the Mongols, while the latter sought to counterbalance the drastic transformation of political relations within Russian lands by building alliances with Western countries and relying on the Pope's assistance.

As the western part of the expanding Mongol Empire, and even after its dissolution, the Crimean Khanate formed a special geopolitical entity. The region was an important link in the eastern trade routes to Europe. In the 15th century, weakening Mongol rule offered a new perspective for the establishment of an independent Khanate, and the region with a Muslim population found a cooperative partner in the Ottoman Empire's expansionist policy towards Europe, for example in the acquisition of important Genoese trading ports such as Kaffa (Feodosia). From the 15th century onwards, the Crimean Khanate became an important factor in shaping relations in Eastern Europe, initially as an independent state, but later as a state dependent on the Porte. At the same time, the authors

reconsidered the stereotype that the Khanate was regarded as an Ottoman vassal state as early as the 15th century, while under the reign of Mengli Giray it was essentially an equal diplomatic partner of the Ottoman Empire, paying no taxes to the Porte but, on the contrary, receiving financial support from Constantinople.

The book describes the Polish-Lithuanian union that took shape between the 14th and 16th centuries, covering the rivalry between the Grand Duchy of Lithuania and the Kingdom of Poland, as well as the political and confessional differences between the two territories. In the period between the Kreva personal union in 1385 and the Lublin real union in 1569, the Ukrainian territories under Polish and Lithuanian rule had different administrative systems, the unification of which posed difficulties for the Eastern European state even during the Rzeczpospolita. This period saw the strengthening and awakening of Cossack independent consciousness. The authors have analysed the process of Cossack self-organisation in different phases, reflecting on the difficulties of researching Cossack ethnogenesis and the contrasting historiographical positions. The term 'Cossack' initially meant an occupation/lifestyle and their identity emerged in the 15th–16th centuries. There were significant differences in status between the various groups: the registered Cossacks who formed the Zaporizhzhya Army operated within an organised framework within the Polish-Lithuanian army and enjoyed privileges; the free Cossacks formed the Zaporizhzhya Sich, who had no privileges but lived in a more informal way than the registered Cossacks. The greatest achievement of Bohdan Khmelnytsky's movement was to gather the two main Cossack groups – the registered and the free Cossacks – into a common political camp. In the struggle for autonomy of the Cossack territories and the creation of a single privileged status for the Cossacks, the hetman sought to take advantage of the often-changing circumstances. It was in this highly turbulent political environment that the Treaty of Pereyaslav was born, the long-term consequence of which was the bringing of the Ukrainian territories under the protectorate of the Moscow State. The question of the nature of the relationship between the Cossack territories and Russia that this treaty and its related documents – such as the Hetman Articles and the March Articles – established in practice is analysed in depth by the authors, both from a historiographical and legal historical perspective. The agreement, which is of particular importance for both Russian and Ukrainian history, has been interpreted differently by the two sides.

In the second half of the 17th century – after the death of Bohdan Khmelnytsky, but even more so after the hetmanate of Yuri Khmelnytsky – the Cossacks became divided. In the Ukrainian territories, which were split along the Dnieper River, different political leaderships and orientations prevailed. The Ukraine on the left bank of the Dnieper River had closer ties with the Moscow State, while the Ukraine on the right bank secured their connection with the Polish-Lithuanian State. The same was reflected in the efforts of the two Eastern European states to demarcate their spheres of interest. Polish-Lithuanian and Russian authority over the Zaporizhzhya Army and the terms of this were finally guaranteed by the Treaty of Andrusovo in 1667. Lack of Ukrainian unity in the former areas increased the extent to which Russia's interests were asserted and gave way to Russian centralisation efforts. The authors point out how the tsarist government systematically tightened control over the Ukrainian territories, and how the tsarist court weakened the institutions of the Ukrainian hetmanate from the reign of Peter I onwards. We are presented with a detailed institutional history of Russian state offices and functions in the Ukrainian territories, such as the institution of the Little Russia Prikase (later Collegium of Little Russia). The extension of Russian power was finally completed during the reign of Catherine II with the issuance of her decree of 1764, which declared the abolition of the Hetmanate and began the process of incorporating the Ukrainian territories into the Russian Empire.

The authors have analysed the integration of the region not only from a political but also from a social and economic point of view, emphasising that the Ukrainian territories were important for the expanding Russian Empire both economically and strategically. In addition to the prominent role of agriculture, part of the Empire's industrial development was concentrated here in the second half of the 19th century. Railways were built and infrastructure investments and the development of the iron and coal industries after the 1870s made Donbas one of the most important regions at the imperial level, while urbanisation in the Ukrainian territories gained momentum. At the same time, the authors provide a detailed account of the nature and volume of economic and industrial development and their regional disproportion. For example, compared with the rapid development of the Ukrainian regions on the left bank of the Dnieper, the right bank was not subject to the industrial development policy of the Russian state. The same is true in the context of urbanisation. In addition, the book's economic-historical analysis is complemented by a social-historical

analysis in which the authors highlight issues such as the distancing of the Ukrainian peasantry from modernisation and its attachment to agriculture which led to population movements. A significant part of the peasantry did not enrich the urban labour force but sought livelihood opportunities in accordance with its previous lifestyle, even in more remote areas of the Russian Empire. The authors have analysed these socio-economic phenomena in the context of demographic processes which had long-term impacts on the ethnic proportions of Ukrainian territories: in some parts, the Ukrainian population declined significantly due to inner migration to agricultural areas in the Caucasus, Central Asia, and Siberia.

Another important section in the book is the unfolding of the Ukrainian national movement in the 19th century. In the Ukrainian territories belonging to the Russian Empire, the authors identify three distinct phases of national awakening. The first period was characterised by a turn towards the Ukrainian historical past and the accumulation of intellectual and cultural wealth, in which the founding of universities and the enlightened intellectual-scientific community in the first half of the century played an important role. The second is the organisational stage, where the activities of institutions such as the Cyril and Methodius Brotherhood and the society of the so-called 'Tarasists', founded in memory of the poet and writer Taras Shevchenko, were determining. And at the turn of the century, with the emergence of Ukrainian party organisations, national awakening reached its third, now political stage.

The Ukrainian national movement entered a new phase during the First World War. Internal political changes in the wake of the 1917 revolutions brought the possibility of the creation of an independent state. This volume addresses the period of 1917–1921 separately, when the Central Council, formed by social-democratic political forces in the Dnieper region of Ukraine, initially tried to establish a basis for negotiations with the Provisional Government. The authors emphasize that initial negotiations were aimed at establishing autonomy, but the rigidity of the Provisional Government regarding the Ukrainian question meant there was no realistic chance for reconciliation. At the same time, the Bolshevik Government's declaration in November 1917 on the rights of nations did not represent a step forward for the Ukrainian national movement, as Soviet Russia had no interest in voluntarily giving up the valuable Ukrainian agricultural and industrial lands, and a Soviet Ukraine was established. In response, the Central Council proclaimed the Ukrainian People's Republic on the territory remaining under its jurisdiction, and this state concluded a peace treaty

in Brest-Litovsk as part of a settlement with the Central Powers. In the meantime, the Ukrainian movement in Galicia gained momentum and the West Ukrainian People's Republic was established on 13 November 1918. The state initiative found it extremely difficult to hold its ground in the face of Polish and Romanian military threats. By presenting the crisis of the West Ukrainian People's Republic and the Ukrainian People's Republic in parallel, the authors have presented the complex problem of creating and maintaining an independent state in an era when the borders and conditions for exercising political power were changing on an almost daily basis. In the end, the Ukrainian People's Republic fell victim to the struggles of the Russian civil war. With the victory of the Red Army and the end of the Polish–Soviet war in 1921, the Ukrainian People's Republic found itself in the centre of a geopolitical constellation in which Poland and Soviet Russia jointly decided in Riga on the fate of the Ukrainian territories along the Dnieper River.

The remainder of the volume is divided into two major thematic units: the history of the Ukrainian Soviet Socialist Republic as a part of the Soviet Union, and the history of independent Ukraine after the collapse of the Soviet Union in 1991. Evidently, the history of the Ukrainian Soviet Socialist Republic is aligned with the defining periods of Soviet history. Instead of outlining a detailed political-historical background, we shall now focus on some of the issues to which the authors devoted their attention. One of these topics is the process of “korenization”, also known as “root-giving”, which took place in the 1920s. As part of its deliberate policy toward Ukraine, after 1921 the Soviet Government sought to increase the popularity of the Bolshevik Party among locals and the number of Ukrainian members in local party organisations. The authors ascribe the strengthening of the Bolshevik regime in Ukraine to political-economic interests as well as social and demographic reasons. Stalin put an end to korenization, and by the 1930s there was a complete change of attitude in the policy of the Soviet Union towards Ukraine, which, with the violent implementation of collectivisation, brought forth one of the darkest periods of Ukrainian history.

To aid the understanding of historical processes in Ukraine during the Soviet period, the authors, bearing their concept in mind, have included separate subsections on the regions of the Ukrainian Soviet Socialist Republic, such as Western Ukraine, Transcarpathia, which has many Hungarian connections, and Crimea. In the case of the latter, the authors – through the history of the autonomous republics – contextualised the

place and role of Crimea in relation to the Soviet Union, the Ukrainian Soviet Socialist Republic and independent Ukraine. The resulting overall picture helps the reader greatly in understanding the significance and international position of Crimea in the past and present. It is also important to note that alongside perestroika and glasnost, the role of the Chernobyl disaster of 1986 was also given special attention in the treatment of the process of the disintegration of the Soviet Union and the establishment of Ukrainian independence.

This book explores the history of modern, independent Ukraine through four main themes: geopolitical division, demography, political and economic history, and international relations. Each chapter presents a segment of post-1991 Ukraine without which it would be difficult or impossible to understand the challenges of independent Ukrainian statehood in the period of 1991–2019. The periodisation, aligned with the presidential terms, presents the main features of the political orientations of each era, the characteristic features of the relationship with Europe and Russia, the background of the Majdan Square revolutions and the condensation of the ‘two Ukraines’ theory in political public life, something which goes back to Samuel Huntington’s concept.

In my opinion, this book by Csilla Fedinec, Márta Font, Imre Szakál and Beáta Varga provides a versatile and modern approach to Ukrainian history. Perhaps one of the greatest merits of the book is that it presents the characteristics of the geopolitical space in question from a regional perspective and analyses the history of Ukrainian territories in close context with the neighbouring states. Therefore, in addition to the Ukrainian region, the book provides crucial information on certain periods of Polish, Lithuanian, Russian and Ottoman history.

CSILLA FEDINEC – MÁRTA FONT – IMRE SZAKÁL – BEÁTA VARGA: *Ukrajna története: régiók, identitás, államiság* [A History of Ukraine: Regions, Identity, Statehood] (Budapest: Gondolat Kiadó, 2021). 444 p.

LÁSZLÓ GYÖRGY

THE IDEAS OF THE RULING CLASS (REVIEW)¹

In 2021, Tamás Krausz published a volume entitled *Historiography and Memory Politics*, a collection of his writings from the last 25 years. This article presents this book, and, through it, reflects on the most important elements of the author's four decades of academic work. The thematically extremely diverse writings, as indicated by the title of the volume, are connected by their focus on memory politics, that is, the examination of how the new regimes established after the fall of state socialism use history for their own purposes. One of the author's most important messages is that scholars of history must never give up their academic autonomy, even if political and other conditions are unfavorable.

Keywords: memory politics, regime changes, Eastern European history, Marxism, historiography, Holocaust, Second World War

László György – PhD student in History, Faculty of Humanities, Eötvös Loránd University. E-mail: gyorgylszl20@gmail.com ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3671-9848>

¹ Citation: LÁSZLÓ GYÖRGY, “The Ideas of the Ruling Class (Review)”, *RussianStudiesHu* 5, no. 1 (2023): 225–234. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2023.5.10

Few would disagree today that, contrary to all hopes and expectations, the pluralistic bourgeois democratic regimes established in Eastern Europe after 1989 have failed to bring about the impartiality of historians and an interpretation of history that is free of political and ideological agendas. The more than 30 years that have passed since the regime change have made this failure evident, as well as the fact that history did not end with the fall of state socialism and the triumph of “liberal democracies.” It has proven impossible to cleanse social sciences of all ideological-political distortions, as there is always pressure to legitimize power (however “democratic”) and to support its endeavors in relation to memory politics. Rewriting history to suit the needs of the moment is, therefore, a constant problem. (One may add that historiography can never be completely independent of ideology and ideological determinations. Many, in vain, see “de-ideologizing” as the guarantee of an authentic and professional historiography, and try to place themselves in a position that is “superior to history.” However, raw facts and datasets are inescapably interpreted by the researcher from a certain ideological and theoretical-methodological standpoint, which is why, ultimately, “the exploration of reality proves to be inseparable from ideology in the social sciences”.²)

This, however, does not mean that the mission of historiography should be limited to pure apologetics. On the contrary, it is essential for this discipline to strive for objectivity, to explore the causes and interests behind events, to collect as much and as diverse historical data as possible, above all by relying on authentic sources and documents, and not least to take a critical approach to demands and claims that come from “outside” of academia. One may say that historiography even has its own means of protecting itself in the methods that have matured over centuries of scholarly advancement.

*

Tamás Krausz belongs to a school of historiography that is perhaps considered outdated, or at least, less fashionable today—and one that takes the principles outlined above seriously. His latest book of essays, brought out in 2021 as Vol. 49 in the series *Rusziisztikai könyvek* [Books on Russian Studies]³, is a collection of his writings from the last quarter of a century (with the exception

2 See: ZSIGMOND PÁL PACH, “A társadalomtudományok fejlődésének elvi kérdéseihöz”, in ZSIGMOND PÁL PACH, *Történet szemlélet és történettudomány* (Budapest: Kossuth Könyvkiadó, 1977), 17–18.

3 TAMÁS KRAUSZ, *Történetírás és emlékezetpolitika* [Historiography and Memory Politics] (Russica Pannonicana: Budapest, 2021).

of one paper originally published in *Történelmi Szemle* [Historical Review] in 1980. This volume touches upon an exceptionally wide range of subjects—it is not even possible to deal with each paper separately in this review—and thus reflects the author’s extensive scholarly interests.

The book consists of two major sections. The first part focuses on decisive moments in the 20th century that one might call regime changes: 1917, the Stalinist turn, 1945, 1968 and 1989. The second part mainly comprises essays on the war waged by Nazi Germany against the Soviet Union and the Holocaust, and offers a critique of mainstream historiographical narratives such as the theory of totalitarianism. What binds the writings together, and what the title of the volume suggests, is their focus on *memory politics*—a discussion and critique of how the new regimes that emerged after the fall of state socialism have used the past for their own purposes. To put it in more specific terms, the author is interested in how, and especially why, the *Great October Socialist Revolution*, for example, became a *Bolshevik coup* almost overnight; why *socialist democracy* suddenly turned into a *communist dictatorship*; why *liberation* in 1945 started to be seen as *occupation*; how the *heroic Soviet soldier* became a *rapist barbarian from Asia*; and why *anti-fascist heroes* were suddenly considered *terrorists*.

The author’s critique of official memory politics is based on a critique of the prevailing property relations (i.e. power relations), the key to which is provided by Marx and Engels’ almost 180-year-old work, *The German Ideology*: “The class which has the means of material production at its disposal, has control at the same time over the means of mental production, so that thereby, generally speaking, the ideas of those who lack the means of mental production are subject to it. The ruling ideas are nothing more than the ideal expression of the dominant material relationships, the dominant material relationships grasped as ideas [...]”⁴

One of the key mediators of “dominant ideas” today is memory politics, which determines how society should relate to certain issues of the past. This “project” is “successful” if people widely accept the narrative offered, start to use the *topoi* presented by memory politics, and ultimately internalize its logic. The primary aim/function of memory politics, or, one might say, of the state-organized falsification of history, is thus to enforce power relations and the existing social order, or—and this is one of Krausz’s most important

4 KARL MARX (with FRIEDRICH ENGELS), *The German Ideology, including Theses on Feuerbach and Introduction to the Critique of Political Economy* (New York: Prometheus Books, 1998), 67.

insights—to discredit any sociopolitical alternative that deviates from the predominant narrative. It is interesting to note that while in previous historical periods, such as the avowedly anti-communist, anti-revolutionary and anti-progressive Horthy era, this was mainly achieved by police-administrative, and often terrorist means, today, it is institutional falsification of the past (through institutions such as the so-called House of Terror, the Institute of Hungarian Studies, or the Committee of National Remembrance, all devoted to conveying biased and highly emotional narratives about Hungarian history), the relativization of basic facts, the discrediting of scholarly perspectives, in short, “intellectual interference” that is used—and for the time being this seems to be a much more effective method. No wonder, then, that in recent years, Krausz has turned his attention to this issue.

The first chapter of the volume focuses on the assessment of state socialism, a question in which the right/far-right and liberal interpretations essentially converge, despite their *seemingly* antagonistic positions. The “cardinal rule”, which is hard to disregard, is that the pseudo-socialist regimes of Eastern Europe are customarily identified as communism, without any distinction. It is also “forbidden” to periodize this era, i.e., it must be interpreted as a homogeneous epoch, always set in parallel with Hitler’s fascist system. This has been, in a way – and this is another fundamental thesis of the author’s⁵—and still is one of the sources of legitimacy of the post-1989 nationalist-liberal regimes in Eastern Europe.

Even after more than three decades, the fall of state socialist regimes is still the subject of lively debate.⁶ Several essays in Krausz’s volume contribute to this discussion, and the author’s particular position on this issue is clearly evident. In his review of János Kornai’s textbook entitled *A szocialista rendszer* [The Socialist System], originally published in 1994, he criticizes the liberal, right-wing narratives about the existence and collapse of state socialism. Kornai postulated the economic unviability of socialist systems and the superiority of the market economy; for him, the latter stands for rationality *per se*, while the former represents an irrational utopia. Krausz focuses his critique on the *unhistorical* methodology applied by Kornai (he does not, of course, address questions of economics). He points out that Kornai deduces both the ways of operation and the dysfunctions of the so-called “existing”

5 See especially the paper entitled “GULAG és Auschwitz, avagy az összehasonlító elemzés értelme és funkciója” [The GULAG and Auschwitz, or the Meaning and Function of a Comparative Analysis].

6 See, for example, the studies by László Tütő, György Wiener and Péter Szigeti in Vol. 130 of the journal *Eszmélet* (Summer 2020).

(i.e., bureaucratic authoritarian) socialisms directly from the ideas of Marx, Lenin, and other communist theorists, and sees the flaws of the system as the consequences of theoretical shortcomings, rather than linking them to concrete relations of interests and class.

Notably, the eminent economist Kornai presents capitalist private property as a quasi-natural law, the only rational possibility (a “trick” that was already used in Marx’s time), instead of a social formation that emerged *historically* (and will therefore certainly disappear one day). On the other hand, Kornai ignores the fact that, for hundreds of years, capitalism has operated in a hierarchical world system, “in which historically established structural determinations prevail (such as the interrelationships between the center, the semi-periphery and the periphery, the structure of the division of labor, the relations of exclusion and exploitation, unequal exchange and unequal political and power relations, etc.)” (p. 122).

Present-day left-Marxist interpretations of the fall of socialism are also diverse and have their subjective viewpoints. Some argue, broadly speaking, that the development of material productive forces with the capacity to form the basis of a mode of production that would transcend capitalism had not yet reached a sufficient level at the time when these systems emerged (1917, 1945, etc.). Even if so-called *crude communism* were to be created by chance, and in the semi-periphery at that, it would be doomed to failure. According to this interpretation, the socialist system was ultimately overthrown by multinational capital. This needed to expand the world market, and was being hindered by the state socialist bloc led by the Soviet Union. The bloc therefore had to be destroyed. This, in essence, is a viewpoint of economic determinism, in which history is the product of necessities largely independent of human beings.

Tamás Krausz builds his arguments on different theoretical foundations, something which distinguishes the whole volume as well as all his works. The intellectual source of his standpoint can be found on the one hand in the *oeuvre* of Ferenc Tőkei, above all in the Marxist theory of social formations (which the renowned sinologist rediscovered in the ruins of Stalinism from the 1960s onwards, inspired mainly by the *Grundrisse* and *The German Ideology*), and, on the other hand, in the *Ontology* of George Lukács and his small book *Democratisation Today and Tomorrow*, published in 1968. On this basis, in contrast to the “determinists”, Krausz emphasizes the *alternativity* of history, shaped ultimately by people who move between “prevailing, given and inherited” relations and structures, but who are conscious actors nonetheless. The paper “Perestroika and the Change in Property Relations,”

a key text in the volume, takes this as a theoretical starting point. Drawing on original historical sources, Krausz shows that the fall of the Soviet Union was not due to external but internal causes, namely that the state and party apparatus considered their power and privileges to be more secure within the framework of capitalism and bourgeois democracy, and therefore moved towards capitalist restoration rather than the “socialization” of state property during perestroika.⁷

*

The second chapter of the volume, entitled “Wars and Revolutions: Facts and Analogies,” focuses on the anti-fascist war of the Soviet Union and the Red Army, something which has been the subject of renewed debate in recent years (mostly in connection with round-number anniversaries). These discussions are partly professional and partly serve memory-politics purposes, although it is not always possible to draw a clear line between the two, and in many cases it is professional historians who convey and reproduce certain elements of the *topoi* used in memory politics, who give form to these political products, and who eventually validate them, presenting them as scholarly thought. The latter was particularly clearly demonstrated during the commemorations of the siege of Budapest and the 75th anniversary of the so-called “Breakout” (the allied German and Hungarian troops’ attempt to break out from Budapest after it had been encircled by the Soviet army). One of the intellectual promoters of these commemorations was Krisztián Ungváry, who has long been the Trojan horse of the far right in “bourgeois” historiography (a fact which, unfortunately, very few have noticed so far). It must be noted that Ungváry, both in his academic work and in his public speeches, proclaims the civilizational superiority of Western European (German) culture, over the Soviet Union (Russia) above all, thus sometimes implicitly, sometimes quite openly justifying Germany’s genocidal war against the “barbarian East”.⁸

7 See also: ESZTER BARTHA, „A munkástörténet-írás új perspektívái: Bevezető”, in *Egy másik Kelet-Európa. Munkás- és társadalomtörténeti tanulmányok Mark Pittaway emlékére*, ed. ESZTER BARTHA, TAMÁS BEZSENYI (Budapest: ELTE BTK Kelet-Európa Története Tanszék, 2017), 7–28. and ESZTER BARTHA, “Would you call the capitalists back? Workers and the beginning of market socialism in Hungary”, *Social History* 34, no. 2 (2009): 123–144. <https://doi.org/10.1080/03071020902879515>

8 On the controversy around Ungváry, in addition to the paper titled “‘Gentleman’ Invaders and ‘Law-Breaking’ Partisans?” in the reviewed volume, see Gyula Szvák’s short but revealing article entitled “Szilánkok. Vitáink – egymással, egymásért” [Fragments: Our Debates—With and For Each Other], in *Tertium datur. Írások Krausz Tamás 70. születésnapjára*, eds. Gyula SZVÁK, József JUHÁSZ (Budapest: Russica Pannonicana, 2018),

According to Ungváry, one cannot speak of an anti-fascist war waged by the Soviets (as it is only a “Stalinist” myth), not least because, according to the theory of totalitarianism, the Soviet Union and Nazi Germany were completely alike, and the true victims of the life-and-death struggle between the two were the small nation states of “Central Europe”. It is rarely mentioned, however, that in the interwar period, all these nation states—with the exception of Czechoslovakia—established highly anti-democratic, fascist and authoritarian regimes (led by Horthy, Piłsudski, King Alexander I, etc.), with a policy of anti-Semitism and severe repression of minorities.

One of the key concepts of the commemorations under Ungváry’s ideological guidance was *victimhood*: that is, that there were only victims of the “senseless fight” in the siege of Budapest. However, this attitude obscures real historical processes and causes, and pays no attention to the fact that if there were victims, there must have been perpetrators, too. Nor does this standpoint acknowledge the fact that it was the Red Army that ultimately put an end to the Horthy regime, the terror of Arrow Cross rule and the Nazi occupation, which had brought about an almost total destruction of Hungary—regardless of how one views the social changes in the years following 1945. It is worth pointing out here—and the essay “Stalin and the Perspective of the Soviet Leadership in 1945” in the book provides a great deal of evidence in this respect—that, after the victory, Stalin did not even envisage a communist turn, the “Sovietization” of the newly subjugated Central and Eastern European region: this only became necessary in the next, increasingly escalating phase of the Cold War in 1947.

The essay “Victory—Auschwitz—Memory” demonstrates that the view of the 20th century mentioned above, (also) represented by Krisztián Ungváry, is neither a new nor an original Hungarian or Eastern European intellectual product: its main lines were developed during the Cold War in various social science research institutes in the United States. Its best-known theorist on the “international stage” is Timothy Snyder, who is also a regular commentator on contemporary foreign policy issues, putting the rich historical record at the service of US geopolitical interests.⁹

Another characteristic element of the theory of totalitarianism, which Tamás Krausz criticizes in several studies, is the “Auschwitz-GULAG analogy”,

especially the subchapter “A retrospektív partizánvadászatról” [On Hunting Partisans in Retrospect], 355–358.

9 See also: DANIEL LAZARE, “Timothy Snyder’s Lies”, *Jacobin*, September 9, 2014, <https://www.jacobinmag.com/2014/09/timothy-snyders-lies/>

which is supposed to prove that the Soviet Union itself carried out planned and conscious genocide in the 1930s and 1940s, only on a class basis rather than on a racial one. Such a conclusion, however, can only be reached by a severely neglectful and selective use of historical sources, and in many cases by blatant falsification (for example, when POW camps are deliberately confused with the GULAG). The Holocaust cannot be relativized, and not (only) for abstract moral reasons; and if it is relativized, then one must above all suspect motives rooted in memory politics. Nazism, and thus the Holocaust, is a unique phenomenon in world history: a uniqueness which, in broad terms, lies in the fact that *colonialism* and *racism*, deeply rooted in European civilization, turned for the first (and last) time in history against the peoples of Europe, i.e., against itself, with the aim of the *total* (!) extermination of the Jews and the partial extermination of the (Eastern) Slavs.

On the occasion of the 80th anniversary of the Molotov–Ribbentrop Pact, the debate around the agreement intensified (again), both in Hungarian and international historical scholarship. There is still a tendency to shift the responsibility for starting the Second World War, or at least part of it, to the Stalinist Soviet Union, as well as to minimize the role of the West (above all France and Britain) in unleashing Hitler— what we now call *the policy of appeasement*.

The fact that the EU Parliament, which has no competence in historical matters, adopted a resolution on the 80th anniversary of the outbreak of the Second World War detailing the role of the Pact in paving the way for the Soviet annexation of “independent” nations, is a good indication of the geopolitical dimension of the debate.¹⁰ This EP document, which has subsequently become a major reference point in Hungarian academia and the media, can only be understood in the context of the current global struggle for hegemony, the reshaping of the world system, and the new Cold War (with the West on one side, and China and Russia on the other). The militant anti-Sovietism of the EP declaration is in fact a “message”, a warning to today’s Russia. What we perceive of this in Central-Eastern Europe—most recently, for example, the demolition of the Konyev statue in Prague—is merely a local manifestation of these global trends.

¹⁰ This document is available at https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/B-9-2019-0097_EN.html (European Parliament: Motion for a Resolution on the 80th Anniversary of the Start of the Second World War and the Importance of European Remembrance for the Future of Europe, September 17, 2019.)

The 1939 alliance between Nazi Germany and the Soviet Union, the “two dictatorships”, is completely decontextualized in the above interpretation, i.e., it is removed from the historical process, from the conditions under which it was forged. One can mention, for example, the anti-Soviet diplomatic maneuvers of Poland, later seen as one of the first victims of totalitarian dictatorships, or the Munich Agreement, by which France and England, in agreement with fascist Italy, carved up Czechoslovakia and gave Hitler the Sudetenland. The Munich decision is part of the immediate prehistory of the Soviet-German pact, since it was not only clear that Germany was turning eastwards, but also that the Soviet Union, which was not at all prepared for a possible war, was isolated in international politics. This forced it to move quickly (p. 228–229).

*

Tamás Krausz’s book of essays was written amidst this intellectual turmoil. What he can offer is, on the one hand, a *historical* perspective based on sources and source criticism, drawing on the rich historiographical tradition of the later 20th century (György Ránki, Emil Niederhauser, Immanuel Wallerstein, Isaac Deutscher, E. H. Carr and Eric Hobsbawm can be named here as sources of inspiration), and partly, on the subjective and moral side, a *confident anti-fascist attitude* that is nowadays very rare. The latter position, the anti-fascist discourse that prevailed for a time after the Second World War, eventually fell victim to anti-communism and anti-Sovietism—which, in Eastern Europe after the regime change, but especially after the global economic crisis, have become as much a compulsory element of history textbooks and popular literature as vulgar anti-capitalism and anti-Westernism once were in the 1950s.

Perhaps the main lesson, or if you like, the message of Tamás Krausz’s book is that even if the circumstances, the political climate and the institutional and financial conditions are unfavorable, historiography must not give up its own position and autonomy in the face of the memory politics, which operates with unscientific, over-simplified and empty rhetoric.

References

ESZTER BARTHA, „A munkástörténet-írás új perspektívái: Bevezető” [New Perspectives on the Writing of Labor History: An Introduction], in *Egy másik Kelet-Európa. Munkás- és társadalomtörténeti tanulmányok Mark Pittaway emlékére*, ed. ESZTER BARTHA, TAMÁS BEZSENYI (Budapest, ELTE BTK Kelet-Európa Története Tanszék, 2017), 7–28.

ESZTER BARTHA, “Would you call the capitalists back? Workers and the beginning of market socialism in Hungary”, *Social History* 34, no. 2 (2009): 123–144. <https://doi.org/10.1080/03071020902879515>

European Parliament: Motion for a Resolution on the 80th anniversary of the start of the Second World War and the importance of European remembrance for the future of Europe, September 17, 2019, https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/B-9-2019-0097_EN.html (Accessed January 25, 2023).

DANIEL LAZARE, “Timothy Snyder’s Lies”, *Jacobin*, September 9, 2014, <https://www.jacobinmag.com/2014/09/timothy-snyders-lies/> (Accessed January 25, 2023).

KARL MARX (with FRIEDRICH ENGELS), *The German Ideology, including Theses on Feuerbach and Introduction to the Critique of Political Economy* (New York: Prometheus Books, 1998), 67.

GYULA SZVÁK, “Szilánkok. Vitáink – egymással, egymásért” [Fragments: Our Debates—With and For Each Other], in *Tertium datur. Írások Krausz Tamás 70. születésnapjára*, eds. Gyula Szvák, József JUHÁSZ (Budapest: Russica Pannonicana, 2018), 348–358.

ZSIGMOND PÁL PACH, “A társadalomtudományok fejlődésének elvi kérdéseihez” [On the Theoretical Questions of the Development of Social Sciences], in ZSIGMOND PÁL PACH, *Történetiszemlélet és történettudomány* (Budapest: Kossuth Könyvkiadó, 1977), 17–18.

Opuscula Prima

NAGY ANNA LÚCIA

**BETELEPÜLÉS VAGY BETELEPÍTÉS?
AZ OROSZ LAKOSSÁG KÉRDÉSE A SZOVJETUNIÓ
BALTI KÖZTÁRSASÁGAIBAN 1945 ÉS 1991 KÖZÖTT¹**

**SPONTANEOUS IMMIGRATION
OR GOVERNMENT-DIRECTED SETTLEMENT?
THE QUESTION OF THE RUSSIAN POPULATION IN THE BALTIC
REPUBLICS OF THE SOVIET UNION BETWEEN 1945 AND 1991**

This study examines the social processes that took place in the Baltic republics of the Soviet Union, with a special focus on the relationship between the local population and the Russian immigrants settling in the Baltic republics during the Soviet era. The immigrating Russian-speaking population rapidly reduced the proportion of local ethnicities within the population of Estonia and Latvia. Most of the new settlers did not assimilate into the local culture, nor did they acquire the local language. Lithuania, however, saw immigration on a smaller scale. The Soviet administration undoubtedly encouraged and supported migration into the Baltic republics from other republics. Immigration was also encouraged by the generally higher living standards the Baltics were well-known for. This increase in the Russian population meant the local inhabitants had to adapt to the Soviet political and social conditions. Although, in terms of the number of ethnically mixed marriages, the Baltic republics were in the middle range within the Soviet Union with regard to contact between ethnicities, antagonisms persisted, and the resulting problems continue to impact both Baltic societies and the relationship between Russia and the Baltic states to this day.

Keywords: Soviet Union, Baltic States, Estonia, Latvia, Lithuania, Russian population, migration, minority, language, settlement

Anna Lúcia Nagy – Master of Arts in Russian Studies at Eötvös Loránd University, graduate student at University of Tartu in International Relations and Regional Studies program. E-mail: nagy.anna.lucia@gmail.com

1 *Citation: ANNA LÚCIA NAGY, “Betelepülés vagy betelepítés? Az orosz lakosság kérdése a Szovjetunió balti köztársaságaiban 1945 és 1991 között” [Spontaneous Immigration or Government-Directed Settlement? The Question of the Russian Population in the Baltic Republics of the Soviet Union between 1945 and 1991], *RussianStudiesHu* 5, no. 1 (2023): 239–254. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2023.5.p.1*

BEVEZETÉS

Jelen dolgozat a Szovjetunió balti köztársaságaiban lezajlott társadalmi folyamatokat vizsgálja, különös tekintettel a helyi népesség és a szovjet korszak folyamán betelepülő orosz lakosság viszonyára, illetve a balti népeknek a szovjet rendszerhez, és általában az oroszokhoz való viszonyulására az 1945 és 1991 közötti időszakban. A balti térség mindig egyfajta átmenetet, olykor hídszerepet, de leggyakrabban pufferzónát képviselt Oroszország és a Nyugat között.² Az Észt, Lett és Litván SZSZK-k a Szovjetunió belül is különleges, a többi köztársaságtól eltérő helyzetben voltak. A balti köztársaságokat a szovjethatalom maga is „különleges” területként kezelte, részben eltérő politikai kultúra, részben a Nyugat közelsége és a köztársaságok kirakat-funkciója miatt.³ A balti államokban ma is jelentős az orosz, illetve oroszajkú lakosság aránya: 2018-ban Észtországban 24,9%⁴, Lettországbán pedig 25,2 %,⁵ Litvániában pedig 4,5% volt az oroszok aránya.⁶ Ez az etnikai megoszlás a balti térségben napjainkban is komoly is konfliktusok forrása. Észtországban és Lettországbán továbbra is megoldatlan problémát jelent az állampolgárság nélküli oroszok helyzete, illetve a nyelvhasználattal kapcsolatos viták.⁷ Dolgozatomban a szovjet korszakra fókuszálva szeretném azokat a folyamatokat vizsgálni, amelyek a szovjet korszakban radikális átalakulásokhoz vezettek a térség lakosságának etnikai összetételében, és amelyek talán közelebb visznek a balti államok Oroszországhoz, illetve a helyi orosz lakossághoz való viszonyának megértéséhez.

2 JAMES KURTH, “The Baltics: Between Russia and the West”, *Current history* 98, no. 630 (1999): 334. <https://doi.org/10.1525/curh.1999.98.630.334>

3 Е. Ю. Зубкова, *Прибалтика и Кремль* (Moskva: Автономная некоммерческая организация Издательство «Политическая энциклопедия», 2008), 128.

4 Statistics Estonia: Statistical Database. Population – Population Figure and Composition – RV021: Population by Sex, Age, and Group, 1 January <http://andmebaas.stat.ee/Index.aspx?DataSetCode=RV021> (Accessed April 2, 2022).

5 Latvijas Oficiālā statistika. <https://data.stat.gov.lv/pxweb/en/>. (Accessed April 2, 2022).

6 Lietuvos tautinių mažumų švietimo būklės analizė <http://www.nmva.smm.lt/wp-content/uploads/2019/02/Lietuvos-tautini%C5%B3-ma%C5%BEum%C5%B3-%C5%A1vietimob%C5%ABkl%C4%97s-analiz%C4%97-2018-m.1.pdf> (Accessed April 2, 2022).

7 MÓNIKA AMBRUS, „Lettország-Állampolgárnak lenni vagy nem (-állampolgárnak) lenni?“, *Themis*, no. 12 (2004): 5–11.

A BALTIKUM AZ ÉRETT SZOVJET KORSZAKBAN

A nemzetiségi kép változása

A Szovjetunió más területeiről a balti köztársaságokba történő bevándorlás, amely már 1945-től megkezdődött, az 1950-es évek végén, és főleg az 1960-as évek elején egyre intenzívebbé vált. 1959-ben Lettorszáiban 62%, Észtországban 74,6% volt a helyi tituláris nemzet aránya.⁸ 1970-ben a lettek aránya már csak 57 %, az észtek aránya pedig 68 %-ra volt a köztársaságokon belül. A balti köztársaságokban a születési arány is jelentősen lecsökkent az 1960-as évek közepére, elsősorban Lettorszáiban és Észtországban.⁹ Ezen kívül 1960 és 1981 között végig ebben a két köztársaságban volt a legmagasabb a halálozási arány az egész Szovjetunióban, jóval magasabb az uniós átlagnál. Ennek megfelelően ebben a két tagköztársaságban a természetes szaporulat már 1960-ban kiugróan alacsony volt: az Észt SZSZK-ban 6,1, a Lett SZSZK-ban 6,7 ezrelék volt a természetes népességnövekedés. Összehasonlításként a harmadik helyen álló Ukrán SZSZK-ban ez az átlag 13,6 ezrelék, az egész Szovjetunió átlaga pedig 17,8 ezrelék volt. Ráadásul az áttelepülők döntő többsége a fiatalabb korosztályokból került ki.¹⁰ A nagyrészt fiatal, szülőképes korú, sokszor családalapítás előtt álló munkavállalók érkezése azt jelentette, hogy a betelepülők természetes szaporulata nagyobb volt, mint a helyi lakosságé, ami hosszú távon önmagában is a helyi etnikumok arányának csökkenését vetítette előre. Ez a probléma kevésbé volt súlyos Litvániában, ahol továbbra is viszonylag magas volt a születési arány, ami elsősorban a jelentős vidéki agrárnépességgel magyarázható. Eközben a betelepülés nem volt olyan magas a köztársaság összlakosságához mérten, így egyelőre nem fenyegetett az a veszély, hogy a betelepülők kerülnek többségbe.¹¹

A Szovjetunió egészét nézve az Észt és a Lett SZSZK-ban jóval nagyobb volt a migráció által kiváltott népességnövekedés, mint az összes többi köztársaságban. A nettó bevándorlás szempontjából az Észt SZSZK a bevándorlók száma szerint is harmadik helyen állt az OSZFSZK és az Ukrán SZSZK mögött, Lettország pedig a negyedik helyen állt a szovjet köztár-

8 GEORG VON RAUCH, ROMUALD J. MISIUNAS, REIN TAAGEPERA (szerk.), *A balti államok története* (Budapest: Osiris–Századvég, 1994), 272.

9 RAUCH, MISIUNAS, TAAGEPERA, *A balti államok története*, 332.

10 *Динамика населения СССР 1960–1980 гг. Финансы и статистика, ежегодник* (Москва: Финансы и статистика, 1985), 33.

11 RAUCH, MISIUNAS, TAAGEPERA, *A balti államok története*, 332.

saságok között.¹² Ugyanakkor az OSZFSZK és az USZSZK esetében a bevándorlásból származó népességnövekedés nem befolyásolta jelentősen a népesség összetételét, hiszen ez csupán 0,1%-os nettó bevándorlást jelentett. Az egymillió lakosú Észt SZSZK, illetve a kétmillió Lettország esetében azonban évente néhány ezer bevándorló is komoly hatással volt a népesség etnikai összetételére. Észtország volt az egyetlen szovjet köztársaság, ahol a nettó bevándorlás aránya meghaladta a lakosság 1%-át.

Észtországban az észt lakosság aránya 1989-re 61,5%-ra csökkent, míg az oroszok aránya meghaladta a 30%-ot, az ukrán és belorusz népességgel együtt pedig az oroszajkú szláv lakosság 35% fölött volt. Lettországban a lettek aránya 1989-re 52%-ra csökkent, az oroszok a lakosságnak 34%-át alkották, további 8%-át pedig az ukrán és belorusz népesség. Litvánia nemzeti képe viszonylag keveset változott a szovjet korszakban, 1989-ben a litvánok még mindig a népesség csaknem 80%-át tették ki, az oroszok 9,4%-át.¹³ Ezek a tendenciák még erősebben megmutatkoztak a fővárosok nemzeti összetételében. Tallinnban 1989-ben az észtek aránya csupán 46,8 % volt, míg az oroszajkú lakosságé 49% fölött.¹⁴ A lettek Rigában már 1959-ben is csak relatív többségben voltak (44,7%). 1970-re 41 %-ra esett vissza az arányuk, a 43%-os orosz lakosság pedig többségbe került a lett SZSZK fővárosában. Hozzá kell tenni, hogy Riga már 1959-ben is oroszajkú város volt, ahol a lakosság több mint fele az orosz vallotta az anyanyelvének.¹⁵ Vilniusban viszont folyamatosan emelkedett a litvánok aránya a lakosságon belül. A II. világháború előtt elenyésző vilnusi litván népesség aránya 1959-ben 33,6 % volt, 1989-re már meghaladta az 50%-ot, vagyis Vilnius a szovjet korszak folyamán vált litván többségű várossá.¹⁶

A Balti köztársaságokban élő oroszajkú népesség döntő többsége a nagyvárosokban élt, míg vidéken jellemzően a helyi nemzetiségek voltak nagy többségben. Egyes városokban és régiókban nagyobb arányban élt orosz lakosság. Lettországban ilyen volt Rigán kívül a délkeleti régió, Latgale, különösen a nagyobb városok (Daugavpils, Rēzekne). Észtországban az oroszok elsősorban Tallinnban és környékén koncentrálódtak, illetve az orosz határ közelében, Ida-Virumaa régióban, amely ma is orosz-

12 *Динамика населения СССР 1960-1980 гг.*, 32.

13 GÁBOR GYÓNI, *A történelmi Oroszország népei. Adattár* (Budapest: Russica Pannonica, 2011), 32, 38, 45–46.

14 GYÓNI, *A történelmi Oroszország népei*, 2011, 35.

15 GYÓNI, *A történelmi Oroszország népei*, 2011, 41.

16 GYÓNI, *A történelmi Oroszország népei*, 2011, 48–49.

többségű.¹⁷ Ezek a területeken az oroszok egy tömbben telepedtek meg, elkülönülve a helyi nemzetiségű lakosságtól, ami nagyban hozzájárult ahhoz, hogy a helyi társadalmi, kulturális környezetbe való beilleszkedés és a helyi nyelv elsajátítása nélkül is boldoguljanak. Lettorszáiban intenzívebb volt a kapcsolat, sőt a keveredés az orosz és a lett népesség között. Az oroszok elkülönülése a társadalmon belül a mai napig jellemzi a balti országokat. Egy további következménye a fővárosok eloroszosodásának, hogy a nemzeti mozgalmak ismét jelentősen növelték a második, „nemzeti” fővárosok, Észtországban Tartu, Litvániában pedig Kaunas jelentőségét.¹⁸

A helyi lakosságból egyre nagyobb ellenérzést váltott ki az ilyen mértékű bevándorlás. Az észtek és a lettek körében elterjedté vált az a félelem, hogy az oroszok hamarosan többségbe kerülnek, az ő kis létszámú népeik pedig végleg eltűnnek.¹⁹ Fokozták az ellenszenvet a betelepülőket megillető kedvezmények. Például a lakáskérdés problémája mindhárom balti köztársaságban összekapcsolódott a bevándorlás kérdésével. Egy kommunális lakásra általában több mint 10 évet kellett várni, és a várólistára csak azt vették fel, aki legalább 3 (köztársasági fővárosok esetén 5) éve élt vagy dolgozott az adott településen.²⁰ Ezzel szemben a betelepülő munkavállalók gyorsan kaptak lakást, sokszor előbb, mint az ott élők, akik már évek óta vártak rá.²¹

Moszkvából egyértelműen ösztönözték az (orosz) munkavállalók áttelepülését a balti köztársaságokba. Gyakran előfordult, hogy észtországi állásokat csak az OSZFSZK-ban hirdettek meg, a munkát vállalóknak pedig lakhatást ígértek.²² A mérnökök és az ipari munkások többsége bevándorló volt, mivel az iparban létrejövő munkahelyeket inkább oroszokkal töltötték fel.²³ Ezzel párhuzamosan a helyi balti nemzetiségű lakosoknak más szovjet köztársaságokban kínáltak álláslehetőségeket, szintén ma-

17 GÁBOR LAGZI, „Többség és kisebbség a Baltikumban (1989–1991)”, in *Rendszerváltás és történelem. Tanulmányok a kelet-európai átalakulásról*, szerk. TAMÁS KRAUSZ – MIKLÓS MITROVITS – CSABA ZAHORÁN (Budapest: L’Harmattan–ELTE BTK Kelet-Európa Története Tanszék, 2010), 176.

18 LAGZI, „Többség és kisebbség a Baltikumban (1989–1991)”, 177.

19 LAGZI, „Többség és kisebbség a Baltikumban (1989–1991)”, 175.

20 ARVYDAS ANUŠAUSKAS (ed.) *Lithuania in 1940–1991: The History of Occupied Lithuania* (Vilnius: Genocide and Resistance Research Centre of Lithuania, 2015), 435.

21 RAUCH, MISIUNAS, TAAGEPERA, *A balti államok története*, 312.

22 REIN TAAGEPERA, „Ethnic Relations in Estonia, 1991”, *Journal of Baltic Studies* 23, no. 2 (1992): 123. <https://doi.org/10.1080/01629779100000351>

23 TAAGEPERA, „Ethnic relations in Estonia, 1991”, 123.

gas fizetéssel és szociális juttatásokkal, és minden módon bátorították őket arra, hogy települjenek át a Szovjetunió keleti régióiba.²⁴ Míg a háború utáni időkben elsősorban ide helyezett funkcionáriusok érkeztek, akik sokszor nem is szívesen települtek át, különösen Litvániába, a heves partizánháború miatt, később, főleg a Hruscsov-korszaktól már inkább maguktól települtek be ide az emberek, a magasabb életszínvonal és a jobb ellátottság miatt. Emellett sok szovjet katonatiszt telepedett le családjával együtt a balti köztársaságokban, nem csak a szolgálat idejére. A Baltikumban jelentős szovjet katonai bázisokat építettek ki. Az itt szolgálatot teljesítő katonák a szolgálati idő letelte után is szívesen maradtak itt és telepedtek le végleg a balti köztársaságokban, elsősorban a magasabb életszínvonalnak köszönhetően.²⁵ A szovjet hadsereg tisztjeinek nyugalománya vonulásuk után joguk volt szabadon megválasztani lakóhelyüket, ahol azonnal kiutaltak nekik lakást. Ilyen módon sok egykori szovjet katonatiszt költözött családotul a Baltikumba.²⁶ Litvániában még az 1980-as években is évente 150-180 ilyen család telepedett le. A szovjet hadsereg tisztjei különösen nagy kiváltságokat élveztek a lakáskiutalás terén.²⁷ Hasonlóan előnyös helyzetben voltak a leszerelt katonák és a nyugalománya vonuló tisztiek. A háborút követő évek súlyos lakásproblémái, a többszörös társbérletek és hosszú várólisták idején a lakások kiürítése szovjet tisztiek számára, illetve az aktív és a leszerelt szovjet katonák letelepedési lehetőségei és kiváltságai aligha növelték a helyi lakosság szimpátiáját a szovjet hatalommal szemben, sokkal inkább kelthette azt az érzést helyiekben, hogy a szovjetek valóban idegen megszállók.

A legfőbb probléma természetesen az volt, hogy a betelepülőknek csak egy kis része asszimilálódott, mind nyelvi, mind kulturális szempontból. Rein Taagepera az orosz bevándorlók hozzáállását a helyiekhez egyenesen a gyarmatosítók viselkedéséhez hasonlítja, akik elvárták a helyiektől, hogy az ő nyelvüket használják.²⁸ Leír olyan eseteket, amikor például egy (ahogy ő nevezi, „gyarmatosító”) eladó rákiabál a helyi vevőre: „Beszélj emberi nyelven!”.²⁹ Ugyanakkor, a balti népekben élő erős nemzeti öntudat és az eltérő történelmi, kulturális háttér miatt, a helyi lakosság is sokkal

24 ANUŠAUSKAS, *Lithuania in 1940–1991*, 450.

25 LAGZI, „Többség és kisebbség a Baltikumban (1989–1991)”, 179.

26 ANUŠAUSKAS, *Lithuania in 1940–1991*, 437.

27 JURIS RIEKSTIŅŠ, *Padomju impērijas koloniālā politika un Latvijas kolonizācija 1940–1990* (Rīga: Tieslietu ministrija, 2015), 180.

28 TAAGEPERA, „Ethnic Relations in Estonia, 1991.”, 124.

29 TAAGEPERA, „Ethnic Relations in Estonia, 1991.”, 124.

kevésbé volt hajlandó betagozódni, beolvadni az egységes szovjet népbe (ami a gyakorlatban a nyelvi, kulturális eloroszosodást jelentette), sokkal inkább igyekeztek megőrizni saját nemzeti kultúrájuk sajátosságait, mint például a szomszédos szláv köztársaságok, az Ukrán és a Belorusz SZSZK lakossága.³⁰ A balti népekben végig hangsúlyosabb maradt a különállás tudata, mint a legtöbb köztársaságban.

A balti lakosság szovjetellenessége különféle gesztusaiban nyilvánult meg. Egyes sportesemények idején nem a szovjet versenyzőknek, hanem az ellenfeleiknek szurkoltak, például Vilniusban 1977-ben a csehszlovák jégkorongcsapat győzelmét ünnepelték a szovjet csapat felett.³¹ Időről időre megmozdulásokra is sor került. 1976-ban Tartuban, 1977-ben Vilniusban és a lettországi Liepājában volt nagyszabású diáktüntetés.³² A legkomolyabb szovjetellenes tüntetэшullám Litvániában azután indult el, hogy 1972 május 14-én Romas Kalanta, egy tizenkilenc éves kaunasi diák nyilvánosan felgyújtotta magát. Kalanta példáját követve az elkövetkező évek folyamán több fiatal is felgyújtotta magát „Litvániáért”, „Litvánia szabadságáért”.³³ Az Észt SZSZK-ban a legnagyobb tüntetés 1980-ban Tallinnban volt, amelyen mintegy 2000 középiskolás vett részt.³⁴ Rigában 1985-ben punk-felvonulásra került sor, amelyen főleg iskolások, középiskolások vettek részt.³⁵ Ezekből a példákából látható, hogy a különféle nemzeti, szovjetellenes mozgalmakban a legaktívabban a fiatalok vettek részt, sokszor nem is elsősorban egyetemisták, mivel őket jobban szemmel tartották, és ők már valóban a jövőjüket kockáztatták, hanem még fiatalabbak, akik, különösen a 80-as évek második felében már nem féltek úgy a KGB-től, mint az idősebb generációk, akik még megtapasztalták a 40-50-es évek represszióit.

A „szovjet nyugat” és a balti népek nyugati orientációja

A Szovjetunióon belül a Baltikum egyfajta „Nyugatot” képviselt, mentalitásban, kultúrában.³⁶ Történelmük, ábécéjük, kultúrájuk és orientációjuk sokkal szorosabban kötötte őket az európai hagyományokhoz, mint bármely más szovjet tagköztársaságot. Emiatt a nyugati hatások, amelyek

30 LAGZI, „Többség és kisebbség a Baltikumban (1989–1991)”, 176.

31 RAUCH, Misiunas, Taagepera, *A balti államok története*, 359.

32 ANUŠAUSKAS, *Lithuania in 1940–1991*, 460–463.

33 ANUŠAUSKAS, *Lithuania in 1940–1991*, 457.

34 TOIVO U. RAUN, *Észtország története* (Debrecen: Csokonai, 2001), 222.

35 RAUN, *Észtország története*, 659.

36 RAUN, *Észtország története*, 659.

a hidegháború korszakában a Szovjetunióba beszivárogtak, sokkal erősebben jelentkeztek itt, mint akár a szomszédos szláv köztársaságokban, nem beszélve Szovjetunió belső területeiről.³⁷ Jellemzően maguk az oroszok is így tekintettek rájuk: Jelena Zubkova szerint az átlag szovjet ember számára a Baltikum nem is annyira a „szovjet Nyugat”, hanem maga Európa volt, Lettországba vagy Észtországba utazni pedig már-már olyan, mintha külföldre utazna az ember.³⁸

Észtországra különösen nagy hatással voltak a 60-as, 70-es években újraeledő svéd és finn kapcsolatok. Észak-Észtországban lehetett fogni a finn televízió adásait, amin keresztül a lakosság jelentős része szerzett tapasztalatokat a falon túli világról.³⁹ Az újra megjelenő finn és svéd turisták, a kulturális és tudományos életben a közös rendezvények, kölcsönösen meghívott vendégladókkal, lehetővé tették a közvetlen kapcsolatot a nyugati szomszédokkal. Az észtek jelentős része jól beszélt finnül, a felmérések során sokan az orosz helyett a finnt nevezték meg második nyelvként az anyanyelvükön túl. Ez jól demonstrálja az észtek orientációját, akik Oroszország helyett Finnországra tekintettek példaként. A Taagepera által felsorolt szempontok közül éppen az orientáció a legfontosabb, hiszen ez volt a feltétele annak, hogy ne csak a szovjet valóság realitásai-ból induljanak ki, hanem összehasonlításként ott legyen a tudatukban a nyugati életmód (ha nem is elérhető, de létező) alternatívája.

Orosz történészek úgy látják, hogy a 70-es években és a 80-as évek elején a nemorosz köztársaságok gyorsabban fejlődtek, mert több központi forráshoz jutottak, mint az OSZFSZK (kivéve Moszkvát).⁴⁰ Ez egy hallgatólagos megegyezés része lehetett a központi és a helyi hatalmak között: a szövetségi vezetés ezért cserébe az orosz- és szovjetellenes hangulat mérséklését várta a régióktól, különösen a balti köztársaságok esetében. A Lett és az Észt SZSZK-ban valóban magasabb volt az életszínvonal, mint a többi szovjet tagköztársaságban.⁴¹ Jobb volt az ellátás mind élelmiszer, mind fogyasztási cikkek tekintetében. Ez látható egy főre jutó hús-, tej-, tojás- és halfogyasztás mértékéből, amely magasabb volt a szovjet átlagnál. Bár továbbra is komoly gondot jelentett a lakásprobléma, elsősorban

37 REIN TAAGEPERA, "Who Assimilates Whom? — The World and the Baltic Region", *Journal of Baltic Studies* 18, no. 3 (1987): 271. <https://doi.org/10.1080/01629778700000121>

38 ЗУБКОВА, *Прибалтика и Кремль*, 4.

39 HAIN REBAS, "'Baltic Regionalism'??", *Journal of Baltic Studies* 19, no. 2 (1988): 109. <https://doi.org/10.1080/01629778800000021>

40 А. Б. ЗУБОВ, *История России. XX век. Деградация тоталитарного государства и движение к новой России (1953–2008). Том III. Vol. 3.* (Москва: Litres, 2017).

41 RAUN, *Észtország története*, 235.

a fővárosban, az egy főre jutó lakóterület tekintetében Észtország első helyen állt a tagköztársaságok között. A balti köztársaságokban személygépkocsiból is több volt, mint más régiókban.⁴² Az egy főre jutó nemzeti jövedelem szintén magasabb volt, mint a Szovjetunió többi köztársaságában. 1958-ban Lettországból 29%-kal, Észtország pedig 19%-kal haladta meg a szovjet átlagot. 1968-ra ez az előny Lettországból 42%, Észtország 44% volt a szovjet átlaghoz képest. Az 1980-as években egyedül Észtországban volt magasabb az átlagfizetés, mint az OSZFSZK-ban.⁴³ Az életszínvonal és a jobb ellátottság fényében nem meglepő, hogy sokan szívesen települtek át más szovjet köztársaságokból.

Akármilyen kielégítőek is voltak azonban szovjet viszonylatban az életkörülmények a balti köztársaságokban, a jelek szerint a helyi lakosság nem volt, nem is lehetett megelégedve a Szovjetunió kínálta lehetőségekkel, mivel ők soha nem a többi szovjet köztársasághoz mérték saját helyzetüket, hanem egyrészt a függetlenség korszakának lehetőségeihez, másrészt a 60–70–80-as évek európai, nyugati életszínvonalához. A balti köztársaságok lakosainak, elsősorban az észteknek, volt alkalmuk közvetlen tapasztalatokat szerezni a finnországi, sőt, a svédországi életszínvonalról, miközben az észtek elsősorban ezekkel az államokkal, népekkel, tágabb értelemben pedig (Nyugat-)Európával érezték közösséget. Kisebb mértékben elmondható ugyanez a lettekről is.

Innen nézve a Szovjetunióhoz tartozás sokat hangoztatott gazdasági előnyeiről is egészen más véleményt képviselnek a balti országok, mint a hivatalos szovjet felfogás, vagy akár a mai orosz történetírás. A szovjet korszak gazdasági fejlődését ugyanis nem a háború utáni állapotokkal mérik össze, hanem a háború előtti, a szovjetek által lebontott gazdasági struktúrával, a korábbi külkereskedelmi kapcsolatokkal, a tervezett, de elmaradt további közeledéssel Finnországhoz és a Nyugathoz, továbbá magához a finn gazdasághoz.⁴⁴ Az észtek és a lettek számára Finnország jelenti azt az alternatív utat, amit a balti országok maguk is bejárhattak volna, ha nincs a szovjet megszállás. Szintén nincsenek az orosz állásponttal egy véleményen a szovjet központi dotációkról és a köztársasá-

42 RAUCH, MISIUNAS, TAAGEPERA, *A balti államok története*, 305.

43 *Народное хозяйство в СССР в 1990 г. Статистический ежегодник* (Moskva: Финансы и статистика, 1991), 38.

44 JURIS PRIKULIS, "Latvian Industry – 1940–1960: Excessive Expansion and Increasing Regional Disparity in the USSR", in *Damage Caused by the Soviet Union in the Baltic States Social, Economic and Environmental Losses. International conference materials*, ed. AIJA ABENE, JURIS PRIKULIS (Rīga: Ldt, 2017), 54.

gokban végrehajtott gazdasági fejlesztésekről. Ehelyett sokan úgy értékelik, hogy Észtország és Lettország szovjetizálása gazdasági szempontból tipikus gyarmatosító magatartást tükröz.⁴⁵ Eszerint a szovjet gazdasági rendszerbe való betagozás a helyi erőforrások maximális kihasználását jelentette, valamint Észtország korábbi gazdasági kapcsolatainak megszakítását és az ország izolálását a világgazdaságtól. A lett Juris Prikulis egyenesen úgy értékeli, hogy a szovjet gazdasági rendszerbe való betagozás óriási károkat okozott a balti államoknak.⁴⁶ Főleg a technológiai lemaradást tartja súlyosnak, ami legtöbb lett ipari vállalatra jellemző, holott az 1930-as évek végére Lettország szerinte egy fejlett európai országnak számított, jelentős ipari és mezőgazdasági teljesítménnyel, ahol sokkal nagyobb jólét, sokkal magasabb életszínvonal volt, mint a Szovjetunióban, így az, hogy a háború utáni időszakban a lett gazdaság a régi szovjet köztársaságok szintjén volt, egyértelmű degradáció. Ma a balti országokban általában úgy vélik, hogy a köztársaságok ipari kapacitását elsősorban a Szovjetunió erősítése érdekében növelték, figyelmen kívül hagyva a helyi sajátosságokat és igényeket.⁴⁷ Később pedig a szovjet katonai célú fejlesztések túlsúlya miatt a lett ipar nem volt nemzetközileg versenyképes. Az utóbbi évtizedekben mások is sokat foglalkoztak azzal a kérdéssel, hogy a Baltikum szovjetizálását lehet-e gyarmatosításként értékelni, és ha igen, milyen gyarmatosító elemeket hordozott.⁴⁸ Epp Annus szerint például, bár a terület Szovjetunióhoz való csatolását, a körülmények miatt, klasszikus értelemben vett gyarmatosításként értékelni problematikus, ám a későbbiekben a helyi gazdaságok kihasználása és a szovjet érdekeknek megfelelő alakítása már tipikus gyarmattartói magatartást tükröz. A helyi erőforrások kihasználásából és a központi irányításból származó problémákat, például, hogy a késztermék-exportkvóták megállapításakor nem veszik figyelembe a helyi szükségleteket, az Észt SZSZK Minisztertanácsának elnöke maga is szóvá tette 1956. szeptemberében.⁴⁹

45 KALEV KUKK, "Economic Damage Caused by the Soviet Occupation to the National Economy of Estonia", in *Damage Caused by the Soviet Union in the Baltic States Social, Economic and Environmental Losses. International conference materials*, ed. AIJA ABENE, JURIS PRIKULIS (Rīga: Ldt, 2017), 31.

46 PRIKULIS, "Latvian Industry – 1940–1960: Excessive Expansion and Increasing Regional Disparity in the USSR", 52–53.

47 PRIKULIS, "Latvian Industry – 1940–1960: Excessive Expansion and Increasing Regional Disparity in the USSR", 52–53.

48 EPP ANNUS, "The Problem of Soviet Colonialism in the Baltics." *Journal of Baltic Studies* 43, no. 1 (2012): 21–45. <https://doi.org/10.1080/01629778.2011.628551>

49 RAUCH, MISIUNAS, TAAGEPERA, *A balti államok története*, 271.

1980 és 1990 között a balti köztársaságokban végig jóval magasabb volt az öngyilkosságok aránya, mint a Szovjetunió más köztársaságaiban (az OSZFSZK kivételével).⁵⁰ 1980-ban Litvániában volt a legmagasabb (35) az 1000 emberre jutó öngyilkosságok aránya az egész Szovjetunióban. Második helyen az OSZFSZK állt, utána viszont az Észt és Lett SZSZK-k következtek. Ez a négy tagköztársaság a 80-as évek folyamán végig vezetett az öngyilkosságok arányában, mindössze annyi változott, hogy 1990-re Észtország vette át az első helyet. Ezek az adatok, a térségre jellemző, rendkívül alacsony születési arányokkal együtt szintén arra engednek következtetni, hogy a Baltikumban a lakosság jelentős része nem érezte kielégítőnek az adott életkörülményeket és perspektívákat.

A Szovjetunió viszonylatában azonban az Észt és a Lett SZSZK kétségtelenül igen jó életszínvonalat kínált az ott élőknek. A jobb lehetőségek ígérete önmagában is elég lehetett a köztársaságokba való bevándorlás ösztönzésére. Ilyen módon a fent látott mértékű migrációhoz elvileg nem volt szükség szándékolt, szervezett betelepítésre. Hozzá kell tenni azt is, hogy a migráció hatása részben azért is volt ilyen észrevehető ezekben a köztársaságokban, mert nagyon kicsi, köztársaságonként 1–2 milliós helyi lakosságról beszélünk, amely az egész Szovjetunió népességéhez mérten nagyon kevés. Mindezek arra utalnak, hogy a balti köztársaságokban lezajló változások a lakosság etnikai összetételében lehettek többé-kevésbé spontán folyamatok következményei. Ugyanakkor, mint láttuk, az OSZFSZK-ban igenis szorgalmazták a munkaerő áttelepülését a Baltikumba, legalábbis bátorították az embereket arra, hogy a balti köztársaságokban vállaljanak munkát.

A szovjet nemzetiségi politika és a nyelvkérdés

Az konfliktusok egyik fő forrása a nyelvkérdés volt. Az orosz volt az állami ügyintézés, a katonaság nyelve, és fontos szerepet játszott az oktatásban is.⁵¹ Az orosz nyelv hivatalosan nem volt államnyelv, csupán közvetítő nyelv a nemzetiségek közötti kommunikációhoz, ám minden hivatalos intézményben ezt használták. Ily módon az orosz nyelv használata fontos része volt a szocializációnak.⁵² Az „olvadás” időszakában a nemzeti nyelv-

50 *Народное хозяйство в СССР в 1990 г.*, 93.

51 *Зубов, История России. XX век.*

52 *DAINA BLEIERE, "The Sovietisation of Latvia in the Context of the Baltic States", in Latvia and Latvians 2 (Riga: Latvian Academy of Sciences, 2018), 597.*

vek is nagyobb teret kaptak, a 70-es évekre azonban újra háttérbe szorultak. A 70-80-as években a lett nyelv helyett a nagyvárosokban a hétköznapi életben is (boltokban, tömegközlekedésben és a munkahelyeken) egyre többen az oroszot használták.⁵³ A nyelvhasználat kérdése kulcsszerepet játszott a balti nemzeti öntudatban. A balti lakosság jelentős részében benne élt a tudat, hogy az anyanyelvük, amely nemzeti identitásuk egyik legfontosabb eleme, veszélyben van, és ez a gondolat nagyban kihatott az oroszokhoz és az orosz nyelvhez való viszonyukra. A balti historiográfiában egyenesen erőltetett ruszifikációként értékelik az orosz nyelv szerepének növelését, amellyel Moszkva tudatosan igyekezett csökkenteni a balti nyelvek jelentőségét, kiszorítva a helyi nyelveket a hétköznapi használatból.⁵⁴ Akármilyen volt a szovjet vezetés célja, az orosz nyelv a balti köztársaságokban is tagadhatatlanul az élet egyre több területén háttérbe szorította a helyi nyelveket.

1970-ben a litvánok 39,5%-a, a lettek 45, 2%-a, az észteknek pedig 29%-a állította magáról, hogy jól tud oroszul.⁵⁵ Ez az arány 1989-re még csökkent is a litvánoknál (38%),⁵⁶ ám még így is magasabb volt, mint a jóval nagyobb oroszajkú lakossággal rendelkező Észtországban. Figyelembe véve továbbá, hogy az orosz nyelv az élet számos területén szükséges volt vagy előnyt jelentett, és hogy az iskolákban kötelező volt az orosz nyelv tanulása, ezek az arányok meglepően alacsonyak. Az orosz nyelv elsajátítása minden köztársaságban önként zajló folyamat volt, hiszen annak ismerete nélkül nem volt lehetőség társadalmi felemelkedésre és karrierépítésre.⁵⁷ Orosz nyelvtudás nélkül csupán presztízs nélküli munkakörökben lehetett elhelyezkedni. Az egyik lehetséges magyarázat az alacsony arányú orosz nyelvtudásra, hogy a válaszadók egy része szándékosan letagadta ezt a tudását. A másik lehetőség, hogy sokan nem voltak hajlandók az orosz nyelvű kommunikáció legszükségesebb elemeinél többet megtanulni. Ugyanakkor a tendencia ismét arra enged következtetni, hogy Moszkva törekedett a nemzetiségek nyelvi és identitásbeli eloroszosítására, ám komolyabb, radikálisabb lépésre nem volt szüksége, hiszen az idő nekik dolgozott.

53 BLEIERE, "The Sovietisation of Latvia in the Context of the Baltic States", 597.

54 ANDREJS MEŽMALIS, "A Historical Background (1939–1991)", in *Damage Caused by the Soviet Union in the Baltic States Social, Economic and Environmental Losses. International conference materials*, ed. AIJA ABENE, JURIS PRIKULIS (Riga: Ldt, 2017), 21.

55 *Итоги всесоюзной переписи населения 1970 года СССР. Том IV. Национальный состав населения СССР, союзных и автономных республик, краев, областей и национальных округов* (Москва: Статистика, 1973).

56 *Народное хозяйство в СССР в 1990 г.*, 77.

57 ЗУБОВ, *История России. XX век*.

A balti és az orosz lakosság viszonya a szovjet korszakban

A feszültségek ellenére a hivatalos adatok alapján a balti országokban a helyi tituláris nemzetek és a bevándorolt lakosság között volt kapcsolat. Erre utal a vegyes házasságok aránya ezekben a köztársaságokban. A Lett SZSZK-ban ez az arány különösen magas: a hivatalos kimutatások alapján a szovjet korszak folyamán a Lett SZSZK-ban volt a legalacsonyabb az egy nemzetiségű családok aránya a Szovjetunióban (75,8%).⁵⁸

1989-ben Lettorszáiban a nős lett férfiak 18,4%-a és a férjezett lett nők 19,6%-a, vagyis lényegében minden ötödik, etnikailag vegyes házasságban élt.⁵⁹ Ugyanez az arány a köztársaság orosz lakosságánál 37%. Ez persze nem meglepő, ha figyelembe vesszük, hogy Lettorszáiban ugyanebben az évben a lettek aránya mindössze 52% volt a köztársaságon belül. Litvániában és Észtországban ennél alacsonyabb volt a vegyes házasságok aránya. Az észtek esetében 8% körül volt, az észtországi oroszok esetében 24,3%, illetve 27,3%. Ez is arra utal, hogy az észtországi oroszok sokkal inkább elszigetelődve éltek a helyiektől, mint a lettországi oroszok. Összehasonlításképpen Ukrajnában 32%, Belorussziában 37-38% volt a vegyes házasságban élő férfiak és nők aránya 1989-ben⁶⁰, tehát lényegesen magasabb, mint a balti köztársaságokban. Mindenesetre az adatok azt jelzik, hogy az eltérő etnikai csoportok között a balti köztársaságokban igenis volt átjárás. Másrészt azt is, hogy a balti köztársaságokban élő oroszok mindenhol jelentősen nagyobb arányban éltek etnikailag vegyes házasságban, mint a helyi etnikumok képviselői. Ennek egy lehetséges oka, hogy jellemzően a balti lakosok inkább viszonyultak negatívan a betelepült oroszokhoz, mint fordítva. A felmérések szerint az ilyen vegyes házasságokból származó gyermekek többsége baltinak vallotta magát.⁶¹ Tehát összességében mégis volt valamilyen mértékű integráció. A nyelvileg vegyes családoknak körülbelül a felében a helyi nemzetiségi nyelvet használták egymás között. A legnagyobb mértékben a lettek hagyták el anyanyelvüket az orosz javára ilyen esetekben.⁶² Ez egybecseng a többi felmérés adataival, amelyek mind arra engednek következtetni, hogy a három balti köztársaság közül Lettorszáiban volt a legnagyobb az orosz nyelv hatása, illetve a helyi és a betelepülő etnikumok keveredése.

58 *Динамика населения СССР 1960–1980 гг.*, 92.

59 *Народное хозяйство в СССР в 1990 г.*, 84–85.

60 *Народное хозяйство в СССР в 1990 г.*, 84.

61 RAUCH, MISIUNAS, TAAGEPERA, *A balti államok története*, 334.

62 TAAGEPERA, "Who Assimilates Whom?—The World and the Baltic Region", 274–275.

Taagepera adatai szerint 1979-ben a lettországi oroszok 19%-a beszélt a köztársasági nyelvet.⁶³ Az orosz anyanyelvűek messze a legnagyobb arányban (35%) Litvániában sajátították el a helyi nyelvet. Ezzel szemben az észtországi oroszoknak csupán elenyésző hányada, mindössze 1,2%-a beszélt észtil, és ez az arány nem változott az előző, 1970-es felmérés óta. Eközben (az egész Szovjetunióban egyedülként) Észtországban még csökkent is az oroszul tudók amúgy is alacsony százaléka 27,6%-ról 23%-ra ezalatt az idő alatt. Ezek az adatok kifejezetten rossz viszonyt sugallnak az észtek és az észtországi oroszok között, mint ahogy arra is következtetni engednek, hogy Litvániában valamiért (talán azért, mert nemzeti létük fenyegetettségének érzése nem volt olyan erős) sokkal kevésbé volt konfliktusos a viszony az oroszok és a helyi lakosság között. Taagepera, nem tartva megalapozottnak a lett nyelv fennmaradásával kapcsolatos aggodalmakat, az adatokból azt a következtetést vonta le, hogy a balti és az orosz lakosság között egyik irányban sem tapasztalható jelentős asszimiláció, hiszen 20 év alatt a népességnek csak egy nagyon kis százaléka hagyta el korábbi anyanyelvét.⁶⁴

ÖSSZEZÉS

Az oroszajkú lakosság nagyarányú betelepülése a balti köztársaságokban rövid idő alatt megváltoztatta a helyi nemzetiségi arányokat. Észtországban és Lettországból néhány évtized alatt jelentősen lecsökkent az észtil, illetve lett nemzetiségűek aránya. A betelepülők nagyrésze nem asszimilálódott a helyi viszonyokhoz és az évtizedek során sem sajátította el a helyi nyelvet. Emiatt a balti köztársaságokban a helyi lakosok is kénytelenek voltak egyre több esetben az orosz nyelvet használni, miközben saját anyanyelvük egyre jobban kiszorult az élet különböző színtereiről. Nem meglepő, hogy az évtizedek során az észtek és a lettek egyre inkább saját nyelvük, sőt, nemzetük kihalását vízionálták. A kevésbé iparosodott Litvániában ettől eltérő folyamatok zajlottak, itt az orosz lakosság végig 10% alatt maradt.

A balti historiográfia álláspontja, hogy a szovjet korszakban Moszkva tömeges áttelepítéssel akarta eloroszosítani a balti köztársaságokat. Noha az orosz lakosság szervezett, módszeres áttelepítéséről nem beszél-

63 TAAGEPERA, "Who Assimilates Whom?—The World and the Baltic Region", 276–278.

64 TAAGEPERA, "Who Assimilates Whom?—The World and the Baltic Region", 276–278.

hetünk, a szovjet vezetés kétségtelenül szorgalmazta és támogatta a más köztársaságokból történő betelepülést a balti köztársaságokba. Moszkva elsődleges célja olyan, a Szovjetunióban szocializálódott népesség megjelenése lehetett, amely számára megbízhatóbb, lojálisabb a rendszerhez, mint a helyi lakosság, mert magával hozza a szovjet (orosz) mentalitást. Azzal is számolhattak, hogy a betelepült oroszajkú réteg markáns jelenléte a helyi lakosságot is a szovjet viszonyokhoz való alkalmazkodásra kényszeríti, ami hozzájárul a térség integrációjához a Szovjetunióba. Tekintve az etnikai arányok megváltozásának további társadalmi következményeit, ez a törekvés sikeresnek mondható. A migráció alapvető forrása (a megbízható káderek áthelyezése mellett) a munkaerő beáramlása volt, melyet az iparosítással fellépő munkaerőhiány tett indokolttá, elsősorban Észtországban és Lettországban. A bevándorlást tovább ösztönözte a magasabb életszínvonal, amely szovjet viszonylatban a balti köztársaságokat köztudottan jellemezte. Bár az etnikailag vegyes házasságok aránya alapján volt érintkezés a különböző nemzetiségek között, ennek ellenére Lettországban, és különösen Észtországban a helyiek és az oroszok között mindvégig megmaradt a feszült viszony. Ez a viszony újabb konfliktusokhoz és problémákhoz vezetett az 1991-es függetlenedés után. Litvániában, ahová kisebb mértékű volt a betelepülés, jóval konfliktusmentesebb volt a helyiek és a betelepült oroszajkúak kapcsolata. A szovjet múlt emléke azonban ma is kihat a balti országok és Oroszország viszonyára.

References

- MÓNIKA AMBRUS, „Lettország – Állampolgárnak lenni vagy nem (-állampolgárnak) lenni?” [Latvia – To Be a Citizen or Not to Be (- a Citizen)?], *Themis*, no. 12 (2004): 5–11.
- EPP ANNUS, “The Problem of Soviet Colonialism in the Baltics”, *Journal of Baltic Studies* 43, no. 1 (2012): 21–45. <https://doi.org/10.1080/01629778.2011.628551>
- ARVYDAS ANUŠAUSKAS (ed.) *Lithuania in 1940–1991: The History of Occupied Lithuania* (Vilnius: Genocide and Resistance Research Centre of Lithuania, 2015).
- DAINA BLEIERE, “The Sovietisation of Latvia in the Context of the Baltic States”, in *Latvia and Latvians 2* (Riga: Latvian Academy of Sciences, 2018), 593–629.
- Dinamika naceleniia SSSR 1960–1980 gg. Finansy i statistika, ezhegodnik* [Dynamics of the Population of the USSR 1960–1980: Finance and Statistics, Yearbook] (Moskva: Finansy i statistika, 1985).
- GÁBOR GYÓNI, *A történelmi Oroszország népei. Adattár*. [The Peoples of Historical Russia: A Database] (Budapest: Russica Pannonicana, 2011).
- Itogi vsesoiuznoi perepisi naseleniia 1970 goda SSSR. Tom IV. Natsional'nyi sostav naseleniia SSSR, soiuznykh i avtonomnykh respublik, kraev, oblastei i natsional'nykh okrugov* [Results of the All-Union Population Census of 1970 of the USSR. Volume IV. The National Composition

of the Population of the USSR, Union and Autonomous Republics, Territories, Regions, and National Districts] (Moskva: Statistika, 1973).

KALEV KUKK, "Economic Damage Caused by the Soviet Occupation to the National Economy of Estonia", in *Damage Caused by the Soviet Union in the Baltic States: Social, Economic and Environmental Losses. International Conference Materials*, ed. AIJA ABENE, JURIS PRIKULIS (Rīga: Ldt, 2017), 31–35.

JAMES KURTH, "The Baltics: Between Russia and the West", *Current History* 98 no. 630 (1999): 334. <https://doi.org/10.1525/curh.1999.98.630.334>

GÁBOR LAGZI, „Többség és kisebbség a Baltikumban (1989-1991)” [Majority and Minority in the Baltics (1989-1991)], in *Rendszerváltás és történelem. Tanulmányok a kelet-európai átalakulásról*, szerk. TAMÁS KRAUSZ– MIKLÓS MITROVITS– CSABA ZAHORÁN (Budapest: L'Harmattan-ELTE BTK Kelet-Európa Története Tanszék, 2010), 174–192.

Latvijas Oficiālā statistika [Official statistics of Latvia] <https://data.stat.gov.lv/pxweb/en/> (Accessed April 2, 2022).

Lietuvos tautinių mažumų švietimo būklės analizė [Analysis of the State of Education of Lithuanian National Minorities] <http://www.nmva.smm.lt/wp-content/uploads/2019/02/Lietuvos-tautini%C5%B3-ma%C5%BEum%C5%B3-%C5%A1vietimo-b%C5%ABkl%C4%97s-analiz%C4%97-2018-m.1.pdf> (Accessed April 2, 2022).

ANDREJS MEŽMALIS, "A Historical Background (1939–1991)", in *Damage Caused by the Soviet Union in the Baltic States: Social, Economic and Environmental Losses. International conference materials*, ed. AIJA ABENE, JURIS PRIKULIS (Rīga: Ldt, 2017), 9–21.

Narodnoe khoziaistvo v SSSR v 1990 g. Statisticheskii ezhegodnik [National Economy in the USSR in 1990. Statistical Yearbook] (Moskva: Finansy i statistika, 1991).

JURIS PRIKULIS, "Latvian Industry – 1940–1960: Excessive Expansion and Increasing Regional Disparity in the USSR", in *Damage Caused by the Soviet Union in the Baltic States: Social, Economic and Environmental Losses. International conference materials*, ed. AIJA ABENE, JURIS PRIKULIS (Rīga: Ldt, 2017), 51–58.

GEORG VON RAUCH, ROMUALD J. MISIUNAS, REIN TAAGEPERA (szerk.), *A balti államok története* [A History of the Baltic States] (Budapest: Osiris–Századvég, 1994).

TOIVO U. RAUN, *Észtország története* [A History of Estonia] (Debrecen: Csokonai, 2001).

HAIN REBAS, "“Baltic regionalism”?", *Journal of Baltic Studies* 19, no. 2 (1988): 101–116. <https://doi.org/10.1080/016297788000000021>

JURIS RIEKSTIŅŠ, *Padomju impērijas koloniālā politika un Latvijas kolonizācija 1940–1990* [The Colonial Policy of the Soviet Empire and the Colonization of Latvia 1940–1990] (Rīga: Tieslietu ministrija, 2015).

Statistics Estonia: Statistical Database. Population – Population Figure and Composition – RV021: Population by Sex, Age, and Group, 1 January <http://andmebaas.stat.ee/Index.aspx?DataSetCode=RV021> (Accessed April 2, 2022).

REIN TAAGEPERA, "Ethnic Relations in Estonia, 1991", *Journal of Baltic Studies* 23, no. 2 (1992): 121–132. <https://doi.org/10.1080/01629779100000351>

REIN TAAGEPERA, "Who Assimilates Whom? –The World and the Baltic Region", *Journal of Baltic Studies* 18, no. 3 (1987), 269–282. <https://doi.org/10.1080/01629778700000121>

E. Iu. ZUBKOVA, *Pribaltika i Kremľ* [The Baltics and the Kremlin] (Moskva: Avtonomnaia ne-kommercheskaia organizatsiia Izdatel'stvo Politicheskaia entsiklopediia, 2008).

A. B. ZUBOV, *Istoriia Rossii. XX vek. Degradatsiia totalitarnogo gosudarstva i dvizhenie k novoi Rossii (1953–2008)* [A History of Russia. 20th Century. The Degradation of the Totalitarian State and the Move Towards a New Russia (1953–2008)], Vol. 3. (Moskva: Litres, 2017).

Guest page
Гостевая страница
Vendégrovat

ИВАН МАРИНО

**«ШАХРАЙСКАЯ» КОНСТИТУЦИЯ 1993 ГОДА:
ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ И ТОЛКОВАНИЯ¹**

**THE “SHAKHRAI” CONSTITUTION OF 1993:
FEATURES OF IMPLEMENTATION AND INTERPRETATION**

The aim of this article is to reveal what Sergei Shakhrai's plans are within the framework of ensuring the implementation of the Decree of the President of the Russian Federation 1400 of September 21, 1993, and within the framework of the Belovezhskaya Agreement. This article emphasizes his most significant contribution to the development of the law relating to the President of the Russian Federation and tries to understand his tactics when implementing Yeltsin's political course. Additionally, the paper attempts to discover what the main political instruments used in the implementation of his strategy were. It examines, in particular, his use of the institution of the President of the Russian Federation, of referenda, of the institution of the Constitutional Court (more precisely, the use of the potential of the Constitutional Court's decisions on the interpretation of the Constitution). Constitutional interpretation has become a tactical alternative response to demands for revision and amendment of the Basic Law. Before the constitutional reform of 2020, transformation of the Constitution was implemented without intrusion into its text. Interpreters now need to understand what the authors of the Constitution had in mind in 1993 as well as what the members of the working group on the preparation of amendments to be introduced to the Constitution in 2020 had in mind.

Keywords: Constitution, constitutional court, constitutional meeting, the principle of constitutional legality, referendum, presidential power

Ivan Marino – PhD, Head of the Center for Political Monitoring, Naples, Italy. E-mail: info@osservatoriorussia.it

1 Citation: IVAN MARINO, “Shakhraiskaia’ Konstitutsiia 1993 goda: osobennosti realizatsii i tolkovaniia” [The “Shakhrai” Constitution of 1993: Features of Implementation and Interpretation], *RussianStudiesHu* 5, no. 1 (2023): 259–275. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2023.5.g.1

В данной статье мы поставили задачу попытаться «выяснить», что было «за кадром» конституционной истории России и, в частности, выявить искренние намерения политической стратегии одного из серых кардиналов эпохи Ельцина – С. М. Шахрая.²

Вслед за расстрелом российского Парламента 3–4 октября 1993 года был издан самый неконституционный нормативный акт в истории России – пресловутый Указ 1400,³ который, мягко говоря, полностью противоречил действовавшей тогда Конституции и был направлен против находившихся в издании Верховного Совета легитимно избранных народных депутатов и москвичей, желающих защитить высший орган государственной власти.

И эти действия Президента РФ Б. Н. Ельцина, проводившего после Беловежского Соглашения⁴ и развала СССР⁵ антинародную политику, к великому сожалению, не были осуждены западными странами, и в первую очередь США. Видимо, заинтересованные в установлении однополярного мира и расширении НАТО на Восток, США предпочли просто проигнорировать подобные шаги Президента РФ. С точки зрения стратегии США, важно было позволить Ельцину сконцентрировать власть в своих руках, даже ценою подобных жертв. В конечном итоге это полностью соответствовало стратегическим интересам и в первую очередь интересам безопасности США.

2 С. А. Филатов: «С уходом Бурбулиса поиски “серого кардинала” в окружении Президента не прекратились. В разные времена, нет-нет, всплывали, да и назывались то Владимир Шумейко, то Сергей Шахрай, то Анатолий Чубайс...». См.: С. А. Филатов, *По обе стороны...* (М., 2006), 7.

3 Шахрай был Руководителем рабочей группы по правовому обеспечению выполнения Указа Президента РФ от 21 сентября 1993 г. N. 1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации». Вообще парадокс конституционных парадоксов! Как можно обеспечить выполнение неконституционного указа? – это высокое юридическое искусство возможного в конституционной материи!

4 Шахрай принимал непосредственное и активнейшее участие в Беловежском Соглашении, лично курировал юридическую часть Договора. 12 декабря 1993 г, в Верховном Совете РСФСР проголосовал за ратификацию Беловежского Соглашения о прекращении существования СССР.

5 Кстати напрашивается вопрос – как Шахрай проголосовал на референдуме в марте 1991 году на вопрос о сохранении Советского Союза? Интересно еще отметить, что Шахрай был членом КПСС. (Он вступил в партию в 1987 году: «Так вот, мы относимся к разным коммунистам». (так сказал на заседании Конституционного Суда Российской Федерации 9 июля 1992 года. Об этом. см.: С. М. Шахрай, *Признать соответствующим Конституции....* (М., 2011). Тогда еще вопросы Шахраю – почему вступил в КПСС? Для того чтобы разрушить ее изнутри? Каковы были его истинные намерения?

Остается фактом, что Ельцин силовым путем расправился с оппозицией, представленной в Парламенте. Главное для Президента было не дать оппозиционному блоку воспрепятствовать его политическому курсу до и после принятия новой Конституции.⁶

Шахрай, конечно, как и другие (например, А. В. Козырев, Г. А. Бурбулис) советники, играл важную роль в разработке концептуальной основы и реализации политического курса Ельцина.

Какие были основные политические инструменты реализации их стратегии? Предполагаем, что помимо Конституции, на анализе которой остановимся позже, среди этих инструментов были следующие: институт Президента, институт общенационального референдума и институт Конституционного Суда. Сам Шахрай в его книге «Неизвестная Конституция» указывает на историческое значение для России перечисленных «специальных политико-правовых инструментов».⁷ В действительности, как мы полагаем, эти «специальные политико-правовые инструменты» были на самом деле лишь средством политической борьбы Ельцина с оппозицией.

В угоду тактическим соображениям, с самого начала реформ Шахрай постарался создать такую правовую конструкцию, где должность Президента РФ занимала особое место, а его полномочия были значительно расширены. Шахрай был автором Закона РСФСР о Президенте РСФСР,⁸ он один из тех, кто с самого начала продвигал идею стратегической важности прямых выборов Президента РСФСР (тогда, как известно, Президент СССР был избран в Съезде Народных депутатов). Именно он сыграл активную роль в принятии решения поставить вопрос на референдуме об избрании Президента РСФСР прямым всенародным голосованием 17 марта 1991 года.

6 По признанию С. А. Филатова в его воспоминаниях о процессе принятия новой Конституции: «Мы все понимали, что соотношение политических сил на Съезде не в нашу пользу. Однако с помощью Конституционного Суда нам удалось найти согласованные решения, предоставлявшие возможность перехода к новой Конституции». Как помог или как мог помогать Конституционный Суд, члены которых делали клятву на действующую тогда Конституцию – тоже какая-то тайна. См.: С. А. Филатов, «Основной Закон и представительная власть», в *Понимая 90-е*, науч. ред. Александр Евлахов (М., 2013), 25.

7 См.: С. М. Шахрай, *Неизвестная Конституция* (М., 2013), 74.

8 Шахрай сам любит часто напоминать, что он автор Закона о Президенте и соответствующих поправок к Конституции. Например, см.: С. М. Шахрай, *Признать соответствующим Конституции...*, 367.

Кроме того, Шахрай сыграл ключевую роль в подготовке решения о делегировании Президенту России указного права по вопросам экономической реформы.⁹ Тогда, по публичному предложению Шахрая, пятый СНД наделил Президента Ельцина дополнительными чрезвычайными полномочиями.

Шахрай был соавтором проекта Конституции вариант «0» (9 апреля 1992), в котором Президент России превращался в главную и сильную фигуру в системе российской политической власти. Позже он был соавтором т.н. президентского проекта, над которым стало работать Конституционное Собрание (далее КС), в котором также фигура Президента обладала крайне широким спектром полномочий.

Бесспорно, Шахрай выступал за укрепление чрезвычайно сильной президентской власти прямо в антипарламентском направлении. Несмотря на его фантазию и на некоторые особо «креативные» размышления о конституционной материи (здесь Шахрай выступает как некий юрист-«иллюзионист») типа: «Я, может быть, высказал парадоксальную, но на самом деле довольно аксиоматическую вещь: сильная исполнительная (власть) усиливает Парламент»,¹⁰ он всегда преследовал цель ослабления Парламента.¹¹

Второй «специальный политико-правовой инструмент», предлагаемый Шахраем – это референдум, одним из авторов которого он являлся.¹²

9 См.: Выступление председателя Комитета Верховного Совета РСФСР по законодательству Шахрая С. М. с обоснованием проектов постановлений «О правовом обеспечении экономической реформы» и «Об организации исполнительной власти в период радикальной экономической реформы», внесенных на Съезд Президентом Российской Федерации // Пятый (внеочередной) Съезд народных депутатов РСФСР, 10-17 июля, 28 октября – 2 ноября 1991 г.: *Стенографические Отчеты: в 3 т. Т. II.* (М.: Республика, 1992), 286-290.

10 «Не может быть ничего слабее парламента, принимающего законы, остающиеся на бумаге. Когда появляется лицо, несущее персональную ответственность и обязанное исполнять законы Парламента, это есть не что иное, как усиление самого Парламента». См.: Стенограмма пленарного заседания Конституционной Комиссии от 17 мая 1991 г. См.: *Из истории создания Конституции Российской Федерации. Конституционная комиссия: стенограммы, материалы, документы (1990–1993 гг.): в 6 т. Том 2.*, науч. ред. О. Г. Румянцева (М., 2008), 194.

11 Хотя и любопытно вспоминать, он был кандидатом на высший пост в Парламенте. Выдвигал свою кандидатуру на пост Председателя Верховного Совета в 1991 году (Шахрай получил 124 голосов). Об этом, см.: О. Г. Румянцев, *Конституция девяносто третьего. История явления* (М., 2013), 73.

12 «Закон РСФСР “О референдуме”, который мы с экспертами написали в конце 1990 г...». См.: С. М. Шахрай, *О Конституции: Основной закон как инструмент правовых и социально-политических преобразований* (М., 2013), 32.

Шахрай некими «философскими» метафорами рассказывает об этом законе: «Подобно институту Президента и Конституционному Суду, он также играл роль “громоотвода”, давая возможность “выпустить пар”, безболезненно “стерилизовать” деструктивную политическую энергию».¹³

О реализации закона о референдуме Шахрай писал следующее: «... наш закон о референдуме оказался не только системообразующим актом работающей плебисцитарной демократии, но и важнейшим страховочным и охранительным механизмом демократического государственного устройства».¹⁴ Если попробовать прочесть между строк его комментариев, то выходит, что в попытке «перестраховаться» и благодаря плебисцитарному институту референдума успели обогнать оппозиционный Парламент. Шахрай охарактеризовал «референдум» как «способ стерилизации избыточной политической активности...».¹⁵ То есть логика следующая – оппозиции в Парламенте политическую активность проявлять не стоит, бесполезно!

Конкретно Шахрай любит хвалить самого себя, например, за решения принятые на всероссийском референдуме 1993 году о доверии Президенту РФ: «Это была и моя личная победа: ведь референдум замышлялся мною и моими коллегами из Комитета по законодательству Верховного Совета именно как инструмент преодоления тупиковых политических конфликтов, способ “расшивки” клинчей между ключевыми институтами власти».¹⁶

В общем как было спланировано Шахраем – референдум был, как нам кажется, скорее им лично воспринят как тактический плебисцитарный стерилизатор действия конституционных и легитимных институтов, как например институт Парламента, институт политических партий и институт политической оппозиции.

Третьим «специальным политико-правовым инструментом» Шахрай назвал Конституционный Суд. Как нам видится, в намерениях Шахрая он должен был играть свою роль после принятия Конституции. Основной закон в свою очередь,¹⁷ как некоторыми признавалось, оказался инструментом в политической борьбе Ельцина.

13 См.: С. М. ШАХРАЙ, *Неизвестная Конституция* (М., 2013), 55.

14 См.: С. М. ШАХРАЙ, *Неизвестная Конституция*, 55.

15 См.: С. М. ШАХРАЙ, *Неизвестная Конституция*, 53.

16 См.: С. М. ШАХРАЙ, *Неизвестная Конституция*, 112.

17 Шахрай участвовал в работе КС в качестве представителя Президента РФ и Правительства РФ. Тогда занимал должность заместителя Председателя Совета Министров

В контексте данной статьи фундаментальное значение, на наш взгляд, имеет следующий вопрос, который поставила в рамках дебатов по проекту Конституции в 1993 году Н. В. Бутусова: «Я позволю себе вначале задать такой риторический вопрос: что такое Конституция – цель или средство?».¹⁸

Можно констатировать, что уже в 1992 году руководителю Конституционной Комиссии (далее КК) О. Г. Румянцеву было понятно, что «борьба за власть будет обостряться и вопрос о новой Конституции может стать жертвой этой борьбы».¹⁹ Основная проблема, на наш взгляд, заключалась в том, что Ельцин, Шахрай и другие относились к Конституции как к средству, к некому инструменту для ведения политической борьбы, а не как к цели комплексного конституционного развития страны на долгую перспективу.²⁰

Представляется, что распад СССР и принятие Ельцинской Конституции постсоветской Россией представляли из себя два звена одной цепи – единого политического плана преобразований, сформулированного окружением Ельцина. Эта стратегия, реализованная Ельциным, была по-разному воспринята современниками. Например, один из непосредственных участников реформ Г. А. Бурбулис, так «элегантно» охарактеризовал ее: «Разрешение ценностного кризиса, поразившего страну, началось с Беловежского консенсуса в декабре 1991 года и было закреплено в логике движения к Конституционному консенсусу, отправной точкой которого послужило принятие ельцинской Конституции...».²¹

– Правительства РФ, Председателя Государственного Комитета РФ по делам федерации и национальностей. См.: *Конституционное совещание. Стенограммы, материалы, документы. 29 апреля — 10 ноября 1993 г.* Том 1., Под общей редакцией С. А. Филатова, В. С. Черномырдина, С. М. Шахрая, Ю. Ф. Ярова, А. А. Собчака, В. Ф. Шумейко (М., 1995), 80.

18 Н. В. Бутусова о Конституции: «...И не превращается ли она порой в средство политической борьбы?». См.: Из стенограмм парламентских слушаний по проекту новой Конституции РФ от 25 мая 1993 г. См.: *Из истории создания Конституции*, Том 2, 370.

19 См.: *Из истории создания Конституции Российской Федерации. Конституционная комиссия: стенограммы, материалы, документы (1990–1993 гг.): в 6 т. Том 3*, науч. ред. О. Г. Румянцева (М., 2008), 42.

20 Наоборот подобный подход был, например, у Т. Г. Морщаковой, которая постаралась убедить своих коллег, в том, что: «Конституцию не на завтрашний день пишем, а на более далекую перспективу». Заседание рабочей комиссии (25 октября 1993 года). См.: *Конституционное совещание. Стенограммы, материалы, документы. 29 апреля — 10 ноября 1993 г.* Том 19., Под общей редакцией С. А. Филатова, В. С. Черномырдина, С. М. Шахрая, Ю. Ф. Ярова, А. А. Собчака, В. Ф. Шумейко (М., 1996), 249.

21 См.: Г. А. Бурбулис, «Культура памяти как основа конституционного консенсуса,» в *Понимая 90-е*, 15.

Бурбулис «по политфилософски» описывает направление «гуманитарно-правового развития России»: «Фундамент и политфилософскую логику этого развития Борис Николаевич Ельцин заложил, обеспечив разработку и принятие в 1993 году Конституции Российской Федерации...».²² Если немного попытаться «декодифицировать» мысль Бурбулиса, то, за красиво поданными словами «гуманитарно-правовая стратегия» нами читается стратегия подавления любыми средствами оппозиционных сил Ельцину. А за «разрешением ценностного кризиса», как нами видится, скрывается продолжение политической борьбы вокруг принятия Конституции с целью окончательно консолидировать власть победителя. А. М. Оболенский неслучайно и обоснованно назвал новую Конституцию: «Конституция победившего Ельцинизма».²³

Значит в намерениях Шахрая, Бурбулиса и некоторых других влиятельных политиков окружения Ельцина в те времена, Конституция не цель, это не Основной закон, который должен был разрабатываться на долгую перспективу,²⁴ а скорее функционировал к реализации определенной стратегии, громкозвучавшего «гуманитарно-правового развития России» и тактического решения той сиюминутной политической борьбы.

За этим следовала естественно реализация этой Конституции, которая начинала действовать, особенно на первом этапе, в очень острой фазе политической борьбы. И здесь свою роль, как это виделось Шахраю, мог играть, конечно помимо самого института Президента РФ, и Конституционный Суд.

22 И далее интересно, что он много лет после принятия Конституции пытался придумать новую роль той тогда власть-имеющей элиты (окружение Ельцина): «И сегодня соратники Бориса Ельцина ведут активную социально-творческую деятельность, являются “прогрессорами” Новой России на самых различных направлениях...». См.: Г. А. Бурбулис, «Культура памяти как основа конституционного консенсуса, в *Понимая 90-е*, 15.

23 См.: *Из истории создания Конституции*, Том 3, 1100.

24 Шахрай тогда считал, что Конституция рассчитана на два-три года. По самопризнанию Б. С. Эбзеева: «Я хорошо помню наш разговор с Шахраем. Никогда еще о нем не рассказывал. Когда одно из моих предложений не прошло, Сергей Михайлович меня успокаивал: «Не переживай, эта Конституция рассчитана на два-три года...». См.: С. М. Шахрай, «Урок Конституции для школы (От одного из авторов Основного закона)», *Конституционный Вестник* 21, no. 3 (2013), 72.

ИНСТИТУТ ТОЛКОВАНИЯ КОНСТИТУЦИИ В ДЕБАТАХ В КОНСТИТУЦИОННОЙ КОМИССИИ И НА КОНСТИТУЦИОННОМ СОВЕЩАНИИ

В контексте президентского КС у некоторых влиятельных лиц реально взяли верх немного другие «тактические» намерения вокруг института толкования Конституции. И мы попытаемся как бы «рассекретить» истинные намерения некоторых участников президентского КС, создателей конституционных норм о толковании Конституции Конституционным Судом. Всемогущий Руководитель Администрации Президента, председатель «всерешающей» рабочей комиссии КС, С. А. Филатов в определенный момент работы КС окончательно убедился в том, что право толкования Конституции Конституционным Судом все-таки может вообще в нужный, особо сложный момент пригодится планам его политической группировки. Посмотрим более детально конкретные тогдашние дебаты на КС: Е. М. Ларионов (заместитель Председателя Верховного Совета Республики Саха) обратил внимание всех на следующую возможную ситуацию: «Сергей Александрович, если “без толкования” тогда получится, что Государственная Дума каждый раз будет менять статьи Конституции каждый месяц. А если Конституционный Суд дает толкование, то все, она – без изменения, все руководствуются толкованием Конституционного Суда».²⁵ Ларионов, получается, дал Филатову выход из сложного положения, вдохновил его как превентивно избежать на будущее возможное вмешательство в такие дела со стороны парламентариев.

Филатов одноmomentно убедился: «То есть обойтись без Государственной Думы? Все, договорились. Убедительно». По мнению, Филатова дальше продолжать дискуссию бесполезно!

Для сомневающихся Филатов добавил: «У нас Государственная Дума, в принципе, может быть и красная, и зеленая, и синяя и белая и какая угодно. В этом плане опасно давать статьи о толковании».²⁶ Но захотел Филатов еще прокомментировать в этой связи возможные риски: «Мне так кажется. Если пойдет толкование в Государственной

25 Заседание рабочей комиссии. (25 октября 1993 года), См.: *Конституционное Сопе- щание*, Том 19, 284.

26 Заседание рабочей комиссии... (25 октября 1993 года) См.: *Конституционное Сопе- щание*, Том 19, 284.

Думе, то мы с вами уже имеем примеры, когда на “ровном месте” дают такое толкование, от которого просто не знаешь куда бежать...».²⁷

На КС, в разных группах были и те, кто выступал за предоставление Парламенту возможности толковать Конституцию²⁸ и те, кто считал, что можно обходиться без толкования²⁹.

КС³⁰ не поддержало этого предложения. Данное конституционное положение о толковании Конституции не во всех группах КС успешно проходило соответствующее голосование и это, может быть, показывает, как в общем не было на КС абсолютной уверенности в том, что обязательно необходимо такую норму установить в Конституции, либо установить вообще.

Но в решающий момент Филатов, председатель рабочей комиссии КС решил раз и на всегда! На одном из заседаний КС Т. Г. Морщакова заметила следующее: «Мы как-то принимали решение и включили в компетенцию Конституционного Суда: “Дает толкование Конституции”. Это исчезло? Куда исчезло, непонятно?! Если есть основания для этого, давайте найдем основания...!»! Председательствующий С. А. Филатов обратился к руководителю оперативной группы А. Я. Сливе: «Анатолий Яковлевич, пожалуйста, восстановите “толкование

27 Заседание рабочей комиссии... (25 октября 1993 года). См. *Конституционное Сопровождение*, том 19, 284.

28 Ю. С. Сергеев, (Председатель подкомитета Комитета Верховного Совета РФ по вопросам экологии и рационального использования природных ресурсов: «... толковать Конституцию должен тот, кто имеет право ее принимать, тот, кто ее примет, то есть Федеральное Собрание». Тогда еще у немногих преобладала мысль, уверенность, иллюзия в том, что Конституцию все таки не примет новосозданный президентский совещательный орган, то есть КС. См.: *Конституционное совещание. Стенограммы, материалы, документы. 29 апреля — 10 ноября 1993 г.* Том 11., Под общей редакцией С. А. Филатова, В. С. Черномырдина, С. М. Шахрая, Ю. Ф. Ярова, А. А. Собчака, В. Ф. Шумейко (М., 1996), 14.

29 Е. А. Данилов: «А не надо никому толковать. Нужно применять, интерпретировать в процессе применения. Я хочу сказать, что толковать закон – значит, показать в каком направлении он должен применяться. Последнее слово будет не у законодателей, а у Конституционного Суда». Заседание рабочей комиссии... (25 октября 1993 года). См.: *Конституционное Сопровождение*, Том 19, 286.

30 Действительно в этой группе (23июня 1993) сам Шахрай, (председательствующий на заседании) поставил на голосование поправку относительно полномочий Конституционного Суда: «дает общеобязательное толкование Конституции Российской Федерации» и поправка не прошла! См.: *Конституционное совещание. Стенограммы, материалы, документы. 29 апреля — 10 ноября 1993 г.* Том 13., Под общей редакцией С. А. Филатова, В. С. Черномырдина, С. М. Шахрая, Ю. Ф. Ярова, А. А. Собчака, В. Ф. Шумейко (М., 1996), 408.

Конституции”.³¹ На КС в группах дебатировали и иногда голосовали, а в рабочей комиссии, в которой участвовали постоянно Филатов (Руководитель), Шахрай, Митюков, Котенков, Слива и другие принимали решение. Если Руководитель Администрации Президента РФ, Председатель рабочей комиссии КС совершенно уверенно попросил, то какие проблемы, Восстановлено!

Вот настоящая картина, каким образом и по каким причинам на КС за Конституционным судом было установлено право толкования Конституции.

РЕАЛЬНАЯ ПРАКТИКА ТОЛКОВАНИЯ КОНСТИТУЦИИ

Переходим теперь от анализа возможной мотивации разработки на КС конституционной нормы о толковании Конституции к анализу ее практической реализации.

Шахрай стал в четко определенный момент политической жизни страны систематически давать указание: «... всем политическим силам, как непосредственно участвующим в отправлении государственной власти, так и оппозиции, было бы полезно принять решение о своего рода “моратории” на изменение действующей Конституции Российской Федерации».³²

Его тактический выход из положения был следующий: «назревшие проблемы можно и нужно решать путем принятия федеральных конституционных законов, а также с помощью решений Конституцион-

31 Заседание рабочей комиссии (3 июля 1993 года). См.: *Конституционное совещание. Стенограммы, материалы, документы. 29 апреля — 10 ноября 1993 г.* Том 16., Под общей редакцией С. А. Филатова, В. С. Черномырдина, С. М. Шахрая, Ю. Ф. Ярова, А. А. Собчака, В. Ф. Шумейко (М., 1996), 178.

32 Не исключено, что Шахрай не за «моратории» на изменение действующей Конституции Российской Федерации» всегда и в любом случае, а просто этот мораторий для него в очень конкретной фазе политической жизни страны стал функциональным его политическим планом, то есть превратился в возможный очередной конъюнктурный «политико-правовой инструмент», который мог в нужный момент ситуативно пригодиться. Этому – подтверждение – позиция Шахрая на КС в 1993 году. Он тогда на КС совсем не поддержал предложенный другими авторами Конституции мораторий (сроки 25 и 36 лет) на изменение Конституции: Шахрай: «Кто за то, чтобы отклонить поправку, изложенную, вот, в таблице номер 2, – поправку Царева и Горячко? Кто за то, чтобы отклонить? Разобьем их на части. Кто за то, чтобы отклонить сроки 25 и 36 лет для включения в Конституцию? По-моему, это очевидно. Это мы отклоняем». См.: *Конституционное Совещание*, Том 1, 155.

ного Суда РФ, имеющего права толковать Конституцию, т. е. давать юридически обязательные разъяснения тех или иных положений Основного закона страны».³³

Шахрай постарался за эти годы обеспечить долгое существование своей Конституции, поэтому в этой политической игре ему понадобился Конституционный Суд: «И чем сильнее институт Конституционного Суда, тем дольше, на мой взгляд, может жить Конституция».³⁴

В связи с чем возникает вопрос: хотел ли Шахрай допустить или не допустить толкование Конституции? Точно только одно, Шахрай постепенно пришел к пониманию возможной тактической выгоды для его политических планов. Он стал видеть некую стратегическую важность толкований не сразу, а с опозданием! Как это все объясняется? Как известно, в первой фазе после принятия Конституции, определенные политические силы, поддерживающие политический курс Ельцина, составили развернутый план ограничения полномочий Парламента, точнее – всех представленных в нем оппозиционных сил, любыми способами, возможными и невозможными лишить противную сторону принятия поправок в Конституцию. Для этой цели и понадобился Конституционный Суд как институт толкования Конституции.

Таким образом, по сути конституционные толкователи (имеется в виду члены Конституционного Суда) без преувеличения стали систематически подменять конституционных законодателей, то есть тех, кто вправе принимать федеральные законы о поправке в Конституцию!

Если основываться на принципах конституционной законности (и другое не дано!), то члены Конституционного Суда посредством толкования не могут переделать вообще легитимные мысли законных авторов Конституции. Мы рассуждаем в основном всегда теоретически и всегда естественно исходим из презумпции легитимности порядка принятия Конституции 1993 года.³⁵

33 См. например: С. М. Шахрай, «Урок Конституции для школы...», 60.

34 См.: С. М. Шахрай, «Урок Конституции для школы...», 60., 83.

35 В этом отношении поднимались в свое время вопросы легитимности порядка принятия Конституции 1993 года, на это обратили внимание даже сами авторы Конституции, например Н. В. Витрук: «Конституция РФ одобрена всенародным голосованием, принята обществом, с избранием органов государственной и муниципальной власти проблема ее легитимности практически снята». См.: Н. В. Витрук, *Право, демократия и личность в конституционном измерении* (М., 2012), 291. Возможная тема легитимности процедур разработки и принятия Конституции в 1993 году – не тема данной статьи и уже давно для нас в том числе принадлежит истории конституционной истории России, тем более что принята еще и конституционная реформа 2020. См.: Н. В. Витрук, *Право, демократия и личность в конституционном измерении*, 291.

В. В. Полянский обоснованно констатирует и всем напоминает: «У народа, принимавшего Конституцию на референдуме, и Федеральное Собрание, Президента, Конституционного Суда Российской Федерации совершенно разный мандат на конституционное правотворчество...».³⁶ И более конкретно о Конституционном Суде добавляет: «Конституционный Суд РФ вообще народом не выбирается, право изменения Конституции Суду народ не предоставил (таких положений в Федеральном конституционном законе «О Конституционном Суде Российской Федерации» нет».³⁷

С другой стороны, Шахрай неустанно повторял: «... прежде чем менять базовый текст Основного закона, необходимо провести инвентаризацию всех иных нормативных актов и инструментов реализации конституционных положений. Опыт показывает, что в 99,9% случаев окажется достаточным принять федеральный конституционный закон, либо обратиться к Конституционному Суду Российской Федерации за официальным толкованием норм Конституции». И немислимым образом раскрывает его чисто политическую, тактическую цель: «Таким образом, политическим элитам крайне важно научиться использовать существующие креативные возможности действующей Конституции Российской Федерации для закрепления результатов актуального политического творчества, не занимаясь “редактированием”, а по существу – ревизией Основного закона».³⁸ Иначе говоря: политическим элитам крайне важно научиться использовать существующие креативные возможности действующей Конституции Российской Федерации для закрепления результатов определенного политического курса!

Возможно, что Конституционный Суд действительно креативным, разносторонним и диверсифицированным образом был использован для решения очень конкретных проблем политической борьбы. К примеру, А. Медушевский признает: «Именно с этим связано не только принятие механизма внесения поправок, но и разъяснение его применения Конституционным Судом РФ, которые не позволили оппозиции, доминировавшей тогда в Государственной Думе, изменить Конституцию».³⁹

36 См.: Конституция и законодательство (М., 2004), 244.

37 См.: Конституция и законодательство (М., 2004), 246.

38 См.: С. М. ШАХРАЙ, *О Конституции*, 412.

39 См.: А. Медушевский. «Конституция России: пределы гибкости и возможные интерпретации в будущем», *Сравнительное конституционное обозрение* 63, no. 2 (2008): 15.

Неслучайно Шахрай, подводя итог деятельности Конституционного Суда по толкованию Конституции, поздравил судей с удачным выполнением поставленной перед ним задачи: «Необходимо отдать должное Конституционному Суду Российской Федерации, который в сложнейших условиях отсутствия общественного согласия, при наличии мощной политической оппозиции внутри Федерального Собрания Российской Федерации взял на себя миссию не только разъяснять смысл установлений Конституции, но и последовательно демонстрировал всем ветвям власти пути нахождения эффективного баланса между равновеликими конституционными ценностями, которые определяют контуры новой общественно-политической реальности и “коридор” законотворческих возможностей».⁴⁰

В действительности Шахрай выразил удовлетворение тем что Конституционный Суд не ограничился ролью гаранта, органа *super partes*, что единственно ему положено, а сам как бы уполномочил себя играть некую более активную роль в политическом плане. Он фактически дает общие направления в законотворческой сфере (прерогатива в первую очередь законотворческого органа, то есть Парламента, где, по замечаниям самого Шахрая, действует мощная политическая оппозиция) и, в результате, вмешиваться в чисто политическую динамику взаимоотношений между двумя политическими силами, имеющими одинаковую легитимацию: властью и оппозицией. То есть за фасадом разъяснений смысла установлений Конституции, скрывается нечто больше чем защита Основного закона.

И более того Шахрай не скрывает, а наоборот прямо выражает удовлетворение от проделанной работы Конституционного Суда: «Конституционный Суд не только сформулировал основные принципы и параметры взаимоотношений различных институтов государства, но и постоянно разъяснял обществу и политическим субъектам основы нового конституционного устройства России. Таким образом, институт судебного конституционного контроля в России с момента своего создания принимал непосредственное участие в выполнении сложной миссии претворения в жизнь новой Конституции страны, “переформатирования” общественно-политической реальности в соответствии с конституционными идеями и принципами».⁴¹ Только «переформатирования» политической реальности не хватало!

40 См.: С. М. ШАХРАЙ, *О Конституции*, 290.

41 См.: С. М. ШАХРАЙ, «*Признать соответствующим Конституции...*», 38.

Конституционный Суд должен выполнять, по мнению Шахрая, политическую цель – «переформатировать политическую реальность России (правда в Конституции, в ст. 125 это не написано, но это не имеет особого значения!). Напрашивается вопрос: какие реально у Конституционного Суда политические функции?

Толкование Конституции Конституционным Судом кому-то видится как выяснение не раскрытого до конца конституционного положения. Но не только, толкование Конституции может оказаться очень существенным инструментом конституционной политики, политики, касающейся государственных органов предусмотренных в Конституции. В этой конституционной политической игре играют все, то есть и те государственные органы, которые обращаются в Конституционный Суд с соответствующим запросом о толковании Конституции и сам Конституционный Суд. Конституционалист Е. А. Лукьянова, может быть в какой-то мере провокационно, но все-таки стала занимать другую позицию: «Из 12 толкований Конституции РФ 9 абсолютно меняют смысл конституционной нормы!».⁴²

Не менее важно и существенно то, что практика преобразования Конституции получила очень конкретное определенное направление. Пришлось даже самому Шахраю признать фактические результаты работы Конституционного Суда: «Он де-юре легализовал т. н. концепцию “скрытых полномочий” Президента. ... С тех пор концепция скрытых полномочий главы государства стала составной частью нашей Конституции».⁴³

По некоторым оценкам практика в сфере права толкования Конституции Конституционным Судом реализовалась не без проблем. На наш взгляд, абсолютно прав В. И. Васильев, когда утверждает, что: «Нельзя насилловать норму Конституции, коль скоро она не поддается “нужному” пониманию. Черное не может быть белым, даже если это очень хочется ... Вложить в конституционную норму другое содержание, чем то, которое она в себе несет, можно только одним легитимным путем – изменением текста этой нормы. Иной путь – не правовой».⁴⁴

42 Конференция памяти Ф. М. Рудинского // М.: РАП, 15.04.2010. См.: В книге: Н. А. Боброва, *Конституция в зеркале ученых и политиков* (Санкт-Петербург, 2016), 129.

43 Об этом см.: Н. А. Боброва, *Новейшая хрестоматия конституционалистов* (Самара, 2016), 221.

44 См.: В. И. Васильев, «О динамике и стабильности Конституции», в *Конституция и законодательство* (М., 2003), 92.

Здесь стоит вспомнить комментарий Е. А. Данилова на КС в 1993 году: «А давать возможность принимать отдельные толковательные постановления Конституционному Суду – ну, так это дать ему возможность вообще писать Конституцию».⁴⁵

Нам кажется, что Н. М. Колосова совершенно справедливо представляет суть толкования Конституции, какой она должна быть на самом деле: «Концепция охраны и защиты Конституции должна включать следующие составляющие: а) стабильность Конституции; б) толкование Конституции ...».⁴⁶ То есть толкование Конституции представляется не как инструмент преобразования Конституции и возможно даже замены мыслей авторов Основного Закона, а как одна из основных составляющих концепции охраны и защиты Основного Закона.

Не исключено, что институт толкования Конституции будет в какой-то, большей или меньшей степени, востребован. Тогда на Конституционный Суд будет в этой новой фазе, после конституционной реформы 2020 г., возложена полноценная ответственность, так как институту толкования Конституции придется тогда играть свою ценную и по возможности положительную и конструктивную роль. В этом случае значение и соответствующий потенциал толкуемой конкретной нормы был бы более результативно и адекватно использован.

Толкователь должен прежде всего разобраться в вопросе: что конкретно имели в виду авторы конституционных положений, что может действительно пониматься по-разному правоприменителями. Толковать Конституцию надо тогда так: судя по тексту, а не по контексту. И тогда толкование Конституции будет объективным, верным, последовательным, закономерным и толковым.

Помимо этого, мы ставили в нашей статье цель дать хотя бы предварительный ответ интригующему вопросу: «кто есть кто» в конституционных реформах начала 90-х годов XX в. в России. Трудно понять повороты мыслей Шахрая, потому что он нередко тактически и иногда даже результативно блефовал. Как видно из проведенного исследования, Шахрай занимал в это время отнюдь не безучастную пассивную позицию. Он активно и зачастую решающе влиял на создание и реа-

45 См.: Заседание рабочей комиссии (25 октября 1993 года). *Конституционное Сопределение*, Том 19, 285.

46 См.: Н. М. Колосова, «Охрана и защита Конституции», в *Конституционное законодательство России* (М., 1999), 382.

лизацию политического курса Ельцина абсолютно на всех этапах ее формирования и реализации.

Итак мы постарались подойти к анализу некоторых нормативно-правовых актов, разработанных самим Шахраем, стараясь уловить реальный смысл, вложенный в нее автором, который как бы прячется за юридическим языком правовой нормы. Некоторые его позиции могут показаться кому-то немного парадоксальными, но, как мы видели, и как он сам часто констатирует: «как ни парадоксально, но...» и как он любит повторять: «*Вся наша жизнь из противоречий*».⁴⁷

Сам Шахрай некоторые свои статьи заканчивает следующим образом: «*Возможные вопросы к учащимся*». Мы решили учащимся посоветовать задать те же самые «возможные контрвопросы к учителю», которые мы подняли в данной статье и которые требуют предельной ясности.

References

- N. A. BORBOVA, *Konstitutsiia v zerkale uchenykh i politikov* [The Constitution in the Mirror of Scholars and Politicians] (Saint Petersburg, 2016), 129.
- N. A. BORBOVA, *Noveishaia khrestomatiia konstitutsionalistov* [The Latest Anthology of Constitutionalists] (Samara, 2016), 221.
- G. A. BURBULIS, "Kul'tura pamiati kak osnova konstitutsionnogo konsensusa" [Culture of Memory as a Basis for Constitutional Consensus], *v Ponimaia 90-e*, nauch. red. ALEKSANDR EVLAKHOV (M., 2013), 15.
- S. A. FILATOV, "Osnovnoi Zakon i predstavitel'naia vlast'" [Basic Law and Representative Power], *v Ponimaia 90-e*, nauch. red. ALEKSANDR EVLAKHOV (M., 2013), 25.
- S. A. FILATOV, *Po obe storony...* [On Both Sides...] (M., 2006), 7.
- Iz istorii sozdaniia Konstitutsii Rossiiskoi Federatsii. Konstitutsionnaia komissii: stenogrammy, materialy, dokumenty (1990-1993 gg.): v 6 t.* [From the History of the Creation of the Constitution of the Russian Federation. Constitutional Commission: Transcripts, Materials, Documents (1990-1993): in 6 volumes.], nauch. red. O. G. RUMIANTSEV (M., 2008), Vol. 2: 194., 370, Vol. 3: 42., 1100.

47 См.: (извлечение из стенограммы заседания Конституционного Суда Российской Федерации 4 марта 1997 года). Дело о проверке конституционности указа Президента Российской Федерации от 2 марта 1996 года N. 315 «О порядке переноса срока выборов в законодательные (представительные) органы государственной власти субъектов Российской Федерации», закона Пермской области от 21 февраля 1996 года «О проведении выборов депутатов Законодательного Собрания Пермской области» и части 2 статьи 5 Закона Вологодской области от 17 октября 1995 года «О порядке ротации состава депутатов Законодательного Собрания Вологодской области» (в редакции от 9 ноября 1995 года). См.: С. М. ШАХРАЙ, *Признать соответствующим Конституции*, 885.

- N. M. KOLOSOVA, "Okhrana i zashchita Konstitutsii" [The Protection and Defense of the Constitution], v *Konstitutsionnoe zakonodatel'stvo Rossii* (M., 1999), 382.
- Konstitutsionnoe soveshchanie. Stenogrammy, materialy, dokumenty. 29 apreliya – 10 noiabria 1993 g.* [Constitutional Meeting: Transcripts, Materials, Documents. April 29 – November 10, 1993], pod obshchei redaktsiei S. A. FILATOVA, V. S. CHERNOMYRDINA, S. M. SHAKRAIA, I. F. IAROVA, A. A. SOBCHAKA, V. F. SHUMEIKO (M., 1995), Tom 1: 80., 155., Tom 11 (1996): 14., Tom 13 (1996): 408., Tom 16 (1996): 178., Tom 19 (1996): 249., 284., 285-286.
- A. MEDUSHEVSKII, "Konstitutsiia Rossii: predely gibkosti i vozmozhnye interpretatsii v budushchem" [The Russian Constitution: Limits of Flexibility and Possible Future Interpretations], *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie* 63, no. 2 (2008): 15.
- O. G. RUMIANTSEV, *Konstitutsiia devianosto tret'ego. Istoriia iavleniia* [Constitution of the Ninety-Third: The History of the Phenomenon] (M., 2013), 73.
- S. M. SHAKHRAI, *Neizvestnaia Konstitutsiia* [The Unknown Constitution] (M., 2013), 53, 55, 74, 112.
- S. M. SHAKHRAI, *O Konstitutsii: Osnovnoi zakon kak instrument pravovykh i sotsial'no-politicheskikh preobrazovaniĭ* [On the Constitution: The Basic Law as an Instrument of Legal and Sociopolitical Changes] (M., 2013), 32., 290., 412.
- S. M. SHAKHRAI, *Priznat' sootvetstvuiushchim Konstitutsii...* [Recognize as Consistent with the Constitution...] (M., 2011), 38., 367.
- S. M. SHAKHRAI, "Urok Konstitutsii dlia shkoly (Ot odnogo iz avtorov Osnovnogo zakona)" [A Constitution Lesson for Schools (From One of the Authors of the Basic Law)], *Konstitutsionnyi Vestnik* 21, no. 3 (2013): 60., 72., 83.
- Stenograficheskie Otchety: v 3 t. Tom 2* [Verbatim Records: in 3 vols. Vol. II.] (M.: Respublika, 1992), 286-290.
- V. I. VASIL'EV, "O dinamike i stabil'nosti Konstitutsii" [On the Dynamics and Stability of the Constitution], v *Konstitutsiia i zakonodatel'stvo* (M., 2003), 92.
- N. V. VITRUK, *Pravo, demokratiia i lichnost' v konstitutsionnom izmerenii* [Law, Democracy and Personality in the Constitutional Dimension] (M., 2012), 291.

The journal is published with the support of the Eötvös Loránd University
Faculty of Humanities

A folyóirat az Eötvös Loránd Tudományegyetem Bölcsészettudományi Karának
támogatásával jelenik meg

ANDREI N. MEDUSHEVSKY

THE SOVIET PROJECT OF SOCIAL
CONSTRUCTIVISM: A RETHINKING OF
HISTORICAL EXPERIENCE

TAMÁS KRAUSZ

THE BASIC FEATURES OF SYSTEM
CHANGE AS THE REDISTRIBUTION
OF OWNERSHIP

VALENTINA B. ZHIROMSKAYA

THE MIGRATION CRISIS OF THE
LATE 20TH — EARLY 21ST CENTURY:
THE DEMOGRAPHIC ASPECT

IRINA V. SABENNIKOVA

DIASPORAS OF RUSSIAN
EMIGRATION: TYPOLOGY
AND LEGAL STATUS

IGOR B. ORLOV

THE SUCCESSES AND FAILURES
OF SOVIET INTERNATIONAL YOUTH
POLICY (1957–1985)

ANASTASIIA S. TUMANOVA

VOLUNTARY ASSOCIATIONS
IN IMPERIAL RUSSIA AND
THE FORMATION OF THE PUBLIC
SPHERE IN WESTERN EUROPE

RICARDA VULPIUS

THE RUSSIAN EMPIRE'S
EIGHTEENTH CENTURY IN RECENT
HISTORIOGRAPHY OF THE GERMAN-
SPEAKING COUNTRIES (2000–2022)

YANHONG JIANG,

ZONGHUA ZHANG, NI WEN

RUSSIAN NOBLE EMIGRANTS
IN THE NORTH-WEST OF CHINA
(XINJIANG SAR AND GANSU
PROVINCE) AFTER THE OCTOBER
REVOLUTION

KATALIN SCHREK

A NEW APPROACH TO UKRAINIAN
HISTORY (REVIEW)

LÁSZLÓ GYÖRGY

THE IDEAS OF THE RULING CLASS
(REVIEW)

ANNA LÚCIA NAGY

SPONTANEOUS IMMIGRATION
OR GOVERNMENT-DIRECTED
SETTLEMENT?

IVAN MARINO

THE “SHAKHRAI” CONSTITUTION OF
1993: FEATURES OF IMPLEMENTATION
AND INTERPRETATION

